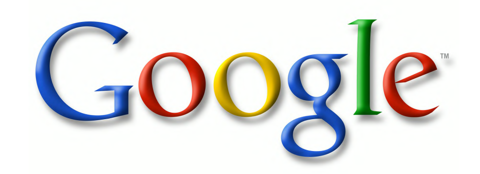

А. Вербицкая

ИСТОРІЯ ОДНОИ ЖИЗНИ

190

А. Вербицкая.

Исторія одной жизни.

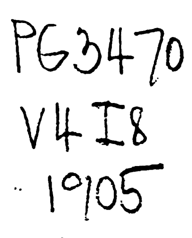
ПОВѢСТЬ

въ двухъ частяхъ.

Изданіе второе, исправленное.

ШЕСТАЯ ТЫСЯЧА.

1905 г.

Дозволено цензурою. Москва, 15 сентября 1904 года.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1905.

Часть первая.

I.

Въ ясный и тихій октябрьскій вечеръ 187* года по линіи бульваровъ въ Москвѣ медленно гуляла праздная публика. Кое-гдѣ загорались фонари. Деревья стояли недвижно, уже раздѣтыя донага недавними бурями. По скованной первыми заморозками землѣ уныло валялись бурые листья. Снѣгъ надняхъ выпалъ и исчезъ, но въ воздухѣ чуялась близость холодовъ.

По Чистымъ Прудамъ шла высокая, стройная дѣвушка. Она была одѣта со вкусомъ. Фланеры провожали ее долгими взглядами, въ которыхъ зажигалось жадное любопытство. Нѣкоторые даже останавливались и, напѣвая, глядѣли ей вслѣдъ. Но никто не рискнулъ преслѣдовать эту дѣвушку. На всей ея красивой фигурѣ лежалъ неуловимый, но несомнѣнный отпечатокъ порядочности.

Недалеко отъ катка молодая дѣвушка перешла тротуаръ и остановилась подъ воротами огромнаго дома. На стѣнѣ бѣлѣла дощечка: „Докторъ Семенова. Принимаетъ ежедневно отъ часу. № 23-й".

Изъ-подъ арки воротъ громадный дворъ чернѣлъ, какъ раскрытая пасть гигантскаго звѣря. Со всѣхъ сторонъ высились стѣны флигелей и сосѣднихъ строеній, сѣрыя и какъ бы плачущія отъ сырости. Въ рѣдкихъ окнахъ виднѣлись огни. Остальныя чернѣли, какъ впадины въ черепѣ. Въ углу слабо мерцалъ фонарь, но свѣта его не хватало на обширную площадь двора. Было грязно, и откуда-то въ тихомъ воздухѣ подымались зловонныя испаренія.

Молодая дѣвушка остановилась посреди двора и оглянулась въ недоумѣніи. Мрачно, глухо, ни души кругомъ. Но издали весело глядѣли освѣщенныя окна какой-то квартирки Они были вровень съ землей и не занавѣшаны. „Можетъ здѣсь?

Она подошла къ флигелю и увидала на двери, на черной дощечкѣ, надпись изъ бѣлыхъ буквъ: *Докторъ Семенова.*

„Что же это?.. Почти подвалъ?..“ Она дернула звонокъ.

Отперла старушка, грязная, въ шерстяныхъ чулкахъ, безъ обуви, съ сѣдыми космами, которыя лѣзли ей на глаза изъ-подъ платка. Совсѣмъ колдунья изъ сказки.

— Тутотка ступени,—сказала она и очень кстати. Но раздѣвать гостью она не стала, не сняла съ нея ни калошъ, ни пальто. А просто заперла входную дверь и скрылась на кухню, откуда несся чадъ непрогорѣвшихъ угольевъ.

Гостья спустилась ступенекъ на пять и стала раздѣваться въ крохотной передней.

— Кто тамъ?—раздался низкій, грубоватый женскій голосъ.—Ѳекла, подите сюда! Ахъ, Боже мой! Сколько разъ я говорила, докладывайте...

Дверь, изъ-подъ которой въ темную переднюю падала узкая полоска свѣта, распахнулась. На порогѣ стояла невысокая, полная женщина, лѣтъ подъ тридцать, въ ситцевой блузѣ, съ папиросой въ зубахъ.

— Вы—докторъ Семенова?—спросила гостья, подымая вуалетку.

Щеки Семеновой вспыхнули.

— Ольга Юрьевна Девичъ, если не ошибаюсь?

— Да...

— Какая неожиданность! Пожалуйста, войдите, милости просимъ!

— Почему же неожиданность?

— Садитесь, пожалуйста, вотъ сюда!

Онѣ вошли въ гостиную и сѣли за столъ, у дивана.

— Я была увѣрена, что вы у Райской нынче. Братъ говорилъ, что ѣдетъ туда и что нынче васъ тамъ встрѣтитъ. Вѣдь у васъ къ нему дѣло?

Ольга взглянула хозяйкѣ прямо въ глаза. — Я пришла именно для васъ.

— Вотъ какъ! — Семенова нервно усмѣхнулась. — Стало быть, наши желанія встрѣтились.

Она жадно разглядывала гостью.

Ольга Девичъ была высока и очень стройна. Масса темно-каштановыхъ волосъ, скрѣпленныхъ жгутомъ на затылкѣ, оттягивала назадъ своею тяжестью голову дѣвушки, и это придавало ей горделивый, почти надменный видъ. Очень блѣдное

и очень красивое лицо ея было правильно, какъ у статуи. На этомъ блѣдномъ лицѣ странно выдѣлялись ярко-алыя, суровыя губы. Изъ-подъ черныхъ, смѣло-очерченныхъ бровей темно-сѣрые глаза глядѣли вдумчиво, почти мрачно. Для физіономиста это оригинальное лицо показалось бы полнымъ интереса и помимо его красоты: страстная, глубокая и упорная натура сказывалась въ характерныхъ линіяхъ губъ и подбородка. Еле замѣтная, но не исчезавшая морщинка между бровей говорила о чемъ-то пережитомъ уже и выстраданномъ. Казалось, въ прошломъ этой дѣвушки были мрачныя страницы, и тѣнь этого прошлаго упала на ея душу и на ея черты, согнавъ съ нихъ всѣ краски и блескъ. Словомъ, это было одно изъ тѣхъ рѣдкихъ лицъ, которое отмѣтишь въ цѣлой толпѣ, которое запомнишь поневолѣ.

„И вправду хороша",—подумала Семенова.

— Хотите чаю?—предложила она.

— Да, выпью съ удовольствіемъ.

Хозяйка вышла. Гостья оглядѣлась. Гостиная, носившая названіе и кабинета, и пріемной, была небольшой комнатой въ два окна, съ низкимъ, потемнѣвшимъ потолкомъ, съ грязноватыми обоями, отъ сырости отставшими по угламъ и на наружной стѣнѣ. Открывъ окно, можно было положить руку на камни мощенаго двора. Незатѣйливая обстановка, неуклюжій и грязноватый письменный столъ, весь словно покрытый саломъ, мебель, обитая дешевой пенькой,—все это было куплено, какъ видно, подъ Сухаревой. Единственной порядочной вещью здѣсь была кушетка, старинная, покрытая какой-то выцвѣтшей шерстяной матеріей и совсѣмъ не рыночная. Среди всей этой дешевки и разнокалиберщины кушетка выглядѣла барыней, которая видала лучшіе дни и подъ старость попала въ дурное общество. Двѣ двери вели въ крошечныя—не комнаты, а каморки въ одно окно. На всемъ лежала печать бѣдности и неряшливости. Пахло баней. Черезъ тонкую стѣнку слышно было, какъ въ кухнѣ Семенова говорила что-то о хлѣбѣ и лимонѣ. Старуха ворчала, гремя самоварной трубой. Звенѣли мѣдныя деньги.

Семенова вернулась, сѣла въ кресло и прибавила въ лампѣ свѣту.

Она была контрастомъ съ Девичъ. Низенькая, полная, съ яркимъ румянцемъ на широкомъ русскомъ лицѣ, она такъ и дышала здоровьемъ и физической силой. При улыбкѣ, от-

крывавшей крѣпкіе, бѣлые зубы, лицо ея дѣлалось очень пріятнымъ. Каріе глаза глядѣли холодно и сухо.

— Вотъ видите, какъ я устроилась, — самодовольно начала Семенова.—Здѣсь мой пріемный кабинетъ и кушетка, какъ водится. Тамъ спальня. А это комната брата. Все это удовольствіе стоитъ мнѣ двадцать три рубля. Братъ выплачиваетъ мнѣ десять за комнату.

— И вы довольны?—сдержанно освѣдомилась Ольга.

Семенова откинулась на спинку кресла и нѣсколько разъ пыхнула папиросой, прежд• чѣмъ отвѣтить.

— Какъ вамъ сказать? И да, и нѣтъ... Мнѣ важно, что мѣсто сравнительно бойкое. Но, конечно, есть и неудобства. Возьмите хотя-бъ то, что встаешь при восьми—шести градусахъ, и какъ ни топи, до двѣнадцати не нагонишь.

— Но здѣсь сыро. Вы рискуете потерять здоровье!

— Пустяки какіе! Гдѣ сырости не бываетъ? Здѣсь приступу къ квартирамъ нѣтъ. Не то, что у васъ въ глуши, на Нѣмецкой.—Она засмѣялась короткимъ, дѣланнымъ смѣхомъ.— Да знаете ли вы, что мнѣ многія изъ нашихъ завидуютъ? У меня все-таки есть свой кабинетъ, обстановка. Одна кушетка чего стоитъ?—съ замѣтной гордостью добавила она, оглядываясь на старинную мебель въ углу.—А у другихъ даже вывѣски нѣтъ. Живутъ буквально въ подвалахъ. И ходъ черезъ прачечную. И принять-то паціента негдѣ, если-бъ онъ даже и навернулся. Согласитесь, вѣдь совѣстно?

— Въ подвалахъ?—тихо повторила Ольга. Она отдѣлилась отъ спинки и задумалась, глядя въ темныя окна.

— Знаете ли, вѣдь вы очень интересный человѣкъ, Ольга Юрьевна! Я тоже давно хотѣла съ вами познакомиться. На одной публичной лекціи Арбековъ указалъ на васъ. Вы были въ черномъ бархатномъ платьѣ и въ особенной какой-то шляпѣ, съ большими полями... Вы Арбекова знаете?

— Не имѣю удовольствія. — Тонъ Девичъ былъ вѣжливъ, но холоденъ.

— Да и не только я, а многіе вами заинтересованы. Вамъ это пріятно, конечно?

— Увѣряю васъ, мнѣ это безразлично.

— О-о! Не притворяйтесь! Всякому лестно быть на виду. О вашемъ послѣднемъ пожертвованіи говорили недавно у Райской, сумма крупная!

Блѣдныя щеки Девичъ вспыхнули.

— Какъ это странно! Я не желала огласки.

— Мало ли чего бы вы не желали!—рѣзко подхватила Семенова и сильно затянулась папиросой.—Въ нашемъ кругу это не секретъ. Вѣдь слухомъ земля полнится. Только не слишкомъ ли вы щедры, Ольга Юрьевна? Это даже безнравственно.

— Съ какой точки зрѣнія?—усмѣхнулась Девичъ, и лицо ея тоже стало холоднымъ и непріятнымъ.

— Вотъ, можетъ-быть, въ этой именно щедрости вся ваша сила и заслуга?—не удержалась Семенова, и ноздри ея раздулись.

— Вы отвѣтили на мой вопросъ чисто по-женски,—замѣтила Ольга Девичъ.

Семенова вдругъ спохватилась, что она—хозяйка и должна быть любезной.

— Вотъ мой братъ, напримѣръ... Для него женщины не существуютъ. За нимъ всѣ бѣгаютъ, сходятъ съ ума, а онъ хоть бы что! Живетъ монахомъ, никакихъ увлеченій. Но о васъ и Ганецкой онъ очень высокаго мнѣнія.

Но пилюля не подслащивалась; гостья сидѣла, опустивъ вѣки, съ непроницаемымъ выраженіемъ свѣтской дѣвушки, которая въ совершенствѣ владѣетъ собой. Семенову опять взяла досада.

— Вы вѣдь знаете, что онъ недюжинный человѣкъ — мой братъ?—Она надменно взглянула на гостью.

— Я этого не отрицаю.

— Надо видѣть, что дѣлается кругомъ, когда онъ говоритъ, хотя онъ рѣдко говоритъ. Вы его слышали когда-нибудь?

— Да, одинъ разъ... Ораторъ сильный...

— Вы знаете Ганецкую? Интересная личность, дочь аристократа и очень вліятельнаго въ Москвѣ. Она страстная послѣдовательница брата и его, пожалуй, правая рука. У нея свое состояніе отъ матери. Замужъ она никогда не выйдетъ и весь капиталъ она предоставила въ распоряженіе брата. Она постоянно ѣздитъ за границу. Вотъ и теперь недавно уѣхала, какъ я догадываюсь, по очень важному дѣлу. Странная дѣвушка! Такая чопорная, надменная, съ виду такая „льдинка!“ И жизнь ведетъ свѣтскую. Все это отводъ глазъ, конечно... Отецъ въ ней души не чаетъ.

На лицо Девичъ словно упала тѣнь. Семенова жадно щурилась на свою изящную собесѣдницу.

— Онъ давно кончилъ курсъ? — послѣ короткой паузы спросила гостья.

— Недавно. Профессора отъ него были въ восторгѣ. У него

такія способности... Но...—Вздохъ приподнялъ грудь Семеновой.—Его дорога намѣчена, и онъ съ нея не свернетъ.

— Вы какъ будто не сочувствуете его взглядамъ?

— Нѣтъ, говоря откровенно. И замѣтьте, что мы, женщины-врачи, держимся совсѣмъ въ сторонѣ отъ этого. Даже на курсахъ медички этимъ отличаются отъ другихъ. У насъ, видите ли, даже времени нѣтъ на это.

— Какъ это странно!.. Можно ли вообще оставаться въ сторонѣ? Вѣдь женскій вопросъ это только часть цѣлаго, а вы какъ будто хотите его выдѣлить?

Семенова вспыхнула.

— Поймите, мы слишкомъ страстно, слишкомъ добросовѣстно, что ли, отдались дѣлу и къ другимъ вѣяніямъ остаемся равнодушными. И вы вообразите, что сталось бы съ нами, если-бъ мы съ самаго начала повели себя иначе?

— Говорите еще, пожалуйста, говорите о себѣ! — подхватила Девичъ съ мягкой улыбкой, странно измѣнившей ея лицо. Если бы вы знали, какъ я интересуюсь вами! Вы для меня совсѣмъ новый типъ... Все ваше прошлое, ваше настоящее положеніе, ваши стремленія, планы — для меня все это ново и важно. Да... Я вамъ завидую, это несомнѣнно!

За эти два года, натерпѣвшись разочарованій и обидъ, Семенова еще не встрѣчалась съ такимъ наивнымъ преклоненіемъ передъ ея общественной ролью. Сіяющій взглядъ ея, когда она поглядѣла на гостью, мало гармонировалъ съ снисходительнымъ умышленно-небрежнымъ тономъ ея.

— Нѣтъ, вы въ самомъ дѣлѣ какая-то особенная! У самой полторы тысячи казеннаго жалованья, а впереди наслѣдство Будь я на вашемъ мѣстѣ...

— Да я бы два наслѣдства, не задумываясь, отдала бы за вашъ дипломъ!—съ неожиданной страстностью перебила Девичъ.

Самодовольное лицо Семеновой дрогнуло. Она даже курить перестала.

— Да что мнѣ изъ него шубу, что ли сшить? Изъ диплома моего?—попробовала она усмѣхнуться.

Девичъ мрачно поглядѣла на хозяйку.

— Вы, конечно, шутите, Марья Павловна?

— Ахъ, полноте! — Горечь неожиданно зазвучала въ тонѣ Семеновой.—Какія шутки! Вы намъ завидуете! Дико какъ-то слышать, ей Богу! Присмотритесь-ка къ положенію нашему: вотъ я билась сколько, ища практики, зачастую голодая. Ну

спасибо отцу и сестрѣ замужней, помогали они мнѣ, изъ послѣдняго часто. Да мнѣ-то, вы думаете, легко было одолжаться имъ? Это съ дипломомъ врача, послѣ радужныхъ мечтаній!.. Ну, вотъ я, наконецъ, на ноги стала, добилась при одной больницѣ мѣста... конечно, безплатнаго. А спросите, сколько трудовъ и хлопотъ мнѣ это стоило! Вѣдь не каждый докторъ допуститъ у себя въ лѣчебницѣ конкуренцію съ мужчинами. Насъ по возможности оттираютъ, одни—подъ разными благовидными предлогами, другіе же прямо, безъ обиняковъ свою вражду выказываютъ. Теперь мнѣ многія завидуютъ. И немудрено! Это шансъ на успѣхъ, на популярность, но впереди, впереди все... А пока-то что? Вѣдь ѣсть-пить надо, одѣться надо. Вонъ я на ногу тяжела. Мнѣ пары башмаковъ на два мѣсяца не хватаетъ, а ходьбы много. Въ одну больницу чуть не часъ ходу, да назадъ столько же. На конку даже не рѣшаешься три рубля въ мѣсяцъ бросить. Вотъ вы, изящная барышня, сидите и дивитесь, что я довольна квартирой и обстановкой. Да, я довольна. Я хоть и не каждый день обѣдаю, но все-таки прилично живу. И понимаю, что мнѣ можно завидовать. Но только не вамъ, а нашему брату, живущему впроголодь, въ подвалахъ...

Щеки ея разгорѣлись.

— Но вѣдь есть же у васъ какая-нибудь практика?

— Практика! Своя сестра курсистка, либо гольтепа разная, отъ которой и полтинникомъ не поживишься.

— Значитъ у васъ много досуга?

— Даже слишкомъ.

— Извините (Девичъ слегка покраснѣла). Я хотѣла васъ спросить, Марья Павловна, почему же бы вамъ не заняться безплатнымъ лѣченіемъ бѣдныхъ? У насъ столько рожeницъ безпомощныхъ! Развѣ вы не боитесь отстать и перезабыть многое?

— Какъ? Вы мнѣ предлагаете акушерствомъ заниматься?

— Развѣ это унизительно, Марья Павловна?

— Врачу съ дипломомъ конкурировать съ повивальными бабками! Merci... Удивляюсь, какъ вы этого не сообразили? Я себя уроню этимъ.

— Однако, Марья Павловна, простите мнѣ мою нескромность. Чѣмъ же вы живете?

— А вотъ только тѣмъ, что въ „Вѣстникѣ“ заработаю. Когда дадутъ компиляцію сдѣлать, либо поручатъ отчетъ о засѣданіяхъ. Иногда даже критическую замѣтку о книгѣ какой-нибудь.

— Да неужели? Вѣдь это такъ отвѣтственно!

Семенова весело разсмѣялась.

— Ахъ, вы наивная! Я вотъ и сама, пока не окунулась въ этотъ мірокъ, вѣрила, что критики—люди, по крайней мѣрѣ, образованные. Ахъ, если бы вы знали, какіе это неучи! За этотъ отдѣлъ всякая шантрапа берется. Ни ценза для этого литературнаго не требуется, ни таланта, ни убѣжденій. Берутъ однимъ апломбомъ. Предполагается, что критиковать можетъ всякій. Ну, и критикуютъ, кто во что гораздъ... Ха-ха! Для всякаго дѣла нужно знаніе, дипломъ, иначе прослывешь шарлатаномъ. А тутъ шарлатаны всѣ.

— И много вы зарабатываете?

— Случается рублей до сорока. И это слава Богу! Тамъ за строчки грызня идетъ поголовная. У всякаго свой отдѣлъ. Съ вѣтра никого не пускаютъ. Вотъ развѣ только въ „критическій" отдѣлъ. Чисто якорь спасенія! Кому нечего ѣсть и въ газетѣ дѣлать нечего, сейчасъ поручаютъ отчетъ о драмѣ или книгѣ. До меня тамъ одинъ акцизный чиновникъ писалъ критику въ ожиданіи мѣста.

— Вы шутите? Какъ онъ туда попалъ?

— Знакомый редактора, вотъ и все!.. Помню я такой случай: въ частномъ новооткрывшемся театрѣ поставили „Свадьбу Кречинскаго" въ первый разъ въ сезонѣ. А наканунѣ къ редакціи пристроился полячокъ одинъ. Кто его знаетъ, откуда онъ былъ? Какое его прошлое? Фактъ тотъ, что жилъ съ редакторомъ на одной квартирѣ, оба у польки какой-то снимали комнаты. Та и подсыпься къ редактору: „У васъ газета своя. Болеславъ безъ мѣста, дайте ему работу"... Ну и получилъ, стало-быть, „критическій отдѣлъ". Даетъ ему редакторъ билетъ въ театръ.—„Напишите, говоритъ, отчетъ, какъ прошла у нихъ пьеса"... Пошелъ нашъ критикъ. Что-жъ вы думаете? На другой день читаю утромъ газету, глазамъ не вѣрю. Нашъ критикъ хвалитъ исполненіе и пьесу, но...—„Совѣтуемъ автору, если онъ молодой и начинающій, отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ длиннотъ и такихъ-то недостатковъ..." Слѣдуетъ перечисленіе ихъ...

Ольга хохотала, запрокинувъ красивую головку.

— Это просто анекдотъ!

— Честное слово, фактъ, не лгу!

— Ха! Ха!.. Но что же редакторъ? И какъ ему не стыдно было пропустить такую чепуху?

— Не прочелъ, по обыкновенію. Наканунѣ засидѣлся за

картами, спѣшилъ выпустить №. Да и кто заботится о „критическомъ отдѣлѣ?“ Вѣдь газета—не журналъ! Только послѣ такого казуса редакторъ ни одного проходимца не пожелалъ рукоположить въ „критики“ и передалъ этотъ отдѣлъ мнѣ. Полячокъ исчезъ. Знаете, вѣдь есть такой типъ „проходимца литературы?“ Имъ наши газеты на Руси полны.

— И вамъ не страшно?—серьезно спросила Ольга.

Семенова пожала плечами и вновь раскурила потухшую было папиросу.

— Какъ вамъ сказать? Конечно, въ сравненіи съ этими неучами или недоучками, я могу сама въ Брюнетьеры попасть. А говоря по правдѣ, иной разъ и совѣстно станетъ, какъ начнешь разбирать по ниточкѣ повѣсть, да еще молодого автора. Онъ тамъ, можетъ, прислушивается, огорчается, вѣритъ на слово, а тутъ... — Семенова разсмѣялась и рукой махнула. — Мы, врачи, и пока учимся-то отъ жизни далеки и отъ литературы отстаемъ. За китайскую стѣну словно уходимъ отъ всего. А ужъ кончивъ курсъ, да имѣя практику, по настоящему и читать некогда, не то что писать. Стало быть, не у дѣлъ нашъ братъ, коли въ писательство пустился. Помните Горбунова? „Отъ хорошей жизни“ въ критики не пойдешь. Такъ и я. Вотъ, чтобъ совѣсть была чиста передъ писателемъ, и напустишь туману у себя въ рецензіи. Поди, разбирай!

— Вами въ газетѣ дорожатъ, Марья Павловна?

— Ничуть, представьте! Имъ рѣшительно все равно, что я—передовая все-таки женщина и образованная. Этого и не требуется. Мнѣ даютъ работу изъ милости и платятъ гроши. Придетъ какой-нибудь нахалъ-репортеришко и получитъ пять копеекъ за строчку. А мнѣ дадутъ двѣ, потому что я—женщина!

— Какъ мнѣ это больно слышать!

— Да, вотъ вамъ вчужѣ больно, а намъ-то каково? Столько лѣтъ работали, ѣхали въ Петербургъ изъ провинціи, изъ глуши какой, вы и представить себѣ не можете! И съ такими свѣтлыми надеждами! Мечтали о томъ значеніи, какое получимъ, ну, хотя бы въ средѣ нашей интеллигенціи. Мечтали, что кусокъ хлѣба намъ обезпеченъ. Что говорить! Любовь къ ближнему, польза общественная, равноправность, все это — дѣло прекрасное, но только на сытый желудокъ. Вѣдь не для этихъ же цвѣтистыхъ словечекъ, въ самомъ дѣлѣ, бѣгутъ въ Петербургъ изо всѣхъ угловъ Россіи наши барышни. Ѣсть надо,— вотъ въ чемъ нашъ женскій вопросъ. И вотъ вамъ результаты!

Ни сочувствія, ни довѣрія. Кто къ намъ идетъ лѣчиться? Намъ говорятъ красивыя фразы о нашей полезной будто бы дѣятельности, объ уваженіи. А случись какой-нибудь изъ этихъ развитыхъ барынь, союзницъ нашихъ, заболѣть, къ кому онѣ обратятся? Конечно, къ мужчинѣ врачу, хотя бы и не талантливому, и безъ имени, которому будутъ платить по три рубля за визитъ, и будутъ находить это вполнѣ естественнымъ. Всетаки мужчина, какъ-то довѣрія больше. А почему? Потому что въ каждомъ изъ нихъ апломба больше, чѣмъ въ лучшей изъ насъ.

Ольга Девичъ вся подалась впередъ. Сдвинувъ брови, она глядѣла въ взволнованное лицо Семеновой, и искорки сочувствія загорались и потухали въ ея зрачкахъ.

— И если бы еще одна нужда! Ну, куда ни шло! Это даже предвидѣть слѣдовало. Сколько мужчинъ-докторовъ безъ хлѣба сидятъ! Обидно не это. А сколько враждебности со стороны общества! Сколько тайныхъ насмѣшекъ, сколько явнаго глумленія! Не только со стороны мужчинъ-врачей,—этимъ простительно, потому что мы являемся ихъ конкурентами,—а вотъ со стороны нашей „интеллигенціи“. Какъ злорадно ищутъ всѣ промаховъ и ошибокъ въ нашей дѣятельности и какъ торжествуютъ, найдя ихъ! Мужчинамъ прощаютъ незнаніе, самонадѣянность, алчность, даже небрежность и недобросовѣстность... Намъ не прощаютъ ничего.

Ольга Девичъ протянула руку Семеновой. Гордымъ вызовомъ горѣли ея красивые глаза, и хозяйку поразилъ ихъ сильный блескъ.—„Точно душевно-больная“,—подумала она.

— Не падайте духомъ, Марья Павловна! Ваше дѣло молодое, не забывайте этого. Вы все-таки первые піонеры на этомъ трудномъ пути. Пусть васъ поддержитъ сознаніе, что вы расчищаете дорогу тѣмъ, кто идетъ за вами, и что имъ зато будетъ легче!

Семенова угрюмо молчала.

Вошла кухарка. Неслышно ступая по крашеному полу въ своихъ шерстяныхъ чулкахъ, она сняла со стола вязаную, всю въ дырочкахъ, скатерть и накрыла чайную, не совсѣмъ свѣжую. Самоваръ былъ нечищенъ, съ вдавленнымъ бокомъ и покривленной трубой.

Семенова заварила чай и съ усиліемъ набила на самоваръ крышку, которая все норовила соскочить и разбить чайникъ. Отъ хлѣба пахло керосиномъ, съ чайныхъ ложечекъ серебро облѣзло, и онѣ отзывались мѣдью.

Ольга Девичъ встала и заходила по комнатѣ. Семенова

слѣдила за ней, безсознательно любуясь этой стройной фигурой. При этомъ она мысленно прикидывала: чего стоитъ это простое съ виду суконное платье? Конечно, недешево. Вонъ и брилліанты въ ушахъ сверкаютъ. А что такое эта Девичъ? Учительница музыки въ казенномъ училищѣ. Только и всего. Ей и обезпеченность, и самостоятельность дались шутя. Она удачница. „И что нашелъ въ ней *такою* братъ Алексѣй?"—съ досадой спросила она себя.

— Надо еще добавить, — опять заговорила хозяйка, послѣ томительной паузы,—у насъ бываютъ такіе *coups d'état* въ редакціи, такія неожиданныя пертурбаціи... думаешь, лишь бы уцѣлѣть! Иной разъ больше пятнадцати рублей въ мѣсяцъ и не заработаешь. Вотъ тутъ и вертись, какъ знаешь. Садись на одну картошку. Вотъ вы, „барышня", этого не пробовали.

Враждебная нотка неожиданно прорвалась въ ея тонѣ.

— Вы этого не знаете, — тихо возразила Девичъ, вдругъ переставъ ходить.

— Ну, полноте! — крикнула Семенова въ неподдѣльномъ изумленіи.—Смѣетесь вы что ли надо мною? Одинъ бурнусъ чего стоитъ? Шляпа... А эти ежемѣсячныя пожертвованія въ пятьдесятъ рублей?

— Вы этого не знаете, — настойчиво повторила Девичъ, и щеки ея стали медленно разгораться. — Не забывайте, пожалуйста, Марья Павловна, что мнѣ эти деньги не даромъ даются. Я имѣю ежедневно девять часовъ обязательнаго труда. А вы почему-то упорно видите во мнѣ бѣлоручку.

Десятки вопросовъ тѣснились на устахъ Семеновой, но она кусала губы, охваченная какой-то странной робостью предъ этимъ печальнымъ голосомъ и суровымъ лицомъ.

Опустивъ голову, Ольга Девичъ опять взволнованно ходила по комнатѣ.

— Вы, должно быть, очень нервны, Ольга Юрьевна?

— Почему вы думаете? Развѣ это такъ замѣтно?

— Не забывайте, однако, что я — врачъ, — напомнила Семенова съ достоинствомъ, почти надменно.

Ольга молчала, глядя въ темь, и лицо ея приняло странное, вдохновенное, казалось, выраженіе.

„Господи, какая красавица!" — подумала Семенова.—Садитесь. Чай простынетъ, — сказала она, смягчившись. Эстетикъ заговорилъ и въ ея озлобленной душѣ.

На Руси у насъ, гдѣ общественная жизнь такъ слабо раз-

вита, нигдѣ люди не сближаются такъ быстро, какъ за ѣдой или самоваромъ. За часъ передъ тѣмъ совсѣмъ чужіе другъ другу собесѣдники становятся откровенными, какъ-будто этотъ веселый, привѣтливый шумокъ самовара подбодряетъ ихъ, вызывая на признанія. Разомъ обѣ дѣвушки придвинулись и ласково взглянули другъ другу въ глаза. Семенова, съ добродушной усмѣшкой на румяныхъ губахъ, была въ эту минуту прямо симпатична. Она охотно разсказала Ольгѣ о курсахъ въ Петербургѣ, о профессорахъ, подругахъ.

— А знаете, Марья Павловна, почему бы вамъ не обратиться къ женщинамъ-врачамъ, уже получившимъ извѣстность? Онѣ не отказались бы передать вамъ своихъ больныхъ.

Семенова съ достоинствомъ помолчала, глядя на Ольгу, какъ бы безмолвно удивляясь нелѣпости этого вопроса.

— Обратите вниманіе на тотъ фактъ,—заговорила она надменно,—что мы, врачи, далеко не отличаемся солидарностью. Успѣхъ однихъ вызываетъ зависть въ другихъ. И помогать другъ другу мы тоже не любимъ. Ужъ потому ли, что дѣло наше еще молодое, какъ вы выразились, не знаю, но только всѣ попытки дѣйствовать дружно, устроить какую-либо ассоціацію, не имѣли успѣха.

— Послѣдній вопросъ, Марья Павловна! Почему же вы въ земство не ѣдете служить?

— Ахъ, Ольга Юрьевна, вы сами не понимаете, что говорите!—раздраженно перебила Семенова.—На эти мѣста столько желающихъ изъ мужчинъ, что намъ и соваться съ хлопотами нечего. Ѣхать же туда, не имѣя ничего вѣрнаго, покорно благодарю! Я и здѣсь наголодалась.

Она стала пить остывшій чай, нервно позвякивая ложечкой.

— Какіе, однако, печальные выводы напрашиваются сами собою!—грустно усмѣхнулась Девичъ.

— А-га! То-то вотъ „печальные!“ Пока вы тамъ, барышни, выѣзжали, наряжались, влюблялись и наслаждались жизнью, мы только работали и бѣдствовали. А теперь и силы ушли, и молодость. Не обидно ли это?

— Вы ошибаетесь!—перебила ее Девичъ и сильно поблѣднѣла. — Вы все-таки счастливѣе меня! Я не влюблялась, не веселилась, не наслаждалась жизнью. Не меня вамъ упрекать!

Низкій голосъ Девичъ вибрировалъ отъ волненія.

— Правда это, что вы разорвали съ матерью и всей родней, чтобъ поступить на это мѣсто?—вдругъ спросила Семенова.

— Правда,—тихо и просто отвѣтила Ольга.

— Странно! Впрочемъ, я слышала, что у васъ у самой независимое состояніе.

— Вы ошибаетесь. У меня нѣтъ и не будетъ ничего.

У Семеновой чашка задрожала въ рукахъ, и она поставила ее на столъ.

— Господи-батюшки! Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

Не отвѣчая, Девичъ встала и прошлась по комнатѣ. Семенова глядѣла на нее, открывъ ротъ, словно сейчасъ увидѣла Ольгу въ первый разъ.

Ольга Девичъ вдругъ круто остановилась передъ хозяйкой.

— Вы недавно сказали, что я, по всей вѣроятности, не знала лишеній. Повѣрите ли вы мнѣ, что, зарабатывая сто тридцать рублей въ мѣсяцъ, я жила на тридцать? И не одинъ мѣсяцъ, а годъ и больше. Я говорю не изъ хвастовства, а для того, чтобъ заставить васъ не смотрѣть на меня сверху внизъ потому только, что у меня въ ушахъ брилліанты. Я къ нимъ привыкла. Да, наконецъ, не тѣ же ли это деньги? Я буду, какъ и вы, врачомъ.

Семенова всплеснула руками.

— И вы бросите такое хлѣбное мѣсто? Награды, пенсію впереди? Да это сумасшествіе просто! И это послѣ всего, что я вамъ говорила, и что вы сами видите?

— Я ко всему этому приготовилась и ничего не побоюсь... Черезъ годъ я уже буду въ Петербургѣ. Кое-что на первое время я скопила. Я не хочу отбивать хлѣбъ у другихъ, ища заработка на курсахъ. Не хочу ни надломиться, ни задаромъ пропасть. У меня нѣтъ прошлаго, въ смыслѣ *жизни* и радостей, но будущее я себѣ завоюю!

И столько страсти, столько вѣры въ себя и силы было въ этихъ словахъ, въ голосѣ Девичъ, во всей ея наружности, что ни на минуту насмѣшка или недовѣріе не шевельнулись въ скептическомъ умѣ Семеновой. Она какъ-то разомъ сознала превосходство этой натуры, но сознаніе это не пробудило въ ней на этотъ разъ ни зависти, ни вражды. Потрясенная и захваченная, глядѣла она въ это прекрасное лицо.

— Съ шестнадцати лѣтъ, Марья Павловна, я иду къ этой цѣли. Въ этомъ для меня, поймите, весь смыслъ жизни. Я отреклась отъ родни, отъ ожидаемаго наслѣдства. Я не побоялась скандала въ томъ кругу, гдѣ не умѣютъ прощать огласки, гдѣ не терпятъ ничего самобытнаго, смѣлаго и правдиваго.

До совершеннолѣтія я терпѣла, потомъ я ушла. Мнѣ никогда не простятъ родные. Мое имя произносятъ въ свѣтѣ лишь шопотомъ, на ухо. Пусть! Мнѣ все равно. Романовъ въ моей жизни тоже не было. Я не искала нравиться, но женихи были. Я отказывала всѣмъ. Я даже не спрашивала себя, что имъ нужно? Мое сердце или мои деньги? Пусть! Не нужно семьи, не нужно любви! Одинокій человѣкъ быстрѣе отзовется на чужое страданіе и не побоится пожертвовать собою. Я останусь одинокой!

Темные глаза Ольги горѣли нестерпимо-ярко, казалось, полные вызова судьбѣ.

— Вотъ вамъ моя исповѣдь, теперь мы квиты!—Она стояла передъ Семеновой съ протянутой рукой.

— Пожелайте же мнѣ счастья, Марья Павловна!

Женщина-врачъ подняла голову и печально поглядѣла въ это чудное лицо. Неподдѣльная искренность и жаръ этихъ рѣчей какъ бы согрѣли ея собственное озлобившееся, изстрадавшееся сердце. Вспомнились дни юности, свѣтлыя, далекія мечты, окрылявшія ее когда-то, озарявшія ея трудную дорогу.

— Давай вамъ Богъ, Ольга Юрьевна!—уже совсѣмъ мягко промолвила она.

II.

Наступило молчаніе. Дѣвушки не замѣчали его. Каждая думала свое.

По двору послышались шаги. Чье-то бородатое лицо прильнуло къ окну, и вдругъ въ передней оглушительно зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Ахъ!—испуганно крикнула Ольга.

— Это, навѣрное, Арбековъ... Я его звонокъ знаю!

„Носитъ чертей, на ночь глядя!“ —донеслась изъ кухни громкая, неожиданная реплика.

Семенова пошла отворять гостю. Лицо ея расцвѣло улыбкой и снова стало привлекательнымъ.

Ольга быстро поднялась и отошла къ окну. Такимъ образомъ она стояла спиной ко входившему.

Это былъ плотный, хотя и неуклюже скроенный малый, съ могучими плечами и косматой головой. Лицо его, окаймленное густой рыжеватой бородой, нельзя было назвать красивымъ. Но умный лобъ, съ характерно-развитыми надбровными дугами, и добродушные глаза въ синихъ очкахъ производили хорошее впечатлѣніе. Взоръ гостя съ замѣтной робостью оста-

новился на фигурѣ Ольги Девичъ. Одѣтъ Арбековъ былъ довольно неряшливо, въ парусинную блузу и высокіе сапоги.

— Что это вы совсѣмъ запропали? — ласково упрекнула Семенова, крѣпко пожимая ему руку. — Чаю хотите? Только ужъ не горячій.

— Конечно, хочу... Запропалъ я, потому что некогда. Черезъ недѣлю репетиція, а я еще не готовился. Все въ мастерской сижу, да надъ проектомъ...

— Познакомьтесь, господа.. Девичъ, Арбековъ.

Ольга чуть повернула голову, кивнула сухо, не подавая руки, и опять отвернулась. Техникъ вспыхнулъ, какъ дѣвушка, и въ смущеніи покосился почему-то на свои руки, перепачканныя, какъ и блуза, краской.

Ольга подошла къ хозяйкѣ, и Семенову поразило злое выраженіе этого за минуту безстрастнаго, казалось, лица.

— Куда вы, Ольга Юрьевна? Только одиннадцать часовъ...

— Нѣтъ, вы меня извините на этотъ разъ, Марья Павловна... Дольше сидѣть я не буду.

Семенова словно съежилась отъ холодной рѣшимости этого тона. Арбековъ сидѣлъ, сгорбившись, засунувъ руки между колѣнъ и виновато опустивъ голову.

— Когда-жъ увидимся?—спросила Семенова.

Техникъ вдругъ поднялъ голову и встрѣтился съ глазами Ольги Девичъ. Вся его могучая фигура представляла такой разительный контрастъ съ растеряннымъ выраженіемъ лица, что невольно становилось жаль его.

— Вы не уговаривайте Ольгу Юрьевну,—неожиданно пробасилъ онъ.—Она уходитъ, чтобъ не видѣть меня...

— Что это?.. Ссора?.. Вы, значитъ, уже знакомы?—насмѣшливо освѣдомилась Семенова, окидывая своихъ гостей ревнивымъ взглядомъ.

— Нѣтъ... Дѣло въ томъ, что вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ я нахожусь подъ негласнымъ надзоромъ г. Арбекова... Куда бы я ни шла, онъ слѣдитъ за мною съ упорствомъ, достойнымъ лучшей цѣли... Наконецъ, мнѣ это надоѣло! — вдругъ гнѣвно вырвалось у Ольги. — Слышите?.. Надоѣло!..

Она бросала Арбекову эти слова, съ угрозой въ потемнѣвшихъ отъ гнѣва глазахъ. Семенова протяжно свистнула. „Вотъ вамъ и анахоретъ!..“ Какъ и для брата ея, для Арбекова—она знала—женщины словно не существовали. Арбековъ ей давно нравился, и она втайнѣ льстила себя надеждой завладѣть этимъ чистымъ, нетронутымъ сердцемъ.

— Пожалуйста, простите,—тихо басилъ техникъ.—Ей Богу же, я не хотѣлъ васъ этимъ оскорбить...

— О-о!.. Какое смиреніе! — не вытерпѣла Семенова, откидываясь на спинку кресла и скрестивъ руки на груди.—Этакаго большого, да бородатаго отчитываютъ, какъ школьника...

Но ее не слушали.

— Сознайтесь, что вы и теперь выслѣдили меня?.. И знали, что я пошла сюда?—повелительно говорила Ольга.

— Сознаюсь,—еще тише пробасилъ техникъ.—Что-жъ мнѣ врать!.. Каждый вечеръ въ восемь часовъ у воротъ васъ сторожу.

— Ха!.. ха!.. ха!.. — презрительно и дѣланно разсмѣялась Семенова.—Каковъ!.. Форменное признаніе въ любви... Везетъ вамъ, Девичъ, право!

Щеки ея такъ и пылали. Техникъ глядѣлъ на растерявшуюся Ольгу Девичъ съ выраженіемъ умнаго и покорнаго пса, ожидающаго, какъ поступитъ хозяинъ? Погладитъ его по головѣ или прогонитъ на кухню?

Ольга вдругъ разсмѣялась, побѣжденная этимъ взглядомъ. Она сбросила шляпу и протянула руку технику.

— Видно, ничего съ вами не подѣлаешь!.. Будемъ знакомы... Вы все-таки съ Нѣмецкой пробѣжались... и, кажется, въ лѣтнемъ пальто?

— А, конечно... У насъ одно—на всѣ сезоны...—Онъ крѣпко стиснулъ красивую ручку безъ колецъ и браслетовъ.

Семенова завязала съ гостемъ оживленный разговоръ. Она заигрывала и кокетничала съ техникомъ, поскольку считала это совмѣстнымъ съ достоинствомъ „передовой“ женщины. Говорили объ открытіи новой кухмистерской для техниковъ, о послѣдней лекціи любимаго профессора на Лубянскихъ курсахъ, о предстоящемъ концертѣ въ пользу фельдшерицъ. Когда онъ разсказывалъ о послѣднемъ собраніи техниковъ, гдѣ самъ онъ говорилъ,—Арбековъ замѣтилъ пристальный, наблюдательный взглядъ Ольги, вспыхнулъ и оборвалъ рѣчь.

— Ну, словомъ, я говорилъ... я очень много говорилъ тогда.

— Что же именно?—полюбопытствовала Семенова. Техникъ смущенно развелъ руками.

— Право, не могу сейчасъ вспомнить...

Семенова разсердилась.

— Какъ это не помнить, что говорилъ?.. Не въ пьяномъ же видѣ вы тамъ собираетесь... Какъ глупо!.. Подумаешь, безструнная балалайка...

По угламъ яркихъ губъ Ольги Девичъ порхала тонкая усмѣшка. Техникъ вскочилъ и пробѣжалъ по комнатѣ, ероша волосы.

— Ахъ, право, не вспомню!.. Ну, что вы пристали, Марья Павловна?.. Вонъ Ольга Юрьевна ужъ смѣется надо мною... Вѣдь это какъ вдохновеніе, какъ импровизація... Налетитъ и забудется... Попробуйте не записать импровизацію, либо экспромптъ... Что у васъ на утро останется?

— Такъ вѣдь не стихи-жъ вы тамъ декламировали... Чудакъ!

— Я очень люблю говорить,—вдругъ наивно сознался Арбековъ, обращаясь къ Ольгѣ.—Вообще люблю шумѣть, люблю толпу, ея дыханіе, гулъ, свой собственный крикъ... Это меня опьяняетъ...

Ольга отъ души разсмѣялась.

— А Райская что подѣлываетъ?—спросила она.—Я давно ее не видѣла...

— Въ кого она теперь влюблена?—подхватила Семенова.— На какіе курсы собирается?

Арбековъ только отмахнулся и сталъ жадно пить чай.

— Удивляюсь, — продолжала Семенова, обращаясь уже къ Ольгѣ.—Какъ это ваша начальница терпитъ у себя на службѣ такую особу?

Черныя брови Ольги сдвинулись.

— Что вы хотите сказать словомъ „такая?"

— Я хочу сказать: развратная,—вызывающе возразила Семенова, и краска ярко залила ея щеки.

— А что такое „развратная?"

— Ольга Юрьевна, бросьте!.. Я не люблю этого тона...

— Мнѣ кажется, Марья Павловна, что судить не наше съ вами дѣло, — сдержанно замѣтила Девичъ. — Если начальница не находитъ нужнымъ отказывать фельдшерицѣ, то это еще разъ говоритъ въ пользу ея великодушія, которое всѣмъ намъ, служащимъ, хорошо извѣстно... Лишать одинокую дѣвушку хлѣба изъ-за какихъ-то сплетенъ...

— Хороши сплетни!.. Кому неизвѣстны ея связи?

— А если-бъ и такъ?.. Кого это затрогиваетъ, Марья Павловна? Отъ васъ—передовой и развитой женщины — я менѣе всего ждала осужденія...

Семенова ядовито усмѣхнулась.

— Извините... Я не знала, что вы — такая сторонница свободной любви...

— Нѣтъ, я только сторонница принципа уваженія къ личности...

— Къ сожалѣнію, Райская глупа и безполезна,—важно вмѣшался Арбековъ. Онъ наклонилъ самоваръ, нацѣживая въ стаканъ послѣднюю воду.

— Не вамъ бы это говорить!—горячо воскликнула Ольга.— Вамъ-то именно Райская и умѣетъ быть полезной.

— Что такое?—Арбековъ захлопалъ глазами. Съ глухимъ восклицаніемъ удивленія Семенова подвинулась ближе.

— Вотъ какъ!.. Это интересно...

— Ну, ужъ вы сейчасъ что-нибудь этого... того... вообразите...—хмуро кинулъ Арбековъ хозяйкѣ.

— Ея дверь для всѣхъ открыта... У нея зачастую ночуютъ, кому идти далеко, обѣдаютъ, пользуются ея табакомъ... чай пьютъ безъ конца... Это какой-то пріютъ...

— Для нищей братіи,—подхватилъ добродушно Арбековъ.

— Въ родѣ васъ?—колко вставила Семенова.

— Я разъ застала ее очень разгнѣванной... Пока она была гдѣ-то на практикѣ, въ ея отсутствіе пришли человѣкъ пять студентовъ и съѣли у нея фунтовъ восемь ростбифа... словомъ, запасъ цѣлой недѣли... И ушли, не оставивъ ей ни кусочка, ни даже записки въ извиненіе...

— Свинство,—пробасилъ Арбековъ.

Глаза Ольги весело блеснули.

— Сдается мнѣ, что и вы были однимъ изъ этихъ пяти...

— Что вы, Ольга Юрьевна? Ей Богу, поклепъ!

— Навѣрное и онъ,—подхватила Семенова.—Нечего отпираться!.. Самъ небось остальныхъ привелъ... Вѣдь она и передъ нимъ „благоговѣетъ"...

— Ну, что вы, право?.. Вотъ вамъ крестъ!.. А еще другомъ считаетесь!.. Что вы меня въ глазахъ Ольги Юрьевны заживо топите? Эхъ! Ужъ и языкъ у васъ, Марья Павловна!

— Ну, не дура ли эта Райская? — расхохоталась Семенова. — Отчего это со мной никто не смѣетъ этого сдѣлать? А у нея вѣчно такія приключенія...

Насмѣшка опять задрожала въ лицѣ Девичъ.

— Да, съ нею это не въ первый разъ... И знаете почему? Потому что она—по своей глупости, конечно,—привыкла дѣлиться послѣднимъ со всей этой неимущей молодежью, которую она любитъ... неизвѣстно за что... На этотъ разъ она была не въ духѣ, измучена, голодна и разсердилась... Я сама видѣла, какъ она на свои гроши лѣтомъ варила себѣ варенье, а техники зимой ѣли его столовыми ложками...

— Сама виновата... Зачѣмъ даетъ!—огрызнулся Арбековъ.

— А вкусное было варенье?—просто спросила его Ольга, и только въ зрачкахъ ея зажглись искорки юмора. Арбековъ поглядѣлъ на нее молча и вдругъ расхохотался.

— Вы говорите: гроши! — подхватила Семенова. — У нея всегда деньги... Шутъ ее знаетъ, откуда она ихъ беретъ?

— Не знаю,—холодно возразила Ольга,—я не справлялась объ источникѣ ея доходовъ. Часто я заставала ее впроголодь и все потому, что у нея занимаетъ безъ отдачи та же милая молодежь. Да, вы правы... Она — дура, за то, что любитъ и вѣритъ въ этихъ мальчишекъ...

— Это я-то... Мы-то—мальчишки? — поразился Арбековъ.

— Она—дура, потому что въ передовыя лѣзетъ!—крикнула Семенова.

— Ну, пусть!.. Это ея слабость! Кому она этимъ вредитъ? Не забывайте только, что и она приноситъ пользу.

— Польза?.. Напримѣръ?.. Это интересно!

— Она за товарищей нерѣдко рискуетъ собственной шкурой... Простите за грубость выраженія!.. Сколькихъ она выручила своей преданностью и смѣлостью изъ бѣды?.. Не всякій это сдѣлаетъ.

Ольга Девичъ усмѣхнулась прямо въ лицо хозяйкѣ. Та вспыхнула и нахмурилась.

— Я - то ужъ, конечно, не сдѣлаю... Все это глупость... Служить идеѣ можно иначе.

Ольга пожала плечами.—Это, знаете, какъ смотрѣть...

Арбековъ угрюмо молчалъ, чувствуя, что Ольга Девичъ права. Ольга опять надѣла шляпу и подошла къ хозяйкѣ.

— До свиданья... Уже двѣнадцать!

— Нѣтъ, постойте минутку!.. Я вѣдь провожу васъ, — заволновался Арбековъ.—Спойте что-нибудь на прощаніе.

Ольга широко открыла глаза и разсмѣялась.—Сейчасъ?

— Да, да... пожалуйста... Райская говорила, что у васъ голосъ удивительный... и что поете вы... ну, словомъ, лучше, чѣмъ въ театрахъ у насъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, спойте, — снисходительно предложила хозяйка.—Что-нибудь цыганское.

Арбековъ вспыхнулъ.—Ну, вотъ выдумали!.. Экій вкусъ у васъ низменный! Нѣтъ, Ольга Юрьевна... что-нибудь не обывательское...

— Какъ? Что такое?

— Гражданское что-нибудь... „Укажи мнѣ такую обитель...“

— Ахъ, и здѣсь тенденція!—расхохоталась Ольга. — Боже мой!.. До чего вы односторонни! Нѣтъ, увольте, ради Бога!.. Я, какъ мирная обывательница, люблю искусство вообще и музыку въ особенности только за настроеніе, которое она даетъ... безъ всякаго отношенія къ гражданской скорби...

— Ну, въ такомъ случаѣ, что - нибудь изъ Некрасова, — разрѣшила Семенова. (Она не хотѣла, чтобъ Арбековъ осуждалъ ея вкусы). — Чтобъ смыслъ былъ въ словахъ... А то, въ самомъ дѣлѣ, эти грезы, слезы, восторги, луна... Ужасно все это пріѣлось...

Лицо Ольги сразу стало какимъ-то необычайнымъ: серьезнымъ и въ то же время восторженнымъ.

— Извольте. И слова будутъ Некрасова, и музыка превосходная...

Она прислонилась къ стѣнѣ, чуть подняла замѣтно поблѣднѣвшее лицо и, глядя поверхъ головъ своихъ слушателей, начала извѣстный романсъ Давыдова: „Разбиты всѣ привязанности“...

Голосъ Ольги былъ очень силенъ и глубокъ, контральто съ металлическимъ тембромъ и большимъ діапазономъ. Фразировала она мастерски.

„Разбиты всѣ привязанности. Разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права.
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ.
Все кончено... Сѣдѣетъ голова“...

Властно лились свободные, мощные звуки, безстрастные и торжественные, какъ приговоръ, и маленькая комнатка была полна этимъ чуднымъ голосомъ, проникновеннымъ и драматическимъ. „Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься. И смерти жди. Она недалека...“

Семенова тихо повела глазами на Арбекова и поняла по его лицу, что онъ потрясенъ.

„Что за чудный голосъ! Господи, Боже мой!“—думала Семенова, чувствуя, какъ и отъ ея души отпадаетъ все низменное, все мелочное; какъ входитъ въ нее странная тоска, болѣзненно - томительная, но прекрасная. Она отдѣлилась отъ спинки кресла, вся подалась впередъ и глядѣла въ лицо Ольги. Рука ея упала на колѣни, папироса погасла, зажатая между пальцами. Хотѣлось плакать. Чего-то было жаль, чего-то хотѣлось мучительно, до слезъ. Она дышала часто и громко, полураскрывъ свои румяныя, полныя губы, чуть щурясь немигающими глазами на суровое лицо пѣвицы.

„Но отчего-жъ ты, сердце, не миришься
Съ своей судьбой? О чемъ твоя тоска?
Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день,—сдаемъ могилѣ мертвеца.
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима,
Тоска любви, не знающей конца?“

Она стояла все такъ же прямо, не мѣняя позы, безъ единаго жеста, но она была уже не та. Суровость исчезла съ ея лица. Страстной скорбью дышали ея черты, голосъ звенѣлъ слезами отчаянія. Онъ все крѣпчалъ, какъ-будто росъ отъ волненія и душевной муки, и вдругъ на послѣднемъ словѣ вырвался такимъ страстнымъ воплемъ, что слушатели поблѣднѣли и переглянулись невольно.

„Какая артистка! Какое лицо!“ думалъ Арбековъ, очарованный, подкупленный, опьяненный. Онъ самъ не зналъ, что лучше: этотъ ли гибкій голосъ, или это выразительное лицо, талантливо передававшее малѣйшіе оттѣнки, тончайшіе переходы въ настроеніи композитора?

„Усни“... не пропѣла, а шопотомъ сказала Ольга, какъ-то тихо и безстрастно, и вдругъ отдѣлилась отъ стѣны и ступила шагъ впередъ, все такъ же глядя куда-то въ пространство. „Умри“... прозвенѣло слабо, какъ струна, задѣтая любопытной рукой, какъ подавленное рыданье.

Она смолкла. Короткій, глубокій вздохъ приподнялъ ея грудь. Она внимательно посмотрѣла на свою публику, и слабая краска выступила опять на ея щекахъ. Съ лица постепенно уходило выраженіе экстаза, дѣлавшее его такимъ необычнымъ и неотразимымъ... А Семенова и Арбековъ все еще ждали чего-то не двигаясь, не сводя глазъ съ Ольги. Они не понимали, что пѣсня кончена. Они, быть-можетъ, инстинктивно медлили нарушить очарованіе.

Глаза Ольги весело блеснули.

— Я вижу, господа, что имѣла у васъ успѣхъ, — нервно засмѣялась она и вся потянулась.—Да, я нынче, кажется, была въ „ударѣ“.

— Боже мой! Что же это?—точно просыпаясь, спросила Семенова полушопотомъ. Въ ея поднятыхъ глазахъ, въ ея кругломъ лицѣ было столько наивнаго восторга и удивленія, почти страха, что это растрогало Ольгу Девичъ больше, чѣмъ самая шумная похвала.

— Я, знаете... Я просто очнуться не могу! Никогда ничего подобнаго...

Она слѣдила за гостьей глазами, расширенными, добрыми и наивными, опять-таки словно видя ее въ первый разъ. Теперь она не спрашивала себя: что находитъ въ ней братъ? Она понимала, почему онъ отмѣтилъ эту дѣвушку-бѣлоручку по виду, и не ученую, не „передовую“, изъ толпы всѣхъ ея коллегъ, всѣхъ фельдшерицъ и курсистокъ. Ей вспомнились его слова: „Девичъ стоитъ захотѣть, и за ней двинутся сотни людей“... Но она не могла сказать этого вслухъ. Ее удержала тяжелая зависть человѣка толпы къ избраннику.

Зато Арбековъ не хотѣлъ и не могъ сдержать своихъ чувствъ. Онъ былъ въ какомъ-то изступленіи. Онъ вскочилъ и бѣгалъ по комнатѣ, ероша волосы и глядя на Ольгу воспаленными глазами.

— Вы—сила. Да, да! Вы, дѣйствительно, сила! — крикнулъ онъ, останавливаясь круто передъ кресломъ, въ которое сѣла Девичъ.—И грѣшно... нѣтъ, прямо-таки подло человѣку съ такимъ талантомъ прозябать въ бездѣйствіи и довольствоваться обывательской, мѣщанской долей, давать какіе-то уроки, выходить замужъ...

— Я, кажется, не собираюсь,—усмѣхнулась Ольга. Но онъ ее не слышалъ, слѣдя за ходомъ собственныхъ мыслей, бурно мчавшихся въ его мозгу. Лихорадочно блестѣвшіе глаза его жадно впились въ лицо Ольги.

— Знаете? Теперь я понимаю Семенова, — вдругъ полушопотомъ бросилъ онъ ей.

Девичъ вздрогнула, и вѣки ея прижмурились на мгновеніе. Марья Павловна вспыхнула, непріятно пораженная.

— Да, онъ правъ, — все тѣмъ же шопотомъ продолжалъ Арбековъ и все съ тѣмъ же почти безумнымъ выраженіемъ экстаза въ чуть помертвѣвшемъ лицѣ, какъ у эпилептика передъ припадкомъ. — Я первый теперь *вашъ*. Понимаете? Каждымъ фибромъ вашъ! Помните, въ *Анчарѣ* рабъ безгласный? Пошлите меня хоть въ огонь, пойду!

Странное было лицо у Девичъ, когда она выслушала это признаніе. Радости въ немъ не было и торжества тоже. Казалось, все это было ей знакомо и ненужно. И Семенову поразило, что Ольга Девичъ смотритъ даже не молодой сейчасъ, старше своихъ двадцати-пяти лѣтъ.

— Отчего вы не на сценѣ?—сухо спросила Семенова, раскуривая потухшую папиросу.

— Я не кончила консерваторію, не было средствъ.

Ольга отвѣчала неохотно.

— У васъ! Полноте! Какъ не было?

— Да, не было средствъ,—повторила Девичъ настойчиво.

— А жаль. Изъ васъ, пожалуй, вышла бы крупная артистка,—умышленно-небрежно кинула Семенова.

— А если-бъ у васъ, Марья Павловна, вдругъ сейчасъ оказался голосъ? Нашлась бы возможность учиться? Вы пошли бы на сцену?

— Какъ? Сейчасъ? Какой вздоръ! Развѣ это служеніе обществу—сцена, когда у меня уже есть дорога?

Глаза Ольги вспыхнули.—И у меня она есть.

— Къ чорту разговоры! — крикнулъ Арбековъ, дѣлая въ воздухѣ энергичный жестъ рукою.—Давайте пѣть! Ахъ, Ольга Юрьевна! Вы мнѣ просто всю кровь зажгли вашимъ пѣніемъ... „Есть на Волгѣ утесъ"... вдругъ затянулъ онъ могучимъ басомъ, выпрямляя грудь и лихорадочно блистая глазами. Семенова подхватила. У нея былъ пріятный, высокій, хотя и небольшой голосъ, чего никакъ нельзя было ожидать отъ нея, когда она говорила.

„Эка черти распѣлись! Ни свѣтъ, ни заря", — громко ворчала кухарка, ворочаясь на постели, за тонкой стѣной.

Но не ея старушечьей воркотнѣ было охладить восторженное настроеніе молодежи. Ей страстно хотѣлось разрядить хотя бы въ звукахъ избытокъ нервной энергіи, накопившейся за этотъ вечеръ, стряхнуть съ себя потрясающее впечатлѣніе отъ пѣнія Ольги Девичъ.

Пѣли много, стройно. Потомъ Ольга замолчала, но этого другіе не замѣчали. Больше всѣхъ увлекался Арбековъ. Онъ дѣлалъ оживленные жесты руками и головой, стучалъ себѣ кулакомъ въ грудь, увлекался, словомъ, до самозабвенія и этой страстностью дѣйствовалъ на Семенову неотразимо. Она подняла на него глаза, вся подтянулась какъ-то, помолодѣла словно и стала красивой.

— Охъ, довольно! Вотъ умаялась-то! — говорила она съ истомой, вся красная, обмахиваясь платкомъ.

Ольга взглянула на свои часики и въ третій разъ поднялась, чтобы прощаться. Арбековъ, раскраснѣвшійся, съ вспотѣвшимъ лицомъ, съ прядями прилипшихъ ко лбу волосъ, насильно за руки усадилъ ее опять въ кресло.

— Пора, Арбековъ... Вы знаете, который часъ?

— Э, вздоръ! Садитесь и слушайте послѣднюю! Марья Павловна, затягивайте!

— Отстаньте, Арбековъ! Совсѣмъ уморили!

— Чепуха. Пойте! Да огня побольше, увлеченія! Это чудная пѣсня, Ольга Юрьевна. Пусть она старая, запѣтая! Вы только въ смыслъ вникните...

„Наша жи-изнь коротка-а"... началъ онъ, старательно выводя верхнія ноты... Марья Павловна вторила съ увлеченіемъ.

„Проведемте-жъ, друзья"... вдругъ завопилъ Арбековъ, въ восторженномъ изступленіи протягивая передъ собой руки. Ольга даже вздрогнула.

— Ахъ, разорви васъ дьяволы! — донеслась опять выразительная реплика изъ кухни...

— Ну что? Хороша пѣсня, Ольга Юрьевна?

— Какая пошлость!—сказала Ольга съ горечью.—„Не любить, погубить значитъ жизнь молодую..." Какъ будто вся цѣль, весь смыслъ только въ любви? Люди—не трутни!

Семенова и Арбековъ промолчали. Они не ждали отъ сдержанной, гордой дѣвушки этой страстной вспышки.

Арбековъ теперь вдругъ заспѣшилъ и засуетился. Семенова съ явнымъ неодобреніемъ покосилась на него, пока онъ натягивалъ на себя свое легкое пальтецо.

— Когда-жъ придете, Арбековъ?

— А вотъ ужъ и не знаю. Теперь будетъ некогда. Репетиціи начнутся. Вотъ послѣ нихъ развѣ...

Онъ съ какой-то нѣжностью, совсѣмъ не подходившей къ его мощной фигурѣ, подавалъ Ольгѣ ея бурнусъ.

Въ темной передней, пожимая руку гостьи, Семенова ощутила какой-то пакетъ въ своей рукѣ.

— Вашему брату, — шопотомъ и сконфуженно сообщила Ольга.—Онъ знаетъ, кому передать.

— А вы, Ольга Юрьевна, когда заглянете?

— Буду васъ ждать къ себѣ, Марья Павловна, — любезно напомнила Девичъ. И въ этой улыбкѣ, и въ томъ движеніи, какимъ она простилась съ Семеновой, такъ и сказалась свѣтская дѣвушка.

Семенова уже совсѣмъ разсердилась, хлопнула дверью, запирая за гостями, и особенно старательно наложила крючокъ.

Въ гостиной она подошла къ лампѣ и раскрыла конвертъ. Въ немъ лежали пятьдесятъ рублей.

Что-то жесткое и горькое мелькнуло въ ея лицѣ.

„Да, *эту* бѣлоручку не приходится упрекнуть ни въ буржуазности стремленій, ни въ эгоизмѣ. Но развѣ она — не

удачница, не счастливица, имѣя возможность такъ великодушничать?..“—„А я? Если-бъ я даже хотѣла?“

И никогда еще собственное убожество и безсиліе помочь другимъ не сказались ей такъ ярко и болѣзненно, какъ въ эти минуты, подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ этой блестящей, талантливой Девичъ. „Столько лѣтъ учились,— проносилось въ ея головѣ,—столько лѣтъ бились. Идемъ впереди толпы...“

И сама она не знала, смѣяться ей, что ли, или плакать?

Она потушила лампу и подошла къ окну. На полу задрожало все въ синихъ бликахъ отраженіе оконнаго переплета. Комната потемнѣла, и все въ ней приняло таинственный видъ. Семенова задумчиво глядѣла въ голубую ночь...

III.

Девичъ и Арбековъ очутились вдвоемъ на бульварѣ.

Полная луна свѣтила такъ ярко, что легко можно было читать, сидя на бульварѣ. Деревья стояли неподвижно, какъ бы чутко прислушиваясь къ чему-то таинственному и важному, что зрѣло въ ночной тишинѣ. Тѣни отъ сучьевъ ложились на дорогу—рѣзкія, отчетливыя, точно бархатныя. Казалось, кто-то взялъ уголь и разрисовалъ причудливыми узорами скованную первымъ заморозкомъ побѣлѣвшую дорогу. Ольга Девичъ очнулась первая и убавила шагу.

— Ну, куда-жъ мы такъ бѣжимъ? Въ такую чудную ночь грѣшно спать? Не правда ли?.. Пойдемте-ка потише...

— Д-да... хорошо,— мечтательно согласился Арбековъ.— Правда,— вдругъ съ одушевленіемъ подхватилъ онъ.— Что спать? Мнѣ хоть бы никогда!.. Жить надо... „Наша жизнь коротка-а“... вполголоса затянулъ онъ.—Глядите-ка, Ольга Юрьевна, мирные обыватели уже спятъ сномъ праведниковъ!

— Да,—усмѣхнулась Ольга. — Спятъ и не подозрѣваютъ, что мимо нихъ идетъ грозный революціонеръ.

Арбековъ такъ и вскинулся. Все добродушіе его исчезло. Глаза его загорѣлись мрачнымъ огнемъ.

— Есть вещи, надъ которыми я не позволяю глумиться, Ольга Юрьевна... И меня ужасно удивляетъ, что *вы* какъ-будто съ ироніей относитесь къ намъ...

— Простите, Арбековъ... Кто это *мы?* Райская и К°?

— Ну, прекрасно... Въ меня вы не вѣрите. Ну, хорошо... Я конечно... ничѣмъ еще не проявилъ себя... не доказалъ... (Голосъ его задрожалъ отъ волненія.)—Ну, а въ Семенова-то? Не можете же вы не вѣрить въ него?

Ольга нетерпѣливо пожала плечами.

— Не отрицаю я въ немъ ни ума, ни характера, ни дарованій... Но почему вы воображали, что я за одно съ нимъ... и со всѣми вами? Не признаю я никакой логики въ вашемъ планѣ.

Арбековъ всплеснулъ руками.

— Не спорю... Красота есть и здѣсь. Мрачная, дикая красота разрушенія... И это дѣйствуетъ на воображеніе, и это опьяняетъ. Въ всякомъ злѣ, если оно грандіозно, есть доля поэзіи. Но я вамъ не сочувствую. И Семенову я говорила это не разъ... Я отвѣчу вамъ готовымъ афоризмомъ. Прежде чѣмъ разрушить старое, дайте планъ новаго. А гдѣ онъ у васъ? И вѣрьте вы мнѣ, что никогда вы не встрѣтите сочувствія въ массѣ. Васъ не поймутъ. Это все равно, какъ отъ человѣка, не знающаго азбуки, требовать, чтобы онъ читалъ и понималъ классиковъ.

— Намъ и не нужно это сочувствіе, — презрительно бросилъ Арбековъ. Но и Ольга вся вспыхнула отъ этого самонадѣяннаго, властнаго тона.

— Неужели вы воображаете, что можно побѣждать страхомъ? Люди—не звѣри, и имъ не кнутъ нуженъ.

— Вы говорите, какъ барышня-аристократка, не отказавшаяся отъ предразсудковъ.

Они заспорили горячо, съ увлеченіемъ. Арбековъ утверждалъ, что мы стоимъ на порогѣ великихъ событій. Ихъ надо ускорить, чтобы очистить воздухъ, полный міазмовъ, отравляющихъ милліоны людей. Ольга же отказывалась вѣрить въ эту близость... Насильственныя мѣры — говорила она — останутся всегда безплодными. Всякое движеніе, всякая идея должны назрѣть въ обществѣ, чтобъ захватить за собой массы. Въ исторіи развитія человѣчества нѣтъ скачковъ.

— Такъ вотъ вы какая! — съ горечью и разочарованіемъ воскликнулъ Арбековъ.—Да вы настоящая „постепеновка"... А Семеновъ-то надѣется васъ завербовать...

— Да, если хотите, у меня съ нимъ цѣль одна. Но идемъ мы къ этой цѣли разными путями... И ужъ наврядъ ли они сойдутся!

— Вашъ лозунгъ?

— Любовь,—сильно, гордо сказала Ольга, и опять лицо ея стало такимъ же восторженнымъ и необычнымъ, какъ въ ту минуту, когда она пѣла. — Только ею можно обновить міръ. Вспомните Некрасова: „Тоска любви, не знающей конца". Только въ этой любви къ людямъ вся сила и спасенье.

Онъ замахалъ руками.

— Ахъ, знаю!.. Напередъ знаю все, что вы скажете... Посильное добро... Проповѣдь маленькихъ дѣлъ... Эти ненавистныя маленькія дѣла!—крикнулъ онъ, сжимая кулаки.—Школы... Развитіе самосознанія. Медленный, но неуклонный путь прогресса... Такъ и закипитъ во мнѣ все, когда я это слышу!

— Вы этотъ прогрессъ отрицаете?

— Какая обывательщина! Какъ все это мизерно!.. Что въ томъ, что я отдамъ свою жизнь горсти людей, глухой деревушкѣ, обучая, лѣча и т. д.? Такія жертвы нелѣпы. Пострадать... умереть... да, я это понимаю... Но было бы за что...

Онъ крикнулъ это въ какомъ-то мрачномъ экстазѣ, почти изступленно.

— О, конечно,—усмѣхнулась Ольга.—Эффектная смерть всегда легче цѣлой жизни незамѣтнаго самоотверженія. Заслуга не въ томъ, однако, чтобы умереть красиво, а чтобы сдѣлать подвигъ изъ своей жизни. А вы?.. Вы, боюсь, только проговорите попусту лучшіе годы, или пропадете за ничто...

— Какъ понимать это „за ничто?..“ Я думаю, что ни одна жертва не бываетъ безплодной въ такомъ дѣлѣ, какъ наше. И если даже такъ...—Онъ сдѣлалъ безшабашный, полный удали жестъ.—Пусть!.. „Судьба жертвъ искупительныхъ проситъ“... продекламировалъ онъ съ одушевленіемъ.

Они давно уже покинули линію бульвара и шли улицей. Все было пустынно. Городъ молчалъ.

— Мнѣ кажется,—вдругъ упавшимъ голосомъ началъ Арбековъ,—что вы современемъ измѣните вашъ взглядъ.

— Наврядъ ли... Чтобъ заставить меня примкнуть къ вашему лагерю, чтобъ научить меня ненавидѣть,—надо, чтобъ жизнь отняла у меня все для меня завѣтное, мою цѣль... А можетъ ли это быть?

— Все можетъ быть,—какъ-то загадочно изрекъ Арбековъ.

Ольга вдругъ весело разсмѣялась.

— Господи!.. Какъ вы это страшно сказали!

Арбековъ сконфузился.—Да,—сознался онъ,—это вышло тѣмъ болѣе глупо, что я даже не знаю, какова въ сущности ваша цѣль!.. Это не тайна?

— Разумѣется, нѣтъ... Хотя... я не люблю объ этомъ говорить. Я буду врачомъ. Скоро я разсчитываю ѣхать въ Петербургъ.

— Только-то? Мой другъ!.. Такая обывательская доля...

— Нѣтъ, пожалуйста... Есть вопросы, надъ которыми я, какъ и вы, не позволю глумиться...

Арбековъ помолчалъ, робѣя невольно.

— А все-таки, какъ странно!—заговорила Ольга, и лас вой грустью зазвучалъ ея голосъ. — Кто это сказалъ, что в Россіи, чуть сойдутся двое интеллигентовъ, сейчасъ ужъ за міровые вопросы хватаются? Вы, можетъ, думаете, что я эк пансивна вообще? Вижу васъ въ первый разъ и говорю та откровенно о своихъ убѣжденіяхъ? Ну, что-жъ? Я не каюсь Вы славный, вы мнѣ нравитесь. Въ васъ есть что то дѣтское что-то очень чистое. И ваша искренность заразила меня.

Лицо Арбекова просвѣтлѣло.

— Мой другъ... (Онъ задохнулся отъ волненія.) Мой пр красный другъ... Можно васъ такъ звать? Дайте мнѣ ваш ручку пожать!.. Что за чудный день нынче!

— Ночь,—засмѣялась Ольга.

— Что за счастливый день! Какъ я жаждалъ познакомиться И вотъ... Только я не думалъ, что выйдетъ такъ хорошо.

— А я считала васъ за пошляка. Простите...

Арбекову вдругъ стало душно въ его легкомъ пальтецѣ, онъ разстегнулъ воротъ.

Они миновали старую церковь съ черными окнами, куд было жутко заглянуть, прошли еще переулокъ. Каменныя гро мады домовъ остались позади, а мимо тянулись заборы без конца, съ коротенькими тѣнями, безъ единой души, безъ ед наго звука, и опять луна все заливала кругомъ синимъ во шебнымъ свѣтомъ.

Оба невольно замедлили шагъ. Арбековъ вдругъ сдѣла жестъ отчаянія.

— Ну, за одно... Отвѣтьте мнѣ, Бога ради, на одинъ в просъ... только не сердитесь...

Ольга разсмѣялась.

— Никогда не любила,—сказала она громко и отчетлив

Арбековъ дрогнулъ и остановился.

— Вы догадались?.. Почему вы догадались?

— Ну, конечно... ужъ по одной торжественности тона Какъ можно? Такая ночь, луна, „мы одни"... Я знала, ч рѣчь пойдетъ о любви...

— Ахъ, Боже мой!.. Опять вы глумитесь! Мнѣ даже сты но, зачѣмъ я спрашивалъ?.. Конечно, васъ никто не обяз ваетъ отвѣчать... А я глупъ, какъ всегда.

— Нѣтъ, милый... Арбековъ... Постойте. Какъ васъ зовутъ?

— Николай Аветовичъ...

— Такъ вотъ что, милый Николай Аветовичъ... Теперь бу-
:мъ говорить серьезно. Я никогда не любила, никогда не
злекалась. А между тѣмъ... Мнѣ скоро минетъ двадцать пять
ѣтъ. Это полжизни... Былъ... дѣйствительно... давно какой-то
энъ,—говорила она тихо, словно думала вслухъ, и такъ стран-
о, медленно говорила.—Одинъ только вечеръ... одна встрѣча...
акъ бываетъ во снѣ... Такія жуткія, чудныя ощущенія... Если
го любовь, то я знала ее... Но...—голосъ ея задрожалъ и по-
изился.—„То былъ лишь сонъ"...

— Давно?—шопотомъ спросилъ Арбековъ.

Она подняла голову, поглядѣла въ бездонное, таинственное
ебо и засмѣялась коротко и нервно.

— Ахъ! Очень давно. Шесть лѣтъ назадъ... Мы больше не
стрѣчались.

Во власти какого-то необычнаго, страннаго, Богъ вѣсть
ткуда налетѣвшаго настроенія они прошли весь переулокъ,
едленно, не замѣчая, что молчатъ.

— А потомъ?—спросилъ тихонько Арбековъ, какъ будто
хъ мысли не прерывались.

— А потомъ... ничего...

Она опять улыбалась уже насмѣшливо

— Но почему же? Людей достойныхъ не встрѣчали развѣ?

— А развѣ любятъ за достоинства?—какъ-то странно опять
просила Ольга. За этимъ вопросомъ можно было угадать цѣ-
ый міръ всколыхнувшихся затаенныхъ запросовъ женской души.

Удивительно, какъ подѣйствовалъ на Арбекова этотъ во-
просъ, самый звукъ ея голоса! — „Какъ она женственна!" —
ъ изумленіемъ понялъ онъ, и какая-то горячая волна вдругъ
рилила къ его сердцу, и оно застучало.—„Вотъ говорятъ, что
ъ каждомъ изъ насъ—два человѣка... А сколько въ ней?"

— Вы были счастливы въ прошломъ? — спросилъ онъ и
амъ удивился своей смѣлости.

— Нѣтъ,—отвѣтила она просто, не удивившись ничему, но
твѣтъ прозвучалъ съ горечью.— Мое прошлое все ушло на
елкую, тяжелую борьбу... съ близкими... Вѣдь они всегда на-
ши враги... Страшная вещь—семейный гнетъ... традиціи, связи.
Это цѣпи... Я ихъ разорвала, правда, но чего мнѣ это стои-
о! Я состарилась въ этой борьбѣ. потеряла иллюзіи юно-
сти... если онѣ у меня и были! Ахъ, Николай Аветовичъ!.. Вы

не знаете, какъ трудно дѣвушкѣ моего круга ежедневно, ежечасно отстаивать свои права на свободу, на собственное достоинство, на право не только поступать, но даже думать посвоему! Но... Не будемъ объ этомъ больше говорить! Это былъ кошмаръ. Все прошло...

— Вотъ что!.. Теперь я начинаю васъ понимать. Вы мнѣ казались до сихъ поръ какой-то... прекрасной загадкой... Но я зналъ... я чувствовалъ, что вы такая... особенная...

Она остановилась и глядѣла въ далекое, холодное небо. А онъ глядѣлъ въ ея ярко озаренное лицо. И вдругъ что-то трагическое въ этомъ лицѣ поразило его. И онъ подумалъ невольно: „Великія ли радости, великія ли скорби готовитъ тебѣ судьба, но ты не пройдешь свою жизнь безмятежно и ясно, какъ милліоны женщинъ"... И ему вдругъ стало почему-то нестерпимо жаль ее.

— Любовь...— продолжала Ольга въ какомъ-то необъяснимомъ, ей самой непонятномъ волненіи. — Я всегда смѣялась... я никогда не вѣрила въ это странное безуміе, которое овладѣваетъ человѣкомъ и заставляетъ его идти на сдѣлки съ совѣстью, на отреченіе отъ идеала, на измѣну дѣлу, на самоубійство, наконецъ... Ахъ! Какъ я презираю тѣхъ, кто изъ любви лишаетъ себя жизни!.. Меня называютъ уродомъ, ненормальнымъ существомъ... Но неужели это такъ? Неужели любовь неизбѣжна, какъ смерть?

И такая глубокая тоска прозвучала въ этомъ вопросѣ, что Арбековъ измѣнился въ лицѣ.

— Знаете что, Ольга Юрьевна? Вы уже и теперь готовы любить...

— Милый Николай Аветовичъ, я пережила безстрастно годы дѣвичьихъ грезъ... Теперь уже немножко поздно начинать съ азбуки. Проживемъ и безъ иллюзій...

— Вотъ видите... У васъ какая-то нотка пробивается... хоть вы и бодритесь. Точно вы жалѣете о чемъ-то...

— Безвозвратномъ?— съ странной интонаціей кинула она.

— И я теперь почти... Нѣтъ! Я положительно убѣжденъ, что вы скоро влюбитесь... и безумно...

Она вздрогнула, и онъ это видѣлъ.

— И почему-то мнѣ кажется, Ольга Юрьевна, что вы будете несчастны.

Забытое воспоминаніе примчалось изъ смутной дали прошлаго, сверкнуло какъ бы въ зрачкахъ Ольги и погасло.

„Кто мнѣ говорилъ эту фразу?"—спросила она себя.

— И знаете, въ кого влюбитесь?—Арбековъ подождалъ съ полсекунды ея вопроса. Она молчала.—Въ Семенова.

— Нѣтъ!.. Никогда! — горячо вырвалось у Ольги. — Вы — плохой пророкъ, Арбековъ... Знаете? Я избѣгаю Семенова...

— Вы его боитесь?

Она молчала. Въ этомъ молчаньи было что-то зловѣщее, что-то странное... И у Арбекова захватило духъ.

— Да!—вдругъ чуть слышно сказала Ольга и вскинула на техника расширенные глаза, испуганные и наивные, какъ у ребенка. Это выраженіе въ лицѣ свѣтской и такой съ виду надменной дѣвушки было слишкомъ неожиданно. Арбекову вдругъ стало жутко чего-то.

— У меня предчувствіе... — медленно, шопотомъ начала Ольга. — Нѣтъ!.. Впрочемъ... Что я говорю? — какъ бы опомнилась она.

— Нѣтъ!.. Говорите ради Бога!—Онъ стиснулъ ея руки.

— У меня предчувствіе... что онъ сыграетъ крупную роль въ моей жизни... и что мнѣ отъ него не уйти...

Арбековъ молча глядѣлъ въ блѣдное лицо, такое прекрасное и трагическое, и настроеніе этой дѣвушки передавалось ему опять и подчиняло себѣ.

— Какъ это странно! — сказалъ онъ, наконецъ. — И давно это у васъ?—Они говорили теперь почему-то вполголоса.

— Съ первой минуты, когда я его увидала... Это было на засѣданіи какого-то общества... Мы были въ толпѣ оба. Я его нечаянно толкнула и извинилась. Онъ обернулся и поглядѣлъ мнѣ въ глаза. Я никогда не видала такихъ глазъ... Вотъ у Сенъ-Жюста, навѣрное, былъ тотъ же взглядъ! Холодное что-то, но острое и властное... Мнѣ потомъ казалось, что мы ужасно долго глядѣли другъ другу въ глаза. Конечно, это показалось только... Я отвернулась. Тогда онъ вдругъ такъ спокойно сказалъ: „Пройдите впередъ, Ольга Юрьевна. Тамъ еще есть мѣста"... Вотъ въ эту именно минуту... я не могу вамъ объяснить... Это что-то не поддающееся никакому опредѣленію... Но я почувствовала, что мнѣ жутко. Я спросила курсистку: кто это? И спросила, по крайней мѣрѣ, минуты черезъ двѣ когда уже сѣла. Такъ я растерялась отъ того, что онъ меня знаетъ. Меня это просто испугало. А курсистка удивилась, помню, моему вопросу. „Неужели вы не знаете, что это Семеновъ?"

— А потомъ? Вы часто съ нимъ встрѣчались?

не знаете, какъ трудно дѣвушкѣ моего круга ежедневно, ежечасно отстаивать свои права на свободу, на собственное достоинство, на право не только поступать, но даже думать по-своему! Но... Не будемъ объ этомъ больше говорить! Это былъ кошмаръ. Все прошло...

— Вотъ что!.. Теперь я начинаю васъ понимать. Вы мнѣ казались до сихъ поръ какой-то... прекрасной загадкой... Но я зналъ... я чувствовалъ, что вы такая... особенная...

Она остановилась и глядѣла въ далекое, холодное небо. А онъ глядѣлъ въ ея ярко озаренное лицо. И вдругъ что-то трагическое въ этомъ лицѣ поразило его. И онъ подумалъ невольно: „Великія ли радости, великія ли скорби готовитъ тебѣ судьба, но ты не пройдешь свою жизнь безмятежно и ясно, какъ милліоны женщинъ"... И ему вдругъ стало почему-то нестерпимо жаль ее.

— Любовь...— продолжала Ольга въ какомъ-то необъяснимомъ, ей самой непонятномъ волненіи. — Я всегда смѣялась... я никогда не вѣрила въ это странное безуміе, которое овладѣваетъ человѣкомъ и заставляетъ его идти на сдѣлки съ совѣстью, на отреченіе отъ идеала, на измѣну дѣлу, на самоубійство, наконецъ... Ахъ! Какъ я презираю тѣхъ, кто изъ любви лишаетъ себя жизни!.. Меня называютъ уродомъ, ненормальнымъ существомъ... Но неужели это такъ? Неужели любовь неизбѣжна, какъ смерть?

И такая глубокая тоска прозвучала въ этомъ вопросѣ, что Арбековъ измѣнился въ лицѣ.

— Знаете что, Ольга Юрьевна? Вы уже и теперь готовы любить...

— Милый Николай Аветовичъ, я пережила безстрастно годы дѣвичьихъ грезъ... Теперь уже немножко поздно начинать съ азбуки. Проживемъ и безъ иллюзій...

— Вотъ видите... У васъ какая-то нотка пробивается... хоть вы и бодритесь. Точно вы жалѣете о чемъ-то...

— Безвозвратномъ? — съ странной интонаціей кинула она.

— И я теперь почти... Нѣтъ! Я положительно убѣжденъ, что вы скоро влюбитесь... и безумно...

Она вздрогнула, и онъ это видѣлъ.

— И почему-то мнѣ кажется, Ольга Юрьевна, что вы будете несчастны.

Забытое воспоминаніе примчалось изъ смутной дали прошлаго, сверкнуло какъ бы въ зрачкахъ Ольги и погасло.

„Кто мнѣ говорилъ эту фразу?"—спросила она себя.

— И знаете, въ кого влюбитесь?—Арбековъ подождалъ съ полсекунды ея вопроса. Она молчала.—Въ Семенова.

— Нѣтъ!.. Никогда! — горячо вырвалось у Ольги. — Вы — плохой пророкъ, Арбековъ... Знаете? Я избѣгаю Семенова...

— Вы его боитесь?

Она молчала. Въ этомъ молчаньи было что-то зловѣщее, что-то странное... И у Арбекова захватило духъ.

— Да!—вдругъ чуть слышно сказала Ольга и вскинула на техника расширенные глаза, испуганные и наивные, какъ у ребенка. Это выраженіе въ лицѣ свѣтской и такой съ виду надменной дѣвушки было слишкомъ неожиданно. Арбекову вдругъ стало жутко чего-то.

— У меня предчувствіе... — медленно, шопотомъ начала Ольга. — Нѣтъ!.. Впрочемъ... Что я говорю? — какъ бы опомнилась она.

— Нѣтъ!.. Говорите ради Бога!—Онъ стиснулъ ея руки.

— У меня предчувствіе... что онъ сыграетъ крупную роль въ моей жизни... и что мнѣ отъ него не уйти...

Арбековъ молча глядѣлъ въ блѣдное лицо, такое прекрасное и трагическое, и настроеніе этой дѣвушки передавалось ему опять и подчиняло себѣ.

— Какъ это странно! — сказалъ онъ, наконецъ. — И давно это у васъ?—Они говорили теперь почему-то вполголоса.

— Съ первой минуты, когда я его увидала... Это было на засѣданіи какого-то общества... Мы были въ толпѣ оба. Я его нечаянно толкнула и извинилась. Онъ обернулся и поглядѣлъ мнѣ въ глаза. Я никогда не видала такихъ глазъ... Вотъ у Сенъ-Жюста, навѣрное, былъ тотъ же взглядъ! Холодное что-то, но острое и властное... Мнѣ потомъ казалось, что мы ужасно долго глядѣли другъ другу въ глаза. Конечно, это показалось только... Я отвернулась. Тогда онъ вдругъ такъ спокойно сказалъ: „Пройдите впередъ, Ольга Юрьевна. Тамъ еще есть мѣста"... Вотъ въ эту именно минуту... я не могу вамъ объяснить... Это что-то не поддающееся никакому опредѣленію... Но я почувствовала, что мнѣ жутко. Я спросила курситску: кто это? И спросила, по крайней мѣрѣ, минуты черезъ двѣ когда уже сѣла. Такъ я растерялась отъ того, что онъ меня знаетъ. Меня это просто испугало. А курсистка удивилась, помню, моему вопросу. „Неужели вы не знаете, что это Семеновъ?"

— А потомъ? Вы часто съ нимъ встрѣчались?

— Часто... Можетъ быть, случайно... Нѣтъ, навѣрное, даже онъ самъ искалъ этихъ встрѣчъ. Вѣдь, онъ мнѣ недавно сознался, что... я ему нужна. И всегда, всегда этотъ тяжелый взглядъ, который я чувствую на себѣ... точно свинецъ. Онъ меня давитъ... Въ его присутствіи я прямо теряюсь... Пожалуйста, не будемъ о немъ говорить!

Они свернули направо, и передъ ними словно выросла темная громада строеній. Это было то казенное училище, гдѣ Ольга жила и гдѣ она давала уроки музыки.

„Сейчасъ конецъ",—тоскливо подумалъ Арбековъ. Ему вспомнилось, сколько въ теченіе одного вечера онъ пережилъ чудныхъ и небывалыхъ настроеній!.. Во время пѣнія, во время спора, въ минуты ея странныхъ признаній... И все это дала ему вотъ *эта*, еще вчера чужая и загадочная женщина... „Что за богатая натура!" подумалъ онъ. Но стала ли она ему хоть на іоту понятнѣе сейчасъ, послѣ цѣлаго вечера близости? „Нѣтъ,—долженъ былъ онъ сознаться себѣ,—нѣтъ"... И понималъ онъ еще, что за цѣлые два года его суровой студенческой жизни онъ не пережилъ такъ много и ярко, какъ за эти нѣсколько часовъ.

Они остановились у калитки. Арбековъ взялъ въ свои грубыя, мозолистыя ладони руки Ольги въ свѣжихъ перчаткахъ и тихо пожималъ ихъ. Онъ молча глядѣлъ въ ея смѣявшіеся, темные и словно искрившіеся глаза, въ ея лицо, въ этой тѣни казавшееся такимъ бѣлымъ и призрачнымъ... Сердце его билось сильными, почти судорожными толчками. Онъ самъ не понималъ себя, любя впервые и называя проснувшееся чувство дружбой, уваженіемъ, интересомъ къ недюжинной личности, всѣмъ, но не настоящимъ словомъ. Но опять-таки онъ хорошо зналъ, что минуты, какъ эти, переживаютъ не каждый день.

— Ахъ, какъ жить хорошо!—съ дрожью въ голосѣ восторженно воскликнулъ онъ.—Мой другъ!.. Мой прекрасный, добрый другъ... Я ужасно счастливъ... Мнѣ даже... плакать хочется отъ счастья...

Ольга тоже всматривалась въ его лицо. Войлочная круглая шапка, надѣтая на затылокъ, дѣлала бы его смѣшнымъ, если-бъ не чудное, полное экстаза выраженіе его глазъ. Что-то щемящее, горькое и почти злобное подымалось со дна души Ольги. Инстинктомъ она отгадала причину молодого счастья въ устремленномъ на нее сейчасъ восхищенномъ и жадномъ взглядѣ. Какая-то жгучая тоска перехватила ей духъ. О чемъ?..

И ей стало стыдно и больно за это незнакомое прежде чувство, которое теперь завозилось тревожно въ ея груди... Имя ему было—зависть...

— Ступайте домой, Арбековъ! Лягте спать, и завтра всему этому восторгу конецъ!—рѣзко замѣтила она и высвободила свои руки изъ его теплыхъ ладоней.

Но онъ былъ слишкомъ опьяненъ. Не огорчаясь ея тономъ, онъ широко взмахнулъ руками. Онъ какъ бы хотѣлъ заключить въ свои объятія и эту странную дѣвушку, и тѣхъ, кто мирно спалъ въ низенькихъ домахъ, и тѣхъ, кто бродилъ безъ пріюта въ эту волшебную ночь, и эту самую голубую ночь, и весь міръ...

— Вы взгляните только вверхъ!.. Какое небо!.. Какая ширь! Можно ли заснуть теперь?.. Ахъ! Я собралъ бы теперь цѣлую толпу людей и сталъ бы говорить... много говорить... хорошо говорить. И это настроеніе дали мнѣ вы... Милая... Милая Ольга Юрьевна... „Не любить — погубить значитъ жизнь молодую"... — страстно запѣлъ Арбековъ, и далеко разнесся по сонному переулку его голосъ.

Да, это было почти признаніе въ любви, хотя онъ самъ этого не сознавалъ, это наивное дитя природы, сохранившее вдали отъ родины, на цивилизованномъ сѣверѣ, всю пылкость и непосредственность своей южной натуры. Ольга опять поняла это, но отвернулась и медленно посмотрѣла кругомъ.

Необъятный просторъ неба, фосфорическій блескъ, таинственная дрема и неотразимая красота осенней ночи, полная чего-то недоговореннаго, что-то обѣщающая, словно зовущая куда-то... И вдругъ невыносимая тоска, жгучая и безпредметная, защемила ей сердце. Она поспѣшно дернула звонокъ.

Въ калиткѣ выросла плотная фигура заспаннаго дворника. Онъ молча и словно свысока оглядѣлъ стоявшихъ.

— Это я, Степанъ... Ступай... Я сама запру калитку...

Дворникъ сладко зѣвнулъ, натянулъ на плечо сползавшій кафтанъ и побрелъ во дворъ.

— Когда-жъ мы увидимся?—грустно началъ Арбековъ.

— Н-не знаю... Во всякомъ случаѣ, не скоро. Чѣмъ рѣже видѣться намъ, тѣмъ лучше.

— Лучше?.. Для кого?

Она прямо взглянула ему въ глаза.—Для вас.

— Какая вы жестокая, мой другъ! Постойте... на минуту,—вдругъ встрепенулся онъ, замѣтивъ ея движеніе.— Позвольте мнѣ придти къ вамъ въ гости.

Онъ умолялъ. Но она отказала на отрѣзъ, ссылаясь на то, что живетъ въ полномъ одиночествѣ и снимаетъ комнату у двухъ старушекъ, ея бывшихъ классныхъ дамъ, жившихъ теперь на пенсіи.

— Тамъ никогда даже мужскія калоши въ передней не стояли,—усмѣхнулась она.—Мои хозяйки—цѣломудренныя нѣмки и считаютъ васъ искренно за враговъ и супостатовъ. А нарушать уставъ этого маленькаго монастыря я не считаю себя въ правѣ.

— У меня же калошъ нѣтъ, — пробовалъ отшутиться Арбековъ, высоко и жалобно подымая брови.—Онѣ не увидятъ.

— Все равно. Какъ баба-яга, онѣ узнаютъ васъ по духу.

Все это было такъ, но она умолчала о главномъ. Нервы ея упали, возбужденіе прошло, и этотъ влюбленный Арбековъ былъ ей уже не интересенъ и не нуженъ. Больше того: онъ былъ ей антипатиченъ. Этой влюбленности она не хотѣла ему почему-то простить.

— Такъ заходите къ Райской... Зайдете, Ольга Юрьевна? Ахъ, Боже мой! Изъ головы вонъ... Будете на концертѣ? Въ пользу фельдшерицъ?.. Позвольте вамъ занести билетъ...

Голосъ его рвался отъ волненія.

— Благодарю васъ... Занесите.

— Въ какую цѣну?

— Въ первомъ ряду... До свиданія...

Калитка хлопнула. Шаги Ольги прозвучали и стихли.

А Арбековъ все стоялъ передъ запертыми воротами и ловилъ какъ бы звенѣвшіе еще въ воздухѣ красивые звуки ея голоса. Онъ видѣлъ передъ собой эти суровые, прекрасные глаза... Кому блеснутъ они навстрѣчу искрой страсти? Кому согрѣютъ лаской жизнь?

Молодость брала свое. Міровые вопросы, великія задачи блѣднѣли. Выдвигалась жизнь съ ея несокрушимыми запросами, съ ея страстными, настойчивыми требованіями.

А съ свѣтлаго неба луна глядѣла на него не то насмѣшливо, не то съ любопытствомъ. Арбековъ вдругъ вытянулъ руки, взмахнулъ ими надъ головой и потянулся всѣмъ тѣломъ. Хотѣлось закричать отъ сладкой боли, заплакать отъ невыносимаго счастья. Въ глазахъ зажигались слезы. Въ груди закипали необъятные порывы, крылатыя стремленія куда-то въ даль, въ высь... На счастье ли, на страданіе ли? Все равно!.. Только куда-то выше толпы и ея доли, выше сѣренькой повседневной жизни...

„Это—любовь"... вдругъ понялъ онъ съ радостью и испугомъ.

IV.

Баронъ Юрій Петровичъ Девичъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ занималъ очень важный и высокій постъ въ чиновномъ мірѣ. Въ числѣ немногихъ незабвенныхъ лицъ онъ работалъ упорно и съ любовью надъ проведеніемъ въ жизнь тѣхъ великихъ реформъ, которыми ознаменовалось начало царствованія Александра II. Баронъ Девичъ былъ свѣтлой личностью, и современники судили о немъ — какъ это всегда бываетъ — ложно, называли его чудакомъ, нѣкоторые даже — помѣшаннымъ, не прощали ему его безкорыстія и отсутствія честолюбія.—„Это человѣкъ случая",—говорили они, отрицая его таланты, благодаря которымъ онъ выдвинулся такъ быстро. Когда баронъ Девичъ, какъ ребенокъ, радовался успѣхамъ людей, которымъ симпатизировалъ,—ему не вѣрили. Когда онъ приходилъ въ глубокое уныніе отъ того, что открытый имъ талантъ-самородокъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ,—ему опять-таки не вѣрили. Въ свѣтѣ, гдѣ чужой успѣхъ отравляетъ людямъ жизнь и гдѣ жестоко смѣются надъ всякой неудачей, баронъ Девичъ могъ прослыть только лицемѣромъ или чудакомъ. А главная его вина заключалась въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи, еще до реформы, далъ свободу и землю своимъ крестьянамъ, разоривъ самого себя. А затѣмъ явился ярымъ защитникомъ высшаго женскаго образованія въ Россіи, когда это движеніе началось въ русскомъ обществѣ, разжигая страсти и внося разладъ въ патріархальныя семьи. Первыя русскія курсистки многимъ были обязаны барону, и немудрено, что онъ пользовался громадной популярностью въ средѣ молодежи и интеллигенціи.

Баронъ дожилъ холостякомъ до сорока двухъ лѣтъ, мечтая робко о любви, по природной застѣнчивости не сближаясь съ женщинами своего круга. Въ немъ не было семейственныхъ инстинктовъ, онъ былъ рожденъ борцомъ и общественнымъ дѣятелемъ. Наконецъ, у него не было времени на увлеченія. Затѣмъ онъ сказалъ себѣ: „Баста!.. Я слишкомъ старъ, чтобъ жениться"... Въ то время въ Москвѣ громаднымъ вліяніемъ пользовалась извѣстная княгиня Шаликова. Замѣчательная красавица въ свои сорокъ лѣтъ, умница, законодательница моды, она въ молодости блистала при дворѣ, имѣла сильную протекцію, крупныя связи и сама сдѣлала карьеру своему мужу. Княжны были красивы, прекрасно образованы. Всѣ понимали, что всесильная

княгиня создастъ карьеру зятю, и потому въ женихахъ оказывался embarras de choix. Но ни одна княжна не имѣла такой свиты поклонниковъ, какъ сама очаровательная, блестящая княгиня.

Младшей княжнѣ, прелестной Софи минуло семнадцать лѣтъ. Баронъ Девичъ, по дѣламъ службы прожившій мѣсяцъ въ Москвѣ, былъ представленъ княгинѣ и произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Затѣмъ онъ увидалъ ея дочь на ея первомъ балу у генералъ-губернатора и влюбился въ нее, какъ юноша.

Разъ баронъ сдѣлалъ княгинѣ косвенный комплиментъ.

— Какъ вы похожи на Софью Николаевну! Она такъ прекрасна!

Княгиня тонко улыбнулась.

Понявъ, что застѣнчивость барона никогда не допуститъ его до объясненія, княгиня сама намекнула ему, что Софи мечтаетъ быть его женой.

— Это неправда!—крикнулъ онъ затрепетавшимъ голосомъ.

Княгиня поднялась и выпрямилась:—Почему неправда?

Онъ почувствовалъ ужасъ при мысли, что этого ребенка хотятъ насильно продать ему. Она же стояла передъ нимъ, слегка поблѣднѣвшая, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ застывшемъ лицѣ.—Почему неправда?..—тихо повторила она и вышла.

Онъ вздрогнулъ отъ этого тона, отъ ея взгляда, такого яркаго, быстраго... Какъ часто потомъ онъ вспоминалъ этотъ взглядъ!

Въ сущности, онъ былъ очень эффектенъ и необычайно моложавъ съ его сильной фигурой, съ этой слегка сѣдѣющей гривой волосъ надъ мощнымъ лбомъ, придававшей что-то львиное его крупной головѣ съ орлинымъ взглядомъ.

— Si tu ne l'adores pas, tu es bête (ты глупа будешь, если не полюбишь его),—сказала княгиня дочери, вталкивая ее въ гостиную, гдѣ ждалъ баронъ.

— Онъ плачетъ... il pleure, maman... — сказала Софи, выскользнувъ изъ комнаты, разочарованная, обиженная слегка.

Княгиня за дверью схватила ея руку и приложила палецъ къ губамъ. То, что дѣвушкѣ казалось страннымъ и смѣшнымъ, тронуло ее сильнѣе, чѣмъ она того желала.—„Это любовь“,—поняла она съ чувствомъ невольнаго уваженія, предъ которымъ на мгновеніе смолкли всѣ разсчеты.

Какъ странно взглянула княгиня на дочь, бросивъ ей коротко: allez!.. Точно обожгла ее взглядомъ. Она отсылала ее назадъ съ выраженіемъ женщины, въ которой проснулась зависть къ другой, болѣе молодой и счастливой.

На самомъ дѣлѣ тщеславная Софи, даже втайнѣ не мечтавшая о такомъ бракѣ, была искренне увлечена женихомъ. Свадьбой торопились.

Баронъ весь досугъ отдавалъ женѣ. Онъ развивалъ ея умъ, стараясь поднять ее до себя. Когда же онъ замѣчалъ, что жена блѣднѣетъ, зѣваетъ или хмурится, онъ говорилъ: „Бѣдное дитя!.. Тебѣ пора развлечься...“ И они ѣхали на великосвѣтскій раутъ или балъ, гдѣ юная Софи дѣлалась неузнаваемой. Жажда жизни, культивированное воспитаніемъ ненасытное тщеславіе и страсть къ наслажденіямъ били въ ней тогда черезъ край. Ея кокетство доходило до бравады. Не замѣчалъ этого только ея сановный мужъ. Онъ проводилъ вечеръ гдѣ-нибудь въ угловой комнатѣ, среди дыма сигаръ, ухвативъ за пуговицу сюртука какого-нибудь ученаго изъ молодыхъ, случайно попавшаго на этотъ вечеръ, въ жаркомъ научномъ спорѣ. Между тѣмъ какъ жена его, вальсируя въ объятіяхъ гвардейца, съ удивленіемъ замѣчала, что кавалеръ ея, съ его банальными разговорами, интереснѣе ея ученаго супруга, и что въ молодости есть неотразимое обаяніе.

Выѣзды, однако, были рѣдки, и Софи писала матери страстныя жалобы, прося повліять на мужа. Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, она выходила замужъ, чтобъ, сидя дома, читать и учиться... Однако, эти протесты не встрѣтили сочувствія въ княгинѣ.

„Учиться никогда не поздно“, отвѣтила она. „Я сейчасъ учусь и читаю. Ты не понимаешь, что сердце твоего мужа — сокровище... Судьба дала тебѣ въ мужья une nature d'élite... Сумѣй уберечь его чувство...“

Черезъ мѣсяцъ между барономъ и княгиней завязалась переписка. Результаты оказались блестящіе.

— Какъ умна княгиня! — съ восторгомъ думалъ баронъ, пряча душистое письмо на толстой бумагѣ съ княжеской короной.—Какая у нея тонкая натура! Сколько блеска и остроумія! У нея талантъ m-me de Sévigné.

Княгиня какъ-то удивительно деликатно объясняла ему въ письмахъ разницу натуръ между нимъ и Софи, невозможность сближенія, необходимость снисходить къ этой бѣдной Софи, которая (вытекало само собою) была ему не по плечу... была *terre-á-terre*. Переписка эта тянулась два года, и въ ней заключалось что-то заманчивое. Одинокій всю жизнь баронъ вдругъ угадалъ родную душу въ этой блестящей княгинѣ Шаликовой, и годами задавленная потребность въ общеніи съ

— Нѣтъ, пожалуйста... Есть вопросы, надъ которы
какъ и вы, не позволю глумиться...

Арбековъ помолчалъ, робѣя невольно.

— А все-таки, какъ странно!—заговорила Ольга, и ла
вой грустью зазвучалъ ея голосъ. — Кто это сказалъ, что
Россіи, чуть сойдутся двое интеллигентовъ, сейчасъ уж
міровые вопросы хватаются? Вы, можетъ, думаете, что я
пансивна вообще? Вижу васъ въ первый разъ и говорю
откровенно о своихъ убѣжденіяхъ? Ну, что-жъ? Я не как
Вы славный, вы мнѣ нравитесь. Въ васъ есть что то дѣтс
что-то очень чистое. И ваша искренность заразила меня.

Лицо Арбекова просвѣтлѣло.

— Мой другъ... (Онъ задохнулся отъ волненія.) Мой
красный другъ... Можно васъ такъ звать? Дайте мнѣ
ручку пожать!.. Что за чудный день нынче!

— Ночь,—засмѣялась Ольга.

— Что за счастливый день! Какъ я жаждалъ познакомит
И вотъ... Только я не думалъ, что выйдетъ такъ хорошо

— А я считала васъ за пошляка. Простите...

Арбекову вдругъ стало душно въ его легкомъ пальте
онъ разстегнулъ воротъ.

Они миновали старую церковь съ черными окнами,
было жутко заглянуть, прошли еще переулокъ. Каменныя
мады домовъ остались позади, а мимо тянулись заборы
конца, съ коротенькими тѣнями, безъ единой души, безъ
наго звука, и опять луна все заливала кругомъ синимъ
шебнымъ свѣтомъ.

Оба невольно замедлили шагъ. Арбековъ вдругъ сдѣ
жестъ отчаянія.

— Ну, за одно... Отвѣтьте мнѣ, Бога ради, на одинъ
просъ... только не сердитесь...

Ольга разсмѣялась.

— Никогда не любила,—сказала она громко и отчетл

Арбековъ дрогнулъ и остановился.

— Вы догадались?.. Почему вы догадались?

— Ну, конечно... ужъ по одной торжественности то
Какъ можно? Такая ночь, луна, „мы одни"... Я знала,
рѣчь пойдетъ о любви...

— Ахъ, Боже мой!.. Опять вы глумитесь! Мнѣ даже с
но, зачѣмъ я спрашивалъ?.. Конечно, васъ никто не об
ваетъ отвѣчать... А я глупъ, какъ всегда.

ея будуарѣ, читали, спорили... И, глядя на ихъ лица, можно было думать, что имъ обоимъ по двадцати лѣтъ, и что ихъ жизнь еще вся впереди...

Иногда баронъ говорилъ женѣ, любуясь ею: „Ты похожа на мать". И въ его устахъ теперь это была высшая похвала. Но Софья Николаевна блѣднѣла отъ оскорбленія. Она давно угадала чувства мужа. Прощать она не умѣла и затаила глубокую ненависть.

Такъ прошло пять лѣтъ.

Ольга росла капризнымъ ребенкомъ, нервнымъ и впечатлительнымъ до крайности. Отецъ обожалъ ее, и дѣвочка ни въ чемъ не знала отказа. Она рано стала выказывать наблюдательность и чуткость къ красотѣ. Природа восторгала ее. Музыка приковывала ее по часамъ къ роялю, когда баронъ игралъ по вечерамъ (а игралъ онъ удивительно хорошо). Она раскрывала тогда широко огромные сѣрые глазки, казавшіеся черными отъ нервно-разлившагося зрачка, и слушала всей маленькой пылкой душой, и на блѣдномъ личикѣ вспыхивали и гасли загадочно-новыя и сложныя выраженія. Иногда она начинала безутѣшно рыдать. Испуганный баронъ обрывалъ аккордъ, схватывалъ дѣвочку въ объятія и осыпалъ поцѣлуями.

Игрушки ее не занимали. У нея были двѣ страсти: цвѣты и животныя, впослѣдствіи—книга. Читать она научилась пяти лѣтъ. Въ семь ее трудно было оторвать отъ чтенія.

— Какое необыкновенное дитя!—искренно удивлялись всѣ. Но Софья Николаевна сердилась.

— Ее погубятъ этимъ воспитаніемъ,—говорила она.— Развѣ можно безнаказанно развивать такую впечатлительность? Она живетъ воображеніемъ...

— Нѣтъ, это хорошо, это несомнѣнно хорошо,—серьезно отвѣчалъ баронъ. — Только люди съ хорошо развитымъ воображеніемъ могутъ быть добры и чутки... Знаете ли, отчего мы такъ равнодушны къ чужимъ бѣдствіямъ? Мы ихъ не видимъ, мы не видимъ страданій, а представить ихъ себѣ *не умѣемъ*. Вотъ въ чемъ зло. Надо развивать воображеніе, господа. Это—единственная гарантія отъ равнодушія и нашего позорнаго себялюбія.

А жена его, усмѣхаясь, вспоминала о матери барона, въ юности кончившей помѣшательствомъ. Сейчасъ видно, что оно наслѣдственно... И ей часто хотѣлось сказать мужу, что онъ готовитъ Ольгѣ ту же участь.

не знаете, какъ трудно дѣвушкѣ моего круга ежедневно, ежечасно отстаивать свои права на свободу, на собственное достоинство, на право не только поступать, но даже думать посвоему! Но... Не будемъ объ этомъ больше говорить! Это былъ кошмаръ. Все прошло...

— Вотъ что!.. Теперь я начинаю васъ понимать. Вы мнѣ казались до сихъ поръ какой-то... прекрасной загадкой... Но я зналъ... я чувствовалъ, что вы такая... особенная...

Она остановилась и глядѣла въ далекое, холодное небо. А онъ глядѣлъ въ ея ярко озаренное лицо. И вдругъ что-то трагическое въ этомъ лицѣ поразило его. И онъ подумалъ невольно: „Великія ли радости, великія ли скорби готовитъ тебѣ судьба, но ты не пройдешь свою жизнь безмятежно и ясно, какъ милліоны женщинъ"... И ему вдругъ стало почему-то нестерпимо жаль ее.

— Любовь...— продолжала Ольга въ какомъ-то необъяснимомъ, ей самой непонятномъ волненіи. — Я всегда смѣялась... я никогда не вѣрила въ это странное безуміе, которое овладѣваетъ человѣкомъ и заставляетъ его идти на сдѣлки съ совѣстью, на отреченіе отъ идеала, на измѣну дѣлу, на самоубійство, наконецъ... Ахъ! Какъ я презираю тѣхъ, кто изъ любви лишаетъ себя жизни!.. Меня называютъ уродомъ, ненормальнымъ существомъ... Но неужели это такъ? Неужели любовь неизбѣжна, какъ смерть?

И такая глубокая тоска прозвучала въ этомъ вопросѣ, что Арбековъ измѣнился въ лицѣ.

— Знаете что, Ольга Юрьевна? Вы уже и теперь готовы любить...

— Милый Николай Аветовичъ, я пережила безстрастно годы дѣвичьихъ грезъ... Теперь уже немножко поздно начинать съ азбуки. Проживемъ и безъ иллюзій...

— Вотъ видите... У васъ какая-то нотка пробивается... хоть вы и бодритесь. Точно вы жалѣете о чемъ-то...

— Безвозвратномъ?— съ странной интонаціей кинула она.

— И я теперь почти... Нѣтъ! Я положительно убѣжденъ, что вы скоро влюбитесь... и безумно...

Она вздрогнула, и онъ это видѣлъ.

— И почему-то мнѣ кажется, Ольга Юрьевна, что вы будете несчастны.

Забытое воспоминаніе примчалось изъ смутной дали прошлаго, сверкнуло какъ бы въ зрачкахъ Ольги и погасло.

„Кто мнѣ говорилъ эту фразу?“—спросила она себя.

— И знаете, въ кого влюбитесь?—Арбековъ подождалъ съ полсекунды ея вопроса. Она молчала.—Въ Семенова.

— Нѣтъ!.. Никогда! — горячо вырвалось у Ольги. — Вы — плохой пророкъ, Арбековъ... Знаете? Я избѣгаю Семенова...

— Вы его боитесь?

Она молчала. Въ этомъ молчаньи было что-то зловѣщее, что-то странное... И у Арбекова захватило духъ.

— Да!—вдругъ чуть слышно сказала Ольга и вскинула на техника расширенные глаза, испуганные и наивные, какъ у ребенка. Это выраженіе въ лицѣ свѣтской и такой съ виду надменной дѣвушки было слишкомъ неожиданно. Арбекову вдругъ стало жутко чего-то.

— У меня предчувствіе... — медленно, шопотомъ начала Ольга. — Нѣтъ!.. Впрочемъ... Что я говорю? — какъ бы опомнилась она.

— Нѣтъ!.. Говорите ради Бога!—Онъ стиснулъ ея руки.

— У меня предчувствіе... что онъ сыграетъ крупную роль въ моей жизни... и что мнѣ отъ него не уйти...

Арбековъ молча глядѣлъ въ блѣдное лицо, такое прекрасное и трагическое, и настроеніе этой дѣвушки передавалось ему опять и подчиняло себѣ.

— Какъ это странно! — сказалъ онъ, наконецъ. — И давно это у васъ?—Они говорили теперь почему-то вполголоса.

— Съ первой минуты, когда я его увидала... Это было на засѣданіи какого-то общества... Мы были въ толпѣ оба. Я его нечаянно толкнула и извинилась. Онъ обернулся и поглядѣлъ мнѣ въ глаза. Я никогда не видала такихъ глазъ... Вотъ у Сенъ-Жюста, навѣрное, былъ тотъ же взглядъ! Холодное что-то, но острое и властное... Мнѣ потомъ казалось, что мы ужасно долго глядѣли другъ другу въ глаза. Конечно, это показалось только... Я отвернулась. Тогда онъ вдругъ такъ спокойно сказалъ: „Пройдите впередъ, Ольга Юрьевна. Тамъ еще есть мѣста“... Вотъ въ эту именно минуту... я не могу вамъ объяснить... Это что-то не поддающееся никакому опредѣленію... Но я почувствовала, что мнѣ жутко. Я спросила курсистку: кто это? И спросила, по крайней мѣрѣ, минуты черезъ двѣ когда уже сѣла. Такъ я растерялась отъ того, что онъ меня знаетъ. Меня это просто испугало. А курсистка удивилась, помню, моему вопросу. „Неужели вы не знаете, что это Семеновъ?“

— А потомъ? Вы часто съ нимъ встрѣчались?

— Тсс!..

— Онъ смотритъ, бабушка... Глаза его открыты...

Княгиня выпрямилась, вся захолодѣвъ... Неподвижность его, эта жуткая тишина, все это пронеслось передъ ней и словно пронзило ее... Она встала, уронивъ вязанье на коверъ, схватила захолодѣвшую руку барона, такую вялую, инертную... Княгиня тихо ахнула, опустилась на колѣни и заглянула близко въ улыбавшееся лицо. Изъ-подъ полуоткрытыхъ вѣкъ на нее глянули застеклѣвшіе мертвые зрачки.

Она отшатнулась, съ воплемъ схватилась за волосы и потомъ, забывъ о дѣвочкѣ, обо всемъ забывъ въ взрывѣ безумнаго отчаянія, она обхватила эту дорогую голову и припала къ ней губами.

Оля поняла. Она закричала такъ страшно, что крикъ этотъ слышенъ былъ во всемъ домѣ, сверху до низу.

— Онъ умеръ,—догадались разомъ всѣ и кинулись въ кабинетъ. Олю увели оттуда, дрожавшую, дико озиравшуюся и стонавшую непрерывно.

— Бѣдное, бѣдное дитя!—причитывала, плача, англичанка.— Вашъ отецъ умеръ, вы теперь сирота.

— Нѣтъ, онъ не умеръ, нѣтъ,—твердила дѣвочка, не переставая дрожать и озираться въ какомъ-то ужасѣ. Она не могла этому вѣрить...

Но когда ее нѣсколько часовъ спустя привели въ залу, и она увидала на возвышеніи, подъ кисеей, среди цвѣтовъ, пальмъ и высокихъ горящихъ подсвѣчниковъ то, что было недавно ея отцомъ,—увидала эту массивную голову, съ суровымъ, неузнаваемымъ восковымъ лицомъ, — она повѣрила. Она протяжно, дико закричала, широко размахнула затрепетавшія руки и грянулась навзничь, безъ чувствъ, у ступеней катафалка.

Въ сознаніе ее не привели. Говорили, что, падая, она ударилась головой объ уголъ ступени, либо о тяжелый подсвѣчникъ, и что ударъ этотъ былъ силенъ и опасенъ. Быть-можетъ, болѣзнь уже таилась въ ней, и нервное потрясеніе только обострило ее и сократило скрытый ея періодъ. Фактъ тотъ, что въ ту же ночь у нея началось воспаленіе мозга.

Долго металась она въ бреду. Она осталась жива.

Устроивъ свои дѣла, Софья Николаевна съ дочерью выѣхали за границу. Тогда-то и выяснились тѣ чувства, которыя уже на всю жизнь легли въ основу ихъ отношеній.

Разъ, когда дѣвочка настаивала на какой-то прогулкѣ, мать вспыльчиво крикнула:

— Почему нельзя?.. Потому что *я* этого *хочу*... Я... Теперь уже, слава Богу, нѣтъ сумасшедшаго папеньки, чтобъ баловать и портить тебя...

— Не смѣйте папу бранить!.. — изступленно закричала Оля.—Не позволю! Онъ никогда не былъ... *такимъ*...

M-me Девичъ онѣмѣла въ первое мгновеніе. Потомъ втолкнула дѣвочку въ дѣтскую, чтобъ запереть. Оля догадалась и вцѣпилась въ платье матери.

— Оставь!—бѣшено крикнула m-me Девичъ. Онѣ съ полминуты молча боролись, тяжело дыша. Вдругъ дѣвочка укусила мать за руку. Подъ вліяніемъ боли и испуга, m-me Девичъ сильно ударила Олю въ грудь. Дѣвочка упала. Ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Оля вскочила, бросилась къ двери, затрясла ручку, раздались крики бѣшеные, безсознательные... Софья Николаевна слушала, не шевелясь: она ждала.

Удары стали слабѣе... крики перешли въ рыданья... Потомъ стихли и они. Софья Николаевна выпрямилась и пошла одѣваться. Ключъ отъ двери лежалъ въ карманѣ ея платья.

Она вернулась только къ обѣду.

— Ступай обѣдать! — приказала она дѣвочкѣ, которая не шевельнулась при звукѣ ея шаговъ.—Ты слышала, что я сказала?

— Не пойду,—угрюмо, но твердо отвѣтила дѣвочка.

— Ну, такъ сиди же безъ обѣда!

Ольга усмѣхнулась. Она въ душѣ рѣшила умереть голодной смертью, и эта угроза казалась ей жалкой.

Черезъ два часа, когда совсѣмъ стемнѣло, англичанка принесла ей обѣдъ.

— Смирите свое сердце, Ольга... Она—мать...

— Я не виновата...

Англичанка вернулась черезъ часъ. Въ темнотѣ у окна неясно рисовался силуэтъ дѣтской фигурки. Обѣдъ оказался цѣлымъ. Миссъ Виттъ доложила объ этомъ баронессѣ.

— Почему же ты не ѣшь?—спросила та, входя. Въ голосѣ и лицѣ ея была тревога. Это упорство прямо страшило ее.

Ольга молчала. Она просто устала страдать, какъ бы зацѣпенѣла. Софья Николаевна не поняла этого. Уступить теперь казалось ей позорнымъ.

— Ну, пускай сидитъ здѣсь всю ночь, одна!.. Нѣтъ, miss! Не надо лампы!.. Она еще домъ подожжетъ... Отъ нея все станется...

— *Mylady*...—со страхомъ заговорила англичанка.—Не увлекайтесь... Она боится темноты... Давно ли она оправилась?.. Неужели вамъ не страшно?.. Такая отвѣтственность...

Баронесса повернула къ старухѣ свое помертвѣвшее отъ волненія лицо.

— Miss Witt... Мнѣ легче видѣть ее мертвой, чѣмъ непокорной... Я хочу сломить разъ навсегда ея характеръ... Не мѣшайте мнѣ...

Дѣйствительно, это было страшнымъ наказаніемъ для нервной дѣвочки. Сначала, разбитая волненьемъ, она уснула, какъ убитая. Но среди ночи она проснулась отъ холода и дрожала до разсвѣта, съ ужасомъ глядя въ темноту, ловя въ ней какія-то тѣни, слушая эту тишину, пѣвшую и звенѣвшую на разные голоса въ ея ушахъ... Подъ утро только англичанка, проснувшись, подошла къ двери и окликнула Ольгу.—Вы спите, дитя мое?

— Нѣтъ, — хриплымъ звукомъ отозвалась дѣвочка и сама не узнала своего голоса.

— Не бойтесь, я не буду спать,—сказала добрая миссъ Виттъ. Въ глубинѣ души она восторгалась душевной силой дѣвочки и презирала баронессу, поднявшую руку на ребенка. Какъ дочь свободной Англіи, она выше всего ставила уваженіе къ личности.

Измученная Оля уснула на разсвѣтѣ.

Но, переживъ такую ночь, она уже не боялась темноты.

— На первое время довольно, — сказала себѣ Софья Николаевна, которая сама измучилась и устала.

Но борьба на этомъ не кончилась. Задавшись мыслью переломить нравъ Ольги, задавить въ ея натурѣ ту самостоятельность, которой отецъ Оли такъ восхищался, m-me Девичъ забивала въ дочери всякое проявленіе воли, и ей удалось бы это, обладай Ольга менѣе яркой индивидуальностью. При всякомъ удобномъ случаѣ m-me Девичъ желчно, либо съ насмѣшкой вспоминала о чудачествахъ покойнаго мужа, о томъ, что онъ разорилъ семью и растратилъ свое имущество на разныя химеры. Дѣвочка слушала, блѣднѣя и кусая губы, съ легкимъ нервнымъ подергиваньемъ щекъ („совсѣмъ какъ у отца")... И m-me Девичъ торжествовала. Ребенокъ научился, какъ рабъ, страдать молча... Но иногда поднимались длинныя рѣсницы дѣвочки, и на баронессу падалъ взглядъ, такой угрожающій и упорный, что Софья Николаевна вздрагивала невольно.

Счастье Ольги, что у ея матери не было выдержки. Миссъ Виттъ заботилась только о здоровьѣ Оли и ея манерахъ. Она росла несчастной и одинокой.

Иногда Софья Николаевна, упоенная счастьемъ, свѣтившимся въ ея лицѣ, вся какая-то размягченная, возвращалась

омой и, подъ наплывомъ внезапно проснувшейся, отраженной нѣжности, проходя мимо Ольги, цѣловала ея щечку. Глаза ребенка вспыхивали. Она долго глядѣла вслѣдъ исчезнувшей матери... Въ комнатѣ носился тонкій ароматъ духовъ... Да, та ласка не приснилась. Бѣглая ласка, всколыхнувшая цѣлый міръ задавленныхъ запросовъ въ дѣтской душѣ... Бурно стучало маленькое сердечко... Слезы медленно ползли по лицу Оли.

— О чемъ вы плачете, дитя мое?—въ одну изъ такихъ минутъ спросила гувернантка. Дѣвочка подняла на миссъ Виттъ взглядъ, полный недѣтской скорби.

— Я спала, миссъ... Мнѣ снился такой чудный сонъ...

Софья Николаевна не подозрѣвала, что въ рукахъ ея была полная возможность завоевать себѣ это гордое, страстное сердце.

M-me Девичъ внезапно надумала вернуться въ Россію. Ей надо было сдать Ольгу въ одинъ изъ московскихъ институтовъ. Она случайно узнала, что тамъ служитъ ея бывшая подруга по Смольному, Марья Павловна Короткая. Дочь генерала, круглой сиротой поступила она въ Смольный на казенный счетъ и, кончивъ курсъ, содержала себя уроками музыки. Въ Москвѣ, къ тридцати уже годамъ, она добилась виднаго поста музыкальной инспектрисы и регента хора въ институтѣ. Въ то время такъ называемая женская эмансипація была въ полномъ ходу. Втихомолку плача надъ гремѣвшими тогда романами Авдѣева, Марья Павловна оцѣнила свою независимость. Начальница, бывшая фрейлина, ограниченная и надменная женщина, въ своемъ кругу не допускала новыхъ вѣяній и всего, что напоминало о Жоржъ-Сандѣ. Марьѣ Павловнѣ она оказывала замѣтный почетъ. Она не подозрѣвала, что ея любимица — Marie Короткая — тайкомъ, запершись у себя въ комнатѣ, съ наслажденіемъ куритъ и зачитывается Миллемъ и „Индіаной". Дѣятельная, юркая, неутомимая Марья Павловна не знала скуки. Девять часовъ обязательнаго ежедневнаго труда научили ее дорожить свободнымъ временемъ. Марья Павловна много и толково читала, благоговѣла передъ Спенсеромъ. Впослѣдствіи, когда имя Дарвина и его знаменитая теорія о происхожденіи видовъ прогремѣли въ цивилизованномъ мірѣ, поднявъ бурю сомнѣній и протестовъ и страстную полемику въ печати, Марья Павловна прочла и Дарвина (въ глубокой тайнѣ, конечно). Когда же при ней возникалъ философски-богословскій споръ, и начальница института, либо другія ея знакомыя дамы, не обинуясь, величали знаменитаго

ученаго антихристомъ, Короткая хранила упорное мо
чувствуя, что почва ускользаетъ у нея изъ-подъ ногъ.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ охватившаго об
интереса къ естествовѣдѣнію, Марья Павловна пристрас
къ физикѣ, и одно изъ лучшихъ руководствъ по этому
мету сдѣлалось ея настольной книгой.

Эту „физику" замѣтила баронесса, сидя въ хороше
гостиной Марьи Павловны, за кофе.

— Ты недурно устроилась,—сказала m-me Девичъ.—Т
ко... почему у тебя... эти учебники?

Впалыя щеки Марьи Павловны вспыхнули. Ей было об
за свою подругу, добровольно оставшуюся въ невѣжествѣ
это время, счастливое и свободное, когда всѣ жадно устре
лись къ знанію.

— Отчего бы тебѣ не заняться, Sophie?.. У тебя такъ
го досуга...

— Ха-ха!.. Ахъ, ты милая, наивная Marie!.. Вы,
жется, здѣсь воображаете, что однѣ дѣла дѣлаете... У
нѣтъ досуга, Marie... Надо выѣзжать, принимать у себя,
держивать связи. Пожалуйста, не думай, что это меня радуетъ.
Я такъ устала отъ этой жизни... Мое здоровье расшатано...
Доктора велѣли провести сезонъ въ Ниццѣ... Все дѣлается
для нея... Моя жизнь—сплошная жертва дочери.

Марья Павловна оглянулась и внимательно поглядѣла на чернобровую дѣвочку, стоявшую у акваріума. Ольга подняла личико и съ дѣланнымъ выраженіемъ наивности взглянула на мать. Она никакъ не могла привыкнуть къ тому, что m-me Девичъ вѣчно играетъ роль для какой-то невидимой публики. Наблюдательная Марья Павловна замѣтила мгновенно вспыхнувшую искру насмѣшки во взглядѣ дѣвочки. „Здѣсь что-то есть",—подумала она и насторожилась.

— Пусть теперь поживетъ безъ моей заботы,—съ увлеченіемъ продолжала Софья Николаевна.—Отецъ ростилъ ее, какъ принцессу... А еще неизвѣстно, что ждетъ ее въ будущемъ? Я надѣюсь, что институтъ пріучитъ ее къ труду и привьетъ ей болѣе скромныя привычки.

— О, да, конечно. Трудъ—это прекрасно. Но только какое отношеніе можетъ все это имѣть къ ней? Вѣдь у тебя, кажется, независимое состояніе?

— Это только *кажется*. Состояніе не Богъ вѣсть какое... Et vous oubliez l'essentiel, ma chère... Мужъ оставилъ его мнѣ.

е ⁝
гъ. Ахъ, Богъ мой! Не лишишь же ты свою дочь состоя-
о⁝ Ты сама говоришь, что живешь только для нея...
— А вамъ не приходило въ голову, что я опять могу вый-
замужъ? Vous savez très bien, ma chère, что *онъ* годился
въ отцы...
— Мнѣ кажется, Sophie, что въ тридцать лѣтъ намъ съ
ой немного поздно начинать жизнь сызнова.
— Parlez pour vous, Marie,—враждебно усмѣхнулась m-me
вичъ,—я нахожу, что не поздно... Вы тутъ начитались Спен-
ра, физики разной, а жизни настоящей не знаете... А попро-
вала бы ты сама понянчиться съ такимъ сокровищемъ...

Ольга невозмутимо продолжала разглядывать альбомы, какъ-
дто говорили не о ней... „Равнодушіе это или притворство?“
рашивала себя Марья Павловна.—Мнѣ думается, что матери
це до появленія Спенсера на свѣтъ видѣли въ дѣтяхъ цѣль
изни,—сухо замѣтила она вслухъ.

Простилась m-me Девичъ съ дочерью такъ холодно, слов-
о имъ предстояло встрѣтиться завтра. Эта сцена поразила
короткую. Она проводила m-me Девичъ въ переднюю и при-
ворила дверь.—Вы меня обѣ удивили, Sophie... Такая холод-
ость передъ разлукой?

— А-га!.. И ты это замѣтила?.. Вотъ теперь ты убѣдилась
ъ ея безсердечности? Что-жъ дѣлать, Marie? Этого мы всегда
олжны ожидать отъ милыхъ дѣточекъ... Это награда намъ за
юбовь.

— О, Sophie, не сердись!.. Но твоя любовь такъ... незамѣт-
а... Не слишкомъ ли ты сама строга?.. Дѣтямъ нужна ласка...
І Ольга, если не ошибаюсь, говоритъ тебѣ... *вы*...

— А какъ же по-вашему надо? На *ты*?—Баронесса звонко
расхохоталась.—Знаю, знаю... Спенсеръ говоритъ et cetera...
Ха-ха!.. Но поглядимъ, что будетъ изъ этихъ по-новому вос-
питанныхъ дѣточекъ черезъ десять лѣтъ?.. Sais-tu?.. Они бу-
дутъ бить своихъ родителей... Я дожить до этого не хочу...

— Какія крайности, Sophie!.. Все это устарѣлыя понятія...
Но въ результатѣ твоего воспитанія, основаннаго на страхѣ и
рабствѣ, будетъ только отчужденіе, а не любовь.

— Ну и пусть, если такъ!.. Лучше страхъ, чѣмъ непокор-
ность. А мнѣ мѣнять мои взгляды уже поздно...

Только передъ отъѣздомъ m-me Девичъ опять не удержа-
лась отъ позы. Она торжественно подвела Ольгу за руку къ
Марьѣ Павловнѣ и полуиронично, полусерьезно сказала:

— Вотъ моя „дщерь"... Поручаю ее тебѣ, Marie... Прош любить и жаловать...

— Если она того заслужитъ,—былъ сдержанный отвѣтъ.

Ольга подняла свои темные, совсѣмъ не дѣтскіе глаза встрѣтила серьезный и сочувственный взглядъ Марьи Павло: ны. Эта минута рѣшила ихъ дальнѣйшія отношенія.

„Несчастное дитя",—не подумала, а скорѣе почувствова: Короткая. А въ дѣтской душѣ вдругъ проснулось довѣріе к этой тщедушной, маленькой, но сильной женщинѣ, — просну лось властное желаніе заслужить ея любовь и уваженіе.

И Ольга заслужила эту любовь. Она провела въ инстит тѣ шесть лѣтъ и сблизилась съ Короткой настолько, что : сдѣлалась ея другомъ и повѣреннымъ.

Имя барона Девичъ, какъ общественнаго дѣятеля, бы: окружено ореоломъ, и это одно въ глазахъ Короткой и уч телей, уже помимо талантливости и красоты Ольги, созда: ей исключительное положеніе въ институтѣ. Въ этой атм сферѣ любви и поклоненія душа ея отогрѣлась и словно ра цвѣла. Судьба спасла ее отъ черствости и ожесточенія, кот рыя грозили ей дома; зато здѣсь еще сильнѣе развились врож денная ей гордость и вѣра въ свои силы.

По порученію баронессы Девичъ, Марья Павловна послѣ ніе три года отвозила Ольгу на лѣто въ имѣніе княгини.

— Какая она оригинальная и сильная личность!—говори потомъ Марья Павловна Ольгѣ.—Въ нашемъ поколѣніи таки: старухъ уже не будетъ.

Княгиня и сейчасъ, въ свои пятьдесятъ слишкомъ лѣт была центромъ, вокругъ котораго группировались члены б вшей партіи барона Девичъ; все это были люди настоль крупные, что съ ними нельзя было не считаться. Попасть : салонъ княгини было еще труднѣе прежняго, и чести эт многіе добивались напрасно. Ея слова и сейчасъ при ея св зяхъ было достаточно, чтобы выдвинуть одного, затереть др гого, создать репутацію, разбить карьеру, дать кличку чел вѣку, настолько мѣткую, что она шла за нимъ до могилы переживала его.

Послѣ смерти барона, въ первые годы, княгиня сразу сд лась, посѣдѣла, не снимала траура. Но время брало свое. I энергичная натура не могла помириться съ пассивностью за кнутаго въ себѣ горя, и она примирилась съ жизнью и по кравшейся незамѣтно старостью.

И теперь, всегда затянутая въ корсетъ, всегда съ цвѣткомъ въ сѣдыхъ букляхъ à l'anglaise, величавая, полная жизни, съ сохранившими блескъ глазами, она просиживала до утра на раутахъ и на придворныхъ балахъ, и общества ея искала даже молодежь,—такъ обаятельна она умѣла быть. Это былъ, дѣйствительно, замѣчательный типъ старой аристократки сороковыхъ годовъ, безслѣдно исчезнувшій въ наши дни.

Лѣто было ея отдыхомъ, она проводила его въ имѣньи. Туда, по обычаю, разъ навсегда ею установленному, съѣзжались всѣ ея дѣти и внуки мѣсяца на два. Старый барскій домъ оживалъ. Тѣнистый паркъ наполнялся свѣтлыми платьями и звучалъ молодыми голосами. Но Ольга оставалась попрежнему любимицей княгини. Орлиный взоръ ея вспыхивалъ, останавливаясь на этомъ лицѣ, на которомъ все яснѣе выступало сходство съ Юріемъ Петровичемъ. Самый звукъ ея властнаго голоса смягчался, когда она говорила съ нею. Старому деспоту нравилась во внучкѣ эта именно нравственная сила и независимость натуры, которой въ ней самой было такъ много, но которой она не допускала въ своихъ приближенныхъ, а всего менѣе въ дочеряхъ. Ласкаться другъ къ другу онѣ обѣ не умѣли, но княгиня баловала Ольгу по-своему, не стѣсняя ея свободы ни въ прогулкахъ, ни въ чтеньи.

Въ Петербургѣ открылись высшіе курсы для женщинъ. Объ этомъ такъ много говорили въ обществѣ, что отголоски этихъ толковъ проникли даже за каменныя стѣны. Одна изъ институтокъ по окончаніи курса уѣхала въ Цюрихъ учиться медицинѣ. Для Ольги это было эрой. Все, что было неяснаго въ ея стремленіяхъ и мечтахъ, теперь оформилось и получило смыслъ. „Я буду въ Цюрихѣ", рѣшила она въ пятнадцать лѣтъ. Одинъ разъ, на урокѣ музыки, Ольга призналась Короткой въ своихъ мечтахъ. „Что за чудесное растетъ поколѣніе!" подумала Короткая.

— Все это прекрасно, Ольга... Но пуститъ ли тебя мать за границу? Вѣдь въ глазахъ твоего общества курсы и все такое—это „нигилизмъ".

— Почему бы не пустить?.. Это будетъ только логично... Вѣдь она всегда твердила... que je suis fille sans dot (что я—безприданница)...

Ольга неуловимо, какой-то моментальной игрой мускуловъ и вибраціей голоса на одно мгновеніе такъ ярко, непередаваемо-живо изобразила баронессу, что Марья Павловна вспыхнула и еле сдержала усмѣшку.

— Наконецъ, я разсчитываю на бабушку.

— Охъ, наврядъ ли!.. Она хоть и либералка, но аристократ до мозга костей... Все-таки добивайся... Дотянешь если ду двадцати-одного года, побѣда твоя...

— Почему?

— Ты будешь уже независима... Таковъ законъ...

— Что-жъ? Четыре года, пять лѣтъ... Это пустяки... Вы помните, что сказалъ Шиллеръ? Das Ziehl ist würdig und der Preis ist gross. (Достойна цѣль и велика награда)... На это не жалко положить жизнь!

„Странная дѣвочка!..“ думала Короткая. „Удивительную эпоху мы переживаемъ! Возможно, конечно, что свѣтская жизнь, успѣхи, поклоненіе, все это засосетъ ее, обезличитъ, какъ многихъ другихъ, и поведетъ по торной колеѣ... Но зато порывы-то какіе!.. Мечты какія гордыя! Мы только о женихахъ и любви думали въ эти годы. А онѣ! Эти дѣти!.. Какіе горизонты раскрываются передъ ними?.. И откуда забили эти волшебные ключи?..“

VI.

Курсъ, наконецъ, былъ конченъ.

Съ непріятнымъ волненьемъ m-me Девичъ вступила въ переднюю института. Она была очень хороша и молода въ свои тридцать шесть лѣтъ. Свѣтлый парижскій туалетъ и оригинальная шляпа давали полную иллюзію юности. Швейцары назвали ее „барышней“ въ простотѣ душевной. Она бросила на себя въ зеркало быстрый взглядъ. О, да!.. Она сохранилась... Но тамъ, за этими массивными дверями, тамъ дочь ея, которой семнадцать лѣтъ. А свѣжесть—страшная соперница даже для красавицъ, какъ она.

Она вошла въ залу. Былъ чудный майскій день; въ коридорѣ и залѣ окна были раскрыты настежъ, и волны золотого свѣта безпрепятственно лились на бѣлыя стѣны, на паркетъ, на свѣжія личики мелькавшихъ мимо институтокъ. Баронесса досадливо прикусила губу... Она не любила этого предательскаго солнечнаго свѣта. Безсознательнымъ жестомъ она опустила вуалетку на подбородокъ.

Въ пріемной она остановилась у окна, глядя въ зеленѣвшій садъ. По усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ бродили задумчивыя пары институтокъ, неясно долетали ихъ молодые голоса. „Которая изъ нихъ—моя?..“ думала Софья Николаевна.

На блѣдно-голубомъ весеннемъ небѣ четко рисовалась мо-

одая зелень березъ и липъ, эти клейкіе и нѣжные листочки ополей, остро пахнувшихъ послѣ набѣжавшей мгновенно учки. Казалось, эта весенняя зелень улыбалась, стряхивая рызги, горѣвшіе еще кое-гдѣ алмазами. И трава была такая ѣжная, молодая, пушистая, какъ плюшъ. Она ласкала глазъ. Во всей картинѣ этого сада не было ни одного темнаго, либо рѣзкаго, ни одного кричащаго тона. Все гармонировало съ свѣжими личиками, мелькавшими среди листвы, съ этими пушистыми щечками, съ безмятежными взорами, съ безпечнымъ смѣхомъ, съ неясными, какъ полутоны въ краскахъ этого сада, робкими мечтами въ дѣвичьей душѣ...

„О чемъ онѣ мечтаютъ?.. Не жили еще...“ думала баронесса, слѣдя за этими силуэтами въ бѣлыхъ пелеринкахъ и фартукахъ, въ зеленыхъ платьяхъ, такъ тѣсно и странно сливавшихся съ сверкающей бѣлизной березовой поросли, съ зеленью газоновъ. „Не жили, не любили, не ревновали, не мучились... Все впереди... А главное—все ново... О, счастливыя, счастливыя!“...

А позади, въ коридорѣ, все прибывали группы любопытныхъ, блистали жадные глазки, любуясь профилемъ, шляпкой, невиданнымъ фасономъ платья... Баронесса вдругъ повернулась и стала смотрѣть на дѣвочекъ. Тѣ испуганно шарахнулись, какъ стадо дикихъ козочекъ, и спрятались за колонну. Софья Николаевна улыбнулась ласково и чуть презрительно. Дѣвушки почувствовали себя „на седьмомъ небѣ“... „Улыбается... смотрите...“—„О, душка!..“—„Ангелъ!..“

Онѣ посылали Софьѣ Николаевнѣ поцѣлуи, сначала робкіе, потомъ восторженные.

„Какія онѣ глупыя!..“ съ страннымъ раздраженіемъ думала m-me Девичъ, отворачиваясь и опять глядя въ садъ. „И ни одной хорошенькой“...

Зазвучавшіе шаги заставили ее быстро обернуться...

„Неужели Ольга?.. Совсѣмъ незнакомое лицо! Ну, можно ли такъ измѣниться въ четыре года? Она выше меня...“ Дѣвушка подняла рѣсницы, черныя и длинныя, бросавшія тѣнь на матово-блѣдныя, безъ кровинки, щеки. И на баронессу глянули тѣ же красивые, но мрачные глаза.

Софья Николаевна вспыхнула, сдѣлала улыбку (за ними, вѣдь, слѣдили десятки любопытныхъ глазъ) и протянула дочери навстрѣчу обѣ руки въ парижскихъ перчаткахъ.

— Bonjour, ma chérie,—сказала она мягко.

Но дѣвушка присѣла граціозно и низко, не бросаясь въ материнскія объятія, а только почтительно прижалась губами къ изящной рукѣ.

„Bon...“ отмѣтила опять m-me Девичъ съ изумленіемъ. „Она, кажется, сама даетъ мнѣ тонъ?“ Обольстительно улыбаясь (она помнила о публикѣ), m-me Девичъ взяла дочь за широкій упрямый подбородокъ, подняла ея лицо и остро глянула въ него. „Оригинальное, удивительное лицо!“ Алыя губы ярко выдѣлялись на „мраморномъ“, какъ у покойнаго барона, лицѣ. „Какъ она похожа на отца!.. Нѣтъ, на его сумасшедшую мать! Какъ у той, что-то въ бровяхъ... décidement tragique... Голова Медузы въ Луврѣ...“ вспомнила баронесса. „Ну, и характерецъ прежній, должно быть...“

Но ей нечего было бояться. Именно свѣжести не доставало этому молодому лицу. Не доставало и кокетства, обаятельнаго сознанія своихъ силъ и правъ на счастье, на радости жизни... Тогда m-me Девичъ растрогалась внезапно. Притянувъ къ себѣ дочь, она нѣжно поцѣловала ее въ алыя, гордыя губы, которыя, казалось, не умѣли улыбаться.

Подобравъ шлейфъ платья и бросая институткамъ на ходу взволнованные вопросы, Марья Павловна, задыхаясь, спѣшила въ залъ. Она уже не разъ поплакала у себя въ квартирѣ, стараясь примириться съ неизбѣжной разлукой. Марья Павловна, умѣвшая бороться съ своими увлеченіями и мечтами еще въ юности, дала незамѣтно развиться въ своемъ сердцѣ исключительной, страстной привязанности къ Ольгѣ, узнала много новыхъ радостей черезъ это чувство, но теперь страшилась пустоты, которую отъѣздъ Ольги вызоветъ въ ея душѣ и жизни... А главное, какъ онѣ встрѣтятся съ матерью? Первое впечатлѣніе рѣшитъ все...

— Sophie... chère Sophie... Bonjour...

Марья Павловна обняла m-me Девичъ, которая не преминула отвѣтить такой же горячей лаской. Публика была еще на лицо.

— Сколько лѣтъ! Ну, какъ? Рады? Tout à fait grande... Et si charmante... N'est-ce pas?..—Она обняла талію Ольги, откинулась на секунду, чтобы видѣть ея глаза, вдругъ всхлипнула, потомъ замахала свободной рукой и полѣзла за платкомъ. Баронесса глядѣла съ насмѣшкой. Институтскія сантиментальности!

Ольга вдругъ нагнулась и поцѣловала худенькую руку Марьи Павловны.

— Chère enfant... bonne enfant! (Милое, доброе дитя...) за-

лепетала та, страстно обхвативъ шею Ольги и мокрымъ лицомъ прижимаясь къ ея щекамъ.

Но теперь m-me Девичъ уже не улыбалась. Проснулась старая ревность,—ревность самолюбія, безъ любви—ко всему и всѣмъ, кого любила Ольга.

— Ахъ, pardon, chère Sophie!.. Это все нервы... мы тутъ такъ волнуемся... Экзамены... Завтра будетъ актъ... Замучились... Ты пріѣдешь на актъ?

М-me Девичъ злобно разглядывала ея лицо. Совсѣмъ старуха... Дряблыя щеки, на скулахъ какія-то подозрительныя красныя пятна (ужъ не чахотка ли?)... сѣдина въ волосахъ... А вѣдь онѣ ровесницы... Удивительно непріятны эти встрѣчи съ подругами юности, не умѣвшими сохраниться!

— Знаешь, Sophie, Olga будетъ la reine du soir. Она будетъ читать *Les deux pigeons*... Sais-tu? Я слышала Сарру Бернаръ въ Парижѣ... mais la petite est beaucoup plus touchante (но она гораздо трогательнѣе той)...

Актъ въ институтѣ... Какой это былъ торжественный, незабвенный вечеръ!

Баронесса сидѣла въ первомъ ряду, какъ самый почетный гость, между попечителемъ и важнымъ петербургскимъ сановникомъ, передъ которымъ трепетало начальство института, но который, въ качествѣ стараго поклонника баронессы, неожиданно встрѣтивъ „несравненную" (какъ онъ называлъ Софью Николаевну), совсѣмъ обратился въ легкомысленнаго пижона. Софья Николаевна — вся въ бѣломъ, кружевномъ на шелку платьѣ, съ сверкающими бриллiантами, съ живыми цвѣтами въ волосахъ и на платьѣ, съ букетомъ въ рукахъ, казалась какой-то дивной феей не только восторженнымъ институткамъ, но и всему начальству. Она не жалѣла, что пріѣхала на этотъ „глупый вечеръ". Ольга продекламировала знаменитую басню неподражаемо-трогательно, съ удивительнымъ драматизмомъ въ голосѣ, жестахъ и лицѣ. „Откуда это у нея все?" съ радостной гордостью думала m-me Девичъ.

Главнымъ и лучшимъ № въ актѣ была Арія Россини *Stabat Mater*. Это былъ тріумфъ Ольги Девичъ. Объ этой удивительной аріи и ея исполненіи знали уже ранѣе во всѣхъ институтахъ отъ стараго итальянца, учителя пѣнія, который всюду говорилъ, что за двадцать лѣтъ своего учительства въ Россіи онъ не имѣлъ такой ученицы. И сейчасъ, когда Ольга вышла пѣть и, сдѣлавъ глубокій реверансъ передъ публикой, оберну-

лась къ итальянцу, она замѣтила, что его руки дрожатъ, и лицо дергается нервнымъ тикомъ. Онъ волновался, какъ и Короткая, у которой давно пылало лицо.

— Courage, mon enfant,—сказалъ учитель на смѣшанномъ итальянско-французскомъ жаргонѣ. — Que diable!.. Ils ne comprennent rien... n'oubliez pas que vous seule, vous êtes une vraie artiste... et c'est la foule... rien que la foule... (Мужайтесь, дитя мое. Какого дьявола? Они ничего не смыслятъ... Не забывайте, что вы одна, вы — истинная артистка, а они — толпа... ничего болѣе, какъ толпа.)

Ольга улыбнулась, и итальянецъ прочелъ въ ея лицѣ, что она, дѣйствительно, никого и ничего не боится. Безстрастно стояла она подъ огнемъ этихъ устремленныхъ на нее отовсюду глазъ... „*Ad te clamamus*"... раздались первые звуки ея чуднаго грудного контральто.

Это была старая музыка, для которой теперь уже не находится исполнителей. Она требуетъ безукоризненной дикціи, обширнаго діапазона, настоящаго *bel canto*. Но итальянецъ зналъ, что дѣлалъ, выбирая эту вещь для своей любимицы. Ольга спѣла молитву вдохновенно, показавъ свой огромный голосъ, а когда она, заканчивая арію, взяла вибрирующимъ красивымъ звукомъ, безъ усилія, нижнее *mi*, въ залѣ настала та тишина, которую создаетъ только подавлящее огромное впечатлѣніе и которая цѣннѣе въ глазахъ истиннаго артиста самыхъ шумныхъ оваціи.

Только когда стихли послѣдніе аккорды рояля, и учитель пѣнія тряхнулъ безобразной большой головой, поднялся и съ шумомъ отодвинулъ свой табуретъ, а Ольга сдѣлала низкій реверансъ въ сторону начальницы, публика вдругъ вышла изъ-подъ власти этихъ чаръ и невольно, неудержимо разразилась апплодисментами.

— Это удивительно!.. Этому нѣтъ имени!.. раздавалось со всѣхъ сторонъ. „Вы счастливая мать", говорили баронессѣ. Она взволнованно обмахивалась вѣеромъ. Сановникъ и попечитель поднялись и подошли къ хору, куда стала Ольга. Они разсыпались передъ ней въ комплиментахъ.

— Madame votre mère désire vous parler, — сказалъ сановникъ. Ольга подошла къ матери.

— Vous êtes charmante,—сказала ей ласково m-me Девичъ.— Tenez...—И она подала ей свой благоухающій букетъ.

Не успѣла Ольга подойти къ хору, какъ букетъ ея былъ растерзанъ подругами на части.

Въ концѣ второго отдѣленія Ольга, pour la bonne bouche (на закуску), какъ говорила начальница, должна была спѣть геніальную вещь, собственное сочиненіе стараго учителя, *Gesu mori,* гимнъ поэта Метастазіо на смерть Христа на Голгоѳѣ. Итальянецъ, въ минуты рѣдкаго вдохновенія, налетавшаго среди его трудовой жизни, написалъ къ этому дивному гимну мелодію, а для аккомпанимента взялъ *Andante* изъ сонаты Бетховена *Quasi una fantasia.* Впечатлѣніе отъ этихъ словъ и мелодіи подъ дивные звуки сонаты получалось такое необычайное, что Ольга и Марья Павловна—обѣ артистки въ душѣ—не могли слышать ее безъ трепета. Когда итальянецъ объявилъ Ольгѣ, что она должна исполнить эту вещь на актѣ, она испугалась. У нея не хватитъ ни голоса, ни умѣнія... Ради Бога, не надо!.. Это сверхъ ея силъ...

Итальянецъ бѣшено стукнулъ кулакомъ по крышкѣ рояля. Инструментъ охнулъ, эхо отдалось подъ высокими сводами.

— Qué diable!—крикнулъ онъ на своемъ особенномъ нарѣчіи, сверкая глазами.—Comment oses-tu dire non, quand je te dis oui? Chantes... chantes tout de suite... (Какого чорта! Какъ ты смѣешь говорить *нѣтъ*, когда я говорю *да*? Пой... сейчасъ же пой!)

Марья Павловна сзади дергала Ольгу за пелерину. — Ему нельзя перечить! Пой какъ-нибудь,—молила она шопотомъ.

Ольга спѣла робко первыя фразы, но дальше вдохновилась и одолѣла арію. Учитель со сверкающими на глазахъ слезами обхватилъ ея голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

На актѣ онъ уже не боялся за Ольгу.

— Vous allez voir... vous allez voir (Вы увидите)! — говорилъ онъ начальницѣ, бѣгая по залѣ съ видомъ побѣдителя, съ развѣвающимися фалдами стараго фрака, съ вѣющими косматыми и сѣдыми волосами. И лицо у него было вдохновенное, полное какого-то безумнаго экстаза.

Спѣла она, дѣйствительно, безподобно. Самъ авторъ не могъ желать лучшаго. Откуда этотъ ребенокъ бралъ и находилъ эти неподражаемые оттѣнки, которымъ ни одинъ учитель не научитъ, которые даетъ только талантъ? Какимъ проникновеннымъ чутьемъ угадывала она сокровенные изгибы и глубины въ творчествѣ другого и какъ научилась передавать голосомъ эти чувства? Это была тайна и для нея самой.

Первыя фразы были декламаторскія... По пустыннымъ городамъ Палестины темной ночью шелъ глашатай и въ рыдаю-

щихъ, скорбныхъ звукахъ возвѣщалъ уснувшему міру страшную вѣсть: *Gesu mori* (Іисусъ умеръ)...

Пауза глубокая, торжественная...

И полились меланхолическіе звуки Бетховенской сонаты. Какъ медленныя волны катились они, полные надрывающей тоски и подавленныхъ слезъ, какъ волны, то вздымаясь съ страстнымъ ропотомъ укоровъ и мятежныхъ моленій, то падая въ безсильномъ изнеможеніи до замирающаго *pianissimo*... до шопота безкровныхъ устъ, молящихъ о забвеніи... Казалось, измученная грудь дышала, то падая, то подымаясь. Ольга пѣла:

Ricoprisi di nero ammanto il ciel,
I duri sassi spenzansi, si sguarcia il sacro vel...

(Небо покрылось черной мантіей, разсѣлись твердые камни, священная завѣса разодралась)... Потрясающіе, рыдающіе звуки вырывались изъ ея груди. А волны аккомпанимента все катились, какъ въ прибоѣ, и, разбиваясь со стономъ, казалось, умирали у берега...

Въ безхитростномъ, наивномъ разсказѣ передъ слушателемъ выростала картина страшной ночи. Очевидецъ бѣжалъ изъ пустыни, потрясенный ужасомъ, подъ небомъ, раздираемымъ молніями, среди землетрясенія и разверстыхъ могилъ,—бѣжалъ въ городъ и криками будилъ спавшихъ братьевъ. Грудь не вмѣщала муки... Воздухъ оглашался его криками, наивными, безсвязными... „Братья... Свершилось... Проснитесь... Что вы спите?“

И волны мелодіи какъ бы бѣжали вдогонку, подымаясь все выше и выше, вздымаясь все бурнѣе и мятежнѣе... Казалось, море закипѣло и выходитъ изъ береговъ... Казалось, черные валы ринулись къ землѣ съ воемъ и грохотомъ, чтобъ проглотить преступное человѣчество, поднявшее руку на Искупителя, чтобы смыть обиду, нанесенную Божеству... И вдругъ изъ дикой, страшной вакханаліи стихійныхъ звуковъ, гремѣвшихъ подъ рукой талантливаго итальянца, вырвался вопль на высокой, отчаянно прозвенѣвшей нотѣ: *Gesu mori*!..

И все стихло разомъ.

А волны звуковъ, подъ рукой аккомпаніатора, уже катились опять съ тихимъ ропотомъ... Казалось, въ природѣ, послѣ взрыва стихій, настала жуткая тишина, и въ душѣ человѣка, гдѣ есть предѣлъ страданію,—послѣ агоніи напряженнаго чувства, наступила та же тишина, полная смерти и отреченія... И опять по пустыннымъ стогнамъ понесся голосъ глашатая, звон-

кій, ровный, торжественно безстрастный, возвѣщая уснувшему міру совершившійся фактъ: Gesu mori!..

Послѣдній аккордъ стихъ. Словно послѣднія волны докатились къ берегу и умерли, лепеча что-то таинственное, недосказанное...

А вся зала, затаивъ дыханіе, все еще ждала.

Итальянецъ всталъ первый, сверкающими глазами глянулъ въ безмолвную, покоренную его геніемъ толпу, и, подойдя къ Ольгѣ, протянулъ ей руку. Его глаза говорили ей: „Я не забуду этой минуты, пока живъ".

Тогда только всѣ поняли, что актъ конченъ, и апплодируя поднялись, чтобъ привѣтствовать исполнителей.

И Ольга, взявъ за руку учителя, безъ улыбки, взволнованная и блѣдная, низко присѣдала передъ начальствомъ.

— Да онъ геній,—сказалъ начальницѣ пораженный петербуржецъ.—Я никогда не слыхалъ ничего подобнаго.

Лицо Марьи Павловны сіяло отъ счастья.

— Это новаторъ въ искусствѣ,—подхватила она, подходя.— И, какъ всякій новаторъ, ваше высокопревосходительство, онъ непонятъ и неизвѣстенъ.

— Да что же онъ писалъ?

— Оперы, романсы, симфоніи... Все оригинально, необычайно, но не находитъ себѣ хода и сбыта. У него нѣтъ связей. Онъ—неудачникъ...

— C'est dommage, — вздыхалъ петербуржецъ. — Un talent énorme... (Жаль, огромный талантъ.)

Короткая подбѣжала къ итальянцу, прося его представиться сановнику. Кто знаетъ? Онъ можетъ за него замолвить словечко... Его оперу поставятъ. Но итальянецъ сердито отмахнулся... Ахъ, до того ли ему?! Пусть-ка она уговоритъ Ольгу по окончаніи курса учиться у него и идти на сцену! Какъ онъ мечталъ о славѣ этого ребенка, о томъ, что его имя будутъ произносить рядомъ съ ея!.. Короткая съ отчаяніемъ развела руками. О, тутъ она безсильна! Она указала ему на надменную баронессу.—Celle-ci?—прошипѣлъ итальянецъ, пальцемъ указывая на m-me Девичъ, и глаза его загорѣлись злобой.—C'est sa mère?.. Oh Dieu!.. Dieu!..

Захвативъ косматую голову съ жестомъ неподдѣльнаго отчаянія, какъ истый маніакъ, равнодушный къ недоумѣвающимъ улыбкамъ, которыми провожали его встрѣчные, онъ бѣжалъ, развѣвая фалдочками потертаго фрака, прямо на улицу, подъ ночное, весеннее небо.

Тамъ, въ палисадникѣ, шагая прямо по разрыхленнымъ клумбамъ цвѣтника, разбитаго подъ окнами начальницы, и по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ, онъ метался, какъ звѣрь, ломая руки, бормоча безсвязныя проклятія... А вѣтеръ, налетая, игралъ его сѣдыми кудрями, и песокъ скрипѣлъ подъ его ногой.

Потомъ онъ подбѣжалъ къ стройной, молодой березкѣ, призрачно бѣлѣвшей въ беззакатныхъ сумеркахъ майской ночи, обнялъ ея стволъ, прижался къ нему лбомъ, и изъ глазъ его брызнули слезы. Геніальный неудачникъ оплакивалъ свою послѣднюю иллюзію...

А въ дортуарѣ, на постели, подъ тусклымъ свѣтомъ одинокой лампы, не озарявшей дальніе углы обширной комнаты, полулежала Ольга. Она тоже плакала, пряча лицо въ подушки. Героиню вечера—la reine du soir—искали по всѣмъ классамъ и коридорамъ. Всѣ хотѣли ее видѣть и говорить съ нею.

— Ау, Ольга!.. Девичъ... гдѣ вы?

Она слышала, но не откликалась. Она знала о мечтахъ, которыя Альбини не разъ ей высказывалъ, она видѣла его лицо, когда онъ бѣжалъ въ переднюю... Но ей нечѣмъ было его утѣшить. Если бы даже мать пустила ее на сцену, она не пошла бы сама. Предъ ней лежалъ иной путь... Широкіе горизонты раскрывались передъ нею, и рамки кулисъ и эстрады казались ей жалкими барьерами, которые не могли ее остановить.

Выпускъ, послѣдняя обѣдня, молебенъ, напутственныя рѣчи священника и инспектора, прощальный обѣдъ въ собственныхъ платьяхъ, рядомъ съ учителями, съ которыми еще вчера не позволяли разговаривать, и которые шутили съ ними, какъ съ равными, за однимъ столомъ съ начальствомъ, на которое такъ странно было глядѣть безъ привычнаго трепета; потомъ прощанье съ подругами, съ Короткой... Вотъ это самое мучительное воспоминаніе... Все это прошло и осталось позади. Когда Ольга, въ поискахъ старой классной дамы, съ которой не успѣла проститься, пробѣгала мимо пустого класса, гдѣ ее поджидала m-me Девичъ, та окликнула ее съ раздраженіемъ:

— Eh bien? Etes-vous prête? (Ну что же? Готова ты?) Мнѣ надоѣло ждать! Скоро ли окончится вся эта ваша комедія разставанья?

Вся кровь кинулась въ лицо Ольги.

— Прошу извиненія, я васъ не задержу,—отвѣтила она и, низко опустивъ голову, побѣжала по коридору.

„Комедія разставанья!.. Какъ надо презирать душу другого,

чтобы такъ судить?"—съ горечью думала она, смахивая первую жгучую слезу на порогѣ ея новой жизни.

— Ольга, постой!—полусдавленнымъ звукомъ окликнулъ ее кто-то. Она оглянулась и кинулась въ объятія Короткой.

— Дорогое дитя, будь счастлива... Пиши, не забывай! — лепетала Марья Павловна, захлебываясь слезами.

Наконецъ, кончено все: объятія, поцѣлуи, слезы, пожеланія... послѣднія замирающія просьбы не забывать, писать хоть изрѣдка...

Онѣ вышли вдвоемъ съ матерью на крыльцо, обѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, бѣлыхъ накидкахъ и одинаковыхъ соломенныхъ шляпахъ. Надъ ними голубѣло майское небо, жизнь невѣдомая, грозная, шумная, но желанная—рокотала вдали, какъ прибой. Темные глаза Ольги кинули нѣмой, жгучій вопросъ этому горячему небу, этой загадочной жизни, ждавшей ее тамъ, за воротами, куда не разъ маленькія затворницы летѣли пламенными, полными любопытства мечтами. Что дастъ эта жизнь? Горе? Счастье? Когда?

Онѣ сѣли въ карету, выѣхали за чугунную рѣшетку. Ольга оглянулась.

Приземистое, широко-раскинувшееся зданіе института уже исчезало изъ глазъ. Вонъ виденъ угловой фасадъ, второй этажъ... Что тамъ было? Классы, зала или коридоръ?.. Окна всѣ замазаны краской внизу, не видно лицъ. На подоконники, вѣдь, нельзя становиться и глядѣть сверху на уголокъ этой запретной, таинственной улицы, видной только со двора, черезъ чугунную рѣшетку.

„Ахъ, это музыкальная комната", вдругъ вспомнила Ольга, узнавъ высокое дерево, которое зеленѣло на дворѣ, противъ этого окна. Ея любимая комната, такая далекая отъ классовъ съ ихъ гамомъ, куда почти не достигали звуки суетливой жизни, далеко отъ коридоровъ и залы, совершенно отдѣленная отъ жилыхъ помѣщеній, и гдѣ ночью было всегда такъ темно, такъ жутко, такъ торжественно-тихо... Сколько счастливыхъ часовъ, лучшихъ часовъ школьной жизни провела она здѣсь за музыкой, а главное, въ бесѣдахъ съ Марьей Павловной! Здѣсь зарождались ея свѣтлыя грезы. Здѣсь какъ бы росла ея душа...

Комнату такъ и называли „классомъ Марьи Павловны"... Прощай, дорогая комнатка! Прощай дѣтство!..

Карета повернула. Въ стекла этого фасада брызнулъ сол-

нечный лучъ. Казалось, окна и стѣны улыбнулись Ольгѣ въ прощальномъ привѣтѣ... Ольга высунулась изъ окна кареты и все глядѣла влажными глазами. Вдали надъ институтомъ ярко сверкнулъ крестъ домовой церкви... Какъ она тамъ жарко молилась! Вспомнилась послѣдняя исповѣдь, ожиданіе въ темномъ залѣ своей очереди, среди колѣнопреклоненныхъ бѣлыхъ фигуръ подругъ, съ закрытыми лицами припоминающихъ свои невинные грѣхи.

— Оля?.. А Оля?—вдругъ раздается шопотъ.

Она отрывается отъ молитвеннаго созерцанія и глядитъ, какъ лунатикъ, въ полуиспуганное, полушаловливое личико дѣвочки.—Что тебѣ надо?

— Дай грѣшковъ списать!

— Я не писала. Проси у другихъ... И отойди, ради Бога, съ твоими глупостями! Ты меня раздражаешь, развлекаешь!

— Ну, что-жъ мнѣ дѣлать?—съ комическимъ отчаяніемъ восклицаетъ дѣвочка.—Ничего не припомню, хоть убей...

Всѣ торжественны и молчаливы, многія бьютъ поклоны; кто утомленно сидитъ у дверей церкви, на полу, кто-то плачетъ, сокрушаясь о грѣхахъ, чего-то боясь. Въ огромномъ, полутемномъ залѣ слышны вздохи и осторожный шопотъ. Ни одной улыбки... Вдругъ за дверью, подъ гулкими сводами церкви, раздается торжественный возгласъ духовника... Словъ не слышно. Они сливаются въ гулъ, отъ котораго вздрагиваютъ всѣ разомъ, блѣднѣютъ и торопливо крестятся.

— Чей чередъ?—Иди... тебѣ...—Нѣтъ, ты иди... Я не могу... У меня сердце стучитъ...

О, счастливое, невозвратное время!

Какими жаркими слезами оплакивала она свои грѣхи! Съ какимъ экстазомъ молилась она, покрытая эпитрахилью, когда надъ ней раздавался утомленный, кроткій голосъ всѣми любимаго, добраго духовника!.. „Прощаю и разрѣшаю...“ Какъ страстно жаждала она исправиться! Съ какимъ умиленіемъ шла она, „святая и чистая“, черезъ залъ въ дортуаръ, закрывая лицо, чтобъ не видѣть провожавшихъ ее любопытныхъ глазъ, чтобъ не соблазниться, не засмѣяться, не согрѣшить!

„Духъ цѣломудрія, *смиренномудрія*, долготерпѣнія и любви“... звучало въ ея душѣ. Да, она сознавала свой главный грѣхъ—гордость, необыкновенную жажду иной доли, какую судьба посылаетъ немногимъ... Но этого грѣха она не могла вырвать изъ своего сердца.

А потомъ, утромъ, съ какимъ трепетомъ шла она къ при-
ıстію! Что это былъ за радостный день! И какъ огорчалась
ıa, ловя себя ежеминутно на слабостяхъ и новыхъ грѣхахъ, ›дмѣчая несовершенство человѣческой природы!..

Потомъ—Страстная... Торжественное богослуженіе, пѣніе *„Да исправится молитва моя“*, тріо, въ которомъ она испол-ıла альтовую партію.

Двери ломились подъ напоромъ любопытной толпы, знако-ыхъ начальницы и „родныхъ“, пріѣхавшихъ послушать Ольгу. ,аже итальянецъ Альбини былъ тутъ и говорилъ начальницѣ:

— Magnifique! Sublime... Il vero *bel canto*... Et quelle musique!

А Ольга пѣла, заглушая солистокъ то бархатными, ласкаю-щими, то звенящими, какъ мѣдь, звуками своего дивнаго кон-ральто, который, какъ молитва, несся вверхъ, туда, чрезъ эти воды, въ темное весеннее небо, къ невидимому алтарю.

— Но знаете, что?—говорилъ потомъ итальянецъ Корот-ой.—Этотъ голосъ не годится для церкви. Онъ будитъ не :еланіе молиться, а совсѣмъ другое. Въ немъ драматизма :ного... Это голосъ для оперы или для католическаго костела. ›ъ вашей церкви нужна простота и наивность, которыхъ у)льги нѣтъ,—резюмировалъ итальянецъ свое впечатлѣніе, и то была удивительно мѣткая характеристика.

Потомъ чтеніе двѣнадцати евангелій. Огоньки въ церкви, ıелестъ переворачиваемыхъ страницъ, осторожный шопотъ:

— Дай зажечь свѣчку...

— А ты загадала?

— Не успѣла...

На желтыхъ восковыхъ свѣчахъ изъ воску же налѣпля-эть шарики, и, пока евангелія читаются, шарикъ долженъ ›астаять, сгорѣть. Значитъ желаніе исполнится.

А плащаница? Сколько поэтическихъ воспоминаній!.. Ин-:титутки выпускного класса приходили убирать ее живыми ıвѣтами, купленными въ складчину, и разсыпали ихъ по ки-:еѣ. Въ церкви стояло дивное благоуханіе. Вечеромъ шла ;олгая, торжественная служба. Начальница, знакомыя ея и Короткая стояли безмолвно, всѣ въ траурѣ, съ дорогими свѣ-ıами, въ нарциссахъ и нарядныхъ траурныхъ лентахъ. Но ни кого не было такой роскошной свѣчи, какъ у Марьи Пав-:овны Короткой. Ей „подносила“ сама Ольга, убиравшая тра-рную свѣчу съ большимъ вкусомъ. Она первая ввела въ :оду цвѣтныя ленты на свѣчахъ.

Какъ хороши были эти процессіи въ пятницу, когда
реди духовенства, съ хоругвями и плащаницей, которую не
инспекторъ и учителя, Короткая съ взволнованнымъ лицо
съ пятнами на щекахъ, выступала какъ регентъ первою, а
нею хоръ: дискантики, тенора, альты и басы, по порядку.

„Святы—ый... Бо—о—же"... дружно раздавался страст
печальный аккордъ хора, какъ скорбный вопль.

Процессія трогалась. То замирая, то приближаясь, несл
волны голосовъ... Обходили коридоры, залъ, классы. То
знакомыхъ, родныхъ, служащихъ и прислуги, всѣ разряже
ные, съ торжественными лицами, особенно горничныя, совер
шенно неузнаваемыя въ своихъ праздничныхъ туалетахъ, п
спѣшно крестясь, двигались за процессіей. Гдѣ-то далеко, поч
умирая, звучали чистые, дѣтскіе дискантики. А толпа слыша
какъ гудѣли молодые, женскіе „басы", краснѣя отъ напряжен

Хвостъ процессіи оставался въ коридорѣ, а ужъ изъ пер
ваго класса въ залъ выходили дискантики со свѣчами, закан
чивая молитву, а впереди всѣхъ уже успокоившаяся, утомленн
Марья Павловна.

Сколько было волненій и тріумфовъ съ тріо *Воскресни Бож*
на которое съѣзжались всѣ знакомые начальства! Ни до Ольги,
ни послѣ выпуска ея, никто не исполнялъ съ такимъ блеском
и высокимъ чувствомъ ея партіи... Многіе плакали, слушая ее

„Течаху жены,—пѣли солистки,—возвѣстите апостоломъ
дерзайте убо!.. Дерзайте!.."

Необычайно-страстно, какъ вдохновенный вызовъ, бросал
Ольга подъ высокіе своды свою фразу „дерзайте!.." Цѣла
драма чуялась въ этомъ словѣ. Это былъ вызовъ фанатика
христіанина старому сгнившему міру на борьбу за новые иде
алы гуманности и братства. Это былъ горячій, безсознател
ный протестъ души, беззавѣтно готовой пострадать за убѣ
жденія и, если надо, погибнуть...

Невольный трепетъ пробѣгалъ даже въ спокойныхъ ду
шахъ утомленныхъ жизнью людей.

„О, милое, чудное дитя!..—со слезами думала Короткая.—
Необыкновенное ты существо, умѣющее такъ тонко и сильн
чувствовать, такъ молиться... Что ждетъ тебя въ жизни? Ты
дѣйствительно, одна изъ тѣхъ, кто смѣетъ и жаждетъ *дерзать*.
Какъ страшно за тебя!"

И, наконецъ, наступала чудная, поэтическая пасхальная ночь
Вмѣсто восьми вечера, въ шесть часовъ раздавался звонок

возвѣщавшій о вечернемъ чаѣ, замѣнявшемъ ужинъ, и объ отходѣ ко сну.

Въ дортуарахъ было свѣтло. Весеннія сумерки, еще пронизанныя отблескомъ огнистаго заката, такія тревожныя и мечтательныя, глядѣли въ окна огромныхъ комнатъ, полныхъ праздничной суеты. Никто не ложился, хотя въ десять надо было вставать, одѣваться по правиламъ въ церковь и не спать всю ночь за заутреней и обѣдней. Этотъ неугасающій полусвѣтъ весенняго вечера томилъ и дразнилъ молодыя головки.

Шопотъ и шорохъ слышались во всѣхъ углахъ. Кто завивался, кто кончалъ шитье новаго форменнаго платья; коегдѣ горѣли свѣчи на ночныхъ шкафчикахъ, раздѣлявшихъ кровати. Окна были высоко вверху, и шить безъ огня было трудно. Гдѣ-то, собравшись въ тѣсный кружокъ на двухъ постеляхъ, репетировали заутреню... Звучалъ смѣхъ.

Классныя дамы не заглядывали въ эти часы въ дортуаръ. Къ девяти только водворялась тишина. Нѣкоторыя засыпали полуодѣтыя на постеляхъ, многія дремали.

Въ десять раздавался долгій звонокъ. Какъ пчелиный рой, внезапно вылетѣвшій изъ улья, подымался разомъ шумъ во всѣхъ углахъ. Заспавшихся дѣвушекъ будили со смѣхомъ. Въ половинѣ одиннадцатаго всѣ были готовы, подвиты, надушены, въ новыхъ платьяхъ, въ бѣлоснѣжныхъ фартукахъ и пелеринахъ, многія съ бархатками на шеѣ, словно шли на балъ. Пѣвчія, особенно солистки, волновались. Служба была трудная; такъ легко спутать напѣвы и переврать слова... Изъ всѣхъ дортуаровъ по данному сигналу выступали классы, и классныя дамы вели ихъ на площадку къ лѣстницѣ, какъ полководцы на смотръ свои арміи. Съ высокой, рѣзной чугунной лѣстницы спускались малыши, „семерки“ и „шестерки“, съ заспанными и недоумѣвающими личиками. Но въ церковь идти было рано. И по коридору начиналось гулянье.

Новый звонокъ. Всѣ двинулись въ церковь по захолодѣвшимъ коридорамъ, мимо пустыхъ, но освѣщенныхъ классовъ.

Въ ярко освѣщенномъ залѣ стоитъ начальница въ своемъ великолѣпномъ праздничномъ платьѣ. Всѣ дефилирующія передъ ней институтки дѣлаютъ глубокій реверансъ и идутъ дальше въ церковь, на мѣста. У всѣхъ невольно сжимается сердце. Начальница строга, придирчива, глаза у нея, какъ у сокола. Бѣда, если подмѣтитъ безпорядокъ въ костюмѣ или неумѣстную усмѣшку. Всѣ лицемѣрно опускаютъ рѣсницы и

дѣлаютъ смиренныя мины. „Проѣхало... Слава Богу!“ — думаетъ каждая, двигаясь размѣреннымъ шагомъ, но уже уходя изъ поля зрѣнія всевидящей графини.

Вдругъ вдогонку окрикъ рѣзкій, властный: — „Иванова.. коммунница, простонародница, что это за вихры на лбу? Назадъ! Перечесаться!“

Виновница вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и вспыхиваетъ, готовая провалиться сквозь землю отъ стыда и страха. Вѣдь сколько мазала она этотъ проклятый вихоръ! И репейнымъ масломъ, и помадой... Осталось только вырѣзать его.—„Вотъ будетъ безобразіе!“ — шепчетъ она съ отчаяніемъ. Кортежъ останавливается на всемъ ходу, выжидая знака начальницы.

Знакъ поданъ. Шествіе тронулось.

— Любина,—уже издали доносится новый окрикъ,—что вы намотали себѣ на шею? Развѣ это бархатка? Это арканъ. Назадъ!.. Снять!—И т. д.

Вотъ и церковь, наконецъ, темная, озаренная только слабымъ свѣтомъ нѣсколькихъ паникадилъ. У дверей ея толпятся родные, служащіе, экономъ, инспекторъ, учителя съ женами, экономка, секретарь, казначей—съ семействами, „матушка“ съ дочками и красавцемъ сыномъ-офицеромъ, въ котораго влюблены всѣ классы... Родные киваютъ головами, здороваясь издали, шлютъ улыбки. Глаза институтокъ сверкаютъ, но онѣ чинно наклоняютъ головки въ знакъ привѣтствія и безстрастно по виду проходятъ дальше. Дисциплина не допускаетъ разстроить ряды и подойти къ матери или сестрѣ.

Въ церкви свѣжо, слышенъ тихій гулъ шаговъ... Говорятъ шопотомъ. Пѣвчіе идутъ на клиросъ. Всѣ становятся на мѣста. Но Короткой нѣтъ: она запоздала.

— Проспала,—смѣются институтки.—Что мы безъ нея, медамочки, будемъ дѣлать? Напутаемъ службу...

Вотъ она бѣжитъ въ чудесномъ платьѣ небесно-голубого цвѣта, маленькая и изящная, какъ всегда. Ея каблучки звонко постукиваютъ по паркету. Всѣ ее привѣтствуютъ. Проходя мимо начальницы, она дѣлаетъ ей почтительный полупоклонъ. Графиня шутливо грозится.

Марьѣ Павловнѣ институтка подноситъ роскошную свѣчу, всю въ ландышахъ, перевязанную крупнымъ бантомъ изъ бѣлой ленты, затканной алыми букетами.

— Отъ Ольги Девичъ,—говоритъ регентшѣ институтка.

Марья Павловна встрѣчаетъ черезъ церковь взглядъ Ольги,

улыбается ей, укоризненно качаетъ головой, какъ бы говоря: „Вотъ баловница-то“!.. и шлетъ своей любимицѣ поцѣлуй.

„Волною морско-ою“... начинаютъ пѣвчіе среди сумрака и напряженнаго ожиданія. И вотъ, наконецъ, по всей церкви вспыхиваютъ огоньки.

Надъ Москвой далеко, далеко изъ Кремля, съ колокольни Ивана Великаго раздался первый ударъ. Сорокъ сороковъ церквей подхватили его, и гулъ, торжественный и слитный, понесся въ весенней теплой и влажной тьмѣ.

У всѣхъ зажжены свѣчи, и вотъ огоньки замелькали, колыхнулись и двинулись къ выходу. Служба на мгновеніе прекращается. Готовятся къ крестному ходу, хоръ выстраивается за причтомъ въ серебристыхъ, свѣтлыхъ ризахъ. Всѣ съ ожиданіемъ глядятъ на Короткую и на Ольгу.

Взволнованная, съ пятнами на острыхъ скулахъ, Короткая дѣлаетъ хору угрожающіе, испуганные глаза: „Не перепутайте... будьте внимательны!..“ говоритъ ея взглядъ. Всѣ глаза устремлены на нее. Видно даже издали по прерывистому дыханію Короткой, какъ неровно бьется ея сердце. Она выхватываетъ изъ кармана крошечный камертонъ, съ нервной силой ударяетъ имъ по рукѣ и подноситъ къ уху, съ напряженнымъ волненіемъ въ застывшихъ чертахъ... А батюшка оглядывается, выправляя жиденькіе волосы изъ-подъ ризы. И дьяконъ, большой и красивый, ласково улыбается дѣтямъ.

Тонъ данъ. Короткая его повторяетъ еще разъ громче, и онъ словно пробѣгаетъ по хору. Ольга подхватываетъ его, дьяконъ беретъ октаву, улыбаясь глазами. Лицо Марьи Павловны свѣтлѣетъ. Она подымаетъ руки высоко надъ головами институтокъ, чтобы ее видѣли всѣ. „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“... стройно начинаетъ хоръ.

Шествіе тронулось. Всѣ головы на пути его склоняются благоговѣйно, и руки мелькаютъ въ крестномъ знаменіи. Колонна развертывается все шире; опять обходятъ коридоры, классы, залъ, оглашая праздничнымъ напѣвомъ высокіе своды. Въ залѣ стоятъ длинные, во всю комнату, столы, покрытые бѣлыми скатертями, и на нихъ красуются куличи, пасхи, яйца, приготовленные для освященія. Въ открытыя фортки въ коридорахъ врывается гулъ отъ церковнаго звона.

Всѣ вернулись, спѣшно заняли въ церкви свои мѣста. Церковь уже озарена люстрой, у всѣхъ образовъ горятъ свѣчи и паникадила. Какъ торжественно и ярко все,—и обстановка, и

костюмы, и лица! Священникъ оборачивается лицомъ къ толпѣ: „Христосъ Воскресе!“ говоритъ онъ. „Воистину Воскресе!“ какъ одинъ человѣкъ, отвѣчаетъ толпа. И хоръ подхватываетъ радостный гимнъ. По всей церкви и въ залѣ идетъ говоръ, несмотря на службу. Всѣ обнимаются, христосуются, поздравляютъ другъ друга.

Какъ только кончилась служба, Ольга сбѣгаетъ съ клироса и спѣшитъ навстрѣчу голубой, воздушной фигуркѣ Марьи Павловны.

— Дорогая, Христосъ Воскресе!—говоритъ она, цѣлуя худыя щеки своего друга. Голубые глаза Короткой глядятъ на нее, улыбаясь, съ невыразимой нѣжностью. — Ну вотъ... Ну вотъ,—по привычкѣ, какъ всегда въ минуту волненія, лепечетъ она, съ восторгомъ глядя въ прекрасное лицо Ольги. — Все хорошо. Спѣли отлично. Спасибо дружокъ!.. Кажется, нигдѣ не соврали? Ну, надо идти къ начальству. Завтра, дружокъ, послѣ двѣнадцати приходи ко мнѣ пить кофе. Раньше не встану, засплюсь...

— Хорошо, приду. Будемъ говорить?—Брови Ольги вздрагиваютъ и поднимаются съ наивнымъ выраженіемъ радости.

— Будемъ...

Какой теплый, любящій взглядъ бросаетъ, уходя, Марья Павловна Ольгѣ!.. Будетъ ли кто-нибудь тамъ, въ загадочной дали ея будущаго глядѣть на нее съ той же чудной нѣжностью?

А потомъ, это утро перваго дня Пасхи! Это кофе и эти бесѣды! Въ квартиру Короткой надо было идти коридоромъ. Она жила въ томъ же домѣ, внизу, рядомъ съ лазаретомъ. Какъ боялась Ольга въ дѣтствѣ этой жуткой темноты! Это мѣсто считалось между дѣтьми „страшнымъ“. Коридоръ былъ длинный, но съ поворотами и закоулками. Свѣтъ одинокихъ керосиновыхъ лампочекъ на стѣнѣ плохо боролся съ царившей тутъ даже въ полдень темнотою. Полъ былъ каменный, низкій, потолокъ въ сводахъ. Резонансъ былъ замѣчательный, и звукъ собственныхъ шаговъ пугалъ Ольгу, если ей случалось идти въ квартиру Короткой. Иногда за поворотомъ казалось, что кто-то догоняетъ. Ольга останавливалась, замирая, и кто-то, догонявшій, тоже стоялъ, притаившись. Она бѣжала, и погоня продолжалась...

Хуже всего было то, что рядомъ, въ концѣ коридора, былъ лазаретъ. Смертность тогда среди дѣтей была сильная. Тифъ не переводился круглый годъ, начиная отъ самыхъ легкихъ

формъ и кончаясь зачастую смертью. Тогда начиналась паника среди дѣтей. Богъ знаетъ, какими путями, несмотря на строжайшую тайну, институтки въ тотъ же часъ узнавали о смерти подруги. Многія плакали отъ жалости, еще больше отъ страха. Но врядъ ли кто такъ страдалъ отъ этого страха, какъ Ольга. Смерть вызывала въ ней мистическій ужасъ, который граничилъ съ полной потерей душевнаго равновѣсія. У нея сохранилось воспоминаніе о внезапной смерти отца, объ его измѣнившемся лицѣ въ гробу, на катафалкѣ. На панихидахъ она стояла вся дрожа, почти падая въ обморокъ. По ночамъ она долго послѣ похоронъ не спала, боялась вечеромъ темноты, даже днемъ не могла оставаться одна. Это граничило съ психозомъ.

— А еще докторомъ собираешься быть, — трунила Марья Павловна.—Надо привыкать къ смерти. Это малодушіе!

Но этотъ послѣдній пасхальный визитъ былъ ясенъ и радостенъ. У дверей лазарета, гдѣ совсѣмъ не было тяжелобольныхъ, фельдшерица болтала что-то съ нянькой, стоя у открытаго окна, противъ комнаты Короткой. Кусты сирени, наливавшей уже крупныя почки, росли подъ окномъ. Голубѣло небо, несся далекій благовѣстъ и грохотъ проѣзжавшихъ пролетокъ, пахло влажной землей... Ни угнетающаго, ни жуткаго не было ничего.

А какъ хорошо было въ этой уютной комнаткѣ Марьи Павловны, за ароматнымъ кофе, сваренннымъ хозяйскими ручками, среди этихъ предметовъ, къ которымъ она привыкла съ дѣтства! Вотъ и тотъ акваріумъ, въ которомъ шесть лѣтъ назадъ она разглядывала золотистыхъ рыбокъ, вотъ и эти швейцарскіе виды... Вспомнилась фраза баронессы на прощаніе: „Прошу любить и жаловать"... И сдержанный отвѣтъ Марьи Павловны: „Если она того заслужитъ"... Вспомнилось и чувство, теплой волной всколыхнувшее оцѣпенѣлое, казалось, сердце ребенка.

Годы дѣтства, развивающагося самосознанія, годы расцвѣта и надеждъ, гордыхъ плановъ, страстныхъ, идейныхъ порывовъ, въ высь и въ даль, годы дружбы и откровенныхъ изліяній въ милой, уютной комнаткѣ... Прощайте!.. Дастъ ли жизнь что-либо лучшее?.. Кто скажетъ?

Частица жизни осталась тамъ, за каменными стѣнами.

Все скрылось изъ глазъ Ольги, а она еще глядѣла назадъ влажными глазами, боясь заплакать.

— Не можете насмотрѣться? — раздался насмѣшливый го-

лось, отъ котораго дрогнули нервы Ольги.—Какія сантиментальности! Пожалуйста отучитесь отъ этой minauderie (жеманства). Старайтесь не быть смѣшной. Это самое важное въ жизни.

Въ тотъ же день онѣ обѣ были на обѣдѣ у богатой и сановной родственницы, гдѣ и закончили вечеръ. Тамъ же былъ петербуржецъ, посѣтившій актъ въ институтѣ. Онъ съ паѳосомъ заговорилъ о знаменитой аріи „Gesu mori“, и Ольгу попросили спѣть.

— Я не могу пѣть безъ Альбини, — отвѣтила она просто но съ непоколебимымъ убѣжденіемъ.

Зато и досталось же ей въ каретѣ, по дорогѣ домой!

— C'est inoui... Ça n'a pas de nom, — взволнованно говорила Софья Николаевна. — Отказать кому же? Графинѣ и ея гостямъ, которые слышали всѣхъ знаменитостей міра... И что она о себѣ воображаетъ? Ничтожество! Ей вбили въ голову тамъ, въ институтѣ, что она—талантъ. Въ свѣтѣ она — нуль. Она только дочь баронессы Девичъ... Смѣшная, угловатая дѣвчонка, безъ манеръ и такта, которую нужно учить вѣжливости... „Потрудитесь, милая, сразу занять свое мѣсто... Безъ всякихъ недоразумѣній!“

— Bonne nuit, ma mère, — ложась спать, сказала Ольга, у которой глаза, казалось, совсѣмъ погасли въ тѣни ея длинныхъ рѣсницъ. Баронесса протянула руку, къ которой Ольга прикоснулась губами, и дѣвушка вышла. Но на порогѣ ее остановилъ окрикъ матери.

— Мы выѣзжаемъ завтра курьерскимъ за границу. Прикажите горничной уложить ваши вещи. И надѣньте завтра сѣрое дорожное платье и сѣрую шляпку...

Наконецъ, одна!

Ольга заперлась и упала на постель, лицомъ въ подушки Она не плакала, нѣтъ. Но это было хуже всего. Въ груди у нея былъ камень. Ее душила холодная тоска.

Неужели прошелъ только день, какъ она вырвалась изъ объятій Марьи Павловны и вышла на крыльцо, подъ голуб небо мая?.. Все, что было вчера, стало невозможнымъ завтра, какъ къ трезвой жизни непримѣнимъ причудливы вымыселъ волшебной сказки.

Какъ отрадно было бы хоть на одну ночь позабыть дѣйствительность, увидать въ грезахъ милое лицо Короткой, косматую голову Альбини, веселые глазки подругъ... самой, хо во снѣ, стать прежнимъ ребенкомъ, съ довѣрчивой и яс

душой, не отравленной первымъ сомнѣніемъ въ своихъ силахъ, не оцѣпенѣвшей отъ холода жизни и равнодушія людей... Дѣтство.. Милое дѣтство... Прощай!..

VI.

За границей онѣ пробыли два года. Къ Ольгѣ была приставлена швейцарка, m-lle Альпъ, живая старушка съ молодыми еще, черными глазами. Она любила покушать, погулять, поспать всласть и Ольгу не стѣсняла.

Съ первыхъ же дней, еще въ дорогѣ, m-me Девичъ приняла съ дочерью рѣзкій, повелительный тонъ наединѣ и подтрунивающій на людяхъ. „Она не отъ міра сего", объясняла она всѣмъ, кто интересовался Ольгой. Въ первую же недѣлю разъ пять, по поводу самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, m-me Девичъ разражалась бурей упрековъ. Или она забыла, что она—безприданница? Что рѣшительно все на ней, начиная съ башмаковъ и кончая шляпкой, сдѣлано на деньги матери? Пусть учится бережливости!.. „Разорять себя я не позволю"...

Трудно передать, какое впечатлѣніе произвела первая такая выходка на самолюбивую дѣвушку. Она слушала молча, какъ убитая, широко открывъ глаза. Софья Николаевна, до сихъ поръ не забывшая, чего ей стоило сломить упорство десятилѣтней дѣвочки, и на этотъ разъ ожидала вспышки и борьбы. Напрасно. Ольга опять вся подобралась какъ-то, словно ушла въ скорлупку, внѣ которой прожила эти шесть лѣтъ. Если бы Ольга заплакала, мать оставила бы ее въ покоѣ, но это равнодушіе ее раздражало.

— Въ тебѣ нѣтъ ни нервовъ, ни души, ни самолюбія, ты—каменная,—сказала она разъ. Ей точно досадно было, что дочь покорилась ей такъ легко.

Понемногу Софья Николаевна приходила къ убѣжденію, что дочь ея далеко не то, что изъ нея обѣщало выйти въ смыслѣ характера... „Какъ институтъ обезличиваетъ дѣтей! Какъ нивеллируетъ всѣхъ дисциплина!" думала она. „Воображаю, что за золотце выростила бы изъ нея бабушка, согласись я тогда отдать ей Ольгу!"

У Ольги не было ни своего мнѣнія, ни своего вкуса. Платья, шляпы—все дѣлалось по выбору m-me Девичъ. Занятія дочери, книги, даже письма подругамъ, все первое время проходило черезъ цензуру матери. Видѣвшіе Ольгу поражались ея безотвѣтностью.

— Elle est anémique tout bonnement, — заявила баронессѣ одна изъ болѣе догадливыхъ знакомыхъ ея. — Elle ne vit pas, votre fille, mais elle traine la vie péniblement... N'est-elle pas malade? (Она анемична, вотъ и все. Она не живетъ, но она тягостно влачитъ существованіе. Не больна ли она?)

Но баронессѣ объ этомъ некогда было задумываться. Убѣдившись въ своей побѣдѣ надъ дочерью, она перестала обращать на нее вниманіе.

Разъ утромъ Ольга, войдя здороваться съ матерью въ ея будуаръ, нашла ее полу-больною, сильно измѣнившеюся. „Назадъ, назадъ, домой!" рѣшила m-me Девичъ съ отвращеніемъ къ жизни, которое всегда охватывало ее въ промежутокъ между двумя увлеченіями. Между замысломъ и выполненіемъ, какъ истая истеричка, она не знала покоя. Ея затѣи и проекты должны были осуществляться немедленно. Люди, обстановка, прежніе интересы—все становилось ей сразу постылымъ. Когда Ольга вошла, мать рѣзко заявила ей:

— Собирайтесь, мы ѣдемъ въ Россію. Здѣсь съ вами скоро по міру пойдешь... У насъ не осталось и половины состоянія...

Молодая дѣвушка вдругъ сильно поблѣднѣла.

— Позвольте мнѣ поѣхать въ Цюрихъ, — твердо сказала она, прямо глядя въ лицо матери.—Я буду впослѣдствіи сама кормить себя. Я не хочу быть вамъ въ тягость...

— Цюрихъ? Почему Цюрихъ? Что такое?

— Много русскихъ дѣвушекъ учатся тамъ медицинѣ,— упавшимъ звукомъ молвила Ольга. Первый моментъ душевнаго подъема прошелъ, и раньше, чѣмъ мать отвѣтила, она уже инстинктомъ почувствовала, что ея дѣло проиграно. Софья Николаевна рѣзко расхохоталась.

— Tout á fait folle... Вся въ папеньку... Гдѣ тебѣ работать? Ха!.. ха!.. Вели Жозефинѣ укладываться... Et vite!..

Черезъ два дня онѣ ѣхали въ Россію.

Впервые послѣ выпуска Ольга отчаянно проплакала всю ночь. Она поняла, что мать никогда не согласится на ея просьбу, хотя бы для того, чтобы сдѣлать ей непріятное. Развѣ не было такъ всегда, съ самаго дѣтства?

Княгиня Шаликова не ждала ихъ.

— Что вы это?.. Какъ снѣгъ на голову? — говорила она дрожавшимъ отъ волненія голосомъ. — Ну... ну... подойди къ свѣту, Ольга... Дай на тебя взглянуть... Вылитый отецъ... какой ростъ!

Глаза княгини были влажны. Это тронуло Ольгу. Забытыя воспоминанія дѣтства шевельнулись въ ея зачерствѣвшемъ сердцѣ, и дѣвушка, наклонившись къ рукѣ княгини, поцѣловала ее горячо, несмотря на оффиціальный реверансъ.

— Совсѣмъ большая, — говорила княгиня, садясь, потому что у нея дрожали ноги.—Девятнадцать лѣтъ, кажется?

— Нѣтъ еще,—поспѣшила вставить m-me Девичъ.

— Что же ты это ее, Софья, въ короткихъ платьяхъ водишь? Ей ужъ замужъ пора.—И, бросивъ взглядъ на помятое лицо дочери, она кинула какъ бы вскользь:—А ты постарѣла, однако...

M-me Девичъ вздрогнула, какъ отъ укола.

Итакъ, Ольга была признана „невѣстой". Жизнь перемѣнилась вся и сразу. Ольгу вывозили, наряжали, какъ куклу, не спрашивая, любитъ ли она танцовать, нравится ли ей платье, думаетъ ли она выйти замужъ? Къ чему это? За нее думаютъ другіе. Слава Богу! Не сирота... Однѣхъ тетушекъ сколько было у Ольги! А родни! А друзей этой родни!.. Чтобы всѣхъ объѣхать, понадобилось не меньше трехъ недѣль. Это былъ какой-то водоворотъ, не дававшій опомниться: выѣзды, пріемы, театръ, концерты, рауты, балы... И всѣ вѣрили, что это дѣлается для Ольги.

Но Ольгу не радовали ни шлейфъ, ни выѣзды. Въ свѣтской толчеѣ она чувствовала себя не на мѣстѣ. Она не умѣла вести разговора и казалась неразвитой, хотя и кончила съ золотой медалью. „Своихъ" словъ, какъ у Тургеневской Лизы, у нея не было...

Однако открытое признаніе Ольги невѣстой неизбѣжно внесло перемѣну въ чувства Софьи Николаевны къ дочери. Сначала Ольга служила только предлогомъ для роскошной жизни, ширмой для заграничныхъ поѣздокъ. Теперь приходилось выдвинуть ее на первый планъ. Въ баронессѣ теперь уже серьезно страдала тщеславная женщина, не соглашавшаяся стариться. И сама Ольга страдала въ своей роли „невѣсты". Она не умѣла нравиться. Ее кто-то прозвалъ la Belle au Bois dormant (Спящая красавица въ сказкѣ)... И это было очень мѣтко. Женихи, тщетно попытавъ расшевелить эту заколдованную красавицу, отставали понемногу и начинали ухаживать за Софьей Николаевной. Она была такъ жива, ея чудные глаза обѣщали такъ много...

„Она флегма", рѣшила m-me Девичъ про дочь, и ей всѣ вѣрили. Одна только бабка, помнившая, какимъ ребенкомъ

была Ольга, не обманывалась ея кажущейся безцвѣтностью и все ожидала, что та раскроетъ карты. Такъ и вышло. Ольга, не надѣясь попасть въ Цюрихъ, рѣшила добиваться меньшаго. Въ Петербургѣ открылись курсы такъ называемыхъ „ученыхъ акушерокъ", гдѣ неоффиціально проходилась программа медицинскихъ курсовъ.

Разъ Ольга вошла въ будуаръ матери.

— Я хочу учиться,—сказала она просто,—пустите меня на медицинскіе курсы.

Софья Николаевна въ первую минуту опять растерялась. У этой „флегмы" было, стало быть, что-то на умѣ...

— И что за блажь у тебя въ головѣ? Ты второй уже разъ пристаешь ко мнѣ съ такимъ вздоромъ...—Софья Николаевна съ страннымъ новымъ чувствомъ глядѣла на эту черноволосую головку.—Курсисткой быть?.. Ты не знаешь развѣ, что онѣ—нигилистки... развратницы? Почитай-ка Лѣскова. Что тамъ дѣлается?!. Да нечего на меня смотрѣть! Ты тамъ погибнешь... И чего ради? Это все мѣщанская закваска милой Маріе Короткой... Не забывай, пожалуйста, что въ твоихъ жилахъ течетъ кровь Шаликовыхъ...

— Вообразите, maman,—сказала Софья Николаевна, входя въ гостиную матери.—Моя Ольга на курсы просится... Какова! И кто могъ этого ждать?

„Ты-то не ждала, знаю",—сказалъ ей взглядъ княгини.

— На какіе курсы?

— Медицинскіе... она говоритъ... Развѣ у насъ есть такіе курсы? Что ей тамъ дѣлать?

Но княгиня разсердилась. Ей вспомнился баронъ Девичъ.

— Какъ, что дѣлать? Учиться...

— Ахъ, maman!.. Это такое безстыдство! Рѣзать лягушекъ, мертвецовъ... Рядомъ съ мужчинами... И, наконецъ, что скажутъ? Все это развратъ...

— Ахъ, помолчи!—раздраженно перебила княгиня и тяжело задумалась, вертя въ рукахъ золотую табакерку, осыпанную бриллiантами, подарокъ покойной государыни. (Въ старости княгиня пристрастилась къ нюхательному табаку. Это возбуждало ея нервы.)

— Пришли ее ко мнѣ,— сказала она, наконецъ, дочери.- Я съ ней поговорю.

— Зачѣмъ тебѣ курсы понадобились? — прямо приступи она, не успѣла Ольга поздороваться съ нею на другой ден

— Учиться хочу, бабушка...

— А мало ты училась?.. Въ институтѣ ты зачѣмъ была?.. Сядь... У тебя такое лицо, точно ты отъ меня сбѣжать собираешься...

Въ эту минуту, важность которой старуха не могла не сознать, она была такъ взволнована, что руки ея тряслись, и табакъ, который она собралась понюхать, просыпался на колѣни и коверъ.

Ольга заговорила.

Княгиня замерла въ своемъ глубокомъ креслѣ. Не моргая, глядѣла она своимъ непотухшимъ взоромъ въ прекрасное лицо внучки, вдругъ сбросившей обычную маску равнодушія, въ то нервное лицо, полное трепета жизни. Она слушала этотъ голосъ, вибрирующій страстью, сильный, гибкій, то нѣжный, то властный, голосъ великой драматической артистки, и волненіе Ольги захватывало ее. Съ присущимъ ей тактомъ она не спорила съ внучкой, дала ей высказаться и была теперь довольна. Хотя она никогда не глядѣла на курсы подъ угломъ зрѣнія Софьи Николаевны, но—она знала—устами ея дочери говорила толпа, то великосвѣтское общество, идти противъ котораго въ одиночку у нея уже не было силъ. Жизнь покорила и эту властную старуху: хотѣлось покоя, сказывалась старость... Но, по мѣрѣ того, какъ говорила Ольга, все прошлое, спавшее и, казалось, давно погребенное въ ея душѣ, всколыхнулось; незабвенный и дорогой образъ Юрія Петровича вдругъ поднялся передъ княгиней во весь ростъ, во всемъ величіи и цѣльности... Ольга такъ напоминала его лицомъ и голосомъ... Пронеслась цѣлая картина... Темный кабинетъ, весь обвѣянный мягкими сумерками уходящаго дня. И рядомъ „мраморное“ лицо любимаго человѣка, его молодые глаза...

Ольга смолкла и глядѣла на нее, тяжело дыша.

— Поди ко мнѣ!—глухо крикнула княгиня и протянула руки. Ольга опустилась на колѣни, и взволнованная бабка крѣпко обняла ея черную головку.

„Я знала, что это такъ, я не ошибалась въ ней“, съ горостью и счастьемъ думала княгиня.

— Теперь садись... Будемъ говорить...

Ольга сѣла на низкій табуретъ, въ ногахъ княгини. Сердце я стучало. Всегда блѣдныя щеки пылали. Она знала, что одержала побѣду, и что отнынѣ у нея сильный и вѣрный союзникъ.

— Если это вопросъ насущнаго хлѣба,—медленно заговорила

княгиня,—хлѣба для бѣдныхъ женщинъ, одинокихъ и незаму-
нихъ, то я спорить противъ этого новаго вѣянія не стану. О
естественно, разъ его выдвинула сама жизнь. Твой отецъ э
предвидѣлъ при отмѣнѣ крѣпостничества и былъ правъ. Я тво
жажду подвига могу понять... Хотя сама никогда о жертва
не думала и жаждала одной власти... Но ужъ это дѣло эпохи.
Навѣрное, и ты теперь не исключеніе... Я много читаю, слышу.
Народилось странное поколѣніе, котораго мы, старики, не пой-
мемъ... Но, это не бѣда... Главное то, что мы вамъ не можем
отказать въ уваженіи. Ваши цѣли, задачи прекрасны...

Она откинулась на спинку кресла и понюхала табаку. Ольг
ждала, не подымая рѣсницъ.

— Но у тебя совсѣмъ иное положеніе... Вѣдь не разсчиты-
ваешь же ты остаться въ дѣвушкахъ?

— Да,—твердо прозвучалъ отвѣтъ.—Я замужъ не выйду.

На губахъ княгини показалась прежняя тонкая улыбка.

— Ah, chère enfant, ты берешь на себя много... берегись!
У тебя натура отца. Девичи умѣли любить. Я хотѣла бы для
тебя обычной женской доли. Я стара, Ольга, хотѣлось бы пе-
редъ смертью видѣть тебя у пристани...

Глаза Ольги вспыхнули.—Мнѣ не этого надо. Не „пристани"...

— А чего же?—серьезно спросила княгиня.

— Простора,—страстно вырвалось у дѣвушки.—Или ужъ...
подвига!

— Но почему ты думаешь, что семейная жизнь не требу-
етъ его? А материнское чувство, это—сплошь жертва и ли-
шенія. А просторъ? Гдѣ онъ есть?

Она глубоко вздохнула и смолкла, позабывшись.

Подъ внимательнымъ и удивленнымъ взглядомъ дѣвушки
лицо старухи мѣнялось. У губъ ложились горькія черточки,
а въ глазахъ засвѣтилась ласка. Что вспоминала она?

Казалось, мимо проходило прошлое, какъ печальный при-
зракъ съ черными крыльями.

Ольга сидѣла не шевелясь, невольно уважая эту тишину.
Часы начали бить. Княгиня встрепенулась и положила ласково
руку на голову внучки.

— Подожди немного, Ольга. Твоя мать и всѣ „наши" про-
тивъ этого. Съ ними бороться надо исподволь. Ихъ много,
а насъ только двое. Ужъ одно названіе чего стоитъ! Ученыя
акушерки... Des sages-femmes... Это ты-то? (Она покачала го-
ловой и усмѣхнулась.) И правъ, насколько я знаю, никакихъ?

Ю, ужъ это твое дѣло... И, во всякомъ случаѣ, это лучше Цюриха. Туда я тебя не пустила бы никогда... Постой! (Она ютерла себѣ лобъ.) Я что-то еще имѣла возразить... Да... Вѣдь эти курсы все-таки для бѣдныхъ дѣвушекъ. Ты явишься ихъ конкуренткой. Честно ли это будетъ?

— Я, бабушка, такъ же бѣдна, какъ онѣ. У меня, по закону, нѣтъ своего рубля, а у матери я не возьму ничего.

И, видя движенiе княгини, она взволнованно добавила:

— Нѣтъ! Вы должны меня понять!.. Вы знаете, я, я... никогда (не любила мать,—хотѣла она сказать, но передъ строгимъ взглядомъ княгини это признанiе замерло на ея устахъ)... всегда была одинокой... И если бы отецъ былъ живъ, онъ послалъ бы меня туда самъ... И если бы онъ могъ насъ теперь слышать, онъ благословилъ бы меня...

Вѣки княгини дрогнули. Ее поразило не столько упоминанiе о баронѣ, сколько тонъ и смыслъ послѣдней фразы.

„Она уже не вѣритъ"... отмѣтила про себя княгиня. Сама она была давно индиферентисткой въ вопросахъ религiи, но считала ее необходимымъ оплотомъ для юношества. „И когда она успѣла утратить вѣру? А Софья-то!.. И этого не доглядѣла!" Она ничего не возразила на прощанiе своей внучкѣ, пораженная открытiемъ, что никто изъ нихъ не зналъ этой молчаливой, съ виду безстрастной дѣвушки.

— Вы—моя союзница, бабушка?—спросила Ольга, цѣлуя руку княгини и заглядывая въ ея глаза.

— Да, дитя мое, да...

Ольга вышла, а княгиня еще долго глядѣла на колыхнувшуюся за ней портьеру, и ей было грустно. Ей было жутко... Чего она хочетъ? Чего ищетъ? Къ какому простору стремится?"... Съ предвидѣнiемъ, охватывающимъ рѣдкаго изъ насъ, въ рѣдкiя минуты жизни, она почувствовала, что Ольга будетъ глубоко несчастна. Внутреннiй голосъ крикнулъ ей въ ту минуту, что въ поискахъ подвига она найдетъ мученичество. Въ душѣ Ольги она смутно чуяла трепетъ могучихъ крыльевъ, которыя она пытается развернуть. Но донесутъ ли ее эти крылья на высоту, куда она такъ стремится, на желанный просторъ? Не сломаетъ ли ихъ жестокая жизнь? И упавъ, какъ миѳическiй Икаръ, съ высоты всей грудью на скалы, не разобьется ли она, какъ тотъ бѣдный мечтатель, поднявшiйся на восковыхъ крыльяхъ, которыя растопило безпощадное солнце?

„Да, она будетъ несчастна", думала княгиня. „У нея лицо, отмѣченное судьбой..."

VII.

Время шло, и въ Ольгѣ совершался переломъ, которая даже безпечная m-me Девичъ не могла не замѣтить. То, что казалось терпимымъ въ семнадцагь лѣтъ, въ девятнадцать становилось непосильнымъ. Ольга слишкомъ много прожила въ эти два года, чтобы не озлобиться. Наивная вѣра въ свои силы исчезала понемногу, и въ душу кралось холодное отчаяніе. И это было страшнѣе всего. А что, если она въ минуту безумія дастъ слово жениху, первому, кто подвернется? „Но это будетъ самоубійство", думала Ольга. „За что мнѣ гибнуть?"

Когда-то она хладнокровно съ виду выслушивала попреки матери. Но то время прошло. Разъ какъ-то, когда изъ-за пустяка m-me Девичъ, по привычкѣ, воскликнула: „Ахъ, хоть бы развязаться мнѣ съ тобой скорѣй!.." Ольга крикнула съ истерической ноткой въ голосѣ:—За перваго пойду, кто посватается... У меня самой нѣтъ силъ такъ жить!

Она стремительно вышла изъ комнаты. Казалось, она сама испугалась этого взрыва темныхъ, несознанныхъ силъ, дремавшихъ до сихъ поръ въ глубокихъ тайникахъ ея души...

И вдругъ Ольгѣ сдѣлали предложеніе. Партія представлялась блестящая. Именно этотъ недоступный видъ Ольги, ея холодная надменность, отбивавшая у молодежи охоту провести съ ней вечеръ, плѣнила одного титулованнаго, богатаго сановника. Нужды нѣтъ, что ему было около пятидесяти. Онъ хорошо сохранился, былъ представителенъ, а главное, былъ дѣйствительно влюбленъ и денегъ не требовалъ. Бабушка умиленно сказала: „Наконецъ-то!.." Потомъ дала слово и баронесса за себя и за дочь, восторженно цѣлуя въ лысину будущаго зятя, пока онъ съ утонченнымъ чувствомъ „бонвивана" цѣловалъ ея ручки. Дѣло было за немногимъ: за оффиціальнымъ согласіемъ Ольги. И что же? Дерзкая дѣвчонка осмѣлилась отказать...

— Почему?.. Объясни!—потребовала бабка.—Я тебя не неволю... Но хочу знать. Старъ онъ для тебя, что ли? Но онъ прекрасный человѣкъ... Онъ будетъ министромъ. Я это знаю... Такой партіи не дождешься въ другой разъ...

Ольга, упорно глядя въ глаза княгинѣ, отвѣтила:

— Я знаю о немъ слишкомъ много, бабушка... Его дѣятельность на виду у всѣхъ...

— Ну такъ что же?—крикнула княгиня, и сердце ея застучало.—Развѣ ты... развѣ ты знаешь что-нибудь дурное?.. Ольга! Опомнись.. Онъ—*нашъ*... Онъ другъ твоего дяди...

Ольга молчала, опустивъ глаза.

— Я требую отвѣта,—крикнула княгиня внѣ себя.

— Я его не уважаю...

Княгиня Шаликова приподнялась въ креслѣ, опершись на задрожавшія руки. Съ мгновеніе она недвижно глядѣла въ блѣдное, упрямое лицо внучки, напрасно ища словъ. Потомъ силы измѣнили ей. Она тяжело опустилась въ кресло и безмолвно указала Ольгѣ на дверь.

Ольга вышла.

Когда баронесса изъ устъ самой дочери услыхала объ отказѣ сановнику, у нея потемнѣло въ глазахъ отъ гнѣва, и изящная ручка m-me Девичъ со всего размаху тяжело опустилась на голову дочери... Ольга ахнула, схватила себя за лицо, и колѣни у нея подкосились. Она сѣла тутъ же на полъ, на коврѣ... Дверь тяжко хлопнула за уходившей m-me Девичъ...

Часто потомъ, даже ночью просыпаясь, Ольга съ содроганіемъ и краской жгучаго стыда вспоминала про это оскорбленіе... Зачѣмъ она истерически разрыдалась тогда? Тяжелая обида встрѣтила ее неподготовленной, безсильной, растерявшейся... Она ломала руки, вспоминая. Зачѣмъ дала она матери насладиться своимъ униженіемъ? Какъ она могла пережить такую ночь?

Всѣ были скандализованы этимъ поступкомъ Ольги. Тетушки негодовали и ахали безъ умолку. Молчала, грозно и тяжко задумавшись, одна княгиня. Ей вспоминался разговоръ съ Ольгой. Она осталась вѣрна себѣ—и только... Какое же затмѣніе нашло на нее самое, что она повѣрила въ возможность этого брака?

Ольга какъ бы выросла за эту недѣлю. Маска была сброшена. Она заперлась у себя и просидѣла такъ пять дней, сперва словно оцѣпенѣвъ нравственно, затѣмъ стараясь примириться съ этой обидой, презрѣть ее, какъ ту, отъ кого эта обида шла.

Софья Николаевна, волнуясь втайнѣ, ждала покорности дочери. На шестой день утромъ m-me Девичъ, подвивавшаяся у зеркала, въ своемъ будуарѣ, услыхала знакомый стукъ въ двери. Наконецъ-то!

Вошла Ольга и остановилась въ дверяхъ.

О, какое лицо!.. Не дѣвушка, волчица... Глаза горятъ, щеки блѣдны, почти бѣлыя губы кривятся въ судорожной гримасѣ... Софья Николаевна чувствовала, что кончики пальцевъ у нея холодѣютъ. Съ секунду онѣ глядѣли другъ на друга, словно

мѣряясь силами. Дочь не подошла къ рукѣ, только кивнула головой и словно замерла въ своей позѣ, полной вызова и угрозы...

Бѣшенство темной волной подкатывалось отъ сердца къ горлу Софьи Николаевны.

— Que désirez-vous?.. (Что вамъ угодно?)—свистящими звуками сорвалось съ ея устъ.

Ольга отвѣтила по-русски глухо, но твердо:

— Замужъ я не выйду ни за кого... Пришла васъ предупредить... Нѣтъ силы, которая заставила бы меня отказаться... отъ моей... мечты...

M-me Девичъ медленно поднималась, какъ призракъ, впери́въ въ лицо Ольги сверкающіе глаза.

— Мечты?—уронила она чуть слышно.

— Отпустите меня на курсы...

— Вонъ!—взвизгнула Софья Николаевна. Лицо ея исказилось мгновенно, рука схватила первый подвернувшійся предметъ... Ольга инстинктивно отстранилась. Фарфоровый подсвѣчникъ ударился объ стѣну и съ звономъ разлетѣлся вдребезги.

Наконецъ и у m-me Девичъ открылись глаза. Ольга теперь уже не опускала передъ ней своихъ рѣсницъ. Взоръ ея слѣдилъ за Софьей Николаевной съ выраженіемъ такой откровенной и жгучей ненависти, что приходилось играть въ открытую... M-me Девичъ созналась передъ собой, что обманывалась все время въ нравственной оцѣнкѣ своей дочери. Но это бы еще ничего! Страдало самолюбіе, когда эту ошибку стольких лѣтъ поняли другіе. Вотъ вамъ и образцово-воспитанная дочь!.. Но это были только цвѣточки.

Разъ въ пріемной бабушки, въ присутствіи нѣсколькихъ важныхъ лицъ, Ольга вдругъ горячо вступилась за Бестужевскіе курсы, которые одинъ сановникъ назвалъ разсадникомъ безнравственности, и вообще за молодежь. То были семидесятые годы, разгаръ реакціи, и двухъ мнѣній по поводу студенческихъ движеній быть не могло.

Въ чопорной гостиной водворилась тишина. Софья Николаевна обомлѣла. Дочь ея словно бросала перчатку всему своему кругу. Да и всѣ были поражены не меньше. Княгиня съ минуту уничтожающимъ взглядомъ глядѣла на внучку. Та тоже съ вызовомъ, но спокойно глядѣла въ лицо бабушки. Скандалъ былъ полный.

Когда всѣ гости разъѣхались, слегка сконфуженные, нѣкоторые злобно-радостные, неся съ собой зерно сплетни, которое

жно было вырости въ чудовищную клевету на завтра, княя осталась наединѣ съ баронессой, другими дочерьми и зкими родственниками. Ольгу выслали.

— Она у тебя, Софья, совсѣмъ нигилисткой стала,—заговоа княгиня, волнуясь и нюхая табакъ.

— Maman... Это мой крестъ...

— То-то крестъ... Извѣстно, что такимъ, какъ ты, дѣти— 'да обуза... Лучше бы ужъ она умерла въ дѣтствѣ!

— Princesse!.. Au nom de Ciel!..—Maman...

— Да что тамъ?.. Правду говорю!—Княгиня забарабанила зно по золотой табакеркѣ, и покривившiяся губы ея дрогя отъ боли.—Отдала дочь въ какой-то мѣщанскiй инстиь, наравнѣ съ разночинками... Я и тогда говорила!..

— Maman... тамъ была подруга...

— Ну да, конечно! Подруга... друзья... Всѣ дороже и умнѣе ери... Чего было проще оставить ее въ Петербургѣ около і? Отдать въ Смольный? Все боялась, что отымутъ у тебя ... Ну, вотъ теперь радуйся... Закинула ее, какъ щенка, на ихъ три года... Это—тогда-то, когда складываются взгляды, ируется характеръ... Такимъ, какъ ты, не надо имѣть дѣтей!.. Б-же Девичъ сидѣла уничтоженная, низко опустивъ голову. было кончено. Роль образцовой матери, престижъ женщ, живущей для семьи...

— Научите меня, maman, я теряюсь,—смиренно, чуть не ча, сказала она.

— Поздно учить, милая... Ты бы думала раньше... не тѣшиь бы разными иллюзiями, что у нея отъ тебя нѣтъ тайнъ, нѣтъ его своего... А какiе задатки были у дѣвочки! Тепер, объ омъ надо думать, чтобы она съ своими идеями не погибла... „Погибнетъ, погибнетъ",—говорили сверкающiе глаза теiекъ.

На семейномъ совѣтѣ было рѣшено принять строжайшiя ы. Чье-нибудь есть же здѣсь влiянiе? Софья Николаевна дась, что у Ольги нѣтъ знакомствъ, нѣтъ переписки.

— Не можетъ быть!—взвизгивали тетушки.—Откуда же это ея все? Надо конфисковать книги, письма. Полумѣры не ведутъ ни къ чему.

Бабушка не пожелала проститься съ Ольгой. Она была иком большой барыней, чтобы прощать такiя безтактiи, да еще умышленныя. Но въ эту же ночь она слегла. въ каретѣ, по пути къ дому, m-me Девичъ спросила дочь:

— Вы что же это! Въ гробъ уложить меня хотите?

— У меня одинъ отвѣтъ, и вы его знаете,—угрюмо отв[illegible]тила Ольга.

— Grace à Dieu!.. Eh bien?

— Отпустите меня на курсы...

— Ха-а!..—протянула съ угрозой Софья Николаевна и си[illegible]но поблѣднѣла.—Срамить меня... Семью унижать... Ну, [illegible]дожди же...

На этотъ разъ, однако, рука не поднялась на дочь: жу[illegible] стало. Но эта сдержанность обошлась дорого Софьѣ Ни[illegible]лаевнѣ. Съ нею въ каретѣ сдѣлался непритворный истери[illegible]скій припадокъ. Она вышла изъ кареты буквально разбит[illegible] уничтоженная, жалкая. У Ольги сердце сжалось. „Неуже[illegible] нельзя какъ-нибудь ужиться?“—думала она, сидя безъ сна но[illegible] напролетъ, полураздѣтая на своей постели.

Утро вернуло Софьѣ Николаевнѣ ея силы и рѣшимость. О[illegible] сдѣлала обыскъ въ комнатѣ Ольги, конфисковала ея учебни[illegible] книги.

— Отопри столъ,—приказала она. Ольга измѣнилась [illegible] лицѣ. M-me Девичъ замѣтила колебаніе дочери, и у нея сер[illegible] захолонуло. Любовная переписка... Какой-нибудь студентъ [illegible]вращаетъ дѣвчонку. Конечно, это его вліяніе. Хорошо, что [illegible] не сбѣжала, не обвѣнчалась тайно! Позоръ... скандалъ... у[illegible]

Замокъ щелкнулъ. Такъ и есть! Цѣлая пачка писемъ. [illegible]жествующій возгласъ вырвался у баронессы. Она судоро[illegible] надрывала конверты, пробѣгая наскоро содержаніе писе[illegible] бормоча вслухъ нѣкоторыя фразы. Подпись: „Твой др[illegible] М. Короткая...“ Не то, не то... И опять не то... Все тотъ женскій, мелкій почеркъ, знакомый ей давно... Она шарила [illegible] всему столу, въ альбомахъ, выдвигала и стучала ящика[illegible] швыряя на полъ въ лихорадочномъ волненіи тетради съ [illegible]тинскими переводами, какія-то выписки изъ учебниковъ, с[illegible] все вверхъ дномъ. Изумленіе все яснѣе выступало въ ея л[illegible] Наконецъ, она обернулась. На щекахъ ея ярко пылали пятна. Она жадно вглядѣлась въ лицо дочери. Та сидѣла [illegible]движно на постели, прижмуривъ вѣки, и только изъ-подъ [illegible]ныхъ рѣсницъ по щекамъ дѣвушки ползли двѣ крупныя сл[illegible] Казалось, она ихъ не чувствовала. Трагическая черточк[illegible] этомъ лицѣ, полномъ нѣмого страданія, поразила баронес[illegible]

— Это не все,—прошептала она.—Гдѣ другія письма[illegible] притворяйся!.. У тебя должны быть другія письма,—нер[illegible]*тельно* сказала Софья Николаевна.

— У меня больше нѣтъ ничего,—отвѣтила Ольга и такъ
›гательно-искренно, что весь пылъ m-me Девичъ исчезъ.

Слава Богу!.. Слава Богу!.. Но гдѣ же разгадка? Чье вліяніе?
ıа оглянулась на ворохъ разбросанныхъ писемъ... Неужели
роткая?.. Она захватила всю пачку, скомкавъ ее, сунула въ
›маны своего капота и, все молча, вышла изъ комнаты.

Запершись у себя, она стала читать эти письма бывшей
други. Довольно было нѣсколькихъ изъ нихъ, чтобы понять,
о толкалъ Ольгу на эту опасную дорогу, кто поддерживалъ
въ борьбѣ съ семьей?.. „Терпи Оля, терпи... что дѣлать
тала она)? Неси свой крестъ. Теперь недолго осталось до
я свободы твоей"...

„Такъ вотъ что... Старая дура! Безмозглая сумасбродка... И
къ онѣ ее дурачили вдвоемъ! И сколько лѣтъ! Съ самаго
пуска. (Она разглядывала конверты.) *Paris. Poste restante...*
тербургъ. До востребованія, почтамтъ. О. Д... Каково!.. Цѣлая
:тема обмана! И кто-нибудь помогалъ? Ольга одна не вы-
цитъ на улицу".

Позвали къ допросу m-lle Альпъ. Софья Николаевна жестоко
рекала ее въ вѣроломствѣ, грозила испортить аттестатъ ея.
ı одно семейство въ Россіи не рискнетъ взять ее въ домъ.
ıа хотѣла немедленно отказать ей... Но видя, что старушка
зсѣмъ убита этими криками и уничтожена перспективой без-
5отицы и загрязненной репутаціи, баронесса милостиво объ-
ıла ей, что оставитъ ее подъ однимъ условіемъ—служить
вѣрой и правдой и доносить ей о каждомъ письмѣ, которое
ıучитъ дочь ея, или напишетъ сама. Плача, несчастная ста-
шка обѣщала все. Но вечеромъ она призналась въ этомъ
ьгѣ и просила „не вводить ее въ искушеніе".

Ольга молча, крѣпко обняла ее и поцѣловала. Ночью
ı написала Короткой послѣднее письмо... Когда ее выпус-
:и, наконецъ, навѣстить больную княгиню, она ловко бро-
ıа его въ ящикъ.

Но къ бабкѣ Ольгу не допустили тетушки и племянницы.
— Ты убила ее,—говорили онѣ ей, не умѣя скрыть зло-
ства.—Мы не можемъ тебя пустить. Это ее взволнуетъ...
Ольга, молча, поглядѣла имъ въ лицо и пошла назадъ, въ
›еднюю. Всѣ переглянулись въ ужасѣ передъ такой нерас-
пностью...

Въ передней ее догнала одна изъ кузинъ, блѣдная, хруп-
, какъ пастушка изъ севрскаго фарфора.

;*

— Неужели тебя не мучитъ совѣсть? — спросила она, любопытствомъ и страхомъ приглядываясь къ Ольгѣ.

— Совѣсть?.. Нѣтъ. Я ничѣмъ не виновата.

Но она лгала. Болѣзнь княгини тяжко лежала на ея ду Когда весь домъ уснулъ, она написала бабкѣ письмо, напо нала объ ихъ разговорѣ. Она, Ольга, осталась вѣрна се ничего не сказала новаго въ этотъ злополучный вечеръ... что же измѣнило взгляды княгини? Почему изъ ея союзн она стала ей врагомъ? Неужели и она вѣритъ, что Ольга гибнетъ, поступивъ на курсы? Развѣ заблужденія и оши отдѣльныхъ лицъ могутъ ронять учрежденіе?

Она подкупила свою горничную, которая отнесла пис въ домъ княгини. Но его у порога спальни перехватила тет прочла вслухъ ареопагу родныхъ и торжественно разорва его въ клочки.

Наконецъ, княгиня встала. Первый вопросъ ея былъ о Ольгѣ. Пришлось сказать ей, что внучка была. Княгиня ра сердилась.—Почему же ее не допустили?

Всѣ молчали съ такимъ видомъ, словно хотѣли сказат лучше не спрашивайте! О письмѣ промолчали. Княгиня п слала за Софьей Николаевной. Узнавъ о тайной перепискѣ Короткой, княгиня нахмурилась, припоминая. Это та мале кая, худенькая учительница, которая привозила къ ней Оль въ имѣніе?.. Но она казалась такой симпатичной...

Софья Николаевна не пожалѣла красокъ, чтобъ выясни все вѣроломство бывшей подруги. Княгиня хмуро выслушала. Кто же виноватъ?—ѣдко спросила она, когда дочь смолкла. Все ты... Ты нашла въ этомъ институтѣ разночинокъ сок вище... которой ты подкинула дочь.

Въ этотъ же вечеръ бабушка прислала заблудшей овцѣ Ѳо Кемпійскаго „Подражаніе Христу“, въ богатомъ сафьянномъ п реплетѣ. Это была любимая книга старухи въ послѣдніе го и опять весь ареопагъ родни заволновался, оцѣнивъ по дос инству этотъ подарокъ. Неужели она не измѣнится къ Оль

Онѣ свидѣлись, наконецъ. Было рожденіе княгини, и и старательно не оставляли вдвоемъ. Но Ольга, цѣлуя ру бабки послѣ семейнаго обѣда, улучила минуту, чтобъ спр сить ее.—Вы получили мое письмо?

— Письмо?.. Нѣтъ... А ты писала? Что ты писала?

— Я хотѣла оправдаться передъ вами... Какъ жаль!

Княгиня крѣпко стиснула руку Ольги. Всѣ замѣтили, ч

а оживилась. Она казалась счастливой. Но улучшеніе это ыло только временное. Болѣзнь сердца дѣлала быстрые шаги. Доктора приказывали не волновать больную, и Ольга не заводила разговора о курсахъ. Оставалось полтора года до совершеннолѣтія.

Къ ней опять посватался молодой дипломатъ. Онъ былъ очень недуренъ, со связями и на хорошей дорогѣ. Ольга отказала. Выйти замужъ теперь, послѣ столькихъ лѣтъ страданій и борьбы, казалось ей недостойнымъ.

— Ты что же это замужъ не идешь?—спросила ее княгиня.—Китайскаго императора дожидаешься? Такъ тотъ еще въ пеленкахъ, не женятъ... А ужъ здѣсь ты примелькалась... Скоро въ архивъ сдадутъ.

— И прекрасно, бабушка,—весело и вызывающе усмѣхнулась Ольга.—Мало ли „старыхъ дѣвъ?" Міръ великъ. Найдется и имъ мѣстечко и работа...

Тетушки переглянулись въ ужасѣ. Княгиня съ мгновеніе пристально глядѣла въ невозмутимо-улыбавшіяся черты внучки своимъ непогасшимъ еще взоромъ.

— Все старыя мечты? — тихо, сдавленнымъ голосомъ спросила она. Ольга мягко улыбнулась.

— Съ мечтами, милая бабушка, разставаться не легко...

На другой же день княгиня послала за нотаріусомъ и составила духовную, по которой, къ глубокому негодованію всей родни, оставляла Ольгѣ тридцать тысячъ, если въ теченіе двухъ лѣтъ отъ составленія духовной она выйдетъ замужъ. Въ противномъ случаѣ деньги переходили въ руки другихъ внучекъ. Княгиня вѣрила теперь, что одно только замужество спасетъ Ольгу отъ вѣрной гибели, которая грозитъ ей на курсахъ. Ольгу увѣдомили о распоряженіи бабки.

Софья Николаевна торжествовала. Это былъ очень тонкій ходъ. Ольгѣ давалась независимость отъ матери, о которой она сама мечтала. А ей, баронессѣ, не надо тратиться на приданое... Конечно, Ольга теперь выйдетъ замужъ. Такъ думала вся родня. Кто же откажется отъ денегъ?

— Надѣюсь, mes tantes,—сказала имъ Ольга, дерзко улыбаясь,—что вы теперь не будете торопить меня замужъ? Вамъ это невыгодно.

Ареопагъ онѣмѣлъ отъ негодованія. Ольга сама шла на разрывъ, жаждала ускорить его...

Княгиня Шаликова скончалась въ эту зиму внезапно отъ

паралича сердца. Ольгу эта смерть потрясла. Она теряла е
ственнаго друга, чудную, рѣдкую душу, близкую ей. Угрю
подавленная стояла она на панихидахъ. Ни одной слезин
выронила она.—Она каменная,—говорили о ней тетушки.

Когда кончились хлопоты по раздѣлу и наслѣдству, С
Николаевна переѣхала въ Москву, къ удивленію всей род
Тамъ жизнь дешевле,—говорила Софья Николаевна. Но у
были свои планы. Ей хотѣлось самой пожить еще по
жизнью, вдали отъ зоркихъ глазъ и острыхъ языковъ ея ро
О, какъ боялась она всегда того, „что скажутъ"!

Ольгѣ было уже двадцать лѣтъ. Ей вернули свободу
выборѣ книгъ, возможность безконтрольной переписки. Е
принуждали къ выѣздамъ, позволяли изучать латынь. Очеви
уже не вѣрили въ курсы и не боялись ихъ, когда есть ден
когда по выбору можно выйти замужъ.

— Не хочешь ли учиться пѣнію?—разъ спросила барон
Ольгу.—Конечно, о сценѣ мечтать нечего. Но для себя?

Ольга согласилась и даже съ удовольствіемъ. Это все-так
было дѣло и развлеченіе. Она знала, что Короткая была в
Москвѣ, но не искала свиданія. Она устала отъ обмана. К
чему? Одинъ только годъ...

Казалось, Софья Николаевна тоже устала. Ея обращеніе
дочерью стало мягче. Она невольно начинала уважать вра
Курсы, кошмаръ этихъ двухъ лѣтъ, казалось, исчезъ навсег
Какъ страстно ждала она дня свободы, когда Ольга выйде
замужъ и развяжетъ ей руки! Вѣдь такъ мало осталось
жить для себя!.. Надвигалась старость...

VIII.

Наконецъ, Ольгѣ исполнился двадцать одинъ годъ.

Она проснулась рано и лежала долго въ постели, закину
руки за голову и угрюмо глядя передъ собой. Вотъ и свобо
Но куда-жъ идти? Съ чего начинать?.. Пять лѣтъ назадъ о
считала дни, какъ узникъ, который въ тюрьмѣ, углемъ на ст
нахъ, дѣлаетъ свои вычисленія и радуется, когда отмѣти
одинъ истекшій день... Теперь она медлитъ. Она знаетъ, ч
развязка недалека, что теперь судьба въ ея рукахъ. Но о
слишкомъ устала.

Проходили дни, мѣсяцы... И развязка, какъ это почти все
бываетъ, наступила внезапно.

Какъ-то разъ, въ концертѣ знаменитаго скрипача, госте

ѣхавшаго изъ Мадрида въ Россію, суровое лицо Ольги, си-вшей съ матерью въ первомъ ряду, вдругъ дрогнуло. Огля-вшись разсѣянно въ толпу, она въ десятомъ ряду креселъ идала тщедушную фигуру и исхудавшее лицо Короткой. Та же глядѣла на нее уже давно, съ восторгомъ. Онѣ встрѣти-сь глазами, вспыхнули обѣ, сдѣлали другъ другу съ сіяю-ми улыбками привѣтственный знакъ и стали ждать антракта...

Наконецъ-то!.. Ольга стискивала худенькія ручки своей ріятельницы, чувствуя, что спазмъ давитъ ея горло. Сколько тъ!.. Сколько пережито...

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!—твердила Марья Павловна.—Краса-ица какая!.. Въ консерваторіи, слышала, первая звѣзда... того надо было ждать... А мать? Какъ ты съ нею?

Ольга вдругъ поблѣднѣла.

— Марья Павловна, я не могу дольше жить такъ! Вырви-те меня какъ-нибудь изъ моей тюрьмы!.. А ужъ у меня самой, кажется, нѣтъ ни энергіи, ни иниціативы.

— А сцена? Развѣ ты не на сцену готовишься?

— Я не въ силахъ больше обязываться матери! Цѣлый годъ жить вмѣстѣ... Не могу!.. Я ей мѣшаю...

Этотъ голосъ, это лицо преслѣдовали Марью Павловну и въ ту ночь, и на утро... Но энергичная маленькая женщина нашла средство помочь другу. Прослуживъ пятнадцать лѣтъ учительницей музыки и пѣнія и наживъ чахотку, она рѣшила отдохнуть, наконецъ, и половину своихъ уроковъ придумала передать Ольгѣ. Заручившись согласіемъ начальницы, она увѣдомила наканунѣ Ольгу коротенькой запиской о своемъ планѣ и просила предупредить баронессу.

Въ два часа Марья Павловна пріѣхала.

— Ну, что? Ну, какъ?.. Здравствуй, дружокъ,—нервно залепетала она, подставляя щеку Ольгѣ, по привычкѣ, и снизу вверхъ глядя въ ея глаза. Она откинула вуалетку. Щеки ея были совсѣмъ сѣрыя отъ блѣдности. Она замѣтно волновалась, но бодрилась. Шумя элегантнымъ, чернымъ платьемъ, она прошла въ гостиную.

M-me Девичъ умышленно заставила себя ждать, непріятно удивленная этимъ визитомъ.

— Ты предупредила мать?—полушопотомъ спросила Ольгу гостья, нервно двигаясь въ мягкомъ креслѣ.—Ну, какъ она?

Ольга вспыхнула и низко опустила голову.

— Не сказала?.. Ничего, дружокъ... Мы объяснимся сами..

M-me Девичъ стояла въ дверяхъ. Она подошла несль
Короткая быстро встала и пошла съ вспыхнувшими щ
навстрѣчу. Баронесса встрѣтила гостью надменно и цере
предложила ей сѣсть. Марья Павловна быстро овладѣла
бой. При первыхъ ея словахъ m-me Девичъ измѣнилась
лицѣ и обернулась къ дочери.

— Казенное мѣсто... Уроки... Ужъ не вамъ ли, урож
ной баронессѣ Девичъ, предлагаютъ идти на мѣсто?—Он
сокомѣрно поглядѣла на Марью Павловну. — Вы, моя м
забываете, что мы принадлежимъ къ тому сословію...

— Гдѣ трудъ считается униженіемъ,—перебила Коротка
Знаю. Къ счастью Ольги, она воспиталась на иныхъ н
лахъ... Если вы хотѣли сдѣлать изъ нея салонную барышн
не слѣдовало отдавать ее въ нашъ мѣщанскій институтъ.

— Я знаю... вашему вліянію я обязана, что въ Ольгѣ
эти непорядочные инстинкты... Курсы, докторство... et ce
Не доставало только уроковъ... Точно для этого мало ни...

— Maman!—порывисто сорвалось у Ольги.

— Assez! Brisons-là...—почти крикнула m-me Девичъ,
менно подымая голову, и сдѣлала знакъ, что „аудіенція
чена"... Чахоточный румянецъ ярко заигралъ на щекахъ
роткой, и руки ея задрожали при этомъ окрикѣ.

— Я пріѣхала къ Ольгѣ... и говорю прежде всего съ не
глухо молвила она.

— Trés bien!.. Но вы меня-то обѣ за что-нибудь считае
У васъ какъ-будто уже все рѣшено и условлено? — Глаз
дико перебѣгали съ лица гостьи на лицо дочери.

— Потрудитесь спросить Ольгу,—сухо замѣтила Корот
стараясь подавить приступъ кашля. — Ольга совершенно
няя... Сама за себя отвѣтить можетъ...

— Ахъ! Вотъ что!.. Вы совершеннолѣтняя... C'est le
de l'énigme... (Вотъ разгадка.) Съ которыхъ поръ, однако, в
такъ пріѣлся даровой хлѣбъ?.. Вы, полагаю, не особенно
готились вашимъ положеніемъ, если не спѣшили замужъ.
васъ былъ приличный исходъ...

— Вотъ я и хочу разъ навсегда избавиться отъ ваш
попрековъ въ дармоѣдствѣ,—глухо промолвила Ольга.

— Ха!.. Ха!.. Да вашего заработка и на извозчиковъ
хватитъ... Съ Пречистенки куда-то на край свѣта...

— Къ чему-жъ тутъ извозчики?—вмѣшалась Коротка
Ей придется жить тамъ же, вблизи училища...

M-me Девичъ, мелкими шагами бѣгавшая по ковру, оста·вилась разомъ. Вся кровь кинулась ей въ голову.

— А-а!.. Вотъ что! Теперь я разгадала ваши низкія, тайія цѣли... Это все отводъ глазъ... это подстроено ..

— Maman...—Ольга испуганно встала. Короткая тоже вско:ла, ничего не понимая.

— О, змѣя! Змѣнышъ проклятый!.. Срамить меня... дѣться сказкой города... уронить меня въ глазахъ родни...—ъ изступленіи говорила баронесса, безъ удержу, почти безэзнательно, какъ мчится лошадь, закусившая удила.—Ты хоешь память отца опозорить... Нигилисткой... Развратничать... огибнуть въ тюрьмѣ... Боже!.. Боже!.. И вотъ кому я поертвовала всѣмъ!.. Я замужъ не вышла, чтобы не лишать ее аслѣдства... Спасибо, дочка... спасибо!—Она дрожала. Искавшееся лицо ея было полно отчаянія. Она искренно вѣрила, го пожертвовала дочери „всѣмъ".

— Maman, довольно! — вдругъ сурово сказала Ольга. — .арья Павловна, передайте начальницѣ, что я согласна...

Она пошла къ двери. У m-me Девичъ потемнѣло въ глаахъ. Она рванулась за дочерью. Вся содрогаясь, Короткая съ эгкимъ крикомъ схватила поднятую руку баронессы.

— Sophie... Опомнись... Она—не дѣвочка...

Софья Николаевна обезумѣвшими глазами поглядѣла въ лцо подругѣ.—Вонъ!—крикнула она.

— Ахъ!..—вырвалось у Короткой. Она невольно закрыла укази лицо. Ольга порывисто обняла ее.

Но Марья Павловна уже опомнилась. Она опустила вуаэтку, слегка надорвавъ ее прыгавшими пальцами.

— Adieu, mon enfant,—глухо молвила она и прижалась поэлодѣвшими губами къ лицу Ольги.—Courage!

Она вышла, шатаясь.

Какъ разъяренная пантера, однимъ прыжкомъ m-me Деичъ рванулась за дочерью.

— Куда?.. Ни съ мѣста!—прошептала она.

Ольга оглянулась на нее. Лицо ея вдругъ поблѣднѣло, какъ умага. Глаза загорѣлись.

— Я сказала вамъ, что уйду... и уйду...

— А!..—глухо крикнула m-me Девичъ и сдѣлала угрожающій кестъ. Ольга отступила и безсознательно схватилась за стулъ.

— Не троньте!.. Берегитесь!.. Я не позволю себя ударить!..

Въ ея лицѣ было что-то новое и такое жуткое, что мать оглядѣла растерянно и вдругъ зарыдала.

Ольга всю ночь пролежала безъ сна. Утромъ, взгля въ зеркало, она не узнала себя. Ей было тридцать лѣтъ это яркое зимнее утро, но зато она рѣшилась.

Не спѣша, какъ разбитая, принялась она за укладку дука. Старая нянька, выходившая еще Софью Николае принесла ей чашку чая. Барышня жадно выпила и попро другую. Чай освѣжилъ ее.

— Покорись, Олюша, матери,—уговаривала няня.—Тя тебѣ, что говорить!.. Да вѣдь все-таки она тебѣ мать!

То же самое, только по-французски, ей сказала че часъ m-lle Альпъ. Добрая швейцарка плакала, говоря о тости материнскаго благословенія.

Въ два часа баронесса, роскошно одѣтая, отправлялас важнымъ визитомъ. Она постучалась къ дочери.

— Это я, отопри,—рѣзко приказала она. Быстрымъ в домъ окинувъ комнату, Софья Николаевна увидала запе сундукъ, выдвинутые ящики комода. Изъ распахнутыхъ рецъ гардероба выглядывали пышныя выѣздныя платья. С брала изъ нихъ съ собой только два, подаренныя ей ба кой, черное бархатное и послѣдній подарокъ княгини пе смертью—бальное, шелковое, красивое и нѣжное, какъ п хающая алая заря, которую оно напоминало цвѣтомъ. О не собиралась выѣзжать, но бросить здѣсь эти подарки д гого покойника ей было жаль. Кромѣ того, она брала л немного бѣлья, платьевъ и вещей, а главное книги.

— Это что?—сурово спросила Софья Николаевна и гла указала на сундукъ.—Ты не уѣдешь!.. И чтобъ этихъ ко не было! Слышишь, Ольга?.. Не доводи меня до крайно Не забудь, что ты лишаешься наслѣдства. Скандала я не х но помни: въ моихъ рукахъ сила, и я пущу ее въ ходъ, ты не покоришься. Ты напрасно борешься съ нами! О ственное мнѣніе—это все...

Черезъ часъ по ея отъѣздѣ, Ольга въ шубкѣ и ш вышла изъ своей комнаты и приказала лакею нанять дв извозчиковъ. Тонъ ея былъ суровъ. Лакей заикнулся бы приказаніяхъ баронессы, но посмотрѣлъ въ зрачки Ольг побѣжалъ, не разсуждая, по лѣстницѣ.

— Да какъ же ты это такъ? Оплошалъ-то ты какъ, Андрей удивлялась на кухнѣ прислуга.

— Вотъ поди-жъ ты! Я было заикнулся... Батюшки ты м А у нея лицо-то... каменное, какъ есть! Оторопь взяла... С не помню, какъ на подъѣздѣ очутился...

Няня кинулась было вдогонку.—Олюшка... Матушка моя...
— Chère enfant!—завопила m-lle Альпъ.

Ольга молча обняла ихъ, ласково простилась съ прислугой и вышла на подъѣздъ...

„Только ее и видѣли"... разсказывала потомъ нянька. Минуты двѣ, выскочивъ на крыльцо, на морозѣ, всѣ, столпившись, глядѣли вслѣдъ удалявшемуся извозчику, пока онъ не скрылся за угломъ. Потомъ переглянулись и схватились за головы... Что они надѣлали? Что теперь будетъ? Кто виноватъ? Всѣ обвиняли другъ друга. Швейцаръ—няньку, та—Андрея, Андрей—компаніонку.

— Вы чего глядѣли? Затѣмъ и наняты... Одно у васъ дѣло...

— А фи зашѣмъ бѣжаль?.. Не я бѣжаль за извозшикъ... Фи... (вы...)

— Царица небесная!—вопила нянюшка.—И что-то будетъ?

Потомъ всѣ присмирѣли и только вздыхали, сумрачно качая головами. Никто не зналъ, какъ доложить о случившемся вернувшейся хозяйкѣ?

— Ступайте вы, нянюшка,—говорили всѣ.—Съ васъ взыски не такіе будутъ, какъ съ нашего брата... Полвѣка въ домѣ живете...

M-lle Альпъ отъ слезъ и страха была невмѣняема.

Не успѣла m-me Девичъ переодѣться, какъ нянька съ воемъ и причитаніемъ: „Барышня-то наша.. барышня"... кинулась ей въ ноги. У m-me Девичъ задрожали колѣни.

„Отравилась... сошла съ ума... это въ роду... бабка—самоубійца..." вихремъ пронеслось въ ея головѣ.

— Матушка... сударыня... простите... Оторопь взяла. Остановить не посмѣли...

— Да что такое?.. Что?.. Да говори же...

— Уѣхала наша барышня...

— Ахъ!..—крикнула m-me Девичъ, ногой оттолкнула въ яростномъ гнѣвѣ сѣдую, склоненную голову и бѣлая, какъ полотно, кинулась въ комнату дочери.

Она угадала. На письменномъ столѣ, рѣзко бѣлѣя среди разбросанныхъ предметовъ, лежалъ листъ почтовой бумаги. Передъ глазами Софьи Николаевны пронесся туманъ. Почти падая отъ внезапной слабости, она опустилась на стулъ и прочла слѣдующее:

„Я уѣхала безъ васъ. Но это не бѣгство. Нѣтъ силы, которая удержала бы меня. Я только хотѣла избавить насъ обѣ-

ихъ отъ тяжелой минуты, о которой мы обѣ пожалѣли
впослѣдствіи. Повѣрьте, я не могла поступить иначе. Я уш
чтобъ имѣть свой кусокъ хлѣба. Какъ шесть лѣтъ наз
такъ и теперь моя мечта—Цюрихъ, университетъ. Не тер
тесь подозрѣніями, унизительными для васъ не менѣе, ч
для меня. Краснѣть вамъ за меня не придется: я умѣю у
жать имя моего отца. Не старайтесь меня вернуть, не у
жайтесь до борьбы, прошу васъ. Она будетъ безполез
Марья Павловна заѣдетъ за моими бумагами, отдайте ихъ

„Я никогда уже не встрѣчусь съ вами, пока вы меня
позовете. Но позовете ли вы?.. Мнѣ больно, что въ эту
слѣднюю минуту я не нахожу ничего, кромѣ горечи, въ мое
сердцѣ... Прощайте... Постарайтесь меня забыть, какъ за
ваютъ умершихъ, потому что и для меня *мертвы тѣ, кто
со мною!* Не говорю, чтобы намъ обѣимъ легко было забь
вы все же—мать мнѣ... Дай Богъ вамъ счастья!

„Можетъ быть, и я виновата, что не сумѣла привязать в
къ себѣ. Теперь поздно... Хотѣлось бы крикнуть вамъ: п
стите!.. Но я знаю, что вы не умѣете прощать"...

M-me Девичъ лишилась чувствъ . . . .

. . . .

Марья Павловна Короткая черезъ недѣлю пріѣхала за
магами. Ее не приняли. Лакей, передавшій ей цѣлый сунд
съ забытыми будто бы вещами Ольги, толстый пакетъ съ
магами и письмо съ вензелемъ баронессы, сообщилъ, что
высокородіе завтра выѣзжаютъ за границу по болѣзни, а ко
вернутся, неизвѣстно. Только на подъѣздѣ уже, усаживая
сани Короткую, Андрей спросилъ:

— Нянюшка очень сокрушаются о барышнѣ. Какъ онѣ
Ужъ тутъ скандаловъ что было!.. Тетушки понаѣхали и
Питера... На Софью Николаевну глядѣть было жалость...

— Слава Богу!.. На хорошемъ мѣстѣ Ольга. Стыдит
тутъ нечего... Радоваться надо! Такъ и скажите всѣмъ!

— Ну... кланяйтесь имъ, сударыня, отъ насъ всѣхъ. Д
вай имъ Богъ счастья! Потому... Мы ихъ очень любили...

„Вы правы,—писала по-французски m-me Девичъ дочери.
Я не изъ тѣхъ, кто забываетъ подобное оскорбленіе. И ес
бы я даже согласилась простить позоръ, которымъ вы покр
ли мое имя, то за мною стоитъ ваша родня, тотъ „свѣтъ", к
рый не умѣетъ прощать скандала. Я ему покоряюсь. Отны
мы—чужія другъ другу. Послѣ разрыва вы не можете жда

меня чего-либо. Если бы моя мать была жива, вы убили ее этимъ поступкомъ.

„Я васъ постараюсь забыть, и—повѣрьте—мнѣ это будетъ ю. Большаго вы не заслужили. Въ моемъ сердцѣ вы занили слишкомъ мало мѣста, но себя я въ этомъ не виню. Я пожертвовала вамъ молодостью, я изъ-за васъ не вышла замужъ. , видно, судьба матерей встрѣчать одну неблагодарность.

„Я не лицемѣрка и счастья вамъ не пожелаю. Напротивъ, олю Бога, чтобъ Онъ наказалъ васъ за мои страданія, чтобъ всю жизнь были несчастны и жалки, и презираемы всѣми!.. Если я встрѣчу васъ на улицѣ, я не узнаю васъ.

„Баронесса Девичъ, урожденная княжна Шаликова...“

И все было кончено.

Для Ольги настала новая жизнь.

IX.

„Неужели не сонъ? Неужели свобода?“ долго спустя спрашивала себя Ольга, просыпаясь ночью. „Какъ хорошо!.. Встану утромъ въ *своей* комнатѣ, пойду на урокъ, потомъ сяду за бѣдъ, которымъ никто не попрекнетъ меня, потому что онъ—ой... Я его заработала. Вечеромъ—читать, учиться, идти къ завѣтной цѣли... О, счастье какое!“

Иногда она прятала голову въ подушку и плакала радостными облегчающими слезами, отъ которыхъ, казалось, таяли льдинки въ ея сердцѣ, не знавшемъ веселья.

Первыя двѣ недѣли она прожила у Марьи Павловны, а еще черезъ двѣ поступила учительницей музыки въ тотъ самый институтъ, гдѣ кончила курсъ. Всѣ ее помнили тамъ, кромѣ начальницы, которая поступила недавно. Классныя дамы, учителя относились къ Ольгѣ съ участіемъ и лаской. Но ее раздражали разспросы, полные любопытства. Ее не понимали, совѣтовали помириться съ матерью, потомъ стали осуждать за разрывъ съ родней, за отказъ отъ наслѣдства. И Ольга понемногу, потихоньку опять ушла, какъ улитка, въ свою раковину.

Изъ длинныхъ коридоровъ, изъ залы, классовъ, дортуара—отовсюду на нее глядѣли тѣни милаго, безвозвратнаго прошлаго. Въ этомъ была какая-то больная, ѣдкая радость... Она была славной дѣвочкой, но, Боже!.. Какъ далеко то время! Гдѣ ея наивность? Ясность ея души? Она чувствовала себя старой въ этихъ стѣнахъ, видѣвшихъ ее ребенкомъ. Было много перемѣнъ. Новые учителя, новые порядки. Дѣвочки, въ

годъ ея выпуска бывшія „шестерками“ и малышами, т
вытянулись, были большія. Какъ-то грустно было на
глядѣть и уступать дорогу этой нетерпѣливой, жадной юн
Даже въ двадцать два года чувствуешь себя старой п
блестящими наивными глазками семнадцатилѣтнихъ дѣву

Хуже всего было въ церкви. Ольга по прежнему пѣ
клиросѣ, уже какъ регентъ, замѣняя Марью Павловну,
рой больная грудь не давала пѣть. Голосъ Ольги звуча
перь еще полнѣе, еще лучше... Но это было уже не т
было вѣры. Не было экстаза прежнихъ лѣтъ. И эта у
была больнѣе всего.

Марья Павловна постарѣла и расклеилась. Она часто к
ла, хворала, и Ольга даже на урокахъ музыки часто замѣня
Марья Павловна старилась и душою... Прежней вѣры въ
и бодрости въ ней не замѣчалось... Вообще было грустн

Когда институтъ засыпалъ, Ольга любила поздно веч
пройтись по пустыннымъ коридорамъ, по залу, пойти в
лисадникъ, на дворѣ, или спуститься въ садъ. Какъ р
все это ей—ребенку — было недоступно! Какимъ прес
ніемъ показалось бы ей выйти, напримѣръ, одной, безъ с
въ садъ! Страшно подумать... Милое, невинное дѣтство!.
вызывала его образы, свои забытыя мечты... Какой поэт
дымкой были обвѣяны эти дѣвичьи грезы! Какой зага
прекрасной казалась ей тогда жизнь!

А теперь все плоско, сѣро-сѣро... Все опредѣлилось
реди, не о чемъ гадать... И грустно... Ахъ! Какъ грустн

Ольга перебралась на собственную квартиру. Двѣ нѣ
фрейлейнъ Франце, — выслуживъ классными дамами п
пенсію, удалились на покой. Жили онѣ рядомъ съ ин
томъ и охотно сдали Ольгѣ двѣ комнаты.

День свой Ольга проводила такъ: вставала въ семь и дв
занималась латынью. Въ девять шла въ училище, гдѣ д
уроки до восьми, забѣгая къ себѣ позавтракать и отобѣда
нутъ на двадцать. Съ восьми начиналась ея личная жизнь
работала, читала, засиживаясь до трехъ, живя какъ въ ли
кѣ, спѣша наверстать потерянные годы и пополнить свои з

Весь первый годъ Ольга прожила отшельницей, видаясь
съ Марьей Павловной. И эта жизнь казалась ей раемъ.
чала она много, жила скромно, лишая себя всякаго ком
а когда экстренная трата заставляла ее выходить изъ бюд
она экономила на столѣ, чтобы свести концы съ конца

...алась зачастую чаемъ съ хлѣбомъ, какъ любая курсистка.

— Какая ты скупая! — удивилась Короткая. — И куда ты ...ги дѣваешь?

Ольга, краснѣя, напомнила ей о своихъ планахъ. Короткая ...угъ стала серьезной и взглянула съ уваженіемъ на свою ...имицу.

— Дѣло хорошее... Конечно, чтобъ за границу ѣхать, надо ...ало денегъ... Только все-таки нельзя жить такимъ студен...ъ... Пока скопишь, года два пройдетъ, глядишь, а ты рас...ожилась словно на бивуакахъ... Ни цвѣтовъ, ни ковра, ни ...гкой мебели... Сарай какой-то... Настоящая курсистка!.. И— ...я твоя—мнѣ это не нравится... Я положительно не могла ...ы прожить безъ комфорта...

Она убѣдила-таки Ольгу устроить обстановку. Она сама купила Ольгѣ хорошенькую мебель, мягкую кровать, цвѣты, коверъ. Убѣдила ее брать напрокатъ піанино.

— Развѣ тебѣ можно не играть? Весь „механизмъ“ утратишь... Хороша будетъ учительница! Да и за новостями музыкальными надо слѣдить. У насъ тутъ свой мірокъ такихъ знатоковъ... Я не хочу, чтобъ моя protegée лицомъ въ грязь ударила. А пѣніе, наконецъ?.. Вотъ постой, пріѣдетъ Альбини, онъ тебѣ голову намылитъ по старому!

Альбини былъ въ отпуску. Онъ въ Петербургѣ тщетно пробовалъ пристроить на казенную сцену свою оперу на сюжетъ „Война и миръ“ Л. Толстого. Трогательно было свиданіе его съ Ольгой. Но любовь этого страннаго старика мучила дѣвушку. Онъ любилъ забѣгать на чашку чаю во время завтрака къ своей любимицѣ, бросался къ піанино, заставлялъ Ольгу пѣть, импровизировалъ съ безумнымъ, загорающимся взоромъ, мурлыкалъ аріи изъ своей оперы и, взглянувъ на часы, съ крикомъ „Qué diable!“ бросался въ училище, забывъ объ остывшемъ чаѣ. Онъ требовалъ, чтобъ Ольга училась... Не бѣда, что она не кончила консерваторію! Онъ пройдетъ съ ней оперы и устроитъ ей ангажементъ... Она улыбалась тихо и грустно и никогда не спорила. Ей было по прежнему жаль этого чудеснаго старика. Черезъ годъ такой жизни на здоровьѣ Ольги разомъ отразились и это неправильное питаніе, и сидячій образъ жизни, и усиленная мозговая дѣятельность. Вдругъ открылось малокровіе. Ольга испугалась. „Починивъ“ себя кое-какъ за лѣто, которое она провела съ Короткой на дачѣ, снятой сообща въ Царицынѣ, она осенью

вернулась въ училище уже другимъ человѣкомъ. Ежеднев девятичасовой трудъ, эти уроки музыки, губительно дѣйству щіе на нервы, они понемногу дѣлали свое дѣло. Характ Ольги измѣнился. Куда дѣвались ея выдержка, настойчивост Она раздражалась каждой фальшивой нотой, непонятливост ученицъ, дѣлала рѣзкіе выговоры, потомъ упрекала себя за з рѣзкость и страдала отъ мысли, что теряетъ самообладаніе.

Теперь тяготило желанное прежде такъ страстно один чество... Мало того: находили такія минуты, что она готов была плакать отъ безпричинной и неодолимой тоски. Она убѣ гала на улицу и бродила долго, до изнеможенія и засыпала с чувствомъ обманутаго человѣка, который выбѣжалъ встрѣти кого-то и вернулся одинъ, никого не дождавшись.

Она доходила до того, что даже общество старушекъ Фран казалось ей спасеніемъ отъ самой себя. Въ одинъ изъ таки вечеровъ, разговорившись случайно съ Райской, служивш тамъ же фельдшерицей, Ольга приняла ея приглашеніе зай къ ней на квартиру. Тамъ она встрѣтила кружокъ соверше но новыхъ для нея и интересныхъ людей. Тамъ же встрѣти она и Семенова.

Но не одинъ недостатокъ средствъ удерживалъ Ольгу России, а больше всего слово, данное Марьѣ Павловнѣ. На было прослужить музыкальной инспектрисой по крайней мѣ три года. И начальница только на этомъ условіи допустила отвѣтственную должность регента хора такую юную дѣвуш Она больше всего боялась перемѣнъ и новизны. Ольга бы такъ обязана Короткой, что роптать не смѣла, но... что дѣ ствуетъ губительнѣе подавленнаго желанія? Ольга искала за венія въ трудѣ. Но по вечерамъ нападала на нее страшн тоска... Хотѣлось закричать отъ спазма, сдавившаго серд словно костлявой, холодной рукой. Хотѣлось зарыдать голосъ, биться о стѣну головою... Ничто уже теперь не дава удовлетворенія! Она иногда внезапно подходила къ піани въ такіе вотъ тоскливые вечера, и пѣла страстно, съ мук въ лицѣ и голосѣ, тѣ самыя слова любви, которыя презира считала глупыми, пошлыми, которыхъ никогда не произноси ея гордыя уста. И въ эти рѣдкія минуты чувство болѣзне наго, ѣдкаго наслажденія подымалось въ груди ея могуч волной... Хотѣлось простора! Уйти... разбить всѣ рамки... жи сызнова, иначе!.. Она боялась этихъ минутъ.

А за узенькой перегородкой слышалось движеніе. Ст

и Франце съ вѣчными чулками въ рукахъ, трудолюби-
какъ муравьи, тихонько входили въ комнату, садились у
ı. Слезы умиленія текли по ихъ старческимъ лицамъ, ра-
лежала, забытая на колѣняхъ, и, покачивая головами,
шептали: „O wie schön!.. Wie wunderschön!"
то возбужденіе у Ольги кончалось полнѣйшимъ упадкомъ
. Но, лежа въ постели, она все-таки не могла заснуть и
зала на утро разбитая и вялая, словно вакханка послѣ
ı. Глаза ея лихорадочно блестѣли, окаймленные широкимъ
цомъ тѣни.
акъ прошла вся зима. Возстаніе славянъ было въ раз-
. Ольга зачитывалась газетами. Въ апрѣлѣ была объ-
ıа война съ Турціей. Русскія студентки ѣхали за границу,
iагали госпиталямъ свои услуги. Подъемъ духа въ об-
вѣ былъ необычайный. Райская заявила всѣмъ, что ѣдетъ
урцію сестрой милосердія.
- Ой-ли?—смѣялся петровецъ Хортичъ. — Доѣдете ли до
вы?
на сердилась. Дѣло, по ея словамъ, было за какими-то
гами.
арья Павловна какъ сейчасъ помнитъ тотъ день, когда
ı съ газетой въ рукахъ вошла къ ней въ комнату. Въ
хъ ея сверкали слезы.—Читайте,—сказала она.
го было извѣщеніе о геройской смерти на войнѣ женщи-
рача Некрасовой. Она умерла на своемъ посту, зарази-
ь тифомъ отъ переутомленія.
- Я подаю въ отставку,—сказала Ольга.—Простите меня,
ı васъ бросаю! Но жизнь не ждетъ.
- Оля... Оля... Какая экзальтація!
- Не могу иначе, Марья Павловна... Меня тоска грызетъ...
пите... Какая заслуга будетъ идти по торной дорогѣ, про-
нной тѣми, кто тамъ теперь отвоевываетъ намъ, женщи-
, право на уваженіе общества? Я хочу быть одной изъ
ıхъ въ этомъ движеніи...
ıержать ее не было возможности. Ей дали, по ходатай-
Короткой, отпускъ и, послѣ хлопотъ начальницы, имѣ-
огромныя связи, Ольгу зачислили въ отрядъ сестеръ ми-
дія, выѣзжавшихъ въ европейскую Турцію. Прощаясь съ
служили молебны, не вѣря, что она вернется живой. Ольга
На вокзалѣ ее провожала толпа: учителя, Короткая,
ини, Райская и весь ея кружокъ. Былъ даже Семеновъ.

Всѣ знали, что она ѣдетъ въ знаменитый госпиталь во тештахъ, почти на вѣрную смерть. Это было геройство.

Райская плакала. Она еще недавно сердилась на О что та такъ внезапно собралась и вотъ ѣдетъ... А она остается въ Москвѣ послѣ своихъ громкихъ фразъ. Но те въ послѣднюю минуту, вся вражда, всѣ мелочные счеты забыты. Впрочемъ, плакала и не одна она...

Война кончилась. И на общемъ фонѣ разочарованія, вы наго ея результатами, яркими тонами выдѣлялись въ пе статьи, горячія и сочувственныя, посвященныя русской жен на войнѣ. Какъ врачъ, какъ сестра милосердія, какъ фельд ца, она стояла на высотѣ своего положенія, умѣя самоотвер выносить трудъ, который многимъ мужчинамъ казался не силу; умѣя жить въ походныхъ палаткахъ, въ сырости, гр въ холодѣ, либо въ вагонахъ по-просту (какъ жила Некрас безъ тѣни комфорта, по мѣсяцамъ не имѣя возможности нить бѣлье, какъ у солдатъ, кишѣвшее насѣкомыми; изну отъ истощенія, хронической голодовки, отъ безсонныхъ но въ убійственномъ воздухѣ, среди тифозныхъ, для которыхъ хватало сидѣлокъ, среди раненыхъ, для перевязокъ которыхъ хватало рукъ... Въ безпрерывной работѣ не спали по двое токъ; наконецъ, засыпали сидя, стоя даже, гдѣ и какъ попа Собственной жизнью, не колеблясь, рисковали ежечасно градомъ пуль, либо въ госпиталяхъ, гдѣ царилъ моръ, и молча, геройски, безъ проклятій и упрековъ въ гнилыхъ Фан тахъ, обратившихся въ одно чудовищное кладбище тифозн

— Слава Богу!.. Ѣдетъ назадъ! — истерически крик Марья Павловна, разрывая письмо, доставленное изъ ствующей арміи. И она залилась радостными слезами.

— Не заразилась?.. Жива?.. Скоро вернется?—посыпа взволнованные вопросы. Письмо на урокѣ пѣнія перехо изъ рукъ въ руки. Его читали жадно, радостно... Аль сидѣлъ за рояломъ, опустивъ на грудь сѣдую голову, съ гр сдвинутыми бровями, и разсѣянно бралъ аккорды.

Она вернется, наконецъ, эта странная, любимая имъ вушка, такая равнодушная къ славѣ, такъ преступно гу вшая свой огромный талантъ, такъ безумно кинувшаяся въ мый разгаръ опасности.

Вдругъ онъ тряхнулъ головою, взялъ аккордъ и заигр бурную, радостную импровизацію. Всѣ примолкли... Нач ница, спрятавшись за колонну, манила къ себѣ Короткую.

– Неужели правда?.. Ольга Девичъ возвращается?
– Да, княгиня, да...
...то какъ радостна была встрѣча!.. Та же толпа друзей и ...омыхъ явилась на вокзалъ. Ольгу засыпали цвѣтами, за...али объятіями... Потомъ только замѣтили, когда остыли ...ыя впечатлѣнія, какъ измѣнилась Ольга. Подурнѣла, по...ѣла, казалась старше на много лѣтъ... И нравственно это ...ъ уже не тотъ человѣкъ.

— Она больна,—съ грустью говорилъ Марьѣ Павловнѣ ...ьбини. — Что съ тобой, дитя мое? — тревожно спрашивалъ ...ъ ее. Но она безнадежно улыбалась. Ахъ, не все ли равно? ...о ея здоровье, вся ея маленькая жизнь, когда тамъ гибли ...ятки тысячъ?.. Она безъ слезъ не могла говорить о Фра...птахъ, гдѣ работала, объ этомъ проклятомъ Богомъ мѣ...чкѣ, гдѣ быстро, покорно вымирали, казалось, обреченныя, ...ѣми позабытыя роты.

У нея не было сна, аппетита. Угнетенное настроеніе не по...цало ее. Казалось, она не живетъ, а спитъ... Такъ вялы ...ли ея манеры, рѣчь, самый звукъ ея голоса. Глубокимъ ...мленіемъ и равнодушіемъ къ жизни дышала каждая черта ...лица... Эти три мѣсяца работы, очевидно, дались не легко. ...слѣ этихъ ужасовъ и волненій, расшатавшихъ всѣ ея нервы, ...мившихъ окончательно здоровье, дико какъ-то было вер...ться въ прежнюю мирную колею, въ эти каменныя стѣны, ...ѣсть опять за уроки...

Многихъ удивляла эта вялость въ Ольгѣ.—Ломается, — го...рила Райская, въ которой опять проснулась мелочная за...сть.—Интересничаетъ,—соглашались другія женщины.—Чего ..., кажется, еще желать? Ореола героини лѣтъ на десять хва...гъ.—Но мужчины бранились: Экое бабье!.. Экіе языки! Оче...дно, тутъ что-то есть, не спроста...

Одинъ Семеновъ догадался, что Ольга просто не получила ...авственнаго удовлетворенія тамъ, куда рвалась.

Она вздрогнула, когда онъ назвалъ ей ея тоску.

— Иначе и быть не могло, — подхватилъ Семеновъ, и его ...ые, всегда холодные глаза вспыхнули. — Цѣль слишкомъ ...тожна. Я это зналъ впередъ. Все это жертвы Молоху. Но ...и сами могли погибнуть. За что? Развѣ это подвигъ?.. Хо...те, я скажу вамъ, гдѣ его искать, что дѣлать, чтобы не ...ть даромъ? И за что стоитъ погибнуть?

Она отшатнулась невольно.—Оставьте меня,—сказала она.

7*

Памятенъ остался ей первый день ея возвращенія д

Звонокъ къ обѣду всколыхнулъ тишину классовъ. I
потали сотни ногъ по коридорамъ, отзвучалъ гулъ мол
голосовъ. И опять настало молчаніе...

Вотъ она вернулась... Опять она одна въ этой „ко
Марьи Павловны", гдѣ росла и расцвѣла ея дѣвичья ду

Странно! У этихъ каменныхъ стѣнъ былъ свой, по
ей языкъ. У тишины были голоса... Дрожалъ чей-то
слышались вздохи, лились незримыя слезы. Страстно з
рѣчи, полныя вѣры и огня... Это ея прошлое говорило

Короткій зимній день угасалъ. Послѣдніе лучи зак
горали на трубахъ и крышахъ. Огнистая стрѣла вдруг
тянулась въ высокое оконце и окрасила блѣдныя щ
подвижной дѣвушки. Алый отблескъ сверкнулъ въ зр
ея... Или это были слезы?

Никогда до этой минуты не сознавала она такъ бо
ярко, *что* отняла у нея жизнь? Какъ она стала стара!..
въ этихъ завѣтныхъ стѣнахъ, съ безмолвнымъ, угр
укоромъ, казалось, глядѣвшихъ на нее, она чувствова
сокровища растеряла она по дорогѣ...

Гдѣ вѣра въ себя?.. Гдѣ огонь фанатизма? Гдѣ
души? Смѣлая, прекрасная юность?.. Вотъ опять, какъ се
назадъ, черезъ замазанное известкой окно она глядитъ
въ тотъ манившій ее міръ, полный тайны, полный те
загадочныхъ силъ... Но она уже не зоветъ ихъ на
отвагой безумца... Страшно!

Закатъ угасъ. Сумерки ползли въ комнату.

Ольга вздохнула, оглядѣлась кругомъ, какъ бы прощ
чѣмъ-то. Въ загадочномъ безмолвіи глядѣли на нее зн
стѣны... Она вышла изъ комнаты съ разбитымъ сер
какъ уходятъ съ кладбища.

А снизу, изъ коридоровъ, съ лѣстницы уже бѣж
навстрѣчу волна звуковъ. Шумъ наросталъ, какъ приб
шла, возвращаясь съ обѣда, молодежь... *тѣ, которым*
уступить дорогу.

Богъ вѣсть, откуда налетѣла, какъ жгучій вихрь, эта
Но она словно пронзила Ольгу. Она даже остановил
мгновеніе отъ острой боли въ сердцѣ.

Да... вѣдь, скоро двадцать пять лѣтъ. Еще немного,
жизни останется позади... А развѣ она жила?

Страшно...

X.

..ѣто Ольга провела въ Крыму съ Короткой, которую не ..а оставить, такъ она была плоха. Стоило это доро..но Крымъ какъ бы воскресилъ обѣихъ женщинъ. Съ но..съ подъемомъ силъ и вѣры въ будущее вернулась Ольга ..нью въ Москву. И знакомство ея съ Арбековымъ и сестрой ..менова состоялось въ эту именно лучшую пору ея жизни, ..да она была такъ близко у желанной цѣли.

Циркуляръ отъ правительства приглашалъ русскихъ жен..инъ, находившихся за границей, въ Парижѣ и Цюрихѣ пре..ущественно, вернуться въ Россію. Имъ обѣщана была воз..жность получать высшее медицинское образованіе, котораго ..ѣ добивались въ другихъ странахъ. Циркуляръ былъ встрѣ..нъ съ восторгомъ.

— Читала?—спросила Короткая Ольгу.—Наконецъ-то!

Та странно улыбнулась. Сбывались самыя смѣлыя мечты... Если-бы отецъ былъ живъ..." Какъ все упрощалось теперь! .. какая-то безпричинная, казалось, печаль овладѣвала ея ду..той. Жаль что ли было силъ, истраченныхъ напрасно въ ..орьбѣ? Было ли это предчувствіе, что ихъ не хватитъ, когда ..нѣ больше всего будутъ нужны?

Всю эту зиму Ольга была нарасхватъ. Но тотъ надломъ ..ъ душѣ ея, съ которымъ она вернулась годъ назадъ, не про..іелъ безслѣдно. Семеновъ настойчивѣе прежняго искалъ ..стрѣчи. Часто ночью, провожая Ольгу отъ Райской, онъ увле..алъ ее на прогулку и часами горячо доказывалъ ей узость ..я стремленій, все „мѣщанство" этихъ „маленькихъ дѣлъ", всю ..хъ безполезность при данныхъ условіяхъ. Она уже не спо..ила. Она слушала молча, стиснувъ блѣдныя губы; слова па..али теперь на готовую почву. Что-то мучительно и медленно ..мирало въ ней, надломленное натискомъ ужасающихъ впеча..лѣній тамъ, на войнѣ.

Куда дѣвался энтузіазмъ, съ которымъ еще осенью она ..оворила о дѣятельности врача съ Арбековымъ и Семеновой? ..урсы уже не были желанной, самодовлѣющей цѣлью. Они ..ыли только средствомъ забвенія, возможностью въ упорномъ ..рудѣ уйти отъ всего, что всколыхнулось въ ея душѣ, что ..астойчиво звало ее, но къ чему у нея не хватало героизма. ..о она еще крѣпилась. Ей было слишкомъ страшно сознать..я даже себѣ, что душу ее охватилъ такой холодъ на порогѣ ..ъ цѣли. Потому что все, что она видѣла, все, что слышала

кругомъ, требовало активнаго и немедленнаго вмѣшател
борьбы, подвига и даже гибели, а не того, къ чему она
вилась столько лѣтъ. И она инстинктивно ненавидѣла С
нова за весь разладъ, который онъ поднялъ въ ея душѣ.

Къ концу учебнаго года здоровье Ольги такъ ухудш
внезапно, что Короткая не на шутку встревожилась.

— У тебя какая-то изнурительная лихорадка, Ольга...
заразилась ли ты тамъ, въ Турціи, маляріей?

— У меня душа больна,—сказала какъ-то разъ Ольга.

Арбековъ тщетно весь этотъ годъ, послѣ встрѣчи у С
новой, искалъ сближенія съ Ольгой. Она видимо избѣгала
Но Ольга долго помнила ту лунную, прекрасную ночь, к
она въ первый разъ шла съ Арбековымъ по бульварамъ.
ея сѣрой „однобокой", какъ она говорила, жизни было
мало впечатлѣній, что этотъ вечеръ казался ей яркимъ п
комъ, Богъ вѣсть какъ расцвѣтшемъ на заглохшей к
нѣ. Въ душѣ слабо дрогнули какія-то струны. Годъ на
какъ дико показалось бы ей такое настроеніе! Все это (
такъ мучительно и жутко, что Ольга испугалась. Лишь б
эта еще „блажь"!.. При неизбѣжныхъ встрѣчахъ съ Ар
вымъ, Ольга была очень холодна. Но она чувствовала,
онъ ей все прощаетъ, что онъ ее любитъ издали, и это нѣ
нетребовательное обожаніе втайнѣ волновало и трогало

Та ночь не прошла безслѣдно...

. . . .

— Я вамъ совѣтую сходить къ Литвиновой,—сказала к
то Ольгѣ Райская, встрѣтивъ ее днемъ на дворѣ.—У
ужасный видъ.

Ольга встрепенулась. Ее интересовала Литвинова.

Дарья Модестовна, русская по мужу, сама полька, т
только начинала входить въ извѣстность. Она кончила к
въ Цюрихѣ и второй годъ практиковала въ Россіи. Он
нимала прекрасную квартиру, имѣла превосходную обста
ку. Это была невысокая и миленькая блондинка лѣтъ
дцати, съ пышнымъ бюстомъ, съ умными, зоркими и х
ными глазами. Она была одѣта со вкусомъ. Въ ней не то
не было этой искусственной, условной простоты, которой
голяли курсистки шестидесятыхъ годовъ, напротивъ: она
очень кокетлива и женственна. Густые пепельно-бѣлоку
волосы ея были подрѣзаны пушистой челкой, по тогда
модѣ, перенятой у черногорокъ, и красиво спускались д

[illegible]ъ почти бровей, закрывая низкій, широкій лобъ. У нея были [illegible]ія манеры свѣтской женщины, грудной голосъ. „Она просто [illegible]ровательна“, подумала Ольга. „Сейчасъ сказывается полька“. Мягко и вкрадчиво разспрашивая паціентку, Литвинова прежде дѣлала свои замѣтки въ толстой исписанной книгѣ, но, захваченная интересомъ разговора, вскорѣ положила перо и слушала, не сводя глазъ. Когда же случайно она узнала, что Ольга вернулась изъ Фратештъ, холодные глаза Литвиновой вспыхнули, и она пододвинулась къ больной. „Такъ вотъ вы какая!“ говорило ея лицо. Она сама на войнѣ не была и закидала Ольгу вопросами. Разговоръ свелся, конечно, на судьбу высшихъ женскихъ курсовъ въ Россіи. Литвинова безъ утайки разсказала все, что знала о положеніи нашихъ студентокъ въ Цюрихѣ; она сочла своей обязанностью передать будущей курсисткѣ также и то, что было ей извѣстно отъ другихъ лицъ о Петербургѣ. Самой ей стóило огромныхъ хлопотъ и энергіи, чтобы отстоять право практиковать въ Россіи. Диплома цюрихскаго университета оказалось недостаточнымъ, нужны были провѣрка и санкція русскихъ профессоровъ, которые отнеслись далеко не дружелюбно къ этому движенію женщинъ.

— Вы должны приготовиться къ усидчивому труду и къ упорной борьбѣ, и это несмотря на то, что никогда наши дѣла не шли такъ блестяще, какъ теперь.

— Вы знали Некрасову, Дарья Модестовна?

— Да, да... Героиня... Ахъ!.. Да и не она одна... Жалкое было бы то общество, которое не поддержало бы такія силы! А все же у насъ нѣтъ еще почвы подъ ногами. Мы отвоевываемъ каждый шагъ. Невѣжество, зависть, эгоизмъ—вотъ наши враги!.. Но будемъ надѣяться на лучшее, Ольга Юрьевна! За успѣхъ нашего дѣла говоритъ уже тотъ фактъ, что вопросъ этотъ назрѣлъ въ обществѣ. И самая ожесточенность нападокъ доказываетъ, повѣрьте, что враги наши признали и силу нашу, и законность нашихъ требованій...

— Счастливица... Вы уже у цѣли!

Онѣ разстались, какъ старыя знакомыя. Литвинова прописала цѣлую систему лѣченія и назначила паціенткѣ явиться къ ней осенью и не въ пріемный день.

— Вотъ я опять,—сказала Ольга, въ началѣ сентября входя въ пріемную Литвиновой. Встрѣтились онѣ, какъ друзья. Дарья Модестовна протянула ей обѣ руки, усадила на кушетку и велѣла горничной подать имъ чаю.

— А у васъ скверный видъ, Ольга Юрьевна! Это по-
Крыма-то! Послѣ моря! Что же вы чувствуете?

— Отвращеніе къ жизни... ни больше, ни меньше...

— Ого!.. Нельзя сказать, чтобы немного! А ваше будущее
ло? Вѣдь въ маѣ вы уже свободны... и можете подавать проше

— Бываютъ минуты, что и оно теряетъ смыслъ для ме
и интересъ. Не узко ли все это?.. Нуженъ ножъ хирурга
мы кладемъ пластыри на гнойныя раны. Вотъ видите, ер
какая!—горько смѣялась Ольга.

Она вспомнила внезапно, что это были не только мы
но почти точныя слова Семенова, и смущенно примолкла.

— Ножъ хирурга, это очень хорошо. Но не всякая рука с
вится съ этимъ ножомъ... Не всѣмъ дано быть оператора
Возможны и непоправимыя ошибки... Ну, а что же умно?
не безцѣльно, по-вашему?

— Не знаю... Но это — отвратительное состояніе! Ка
утро просыпаешься съ какой-то необъяснимой надеждой. Жд
чего-то. Кажется, вотъ-вотъ настанетъ что-то... *новое* что
День проходитъ, ничего не давъ. А тамъ безсонная ночь,
кливая ночь. Словно обманулъ кто... И такая апатія, т
уныніе... Нѣтъ, даже не то! А тоска ѣдкая, безпросвѣтн
Какой ужасъ, Дарья Модестовна! И взять себя въ руки
могу... Я стала какой-то тряпкой!

Литвинова проницательно глядѣла на Ольгу, и въ зрачк
ея играла какая-то новая мысль. Она придвинулась и лас
положила на колѣни собесѣдницѣ маленькую, пухлую ру

— Отъ этого надо вылѣчиться прежде всего... Ну-съ!
ищемъ лѣкарства или... временнаго забвенія.—Она помол
съ мгновеніе.—Ольга Юрьевна, вѣдь вамъ уже двадцать
лѣтъ? Увѣряю васъ, это не навязчивость! Мой вопросъ имѣ
большую важность... Неужели вы никого не любили?

Ольга покраснѣла. Ей вспомнился Арбековъ, та ночь...

— Я удивляюсь, право, что раньше мнѣ не пришло въ
лову задать вамъ этотъ именно вопросъ... Въ такой крас
дѣвушкѣ и,—будемъ говорить откровенно,—въ такой н
мнѣнно страстной натурѣ это отступленіе отъ нормаль
закона было бы уродствомъ... Итакъ?

— Но почему же, Дарья Модестовна, это явленіе вы счит
анормальнымъ? Развѣ тысячи дѣвушекъ не живутъ безъ лю

— Этого не должно быть!—горячо крикнула Литвинов

— А вы? Вы сами?

— Что я?—Щеки Литвиновой залилъ жаркій румянецъ.

— Вы развѣ о любви думали, добиваясь диплома за грани-
ѣ и своихъ правъ здѣсь?

— Одно другому не мѣшаетъ. Я—натура далеко не страстная.
зумно влюбляться не имѣла ни времени, ни охоты, это прав-
. Но я... была замужемъ. Теперь я съ мужемъ не живу...—
на помолчала и, вдругъ взглянувъ Ольгѣ прямо въ глаза,
тѣло улыбнулась и показала красивые бѣлые зубы.—Все
е я не аскетъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо.

Ольга слушала вдумчиво. Странныя мысли бродили въ го-
овѣ, странныя чувства зарождались въ душѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы, Ольга Юрьевна, чтобы вы поняли
еня... Я не могу не смотрѣть широко на многія вещи. По
оему дѣлу, да и по складу ума я—реалистка, и мнѣ уже
оидцать лѣтъ... Міръ стоитъ на любви, ею держится, безъ нея
умреть. И отрицать ее болѣе, чѣмъ ошибка. Это безуміе...
а, я говорю избитую истину, общее мѣсто, а между тѣмъ мно-
е стараются отвергнуть эту истину, находятъ, что любовь—рос-
ошь, чуть ли не вина передъ кѣмъ-то... Какія уродливыя край-
ости! Не держитесь, ради Бога, этого взгляда, голубушка моя!

Литвинова встала, молча прошлась по мягкому ковру ка-
инета. Между бровями ея легла рѣзкая складка. Въ нѣсколь-
ихъ шагахъ отъ Ольги она остановилась.

— Хотите знать, къ какому заключенію я пришла? Я много
умала объ этомъ... Вы больны душевно, Ольга Юрьевна, и
злѣчить васъ можетъ только любовь... Да, да, да!..—энергич-
о подхватила она, видя протестующій жестъ Ольги.—Только
доровая, естественная любовь. Это важнѣйшій факторъ счастья,
акъ бы вы тамъ ни смотрѣли на бракъ и на семью, это безраз-
ично... Видали вы, какъ уродливо растутъ нѣкоторыя деревья,
твoламъ и вѣтвямъ которыхъ не было простора? Они все-таки
астутъ, но какъ неестественно, какъ странно!.. Такъ бываетъ и
ъ тѣми изъ насъ, въ жизни которыхъ не было здоровой любви.

Ольга вспомнила Семенова и его жизневраждебныя теоріи.

— Ну, вотъ теперь я подхожу къ главному. Будьте внима-
ельны, Ольга Юрьевна... Вы росли и развивались неправильно,
акъ эти деревья, о которыхъ я говорила. Мнѣ теперь вполнѣ
сно, сила какого именно давленія дала вашему умственному
осту ненормальное направленіе... Вы жили все время *головой* въ
щербъ тому, что у насъ принято называть *сердцемъ*. Инстинкты
олодости были задавлены въ васъ условіями среды. У васъ и

дѣтства настоящаго не было. И съ тѣмъ большей стра
отдались вашей идеѣ... Все это было бы прекрасно, е
вашимъ душевнымъ силамъ не препятствовали развивать
бы стремленія ваши осуществились. Но вы съ самаго
встрѣтили имъ отпоръ. И вотъ въ чемъ все ваше нес

Поднявъ свои мрачные глаза, Ольга жадно слуша

— И Крафтъ-Эбингъ, и всѣ современные психіатр
ждаютъ, что разладъ между стремленіями человѣка и
ностью, къ которой онъ прикованъ роковыми условіями
является одной изъ важнѣйшихъ причинъ нервныхъ и
ныхъ болѣзней въ современномъ обществѣ. Вотъ и у
подавленное стремленіе перешло въ страсть, почти въ
И душевное равновѣсіе утратилось. Въ прошедшемъ у
было такъ много душевныхъ болей, что это не могло
разиться на всемъ вашемъ міросозерцаніи. Вы сами гово
что были прежде здоровымъ, сильнымъ и полнымъ эн
существомъ. И гдѣ все это теперь?

— Ахъ, да развѣ я одна такая?!

— Въ томъ-то и горе, что вы не одна... Въ наше бо
время, въ эти переходные моменты общественной жизни
гибнетъ душевныхъ богатствъ. Напряженіе нервовъ огро
а простора, исхода силамъ души нѣтъ... Въ результат
врастенія, истерія, меланхолія, самоубійства... И замѣть
только среди интеллигенціи, но и въ низшихъ слояхъ
чается эта неудовлетворенность жизнью, хандра, разлад
жду запросами и дѣйствительностью... Вы читаете Г
Успенскаго? Вотъ онъ въ средѣ мѣщанъ выставляетъ эти
людей, неуравновѣшенныхъ, либо душевно-больныхъ
согласитесь, характерное явленіе!

— Но что же дѣлать, Дарья Модестовна?

— Ахъ, голубушка!.. Если бы я
ли я не помогла бы вамъ? Я могу
таки съ моей точки зрѣнія вѣрн
собности, и жаль будетъ, если

— Я не могу погибнуть! Я ... банкр
какъ тѣ, кто живутъ любов ... теряя
ряютъ все. Я, Дарья Модес ... ою на

— Ахъ! Кто знаетъ?- ... ь с
ла взглядомъ по гость
насъ нѣтъ почвы под
жденіе,—завтра нѣт
нельзя. Но его мож

Она еще разъ тревожно поглядѣла въ лицо Ольги и перехва-
въ ея взглядѣ какую-то мрачную искру. Литвинова взяла
тола чашку и, низко наклонивъ голову, стала пить съ ло-
ки. Наступила короткая, но тяжелая, полная значенія пауза.

— Вы что-нибудь знаете?—глухо спросила Ольга.

— Нѣтъ... такъ... ходятъ слухи... Пока ничего вѣрнаго.
ако, ко всему надо быть готовыми.

Она оставила вдругъ чашку и взяла руку Ольги.

— Но что будетъ тогда съ вами, если вы не добьетесь
ома? Или, добившись его за границей, встрѣтите неодо-
ое препятствіе къ вашей дѣятельности здѣсь?.. Что всегда
можно... Это съ вашей-то неустойчивостью и, будемъ гово-
ь прямо... съ вашей наслѣдственностью... А мы всѣ рабо-
мъ на вулканѣ, и что будетъ завтра, не знаемъ... Мнѣ
рашно за тѣхъ, кто въ такіе тяжелые общественные момен-
разочарованія и крушенія надеждъ своихъ не найдетъ под-
ржки... зацѣпки, что ли?.. въ семьѣ, въ личномъ счастьѣ...
это пристань наша—личное счастье. И вы должны ее имѣть...
кажу болѣе: чувственная страсть должна послужить проти-
овѣсомъ всему, чѣмъ вы жили до сихъ поръ, и вернуть вамъ
траченное здоровье души.

— Любить некого, Дарья Модестовна...

— Ха!.. Ха!.. Полноте, голубушка!.. Развѣ любовь требу-
тъ какого-нибудь совершенства? Мы, женщины не *толпы*,
xcusez du peu... (разсмѣялась она опять) склонны скорѣе лю-
ить тѣхъ, кто ниже насъ. Гордость ли это своего рода? Либо
ы ужъ такъ дорого платимъ за нашу независимость, что и
ъ любви не желаемъ подчиненія? Хотимъ быть первымъ ну-
еромъ? Не знаю... Но это почти всегда такъ... По-моему, былъ
ы здоровый и симпатичный человѣкъ. Большаго не нужно.

По чертамъ Ольги пробѣжала брезгливая гримаска. Литви-
ова вспыхнула.

— Вы не сердитесь! Это не такъ цинично, какъ кажется
ъ перваго взгляда... И повѣрьте, что теперь, при вашемъ
ушевномъ состояніи, въ этомъ нервномъ возбужденіи доста-
очно одной только искры... И вся вы вспыхнете... какъ со-
ома. Помните, природа не прощаетъ такихъ уклоненій и
трашно мститъ за себя. Тѣмъ съ большей силой воспрянутъ
одавленные инстинкты, чѣмъ больше длился „сонъ" вашей
уши... говоря высокимъ слогомъ...

Улыбка сбѣжала съ ея лица.

— Вы вотъ теперь жалуетесь на отвращеніе къ ра умственному труду, даже къ завѣтной цѣли... Ахъ! Как это понятно и естественно, Ольга Юрьевна! Это неизбѣ реакція... И не только мы съ вами, даже такіе люди, какъ артъ Милль, переживали періоды душевной усталости, отвр нія къ труду и бросались въ крайности въ своей жаждѣ жи Помните вы это въ его біографіи? Это результатъ мозго переутомленія. И надо быть такой цѣльной натурой, какъ С артъ Милль, чтобы выйти побѣдителемъ изъ такого раз

— Ужъ не предсказываете ли вы мнѣ гибель отъ любви?— чти весело разсмѣялась Ольга, такъ дика показалась ей эта мы

— Ахъ, милая Ольга Юрьевна!—серьезно и мягко воз зила Литвинова.—Я боюсь, чтобы эта любовь ваша... кото должна же придти когда-нибудь...

— Неужели уже такъ неизбѣжна она, что вы говорите ней, какъ о совершившемся фактѣ?—Голосъ Ольги дрогну невольно.

— Да... представьте!.. Я въ этомъ убѣждена. Но я боюсь, чтобы эта любовь не сдѣлалась такимъ же больнымъ, ненор-мальнымъ, *раздутымъ* чувствомъ... чтобы она, словомъ, н перешла въ аффектъ.

— Вы боитесь, что я любви пожертвую всѣмъ?

— Дай Богъ, чтобы я ошиблась!.. Дай Богъ, чтобы въ эту критическую минуту вамъ встрѣтился порядочный человѣкъ, который сумѣлъ бы оцѣнить ваши богатыя силы... И чтобы онъ не помѣшалъ вамъ идти вашей дорогой!

Настала пауза. Ольга поднялась и надѣла шляпу.

— Итакъ, Дарья Модестовна... cherchez l'homme (ищите мужа)... вотъ, что вы мнѣ совѣтуете,—съ ироніей сказала Ольга.—Вотъ она,—знакомая панацея отъ всѣхъ золъ... Универсальное лѣкарство отъ страданій души... Альфа и омега женщинъ, каковы бы онѣ ни были... Удивительное дѣло! Поколѣнія смѣняются, растутъ запросы, расширяются горизонты... А медицина все не видитъ иныхъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыми пользовали Татьянъ Ларинныхъ и Наташъ Ростовыхъ, этихъ культурныхъ растеній, созданныхъ для одной любви...

— О, да! — подхватила Литвинова серьезно. — Медицина трезво смотритъ на вещи, а вы не менѣе чѣмъ Татьяна—простите меня—романтикъ въ этихъ вопросахъ. Для нихъ, нашихъ бабушекъ и маменекъ, любовь была сила великая, сила грозная, это было божество, и онѣ создали ему культъ. Для насъ

жна быть радостью, необходимостью. И только! Только, Юрьевна... Она не божество, она врагъ для *насъ*, котоıало семьи и личнаго счастья, которымъ дѣло нужно... ъ—это хищница. Съ ней надо умѣть справиться, когда идетъ, не дать ей поглотить наше *я*, скомкать нашу .. Надо умѣть отвести любви въ нашей жизни *второе о*. А это далеко не такъ просто, какъ вы думаете... У и столько средствъ въ борьбѣ, столько неожиданностей, оторыми она нападаетъ на насъ врасплохъ, какъ на спя-, обезоруженнаго врага... Берегитесь, Ольга Юрьевна бросайте вызова судьбѣ...

„Какъ это женственно!" подумала Ольга. „Реалистка и горъ, съ суевѣрнымъ страхомъ говорящая о судьбѣ"...

Съ странными, сложными чувствами вышла Ольга на крыль-Странныя, новыя ощущенія вспыхивали, какъ искры, и гасли темнотѣ ея души.

Да, ей было жутко. Казалось, тѣнь идущей навстрѣчу дьбы упала на нее.

Она шла отъ Литвиновой домой и, какъ годъ назадъ, та е чудная, лунная ночь дразнила и томила ее. Также спали голенныя деревья на бульварѣ, легкій морозъ пощипывалъ ожу, и серебряная луна глядѣла съ бездоннаго неба... Было ихо и мертво кругомъ. И она была одна...

Нѣтъ... не одна... За ней неотступно, какъ тѣнь ея, шла я старая тоска. И отъ нея не было спасенія. Ахъ! Хотя бы рбековъ былъ сейчасъ рядомъ, какъ годъ назадъ! Почувствоать прикосновеніе его теплыхъ, сильныхъ рукъ, взглянуть въ го добрые и такіе горячіе глаза, согрѣться, даже не любя, коло этой чужой любви! Только чтобы уйти отъ самой себя, тобы не быть одной...

„Что это со мною, Боже мой?" вдругъ словно очнулась она самаго дома. „Я голову теряю! Я заболѣваю, должно быть? акое несчастіе!.. Заснуть скорѣе... Заснуть..."

Она лихорадочно металась по комнатѣ, сбрасывая одежду, на губахъ ея застыла вымученная улыбка презрѣнія къ жалому человѣку, который не можетъ жить безъ иллюзіи.

„Цѣлый годъ вычеркнуть изъ жизни", думала она, сидя на остели въ одной рубашкѣ, вся залитая синимъ свѣтомъ луны заплетая на ночь свои роскошныя косы. „Цѣлый годъ, а что нъ далъ? Я его не замѣтила. И неужели такъ пройдетъ вся олодость?.. Уроки, работа, одиночество. Ахъ! Къ чему лице-

мѣрить? Мнѣ хочется счастья, да, да! Хочется ласкъ, ныхъ объятій, горячихъ губъ, и опьяненія, и безумія, и у

Кровь била въ виски, сердце стучало.

„Чарницкій...“ прошептала она безсознательно... Он дѣла въ прошлое, нѣмые призраки котораго взвивались нею, вызванные напряженной мыслью, и падали, исчез мглѣ, за рубежомъ сознанія... Длинная цѣпь безцѣльно житыхъ дней, блѣдныхъ мелькнувшихъ мгновеній... Но одинъ вечеръ, лѣтъ шесть назадъ...

„Чарницкій...“

Она вдругъ разслыхала свой голосъ, громко назвавшій имя, и лицо ея загорѣлось. Это имя было уже на ея уст годъ назадъ, въ первомъ разговорѣ съ Арбековымъ. Но он назвала его. Почему она вспомнила тогда объ этомъ челов мелькнувшемъ на горизонтѣ ея жизни, какъ капризный с этъ? Арбековъ сказалъ ей съ какимъ-то необъяснимымъ пре дѣніемъ: „Вы будете несчастны...“ И, по неуловимой ассоці ощущеній, ей вспомнился вдругъ другой, давно забытый г лосъ, сказавшій ей эти самыя зловѣщія и поразившія ее сл

И лицо Чарницкаго тогда вдругъ поднялось передъ вс встало такъ ярко, какъ будто она видѣла его только вчер какъ будто не съ Арбековымъ, а съ нимъ она говорила вес тотъ вечеръ... А теперь, годъ спустя, даже страннымъ каз лось, какъ могла она забыть лицо единственнаго человѣка, ко торый когда-то задѣлъ ея воображеніе?.. Да, и у нея был греза о счастьи, робкая, дѣвичья греза, которая исчезла, какъ сны... Ольга закрыла глаза невольно, чтобы яснѣе, казалось, глядѣть очами памяти и не спугнуть красивое видѣніе.

Какое очаровательное лицо! Мелкія, правильныя черты цыганскаго типа, словно точеный профиль, немного хищный; крупныя, чувственныя губы; задорный, горячій взглядъ сѣроватыхъ, почти зеленыхъ глазъ, пышныя черныя кудри и бронзовый цвѣтъ лица съ румянцемъ и бархатистостью персика, какой бываетъ только у юности... Никогда, нигдѣ потомъ, среди современной толпы, она не видала такого обаятельнаго лица. Одинъ разъ только въ музеѣ, среди античныхъ головъ, она встрѣтила такой благородный овалъ, такую гармонію линій...

Онъ былъ средняго роста, съ широкими плечами, худощавый и нервный, очевидно сильный, несомнѣнно ловкій. Безсознательной граціей и затаенной силой и нѣгой вѣяло отъ каждаго его движенія. Его нельзя было не замѣтить.

льгѣ шелъ тогда двадцатый годъ. Они жили въ Москвѣ, смерти княгини Шаликовой. Давали балъ въ фешене-номъ институтѣ. Ольга попала на этотъ балъ случайно. успѣла она войти въ душную залу (это было уже въ один-цать часовъ), какъ къ ней подвели лучшаго танцора и дставили. Это былъ Чарницкій.

Среди усатыхъ и безусыхъ студентовъ, юнкеровъ, межевыхъ фицеровъ, какъ-то удивительно сливавшихся въ одну ша-онную толпу, какъ бы лишенную индивидуальности, Чар-цкій выдѣлялся сразу. И не только наружностью, но тѣмъ быткомъ силы и радости, которая трепетала въ каждомъ рвѣ его сухощаваго тѣла, въ зрачкахъ вспыхивавшихъ, дерз-ихъ глазъ, въ звукѣ голоса. Онъ танцовалъ превосходно и пять-таки самобытно, внося удаль и огонь въ размѣренный и риличный танецъ, который другіе исполняли, какъ повинность, очти скучая. Онъ и держалъ себя какъ-то особенно свободно и росто... Его смѣхъ звучалъ открыто и заразительно-весело и, уда бы онъ ни шелъ, его провожали десятки влюбленныхъ глазъ.

— Вотъ мальчикъ, который производитъ „фуроръ",—сказалъ смѣясь попечитель Софьѣ Николаевнѣ. Она навела свой орнетъ на молодого танцора, глаза ея вспыхнули.

— Mais décidement il est beau comme le jour...

Въ эту минуту Чарницкій, сдѣлавъ туръ съ Ольгой, от-одилъ отъ нея съ небрежнымъ поклономъ. M-me Девичъ стала и неожиданно загородила ему дорогу.

— Приглашаю васъ на кадриль,—сказала она, кокетливо лядя на него, съ легкимъ смѣхомъ избалованной женщины, ниманіе которой привыкли считать за счастье.

— Извините, не могу... Я уже пригласилъ на всѣ кадрили оихъ знакомыхъ дамъ,—невозмутимо отвѣтилъ Чарницкій съ ткровенностью юноши, не видавшаго „свѣта".

M-me Девичъ вспыхнула и громко расхохоталась, закрываясь своимъ вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ.

Эту сценку видѣли и слышали всѣ. Многіе улыбались.

— Въ такомъ случаѣ—вальсъ! Allons... valsons...

M-me Девичъ положила свою ручку на его плечо. Всѣ разступились, чтобы дать имъ дорогу.

— Ха!.. ха!..—захохоталъ попечитель, сѣдой и красивый енералъ, и плечи его тряслись.—Нѣтъ, каковъ!.. Я вамъ скажу, шельма изъ него выйдетъ... А танцуетъ-то какъ!.. Словно исуетъ на паркетѣ!

— Какъ жаль, что у него нѣтъ „манеръ"!—сказала н
ница баронессѣ, когда, сдѣлавъ нѣсколько туровъ, он
задохнувшись и чуть поблѣднѣвъ. Полузакрытые глаза (
Николаевны блеснули.

— Ахъ, тѣмъ лучше!.. Онъ именно тѣмъ и хорошъ
то новое... Точно—дикарь...

О, да! Онъ совсѣмъ не имѣлъ манеръ и не подходил
категорію салонныхъ кавалеровъ. Безцеремонно онъ бр
руки чопорныхъ институтокъ и увлекалъ ихъ въ круг
цующихъ; въ кадрили онъ садился за стульями дамъ (
чѣмъ это позволялъ этикетъ, шепталъ имъ что-то или
налъ смѣяться, но такъ задорно и громко, что на него
дывались и улыбались невольно. Ему прощали то, ч
простили бы другому. Чувствовалось какъ-то, что онъ і
знаетъ самъ ни шаблоновъ, ни рамокъ, и что ему онѣ

Ольга смутно вспоминала фразы генерала:

— Такому молодцу въ гусарахъ бы служить, какъ
лое время!.. Тамъ хоть развернуться можно было бы
него крылья будутъ подрѣзаны. Станетъ чинушомъ и
нетъ гдѣ-нибудь въ провинціи.

— Какая это форма?—спросила m-me Девичъ и і
открыла глаза.—Межевой инженеръ?.. Oh Dieu!.. Qu'est
c'est... межевой инженеръ?

— А чортъ его знаетъ, что такое! — добродушно]
ялся генералъ.—Знаю только, что, не въ примѣръ д
инженерамъ, ходу никакого имъ нѣтъ...

Чарницкій нѣсколько разъ ловилъ на себѣ прист
взглядъ Ольги. Онъ умышленно какъ бы игнорирова
вниманіе, но глаза ихъ встрѣчались. На легкіе танцы о
глашалъ ее безпрестанно.

— Какая вы красавица!—вальсируя какъ-то, сказал
ей, и вышло это у него такъ просто, словно онъ гов
„Какая здѣсь жара!"

Ольга вспыхнула отъ этой безцеремонности.

Тогда онъ сказалъ уже громко, словно бросая ей в

— А когда вы сердитесь, вы еще лучше!

И въ его горячемъ взглядѣ сказался человѣкъ, стра
тораго были старше его лѣтъ. Она только плечами п
окончательно растерявшись.

Весь антрактъ и польку Чарницкій умышленно не
дилъ къ Ольгѣ. На слѣдующій вальсъ онъ опять под

пригласить ее на туръ. Она задумалась на секунду, но онъ почувствовалъ это колебаніе и вдругъ разсердился.

— Вы боитесь?.. Осудятъ, что вы отдаете предпочтеніе одному кавалеру? Но, вѣдь, я не изъ вашего круга... Чего же со мной считаться?.. Свататься я къ вамъ не буду... Васъ, все равно, за меня не отдадутъ...

Онъ шутилъ, конечно, но въ его тонѣ чуткое ухо уловило бы нотку неподдѣльной горечи.

— Какой вы женихъ! -разсмѣялась Ольга.—Вы совсѣмъ дитя...

— Я—дитя? — спросилъ онъ, охватывая талію дѣвушки и начиная вальсировать.—Въ двадцать лѣтъ дѣти не бываютъ.

— Вы такъ любите танцы...

— Это не дѣтская забава.

Онъ дерзко заглянулъ въ зрачки Ольги. Она почувствовала странный, жуткій трепетъ. Сердце ея сжалось. Когда она въ дѣтствѣ каталась съ высокихъ горъ, она испытывала вотъ такое же сладкое и безумно-захватывающее ощущеніе.

Въ этой безцеремонности, какъ бы вкрадчивой наглости обращенія Чарницкаго съ женщинами и дѣвушками, которыхъ онъ встрѣчалъ впервые, сказывалась — быть можетъ, еще для него самого безсознательно—натура будущаго донъ-жуана. На него если и обижались сначала, то затѣмъ страшно легко привыкали и къ его близости, и къ прикосновенію, и въ этомъ была тайна его обаянія для женщинъ. Пробывши съ нимъ цѣлый вечеръ, начинали думать, что знаютъ его давно. Казалось, между нимъ и женщиной, которая нравилась ему, хотя бы на одинъ часъ, падали всѣ условныя преграды, и все становилось страшно возможнымъ и доступнымъ. Это и Ольга испытала на себѣ.

Потомъ была мазурка... Какая красивая картина пронеслась въ памяти Ольги!

Большая, свѣтлая зала... Молодыя пары, возбуждающая музыка, — печально-страстная и влекущая, какую могъ создать только блестящій полякъ. Чарницкій въ этомъ танцѣ былъ неподражаемъ. Всѣ глядѣли на него, когда онъ съ m-me Девичъ прошелся en promenade.

— А вы танцуете лучше дочери,—сказалъ онъ ей.—Вы чудно танцуете... какъ никто...

— Будто!—засмѣялась Софья Николаевна и кокетливо погладила его вѣеромъ по рукѣ. Онъ сѣлъ подлѣ и взялъ у нея изъ рукъ вѣеръ, съ жестомъ балованнаго ребенка, который знаетъ, что его не накажутъ за шалость.

— Развѣ такъ можно?—задорно шепнула она.

— Отчего нѣтъ? — улыбнулся онъ, показывая б острые зубы, и погрузилъ лицо въ ласкающія нѣжні

Софья Николаевна поглядѣла на него долгимъ в полузакрытыхъ глазъ и чуть вздохнула.

— Вы, навѣрное, полякъ?—спросила Ольга, танцуя мазурку.

— Да, по отцу. По матери я русскій.

— Вы, кажется, очень любите мазурку?

— Еще бы! Это лучшій танецъ въ мірѣ... это р Здѣсь столько тонкостей... Жаль, что этого не понимаю скіе и совсѣмъ не умѣютъ танцовать!

Потомъ... произошло что-то странное, что-то сбли внезапно этихъ двухъ людей. По окончаніи фигуры Чар вдругъ особеннымъ тономъ сказалъ Ольгѣ, садясь съ нею н ихъ мѣста:

— А, вѣдь, вы разсердились на меня за то, что я назвалъ васъ красавицей? А знаете ли, почему я такъ сказалъ?.. Я зналъ, что вамъ будетъ непріятно... но мнѣ именно хотѣлось вамъ сдѣлать непріятное... Не то, чтобы я не былъ искрененъ... вы, конечно, красавица...

— Мнѣ — непріятное? За что?

— За то, что вы такъ горды... вы презираете всѣхъ... А я просто не выношу такихъ надменныхъ лицъ! Какъ увижу, такъ озлюсь! Вы меня никогда не замѣчали, а я... я положительно иногда ненавидѣлъ васъ...

— Вы меня видите въ первый разъ. Развѣ ненависть можетъ явиться сразу?

— Я васъ знаю давно. Три года назадъ, когда вы кончали курсъ. Я ѣздилъ на балы въ тотъ институтъ...

Такъ вотъ почему его имя показалось ей знакомымъ! Его слишкомъ часто повторяли ея подруги. „Душка Чарницкій!" говорили онѣ съ чувственнымъ смѣшкомъ.

— Ахъ, и какъ же я злился на васъ! Бывало, уйдешь потихоньку на балъ, безъ разрѣшенія начальства... Холодъ, снѣгъ... А наши шинельки, знаете, налегкѣ. Ноги мокрыя... калошъ, вѣдь, не полагается... Бѣжишь черезъ всю Москву, продрогнешь... на завтра ждетъ карцеръ... И все только, чтобы взглянуть на васъ. И представьте разочарованіе! Васъ нѣтъ на балу! Почему вы такъ рѣдко показывались и никогда не танцовали?

— Вамъ не приходило въ голову, что я не умѣю танцовать?—вдругъ разсмѣялась Ольга.

Въ концѣ мазурки онъ вдругъ тихо спроси.
увижу? Я хочу васъ видѣть...

Она молчала, удивленная, почти испуган
лицо. Такъ еще никто не говорилъ съ нею.
съ страстной ноткой въ голосѣ, не сводя съ

— По праздникамъ я беру отпускъ... Я з
вете на Пречистенкѣ и иногда гуляете на бульв
часто я бѣгалъ задаромъ въ такую даль! Отчего
опредѣленныхъ часовъ для прогулки? Если вы
гдѣ я могу васъ встрѣтить...

— Нѣтъ! Это невозможно... Это совсѣмъ невоз
и къ чему? Пожалуйста, не надо.

— Вы толковъ боитесь?—пылко подхватилъ Ч
Это неприлично, по-вашему? Ахъ, какой вздоръ!..
вѣдь, одинъ только разъ, Ольга Юрьевна! За насъ
не будутъ. И, наконецъ, нѣтъ ничего невозможнаг
только захотѣть...

Никто не говорилъ ей такихъ смѣлыхъ и искреннихъ
и это подкупило ее, подчинило невольно. Ей тоже, когда
взглянула въ его прекрасное лицо, показалось, что все
можно... и что надо захотѣть... стоитъ захотѣть... Она
чувствовала и наслажденіе, и ужасъ.

— Да... мнѣ надо видѣть васъ, во что бы то ни ста
горячо и настойчиво повторилъ онъ.

Она вдругъ поняла и сильно поблѣднѣла. Она не усп
еще отвѣтить, какъ къ ней подошла мать.

— Olga!.. Nous partons...

Она подарила Чарницкаго длиннымъ взглядомъ изъ-п
полузакрытыхъ вѣкъ, на который онъ отвѣтилъ баронессѣ
зывающей улыбкой.

„Пластиченъ, какъ древній грекъ,—подумала Софья Н
лаевна.—Какъ жаль, что онъ еще такъ юнъ..."

— Если бы вы жили въ древней Греціи, когда процвѣт
олимпійскія игры, вы были бы, навѣрное, побѣдителемъ,—
ково сказала m-me Девичъ, когда Чарницкій пошелъ пр
жать ее и дочь въ швейцарскую. Тамъ были начальница,
печитель и другіе генералы, но онъ нисколько этимъ не с
щался, сознавая, что его вниманіе оцѣнитъ каждая женщи
какъ бы высоко она ни стояла. Онъ болталъ весело и неп
нужденно съ баронессой, надѣвая ей теплые сапожки и тихонь
пожимая ея красивую ножку, съ обычной для него наглост

ѣреннаго красавчика. Но Ольга, одѣваясь, чувствовала его упорный взглядъ, словно онъ хотѣлъ сказать ей... ?.. Что?

На подъѣздѣ, куда онъ выскочилъ, разгоряченный и ...й, не думая о морозѣ, онъ поймалъ руку Ольги подъ ...ондой, крѣпко стиснулъ ее и шепнулъ:

— Приходите на бульваръ... непремѣнно...

Больше она его не видѣла. И такъ прошло шесть лѣтъ...

Она не скоро забыла его. Долго втайнѣ она ожидала встрѣчи, по воскресеньямъ гуляла на бульварѣ, волнуясь и краснѣя, досадуя на себя... Но они не встрѣтились ни разу. Былъ ли онъ боленъ? Или они гуляли въ разные часы? Или онъ просто забылъ ее? Скорѣе всего, что такъ,—рѣшила Ольга, и гордость возмутилась. Тяжелые годы униженій, тайной скорби и мелочной борьбы смыли, наконецъ, этотъ яркій образъ. Чарницкій былъ забытъ...

Она припоминала... Кто-то тамъ, на войнѣ, помянулъ его имя. Онъ ушелъ добровольцемъ. Конечно. Это тоже давало сильныя ощущенія, которыя онъ любилъ. Но почему-то это не связалось съ его страстной жаждой жизни. Здѣсь есть что-то непонятное. Должно быть, онъ сложнѣе, чѣмъ она его считала... Неужели онъ убитъ? Ахъ, жаль!.. Но почему-то не вѣрится въ это. Кажется нелѣпымъ, жестокимъ... Это былъ такой баловень судьбы.

Она вздрогнула. Она вспомнила, что имя его поминали во Фратештахъ... Онъ тамъ стоялъ съ батальономъ саперъ... Уцѣлѣлъ ли онъ? Когда она пріѣхала туда, всѣ спасшіеся отъ сыпного и голоднаго тифа были переведены куда-то, въ другое мѣсто. Какъ хотѣлось бы хоть разъ взглянуть въ это чудное лицо!

А если живъ, наврядъ ли онъ ее помнитъ! Зачѣмъ же теперь, шесть лѣтъ спустя, это цыганское лицо стоитъ передъ нею, какъ живое, и глаза его какъ будто зовутъ куда-то, сулятъ что-то новое, прекрасное, чего не дадутъ ей ни другіе люди, ни вся ея послѣдующая жизнь?

Тоска росла въ ея груди, какъ волна подступала отъ сердца все выше, къ горлу, давя его истерическимъ спазмомъ, будя желаніе кричать, ломать руки, бѣжать на улицу... Воздуха не хватало. Слезы зажигались въ глазахъ. Сердце билось неровно, то замирая, то трепеща.

Она сорвалась съ постели и кинулась къ окну. И, какъ прозрѣвшій слѣпецъ, широко открывъ очи, жадно глядѣла въ

эту ночь, въ этотъ міръ, красоты котораго не по минуты. Гдѣ же была она? Какъ могла она ж красоты? Не видя ее, не чувствуя ее, не желая?

Горячія слезы бѣжали по ея щекамъ... Какъ она, отвергая любовь! Въ словахъ поэта, въ пѣс аромате цвѣтка, въ дыханіи вѣтра, въ шопотѣ людскихъ взорахъ—всюду оно, это мощное, ненасыт ніе... всюду она—эта страшная, неотразимая и вѣчı

Она глядѣла передъ собой въ блѣднѣвшее предр: небо, на которомъ медленно исчезали звѣзды,—глядѣл сенная и разбитая проснувшейся силой желанія... I секунду какимъ-то тайнымъ, необъяснимымъ инстинкт поняла—на одно мгновеніе, правда, — но все-таки поня они не могутъ не встрѣтиться, что это—ея судьба...

Она сѣла опять на постель, откинувъ стору и все гл небо. Потомъ голова ея опустилась на подушку. Счаст. совсѣмъ юная улыбка, блуждавшая по ея лицу, угасла, звѣзда, на которую она глядѣла упорно... Иллюзіи, родивı въ ея душѣ, медленно умирали, отравленныя старой печ и привычнымъ анализомъ. Безуміе! Влюбиться въ мечту, воспоминаніе... Вѣдь, для нея теперь онъ уже потерянъ, он мечта, не болѣе... Какая глупая экзальтація! Скоро двадц пять лѣтъ. Вся почти юность осталась позади... И никакı радостей... „Живемъ одинъ разъ"... Да! Для труда, поль еще много впереди. Но для себя-то, для счастья?.. О, не позд ли?.. „Нѣтъ ничего невозможнаго, стоитъ только захотѣть"

„А ушедшую юность?.. А ушедшее чувство? Ихъ развѣ мож вернуть?—словно подсказывалъ кто-то.—Если онъ уже любı другую?.. Если, встрѣтившись, онъ холодно пройдетъ мимо

Ей стало страшно. Плечи ея содрогнулись, какъ будто куда-то пахнула струя холода и пронизала ее до сердца.

Это мгновеніе единственное, прекрасное,—оно у нея был Но тогда она не поняла, не сумѣла оцѣнить, трусливо отвер счастье... Вся вѣчность не вернетъ ей этой минуты, когда дѣла въ его глазахъ его чувство къ ней, молодое и бе тное... Ничто не возвращается... Ни юность, ни любовь..

Фрейлейнъ Франце спала чутко. Она проснулась отъ стр о звука въ комнатѣ Ольги. Какъ будто плачетъ кто-то... Сѣ ва приподнялась съ подушки. Но рыданіе не повторилс

Это бредъ",—думала старушка, засыпая.

Это бредъ"... говорила себѣ Ольга, съ тяжелой тос на разливавшійся все шире разсвѣтъ.

XI.

Въ Малой залѣ дворянскаго собранія въ октябрѣ былъ, акъ всегда, вечеръ въ пользу фельдшерицъ, съ концертнымъ тдѣленіемъ и танцами.

— Можно вамъ принести билетъ? — спросилъ Арбековъ)льгу. На этотъ разъ она не отказала. Она хотѣла быть гопожей въ своей квартирѣ.

Утромъ, въ день концерта Арбековъ явился. Пробылъ онъ Ольги не больше получаса, счастливый ея довольно теплымъ ономъ. Но все-таки чужимъ духомъ запахло.

— Hier war ein Mann, Minna, — сказала младшая Франце, оджимая значительно губы. (Здѣсь былъ мужчина, Минна.)

— Ja... Und was soll das bedeuten, Amalia? (Да... и что это начитъ?)—воскликнула болѣе экспансивная Минна.

Цѣломудренныя нѣмки, привыкшія блюсти нравственность вѣреннаго имъ стада, такъ втянулись въ свою миссію, что ерьезно, съ нетерпимостью старыхъ дѣвъ, рѣшили слѣдить а жизнью Ольги и образумить ее въ самомъ началѣ увлеченія... Ничего, кромѣ увлеченія, здѣсь не могло быть, разъ на оризонтѣ появился этотъ хищникъ, ненавистный для нихъ, тотъ исконный врагъ женщины—der Mann...

Онѣ съ ужимками и слащавыми улыбками раза три захоили къ Ольгѣ подъ разными предлогами, пока вечеромъ не видали ее въ черномъ бархатномъ платьѣ. Ольга надѣвала ерчатки и пристегивала вѣеръ.

— Куда вы, Kindchen?—спросили онѣ, ощупывая дорогую атерію и жадными глазами разглядывая фасонъ платья. Когда)льга отвѣтила, что ей привезли билетъ въ концертъ, сестры ереглянулись и облегченно вздохнули.

— So—o...—протянули онѣ въ униссонъ.

Ольга уже при входѣ въ залу встрѣтила весь кружокъ воихъ новыхъ знакомыхъ, съ которыми, впрочемъ, давно не идалась. Тамъ была Райская подъ руку съ своимъ новымъ предметомъ", бѣлокурымъ, красивымъ петровцемъ; Арбековъ, чень представительный въ своей сюртучной парѣ, Семенова въ вѣтломъ модномъ платьѣ, двое знакомыхъ петровцевъ, Хоричъ и Федоровъ... Не было видно одного только Семенова.

Вечеръ носилъ какой-то особенный характеръ. Въ трехъ алахъ двигались оживленной толпой фельдшерицы, преимущественно, затѣмъ другія курсистки, женщины-врачи, акушерки,

студенты, техники, петровцы, ученики Лазаревскаго инсти' съ восточнымъ типомъ смуглыхъ лицъ, фармацевты, докт профессора... Указывали на двухъ знаменитостей, котој какъ два центра притяженія, группируя вокругъ себя покл никовъ, украсили собой общество и выказали полное пре бреженіе къ искусству, такъ-какъ все первое отдѣленіе к церта проговорили (рядомъ съ главной залой) и на доволь высокомъ регистрѣ, а ко второму отдѣленію уже уѣхали. Сл вомъ, это была характерная толпа молодой интеллигенціи, кот рая собралась отъ души повеселиться послѣ дневного труда. Вс эта молодежь, казалось, съ рабочимъ костюмомъ сбросила с себя заботу о хлѣбѣ на завтра и отдавалась молодому, безсо знательному увлеченію другъ другомъ и радости данной минуты. Счастливыя, хотя и часто изнуренныя лица курсистокъ-фельдшерицъ, казалось, говорили: „Это нашъ вечеръ... Мы здѣсь хозяева, и, что бы тамъ ни было завтра, нынче будемъ веселиться!"

Многіе, дѣйствительно, держались, какъ дома. Преодолѣвъ первое ощущеніе неловкости передъ толпой, знакомое всѣмъ несвѣтскимъ людямъ, прибывшіе осматривались, находили товарищей и друзей, вступали въ разговоры, разбивались на группы. Многіе, за неимѣніемъ болѣе параднаго туалета, или же изъ принципа, не желая принарядиться, пріѣзжали какъ были дома или на занятіяхъ. Преимущественно это были женщины, которыя всегда идутъ дальше мужчинъ въ своихъ увлеченіяхъ и крайностяхъ. Попадались уже совсѣмъ оригинальныя фигуры, которыхъ нигдѣ, кромѣ такого вечера, не встрѣтишь: какія-то словно сектантки въ узкихъ платьяхъ, висѣвшихъ прямыми, некрасивыми складками. Кожаные пояса, отсутствіе воротничка и маншетъ, стриженые волосы, очки, громкая и почти всегда обличительная рѣчь... И такія фигуры возбуждали любопытство сравнительно небольшой части буржуазной публики.

Среди этой толпы Ольга была, безспорно, самая красивая изъ женщинъ. Одѣтая въ дорогое бархатное платье, безъ всякихъ украшеній, съ тяжелыми темными волосами, заплетенными въ двѣ длинныя косы, которыя казались лучше самой замысловатой прически, съ брилліантами въ ушахъ и одинокимъ гранатовымъ цвѣткомъ, какъ бы запутавшимся въ косу, она производила сильное впечатлѣніе. Къ ней на-перебой подбѣгали здороваться, незнакомые спрашивали у другихъ: кто она? Женщины враждебно глядѣли ей вслѣдъ.

Арбековъ такъ и замеръ, увидавъ входившую Ольгу.

— Господи!.. До чего же вы хороши!—воскликнулъ онъ съ :акой наивной искренностью, что Ольга не могла не улыбнуться.

Арбековъ очень гордился своимъ значкомъ распорядителя, ю тутъ совсѣмъ забылъ о своихъ обязанностяхъ.

Райская подошла къ Семеновой.

— Девичъ-то, поглядите, міръ собралась удивить. Косы »аспустила и въ бархатъ облеклась...

— Отчего-жъ, если больше нечѣмъ удивлять? — ехидно 'лыбнулась Семенова и демонстративно поправила на своей руди недавно полученный знакъ *Ж. В.* (женщина-врачъ).

— Я вамъ говорила, что она никогда не будетъ *нашей* впол-:ѣ,—съ апломбомъ подхватила Райская.—Въ ней слишкомъ много 'арства... Я бы привела сюда Семенова... Полюбовался бы ею...

— Васъ слушать со стороны,—неожиданно вмѣшался „пред-кетъ", глядѣвшій на Ольгу вспыхнувшими глазами,—вы какъ 5удто очень завидуете этому бархатному платью...

— Какой вздоръ!—вспылила Семенова.

— А, вѣдь, глазъ ласкаетъ... Нельзя, господа, съ эстетикой е считаться...

Райская совсѣмъ разсердилась и поспѣшила увести свой предметъ" подальше, чтобы не заглядывался.

Начало концерта назначено было въ половинѣ девятаго, о часовая стрѣлка показывала уже десятый часъ въ началѣ, все-таки—какъ это всегда бываетъ—кого-то еще ждали, и ачинать было невозможно. Въ залахъ стоялъ гулъ. Распо-ядители волновались, перебѣгая изъ комнаты артистовъ въ ереднюю, оттуда въ кассу. Публика прибывала. Послѣдніе илеты были проданы.

— Отлично идетъ,—потирая руки, говорилъ Хортичъ (тоже аспорядитель), подходя къ Ольгѣ, которая, стоя у окна, раз-ьянно слушала Арбекова и безстрастно глядѣла въ толпу.— сѣ билеты проданы, а народъ все набирается...

— Что же? Надо пускать по рублю,—заволновался Арбе-овъ, опять съ увлеченіемъ отдаваясь интересу минуты.

— Пускаютъ... и то... Вонъ двое сыновъ Марса явились...

— Сборъ полный,—подтвердилъ подходя Федоровъ.—Мы, ризнаться, и не разсчитывали...

Ольга взяла самый дорогой билетъ въ первомъ ряду, и сѣ это знали. Мужчины поняли это, какъ желаніе помочь »ельдшерицамъ въ деликатной формѣ. Женщины, конечно, объ-снили тщеславіемъ.

— Что же это не начинаютъ?—тономъ хозяйки Райская, подходя.—Ахъ, это вы, Дѣвичъ?—небрежн она.—А я васъ было не замѣтила...

— Здравствуйте, Райская,—просто отвѣтила Ольг

— Публика волнуется... кого мы ждемъ, наконецъ свинство заставлять такъ себя дожидаться!

— Господа,—объявилъ техникъ Славицкій, подбѣгая пѣ.—Сейчасъ отъ К*** отвѣтъ полученъ. Она пѣть не

— Вотъ это мило!

— Свинство какое!..

— Сейчасъ поэтому начнемъ... Ее только и ждали...

Славицкій понесся дальше, бросая на ходу это извѣст имъ. Въ публикѣ послышался ропотъ.

— Думаю, что она припомнитъ это въ свой первый ходъ на сценѣ,—сквозь зубы замѣтилъ Хортичъ, и недобрый огонекъ сверкнулъ въ его глазахъ.

Они отошли, всѣ смѣшались съ толпой. Публика все прибывала, гулъ голосовъ повышался и крѣпчалъ.

— Чарницкій!.. Обернись... Вонъ тамъ, у окна... Вотъ красавица!.. Косы какія... Вонъ въ черномъ бархатномъ платьѣ,—сказалъ кто-то, совсѣмъ близко.

Ольга быстро оглянулась, такъ быстро, что Арбековъ вздрогнулъ отъ неожиданности. Въ пяти шагахъ отъ нихъ стояли два офицера. Они только что вошли въ залу и натягивали бѣлыя перчатки.

„Чарницкій... Неужели онъ? Гдѣ же?..“ спрашивала себя Ольга, чувствуя, что вся кровь прилила къ ея сердцу, которое глухо стукнуло, замерло на мгновеніе и вдругъ бѣшено заколотилось въ ея груди. Она дышала прерывисто, почти задыхалась отъ сердцебіенія. Прежде чѣмъ она могла разглядѣть говорившихъ, одинъ изъ нихъ, очень красивый офицеръ средняго роста, чуть сутулый, но худощавый и хорошо сложенный, быстро подошелъ къ Ольгѣ и почтительно поклонился.

— Ольга Юрьевна... Вы меня забыли? Позвольте вамъ напомнить о себѣ...

О, да!.. Теперь она узнала его, встрѣтивъ эти глаза.

Арбековъ относился къ военнымъ, какъ къ низшей расѣ людей. Поэтому онъ съ недоумѣніемъ глядѣлъ, какъ безстрастное лицо Ольги дрогнуло и помертвѣло, потомъ залилось жаркимъ румянцемъ. Можетъ ли это быть? Она была испугана и обрадована несомнѣнно, и голосъ ея сильно дрожалъ, когда она спросила:—Чарницкій... Неужели это вы?

и вспоминать его лицо, его слова. „Размечталась, чонка,—говорила она себѣ въ минуты отрезвленія.— позоръ!..“ И она хваталась за книги, за работу, боя одиночества, своихъ мечтаній, самой себя... Она слиц лала быть счастливой, чтобы остановиться на есте повидимому, мысли: помнитъ ли онъ ее еще? Не был чувство только мимолетной вспышкой?..

И, вотъ, они встрѣтились... И она не знаетъ. Пер другой человѣкъ. У него позади шесть лѣтъ. А если бі гая женщина за это время? Если она есть теперь? Ну, умная ли она?.. Вся дѣтская неосновательность ея тайных теперь, въ бальной залѣ, рядомъ съ незнакомымъ ей комъ, бросилась ей въ глаза.

— Вы женаты?—спросила она, готовая ко всему.

— Нѣтъ. Оборони, Боже! Зачѣмъ? И почему вы это сили? А вы замужемъ?

— Нѣтъ. (Она нервно засмѣялась.) И я скажу также: рони, Боже... Зачѣмъ?“

— А гдѣ же ваша мать?

Она никакъ не ожидала, что на него произведетъ вп тлѣніе именно исторія этого разрыва. То обстоятельство, она теперь независима и живетъ своимъ трудомъ, онъ какъ пропустилъ мимо ушей, и это ей было досадно.

— И неужели вы никогда не помиритесь? — спрашивал онъ.—Неужели вы не любите вашу мать?

— Она меня тоже никогда не любила,—съ горечью отвѣтил Ольга.

— Въ первый разъ встрѣчаю такую семью. Знаете ли? Это удивительно ненормально. Я не могу себѣ представить, какъ можно прожить безъ семьи, какъ можно не любить свою мать? Еще хуже, чѣмъ быть сиротой,—имѣть семью и разорвать съ ней... Мнѣ васъ жаль, Ольга Юрьевна! Такое одиночество страшно.

Онъ говорилъ, казалось, съ теплотой и хорошія слова, но она чувствовала, что втайнѣ онъ ее осуждаетъ, и ей не было тепло отъ его участія. Что-то разомъ, какъ стѣна, встало между ними.

— Я привыкла къ одиночеству,—сухо отвѣтила она и прибавила, помолчавъ:—Должно быть, вы сами очень любите вашу семью?

— Очень,—серьезно и горячо отвѣтилъ Чарницкій.

Ей почему-то стало грустно.

— Кто же намъ ближе? — продолжалъ онъ. — Кто любитъ

насъ искренно, безкорыстно, недостойными нерѣдко... „черненькими“? Чужіе люди не прощаютъ намъ нашихъ недостатковъ. А если вы заболѣете? Если съ вами случится несчастье? Нѣтъ... нѣтъ... Я васъ совсѣмъ не понимаю...

— По-вашему выходитъ, что родня, семья — это какое-то страховое общество отъ увѣчья и пожара! Родные бываютъ по духу, а не по крови... Если убѣжденія расходятся...

— Что тутъ убѣжденія!.. Скажу о себѣ... Въ нашей семьѣ такъ крѣпко держатся другъ за друга, между нами такая прочная связь, что никакое несходство въ воззрѣніяхъ не можетъ ослабить этой любви...

Ей стало опять завидно, словно тяжело, и она поспѣшила перемѣнить разговоръ.

На вопросъ Ольги, когда онъ вернулся изъ Турціи, Чарницкій отвѣтилъ, что полкъ его послѣ оккупаціи вернулся послѣднимъ, потомъ онъ прямо проѣхалъ на свою родину, въ губернскій городъ ***, гдѣ жила его семья. Теперь время его отпуска кончилось.

— А сюда какъ попали?

— Случайно... Что называется „на огонекъ“... Некуда было дѣваться отъ скуки.

„Судьба“,— подумала Ольга.

Она продолжала спрашивать, совсѣмъ не замѣчая, что публика схлынула въ концертный залъ. На войнѣ онъ былъ въ желѣзнодорожномъ батальонѣ, куда поступилъ добровольцемъ, вмѣстѣ съ техниками и путейцами. Всѣ они послѣдовательно прошли по всѣмъ ступенямъ желѣзнодорожной службы. Ихъ берегли, въ дѣло не пускали и поручали имъ разныя отвѣтственныя работы: постройку шоссе, мостовъ, взрываніе скалъ динамитомъ и т. п.—Мы даже пороху не понюхали,—съ горечью замѣтилъ онъ.

— Зачѣмъ же это вамъ?.. Ради „сильныхъ ощущеній“? А развѣ не унизительно быть пушечнымъ мясомъ?

— Какъ вамъ сказать? Видите ли, когда я читалъ телеграммы о томъ, сколько народу гибнетъ тамъ ежедневно, молча, какъ герои, мнѣ было совѣстно, что я ничѣмъ не рискую. Стыдно и передъ тѣми, кто каждый день находился на очереди пополнить собой списки убитыхъ... Не знаю, поймете ли вы меня? Но это именно чувство заставило меня идти!

— Слѣдовательно, вы могли остаться?

— Да, какъ старшій сынъ въ семьѣ, имѣющій льготу перваго

разряда... Мать, помню, сильно плакала, у меня сердце на нее глядя... Но я не могъ остаться...

Она внимательно глядѣла въ его лицо. Оно казало леннымъ, выраженіе глазъ было разсѣяннымъ, и лиш рѣдко эти черты озарялись той яркой внутренней жиз торая когда-то очаровала Ольгу. Но и сейчасъ—болѣ и усталое—оно казалось ей неотразимо-прекрасным гдядѣла въ него, не сводя глазъ. Иногда она только „Онъ это замѣтитъ, посмѣется"... начинала смотрѣть рону, но черезъ минуту забывала обо всемъ и, какъ ванная, все глядѣла, словно стараясь надолго, навсегда тать въ памяти этотъ образъ и унести съ собой.

— Риску и безъ сраженій было много,—вдругъ с Ольга.—Вы помните Фратешты?

Онъ изумленно поглядѣлъ на нее.

— Вы-то почему знаете объ этомъ мѣстечкѣ?

— Я тамъ была...

— Неужели?.. Когда же?

Посыпались разспросы. Разговоръ оживился.

— Нѣтъ, конечно, я радъ, что уцѣлѣлъ случайно,— нымъ тономъ вдругъ сказалъ Чарницкій.—Я хочу жить.. все еще впереди?.. Да?—спросилъ онъ вдругъ, какъ будт сомнѣвался, что передъ нимъ цѣлое будущее.

И вдругъ онъ вспомнилъ свою первую встрѣчу съ С о которой онъ совершенно забылъ за эти годы. Онъ съ с грустью вспомнилъ о самомъ себѣ, какимъ онъ былъ пылкимъ, смѣлымъ, самонадѣяннымъ... Давно это было

— А помните вы нашу встрѣчу на балу, Ольга Юр

— Да, да, я все помню,—сказала она страннымъ, д вшимъ звукомъ, глядя на Чарницкаго, съ сильно заби сердцемъ. Но онъ не замѣтилъ ея тона.

— А догадывались ли вы, Ольга Юрьевна, что я былъ ленъ въ васъ? Знаете ли, послѣ того вечера я нарочно дилъ подъ ваши окна и гулялъ тамъ часами, въ надеждѣ васъ..

— Неужели?—тихо-тихо сказала Ольга, и губы ея за тали. Она опустила глаза и стала пристально разгля узоръ своего вѣера.

— Хорошъ кончикъ? Съ Басманной на Пречистенку. разу, замѣтьте, я не видалъ васъ. И вы этого даже не з Какая глупость! Вамъ смѣшно, Ольга Юрьевна?.. Мнѣ и с

ь чудно какъ-то вспоминать эту роль непризнаннаго взды-
ія... Это, кажется, не мое амплуа...
, нѣтъ! Она не смѣялась. Она начинала догадываться, что
ь онъ къ ней совершенно равнодушенъ.
- Почему я васъ потомъ никогда не встрѣчала? — глухо
сила Ольга.
- Гдѣ же?
- Въ оперѣ, въ симфоническихъ собраніяхъ?
нъ разсмѣялся.
- Гдѣ-жъ мнѣ было угнаться за вами, Ольга Юрьевна? Во
ихъ, я еще не кончилъ тогда курса... Потомъ на всѣ эти
льствія нужны деньги, а ихъ у меня никогда не водилось.
нецъ, вы, аристократка, были для меня недоступны, какъ
а небесная... Я это очень хорошо понялъ потомъ... и...
- Постарались утѣшиться? — подхватила Ольга, пробуя
нуться.
- Да... И знаете, въ чемъ я искалъ утѣшенія?.. Въ рома-
съ институтками...
весело смѣясь, онъ разсказалъ Ольгѣ, какъ онъ, потихоньку
воего начальства, являлся на балы пѣшкомъ, зачастую безъ
га, рискуя быть выгнаннымъ прежде всего швейцаромъ
тута...
- Но какое чудное ощущеніе запретнаго удовольствія!.. Въ
омъ институтѣ у меня была своя „страсть", съ которой я
а тайкомъ переписывался, хотя и рѣдко... Я терпѣть не
писать, а любовныя письма совсѣмъ не умѣю... Но все это
совершенно невинно и второстепенно.., Главная страсть
танцы... Это былъ *ражъ* какой-то, и въ угоду ему-то и
шались всѣ эти подвиги.
- Ну, а потомъ? Когда вы кончили курсъ?
нъ сощурился, припоминая.
- Я почему-то былъ вполнѣ увѣренъ, что мнѣ съ войны
рнуться. Поэтому послѣдній мѣсяцъ до казармъ я ужасно
илъ *жить*. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось тогда счастья, любви!..
жаль было умирать, не испытавъ настоящаго чувства!
на вздрогнула, и онъ это замѣтилъ.
- Вы понимаете мое тогдашнее настроеніе?
- Да... понимаю... О, да!..
- Но счастья не было, а былъ одинъ угаръ... либо вздоръ...
мню, увѣрилъ себя, что влюбленъ заразъ въ шестерыхъ
инъ, и аккуратно являлся на свиданія къ нимъ. Иногда

приходилось до четырехъ въ день. Интереснѣе всего, ч
этомъ каждая изъ этихъ шести считала себя единствен

„Какъ я",—подумала Ольга.

— И вообразите себѣ ихъ удивленіе, когда всѣ эти
и барышни съѣхались на вокзалѣ, для проводовъ новоб
Надо было ихъ видѣть, какъ онѣ другъ друга окидыв
головы до ногъ высокомѣрными взглядами... полными,
огромнаго, чисто-женскаго любопытства!

Онъ весело расхохотался.—Вы, пожалуйста, не сочти
фатомъ. Все это было совершенно невинно съ обѣихъ ст
и говорить серьезно объ этомъ я не могу...

Теперь сомнѣнія не было!.. Отрезвленіе пришло сл
неожиданно. Ольга измѣнилась въ лицѣ.

— И вамъ тяжело было разставаться съ этими женщи
спросила она уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ.

— О, нѣтъ!.. О нихъ я меньше всего думалъ. Я р
жалѣлъ, товарищей, Москву вообще... Но все это уже по
Мы нарочно всѣ напились, чтобъ облегчить себѣ эту м
Извините... Васъ не шокируетъ, что я говорю такъ откр

По залѣ въ эту минуту быстро проходила одѣта
модная картинка, знаменитость сезона, которую ужъ не
Публика заволновалась, увидавъ ее. Пѣвица прошла в
нату артистовъ. Двое распорядителей пробѣжали мимо
чительными лицами. Изъ залы донеслись звуки настраи
скрипки и терція, которую брали на роялѣ для тона. Вс
опустѣли разомъ.

— Пріѣхала-таки... Не надула,—крикнулъ Ольгѣ Хо
пробѣгая мимо съ букетомъ, который фельдшерицы въ
чину заказывали нарочно для опоздавшей знаменитости.
посмотрѣла ему вслѣдъ, совсѣмъ не видя его.

— Чарницкій, скажите мнѣ одно: любили ли вы ко
будь серьезно?

Онъ посмотрѣлъ на Ольгу, прежде чѣмъ отвѣтит
былъ вообще впечатлителенъ и нервенъ, но инстинкти
всегда сторонился отъ мрачнаго въ жизни. Комизмъ по
вопроса въ бальной обстановкѣ, при первомъ же свида
мизмъ, котораго не замѣчала Ольга, бросился ему въ

— Какъ вы строго это спрашиваете!.. Ха!.. Ха!..
допросъ или исповѣдь!

Не отвѣчая, даже не понявъ, что онъ говоритъ, Ольга г

въ лицо съ такимъ жаднымъ и тревожнымъ выраженіемъ
потемнѣвшихъ глазахъ, что онъ вдругъ сталъ серьезнымъ.
- Нѣтъ... Кажется, никогда не любилъ...
ъ это мгновеніе онъ вспомнилъ о своей недавней и такъ
жиданно порванной связи тамъ, заграницей, и опять повто-
уже твердо:—Нѣтъ!.. Никогда!
на быстро встала... Нѣтъ другой женщины между ними!
ь!.. И теперь все въ ея рукахъ. Стоитъ ей захотѣть, и онъ
олюбитъ! Она это чувствуетъ... „Вѣдь, нѣтъ ничего невоз-
лаго, стоитъ только захотѣть"...
- Какъ жарко!—промолвила она и поднесла ледяныя руки
ылавшимъ щекамъ.—Ахъ, какъ жарко!
на сдѣлала два шага и сѣла опять. Въ груди ея что-то
ло дрожать такой мелкой, частой дрожью.
Неужели все это говорится отъ нечего дѣлать?—блеснуло
оловѣ Чарницкаго. — Она здѣсь одна, ей скучно, и вотъ
считаетъ, должно-быть, своимъ долгомъ поддерживать раз-
ръ! У этихъ аристократокъ никогда не разберешь, гдѣ
енность, гдѣ любезность? Во всякомъ случаѣ, въ ней есть
то свое..."
имо пробѣжали двѣ барыни, запоздавшія въ уборной, по-
ляя на ходу прическу. Онѣ глянули на красивую парочку
льзь, потомъ оглянулись, и одна, полненькая брюнетка, лу-
шепнула что-то подругѣ. Обѣ засмѣялись, и брюнетка ки-
Чарницкому кокетливый взглядъ. Онъ отвѣтилъ ей улыб-
„Хорошенькая,—подумалъ онъ.—И шельма порядочная"...
– Онѣ насъ приняли за влюбленныхъ,—сказалъ онъ вслухъ
гѣ и оглянулся, ища брюнетку глазами.—Не пора ли и
ь, Ольга Юрьевна?
– Нѣтъ, подождите... — Она невольно дотронулась до его
и, какъ бы желая его остановить. Но онъ замѣтилъ это и
гновеніе задержалъ ея пальцы въ своихъ, не придавая это-
значенія, въ шутку, по своей привычкѣ къ флёрту со вся-
красивой и молодой женщиной. Приэтомъ глаза его, зеле-
тые и задорные, глянули ей близко въ самые зрачки изъ-
ь загнутыхъ черныхъ рѣсницъ такимъ дразнящимъ взгля-
ь, словно онъ хотѣлъ сказать: „Это вздоръ, что мы—чужіе
насъ!.. Стоитъ мнѣ протянуть руку, и всѣ преграды между
и падутъ..."
Онъ этого не думалъ. Онъ, дѣйствительно, не былъ фатомъ,
мотря на свой успѣхъ у женщинъ. И взглядъ этотъ былъ

скорѣе инстинктивнымъ, чѣмъ сознательнымъ. Но Ol
няла его значенiе, всю его темную силу, и вздрогнула вся,
но ее обожгли... Трудно себѣ представить, какой трепетъ,
и восторгъ вызвала въ ней эта бѣглая ласка... Духъ за
ло на мгновенiе, точно она полетѣла внизъ съ страшной вы

Никогда еще эта поразительная двойственность ея на
эта способность къ анализу своихъ чувствъ и наблюденiю
окружающимъ, въ минуты глубочайшаго душевнаго вол
не сказывалась въ ней такъ ярко, какъ сейчасъ. Она оц
все роковое значенiе этого физическаго безсилiя и нрав
наго безволiя, которое овладѣвало ею все сильнѣе въ пр
ствiи этого человѣка, и даже не пробовала себя обмануть
отлично видѣла и то, что онъ равнодушенъ. Но тепер
было уже все равно... „Я пропала"... повторила она себѣ
ствуя, какъ ее бьетъ все сильнѣе какая-то внутренняя не
жимая дрожь.

— Я знала, что встрѣчу васъ... я знала это,—вдругъ
шептала она, какъ бы приходя безсознательно къ како
неизбѣжному выводу изъ всѣхъ своихъ ощущенiй и мы
Она сказала это и почувствовала, что выдаетъ себя съ
вой, но остановиться уже не могла.

Ея волненiе поразило Чарницкаго. Послѣднiя слова
кiя неожиданныя, но, безспорно, не имѣвшiя двухъ толко
страшно понятныя тому, кто хотѣлъ понять, разбудили
то смутное эхо и въ его собственной душѣ... Онъ люби
гда-то эту дѣвушку первой юношескою любовью, чисто
множко глупой, но... исключительной, во всякомъ случаѣ
о ней мечталъ... Недолго... Жизнь скоро стерла этотъ о
съ зеркала души его, въ которое заглядывало столько
выхъ женскихъ головокъ. И ни разу онъ до этой мину
спросилъ себя: „А если и я былъ для нея чѣмъ-то?"—„М
ли это быть?"...

И ему вдругъ захотѣлось остаться здѣсь вдвоемъ и н
въ толпу... „Какая ты странная!.." подумалъ онъ.

Въ эту минуту въ залѣ раздались звуки скрипки *solo*,
няемаго подъ аккомпаниментъ оркестра. Чарницкiй стр
любилъ музыку, скрипку особенно, и хорошо понималъ е
въ этотъ мигъ его даже не потянуло въ залу. Внимате
прежняго онъ оглядѣлъ всю фигуру Ольги, ея лицо, ея
сканный туалетъ... „А, вѣдь, она удивительно - красива
малъ онъ.— Только... не въ моемъ вкусѣ!.. Та брюнетк

Онъ улыбнулся, вспомнивъ ея помятую, но пикантную
у.

очему же вы знали, что мы встрѣтимся?—спросилъ онъ, аясь и невольно понижая голосъ. Но она перебила неиво, съ нервной тревогой голоса и жестовъ, словно бо вотъ-вотъ ихъ разлучатъ сейчасъ, и она не узнаетъ *что ей необходимо узнать.*

Ахъ, это потомъ, потомъ!.. Скажите мнѣ вотъ что...

сосредоточивала мысли, бившіяся какъ бы въ ея пыъ мозгу, посмотрѣла пристально на свой перламутровый и вдругъ усмѣхнулась однѣми губами.

Не правда ли, вамъ ужасно смѣшно все это?.. Я сама и вспросы... Но если бы вы знали... Но это потомъ, потомъ... етъ, вы хотите идти туда, слушать скрипку?

Нѣтъ, нѣтъ... Пожалуйста, говорите...

Теперь скажите вотъ что: можете ли вы полюбить?.. Силью настоящему?

гъ разсмѣялся.

Право, не знаю, Ольга Юрьевна... Прежде я обладалъ заельной способностью влюбляться...

Подумайте и отвѣтьте,—настойчиво сказала она.

замѣчая юмора въ его тонѣ, вся поглощенная своей ю, она упорно вела его къ цѣли и гипнотизировала безельно своимъ волненіемъ, своей серьезностью.

ъ залы неслись заунывные, какъ осенній вѣтеръ въ полѣ, е звуки легенды Венявскаго, которую скрипачъ игралъ послѣ скучной каватины какого-то классика. Рояль втоимъ стонамъ, какъ глухой ропотъ лѣса, который качаурыми вершинами и роняетъ холодныя слезы осенняго ... Что-то безнадежное, надрывающее душу было въ этой альной жалобѣ и тоскѣ.

орошо играетъ", всѣми нервами почувствовалъ Чарниц- И Ольга переживала на себѣ эти чары. Звуки эти не- вторгались въ тайники ея *я*, не озаренные сознаніемъ, али, либо смутно жили какія-то ей самой невѣдомыя силы, е, но мощные инстинкты... „Проснитесь... вставайте"... какъ ли рыдающіе звуки. И что-то жуткое, темное и неотрарождалось и росло въ душѣ, наполняя ее трепетомъ, ужаи экстазомъ, покоряя себѣ волю, туманя сознаніе.

ю[illegible]ь — сила великая... сила грозная, — вспомнилось ей ь...—Это она. Бороться безполезно"...

ной мелкой, заурядной жизни армейскаго офицера. Э
вело на него странное, но сильное впечатлѣніе. Казал
кая женская рука дотронулась въ его зачерствѣвш
сердцѣ до какихъ-то нѣмыхъ доселѣ струнъ, и онѣ з
тоскливо и нѣжно... Съ удивленіемъ онъ пригляды
тоскѣ ростущаго въ немъ желанія... Чего? Счастья, по
соты жизни, о которой говорятъ книги, какою
мечты... Это была тоска неудовлетворенности, голо
котораго онъ такъ боялся, который онъ старался зад
оргіяхъ, когда онъ просыпался, могучій и властный,
онъ называлъ „хандрой", не желая искать его причины
его назвать иначе...

Онъ вдругъ заговорилъ печально и серьезно:

— Я думаю, Ольга Юрьевна, что теперь я неспособ
бляться вообще... Усталъ, что-ли, я душевно? Не знаю.
меня уже не занимаетъ то, что казалось такимъ ве
нужнымъ въ двадцать лѣтъ... Я знаю, что душой я стар
го возраста... Можетъ, это оттого, что мы слишком
жили тамъ, за границей, и истрепали свои нервы...
намъ судьбой отпущено уже очень мало душевныхъ си
горько усмѣхнулся.) И мы будемъ банкротами къ со
дамъ, безъ любви къ самой жизни... (Онъ помолчалъ
Есть еще одна причина... И вы меня простите, если

Тутъ-то, когда нѣтъ этихъ сдерживающихъ традицій, что-
установившихся правилъ, когда все кажется эфемернымъ...
тановится доступнымъ и возможнымъ... какъ бы это ска-
. Нынче живъ, завтра нѣтъ тебя... Тутъ-то человѣкъ и
вается, каковъ онъ есть, безъ лоска и лицемѣрія... И
ныя же картины раскрыла эта война! Развернулся же нашъ
ь-интеллигентъ... Одна дума о себѣ, сдѣлать карьеру, по-
шибко, чтобъ было, чѣмъ вспомнить! Сколькіе, ограбивъ
чихъ, наживъ тысячи, стрѣлялись изъ-за кокот... изъ-за
стокъ разныхъ! Сколькіе проигрывались до-тла, спуская
ныя деньги! Да... знаете ли, насмотрѣвшись такой пошло-
трудно не остановиться въ раздумьи всякому, у кого есть
ая, молодая душа... На меня нападало такое отвращеніе
кизни и къ окружающимъ, что разсказать вамъ не могу!
ала только память о тѣхъ дняхъ, когда я былъ рядомъ съ
втомъ... съ мужикомъ... работалъ бокъ-о́-бокъ съ нимъ...
ю черную работу.

– Вы?..

– Да... Я былъ кочегаромъ... на новой дорогѣ, которую
выстроили. Съ этого и началъ свою службу. Трудно было
сно, условія жизни невозможныя... для насъ, конечно, дво-
. Но теперь, когда я оглядываюсь назадъ, только это время,
ь трудъ и эти люди кругомъ меня даютъ мнѣ... просвѣтъ
й-то... и право на собственное уваженіе.—Онъ помолчалъ,
нованный.—Когда-нибудь... если мы съ вами встрѣтимся
ь, я вамъ скажу... о чемъ я мечталъ тогда...

- Скажите сейчасъ,—прошептала Ольга.

- Нѣтъ... это потомъ... Я уклонился въ сторону... Мнѣ
оправдать себя, это мое отношеніе къ женщинѣ... Видите
Ольга Юрьевна, я насмотрѣлся такихъ чудесъ, что меня
рь уже ничто не удивитъ... Я не говорю объ арфисткахъ,
рыя шли за арміей, какъ волки за обозомъ, чуя падаль
стите за грубость сравненія)... Отъ этихъ нечего ждать,
ихъ нечего и взыскивать... Сами мужчины виноваты, если
такія циничныя, безпощадныя, такія алчныя... Я говорю о
называемыхъ „порядочныхъ женщинахъ"... О замужнихъ,
печенныхъ дамахъ, которыхъ гнала на распутство не нужда,
жда удовольствій и нарядовъ. Довольно было прожить въ
ьніи мѣсяцъ, чтобы сказать, что нѣтъ непродажныхъ жен-
ъ. И что какая-нибудь кровная графиня доступна для ка-
го офицера, имѣющаго золото въ карманѣ, не менѣе любой
ной пѣвицы...

ткровенно говоря, Ольга Юрьевна... Я не... люблю
, этого типа... Мой... какъ бы это выразиться?.. иде-
ли?.. совсѣмъ другой... Ха!.. ха!.. Я люблю женщинъ
, веселыхъ и... глупенькихъ... Ей-Богу, такъ! Вы, на-
меня презирать будете за откровенность. Я *умныхъ*
, боюсь. Онѣ меня даже не... волнуютъ...
і губы, Ольга молчала. Брови ея сдвинулись.
думаю, что теперь я неспособенъ влюбляться вообще...
что ли, я душевно? Только эта бѣготня, суета, ухажи-
:е это уже утомительно... Думаю даже, что я могу по-
:рѣпко. Но я усталъ искать и хочу готоваго... Постойте,
ну къ сравненію, хотя оно и не совсѣмъ удачно, но
ιетъ понятнѣе... Все равно, какъ если меня будутъ
ιть къ себѣ въ гости... Я не поѣду, не зная навѣрное,
ли я дома хозяевъ... Я поѣду только на званый обѣдъ,
му приглашенію, увѣренный, что, когда я войду, меня
съ распростертыми объятіями, посадятъ на первое
дадутъ лучшій кусокъ.
-есть, вы полюбите только ту женщину, въ взаимности
не будете сомнѣваться!?
цкій видѣлъ, какъ блеснули ея глаза, и ему вдругъ
о стало жутко.
ажу больше,—продолжала она убѣжденно,—я увѣре-
ы способны полюбить только за то, что васъ любятъ...
ъ жалости, стало быть?—пошутилъ онъ.
ѣтъ, изъ самолюбія...
ъ, что я эгоистъ, это правда... И представьте! Это
:е не огорчаетъ, хотя я знаю, что это не современно
иво вообще... Но что прикажете дѣлать? Я не люблю
, ни сценъ, ни страданій... Я даже въ театрѣ терпѣть
драмы и предпочитаю водевиль... Ну, поглядите на
презрѣніемъ... пожалуйста!.. Вы это умѣете, Ольга
...
оворилъ это, улыбаясь и глядя ей въ глаза, съ такимъ
виноватымъ выраженіемъ, что она улыбнулась съ не-
нѣжностью.
едставьте!—засмѣялся Чарницкій.—Я сдѣлалъ откры-
удивительно хорошенькая съ такимъ выраженіемъ...
хорошенькая, какъ самая простая смертная...
подняла высоко брови и расхохоталась.
аво!... Вы даже смѣяться умѣете...

Ему вдругъ стало хорошо съ нею. Казалось, они сб[illegible] лись разомъ. „А она *все-таки* славная",—подумалъ онъ.

Они вошли въ залу. Ольгѣ надо было пройти въ [illegible] рядъ креселъ, но она видѣла, что у Чарницкаго билетъ [illegible] ной, и тонкое чувство деликатности заставило ее остано[illegible] у двери.

Арбековъ все время ревниво слѣдилъ за нею. Онъ о[illegible] ченно вздохнулъ при ихъ входѣ, быстро подошелъ къ О[illegible] и указалъ ей на два стула, стоявшіе сбоку.

— Садитесь, Ольга Юрьевна... Эти мѣста для распо[illegible] телей... Они не заняты...

Чарницкій отвѣтилъ вѣжливымъ поклономъ и сѣлъ ря[illegible] съ Ольгой.

— А этотъ господинъ къ вамъ неравнодушенъ,—шеп[illegible] онъ, съ добродушной насмѣшкой скользнувъ взглядомъ по [illegible] Арбекова.

— Почему вы думаете?

— Это сразу видно... И ревнуетъ...—Онъ зло засмѣя[illegible]

Вдругъ вся зала загремѣла отъ рукоплесканій. На эстр[illegible] стояла хорошенькая пѣвица въ рыжей пудрѣ, разрисован[illegible] какъ парижанка, и эксцентрично одѣтая во что-то красно[illegible] пестрое. Она имѣла видъ кокотки. Когда затихли оваціи [illegible] лодежи, она запѣла крошечнымъ голоскомъ вальсъ изъ *Ро[illegible] и Джульетта*. На Чарницкаго и Ольгу это пѣніе произво[illegible] столько же впечатлѣнія, какъ трели канарейки или звуки иг[illegible] шечнаго органчика. „Голосъ котенка", презрительно сказ[illegible] Чарницкій. Но большинство публики искренно вѣрило въ сл[illegible] пѣвицы, раздутую рекламами ея друзей.

Когда она кончила и дерзко повернулась къ публикѣ с[illegible] ной, всѣ пришли въ восторгъ. Пѣвица еле удостоила кивк[illegible] своихъ восторженныхъ поклонниковъ. Она, очевидно, была у[illegible] рена, что эта дерзкая манера есть высшій шикъ для арти[illegible] На *bis* она пѣла все избитое, итальянское, переполненное [illegible] скучими фіоритурами... За нею вышелъ куплетистъ, пот[illegible] оперный баритонъ, красиво спѣвшій арію изъ *Демона* и [illegible] мансъ Даргомыжскаго. Этотъ тоже имѣлъ большой успѣ[illegible] Всѣхъ ихъ встрѣчали, слушали и провожали съ шумной, иск[illegible] ней благодарностью. Здѣсь всѣ любили музыку, а слышал[illegible] рѣдко. Имъ трогательно хотѣлось насладиться этой эстети[illegible] всласть, наслушаться „про запасъ", надолго... Вызовамъ и [illegible] камъ *bis*, казалось, не будетъ конца.

ервое отдѣленіе концерта кончилось. Толпа безпорядочно
кила въ буфетъ и сосѣднія залы.

- Чарницкій,—окликнулъ его офицеръ-товарищъ,—на ми-
р!

нъ извинился, и они оба отошли къ буфету. Ольга, сѣвъ
голъ, неподалеку, видѣла, какъ они тамъ пили, среди шум-
компаніи черныхъ фраковъ, сюртуковъ, пиджаковъ и мун-
въ; видѣла, какъ Чарницкій чему-то весело смѣялся, по-
вая крупные и острые зубы. Она подмѣтила, какимъ горя-
взглядомъ онъ проводилъ двухъ хорошенькихъ женщинъ,
которыхъ одна была брюнетка, которая ему нравилась.
а эта дама нарочно проходила мимо во второй разъ, она
ь переглянулась съ Чарницкимъ, и все лицо его, его смѣлые
а усмѣхнулись навстрѣчу ей нагло и ласково... Сердце
и сжалось.

Ничего... это ничего"... сказала она себѣ. „Это все равно...
тъ такъ, какъ я хочу... *какъ должно быть*"...

Стало вдругъ весело. Мужчины, разгоряченные частыми оста-
ками у буфета, выражали теперь свое удовольствіе шумнѣе
кровеннѣе. Даже и эти странныя женщины-послушники,
ватыя и нетерпимыя, стушевались какъ-то среди общаго
евленія и не громили болѣе никого...

Кто-то остановился передъ Ольгой и заслонилъ собою фи-
Чарницкаго вдали, съ которой она не сводила глазъ. Это
Литвинова, роскошно одѣтая, подъ руку съ красивымъ
етомъ въ очкахъ, по виду адвокатомъ.

- Ольга Юрьевна... Я очень рада васъ встрѣтить...

Она удивленно приглядывалась къ разгоряченному, смущен-
лицу Ольги и его новому выраженію.

- Ну, голубушка, веселитесь! Вамъ хорошо, должно быть?..
съ такое счастливое лицо! Буду вспоминать это выраже-
когда подумаю о васъ... Bonne chance!

Она отходила въ ту минуту, когда Чарницкій съ блестящими
ми, улыбающійся и слегка разгоряченный виномъ, прибли-
я къ Ольгѣ. На мгновеніе Литвинова остановилась, сощури-
на него... „Какой красавецъ!..“ и перевела глаза на Ольгу.
акое [illegible]!.. Счастливое, покорное... Вотъ какъ!.. Одна-
она скоро сдалась!..“ И ей стало словно обидно за Ольгу.

- Я гдѣ-то свой вѣеръ забыла,—сказала она кавалеру вла-
ми нотками,—поищите его...

- Гдѣ же, Дашенька?.. На мѣстахъ?

— Ахъ, почемъ я знаю!.. Если бы знала, сама взяла... Отш

Ей было положительно досадно. „А все-таки — пароч подборъ",—не могла она не сознаться.

Чарницкаго у самаго стула Ольги опять перехватил товарищъ.

— Ну, понимаешь?.. Это Федра какая-то, — говорилъ громко.—Какiе глаза, косы!.. Эхъ ты, счастливчикъ!

— Ты меня за этимъ вздоромъ звалъ?

— Ну, познакомь ради Бога!

— Э, пустяки!.. Не познакомлю... совсѣмъ лишнее!

— Да почему же ты не хочешь? Что за свинство!

— Сказано, не хочу, и баста! — Недобрый огонекъ с нулъ въ его глазахъ.

— Какъ былъ „царекъ", такъ и остался. Эхъ!.. А еще ш ный товарищъ, чортъ бы тебя взялъ!—Онъ махнулъ рук огорченно зашагалъ къ буфету.

Чарницкiй самъ не могъ бы объяснить себѣ того ревн го и злого чувства, которое поднялось въ его душѣ при вахъ товарища. Это было что-то сложное; къ Арбекову он перь почему-то прямо чувствовалъ антипатiю. Въ то же мя, замѣчая въ публикѣ впечатлѣнiе, производимое Ол онъ испытывалъ какое-то тщеславное удовольствiе. Онъ сознавалъ, что она прекрасна, и все-таки ея красота, слиш чистая и серьезная, не опьяняла его, не кружила ему гол Въ ней не было ни кокетства, ни пикантности, ничего, что бы по нервамъ.

„Я, кажется, дѣйствительно играю нынче роль собак сѣнѣ",—подумалъ онъ.

Когда началось второе отдѣленiе, онъ подалъ руку О и они сѣли опять у входа.

На эстрадѣ стояла невысокая женщина, уже не перво лодости и мало извѣстная публикѣ. Въ афишѣ значилос это ученица профессора Александровой. Но имя ея ничег кому не сказало. Поэтому, когда пѣвица начала романсъ *Tosti* на слова Альфреда Мюссе, въ заднихъ рядахъ еще дв стульями и говорили громко. Но уже послѣ двухъ-трехъ ф продекламированныхъ звучнымъ, прелестнымъ ...-соп публика стихла, понявъ, что передъ нею недюжинный тал

Ninon, Ninon, que fais-tu de la vie?
L'heure s'enfuit, le jour succède au jour,
Rose ce soir, demain flétrie...
Comment vis-tu, toi, qui n'as pas d'amour?

эn, что сдѣлала ты съ жизнью? Часы бѣгутъ, уходитъ днемъ, ты нынче какъ цвѣтокъ, а завтра ты увянешь. ожешь жить, Ninon,—ты, безъ любви?)

:акъ хорошо!—прошептала Ольга. Она выпрямилась съ шимся взглядомъ, съ захолодѣвшими вдругъ губами. ıвь прилила къ сердцу. Кто эта женщина тамъ, на эстрачему она угадала то, чѣмъ полна душа Ольги?.. Неэто не отвѣтъ на ея послѣднія сомнѣнія? Неужели не случайность?

эасивые звуки лились, полные силы, грусти и тихой :ы...

ıицкій оглянулся. У всѣхъ кругомъ и рядомъ были серьез-:ъ то же время взволнованныя лица...

Aujourd'hui le printemps, Ninon, demain l'hiver...
Quoi! Tu n'as pas d'étoile et tu vas sur la mer...
Au combat sans musique, en voyage sans livre...
Quoi! Tu n'as pas d'amour, et tu parles de vivre?

ıчасъ весна, Ninon, завтра—зима... Какъ! Ты пустилась : безъ путеводной звѣзды? Въ бой идешь ты безъ пѣсни, ı безъ книги... Какъ! Ты не знаешь любви и толкуешь ı?)

Moi pour un peu d'amour je donnerais mes jours...

тдалъ бы всю жизнь за мигъ одинъ любви...)

ю залу вдругъ зазвенѣли высокія, яркія ноты, почти ıочти вопль беззавѣтной страсти... Вдохновенно глядя собой, пѣвица раздѣльно, отчетливо, какъ бы въ экъ удивительной силой выраженія, полной грудью проэчти проговорила:

Et je les donnerais pour *rien* sans les amours!

эзъ любви ни во что цѣню я дни свои...)

етъ пробѣжалъ въ публикѣ.

ravo!—какъ-то изступленно крикнулъ Чарницкій. Нѣчеловѣкъ рядомъ закричали и зааплодировали, наıованные его возбужденіемъ, этимъ голосомъ, а больше ими чудными, рѣдкими по силѣ и страсти стихами, полхватывающей и покоряющей красоты, которой ни одинъ ь не въ состояніи передать.

ише!.. Тише!—послышалось со всѣхъ сторонъ. И опять напряженная тишина.

Арбековъ оглянулся на Ольгу. Она сидѣла сгорби словно раздавленная, закрывъ глаза рукой. Вся ея изурод ная жизнь проходила мимо нея и, заглядывая ей въ лиц залось, спрашивала: правда ли?..

„Правда... правда...“ безсознательно шептала Ольга.

А пѣвица, съ пылавшими отъ волненія щеками, продо уже въ болѣе быстромъ темпѣ, усиливая декламацію и с звукъ голоса, какъ бы убѣждая кого-то, кто не сдава просьбы, какъ бы настаивая и умоляя. Это былъ как вдохновенный апоѳеозъ чувственной любви... Казалось, пе нимъ нельзя было устоять...

> Qu'importe que le jour finisse et recommence,
> Quand d'une autre existence le coeur est animé?
> Ouvrez-vous jeunes fleurs, si la mort vous enlève,
> La vie est un sommeil, l'amour en est le rêve..:
> Et vous aurez vécu, si vous avez aimé...

(Пусть дни бѣгутъ, коль сердце полно чувствомъ. Рас вайтесь цвѣты, хотя-бъ передъ самой смертью... Жизнь—со Любовь въ ней—греза рая. А жили только тѣ, кто здѣсь знали любовь...)

— *Bis!*—истерично завопилъ Арбековъ, весь блѣдный.

Публика была въ это мгновеніе такъ наэлектризована, довольно было одного только крика, одного толчка, что вызвать взрывъ долго сдерживаемаго, напряженнаго чувс Это было какое-то сумасшествіе. Пѣвицѣ не дали даже у Толкаясь, чуть не давя другъ друга, бѣжали фельдшерицы, с денты, петровцы къ самой эстрадѣ, чтобы крикнуть пѣвицѣ лицо свою похвалу, свою благодарность, чтобы видѣть бли женщину, давшую имъ минуту такого восторга, такого полн самозабвенія... Рыжая „дива“, баритонъ изъ Большого театр любимецъ публики,—бойкій куплетистъ, всѣ были забыты. кого тріумфа не видалъ никто.

Пѣвица остановилась, сконфуженная своимъ небывалы успѣхомъ, растерявшаяся и радостная.

Bis... bis!—кричали, умоляли ее со всѣхъ сторонъ. Со ногъ азартно топали, платки вѣяли; возбужденныя, красн потныя, но счастливыя лица тянулись вверхъ.

Bis... bis!..—требовала толпа.

— Кто она? Кто?—раздавалось со всѣхъ сторонъ.—Фр цуженка? Русская!.. Почему не на сценѣ?.. Какой талантъ

Чарницкій слышалъ, какъ кто-то говорилъ:

— Она замужемъ, у нея дѣти... Какая тутъ сцена?
— Ахъ, досада!—крикнулъ Чарницкій въ упоръ какому-то ...му человѣку, требуя его сочувствія, и нисколько не удивъ того своей экспансивностью.
— Да-съ,—отвѣтилъ незнакомый господинъ,—вотъ такъ и ...даютъ на Руси таланты...
...арницкій былъ красенъ. Онъ словно опьянѣлъ.
— Позвольте, господа... посторонитесь...
...ерезъ залу вдругъ пронесли букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ. ...ивый офицеръ, съ взволнованнымъ лицомъ, высоко неся ...дъ собою распространявшія тонкій ароматъ розы, подошелъ ...эстрадѣ, среди разступившейся толпы, и подалъ букетъ пѣ...ѣ, глядя на нее полнымъ восторга взглядомъ. Она вспыхнула, ...рузила лицо въ лепестки розъ и низко склонилась передъ ...пой. Та опять зашумѣла, прося и требуя еще и еще звуковъ.
— Пѣть сейчасъ будетъ,—сказалъ кто-то.—Тише!.. Тише...
Аккомпаніаторъ, представительный блондинъ во фракѣ, уже ...чиналъ какую-то элегическую прелюдію.
Но для Ольги было довольно. Она встала. Чарницкій мель...мъ взглянулъ въ ея лицо и далъ ей дорогу.
Въ залахъ рядомъ было пусто и тихо. Ольга прошла нѣсколько шаговъ и вдругъ истерически засмѣялась.
Не успѣла она пройти и половины залы, какъ Чарницкій ...налъ ее.
— Что съ вами, Ольга Юрьевна... Вы дрожите... Да вы ни...ъ плачете?
— Оставьте!.. Это сейчасъ пройдетъ...
Она вырвала у него свою руку, которую онъ хотѣлъ за...ржать, и сѣла на первый стулъ.—Воды... Дайте мнѣ воды!..
Онъ бросился къ буфету.
— Я, кажется, съ ума схожу,—сказала она вслухъ.
Когда, подавая ей воду, Чарницкій коснулся ея пальцевъ, ...нъ замѣтилъ, какъ трепетъ пробѣжалъ по ея плечамъ, и ему ...тало непріятно отъ внезапнаго чувства жалости.
„Какая она, должно быть, несчастная!“ подумалъ онъ.
— Не отходите, сядьте тутъ... Какъ васъ зовутъ?
— Меня?.. Алексѣемъ... Алексѣемъ Казиміровичемъ.
— Какъ странно!.. Я даже имени вашего не знала, когда ...умала о васъ... Вамъ смѣшно, что я о васъ думала? Да, пред...авьте!.. А, вѣдь, вы совсѣмъ-совсѣмъ забыли обо мнѣ... Какая ...онія жизни!.. Что вы такъ глядите? Ахъ, все вздоръ!.. Все...

все... Правда только то, что *она* тамъ пѣла!.. La vie e sommeil, l'amour en est le rêve... Et vous aurez vécu... si avez aimé!.. Ахъ! Какъ она это спѣла!—вдругъ въ неу момъ порывѣ крикнула Ольга, разомъ теряя самообла Она мнѣ все открыла... Теперь я все поняла... Я поняла

— Успокойтесь, Ольга Юрьевна!—какъ-то само собо рвалось у него. Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и истерически засмѣялась.

— Нѣтъ, не могу!.. Я лучше уѣду... Я сейчасъ заплачу, не уѣду... Ахъ, Чарницкій! Если бы вы знали, какъ я счаст Прощайте!.. Не ходите за мной... Я, кажется, схожу съ

Взрывы рукоплесканій донеслись къ нимъ. Черезъ мгн показались болѣе прозаическіе слушатели, спѣшившіе калоши, пока не началась давка въ передней.

Чарницкій кинулся за Ольгой.—Позвольте, я васъ од

Она вдругъ обернула къ нему на ходу свое лицо, счаст и безумное.

— Скажите... Я вамъ смѣшна? Нѣтъ, не смѣйтесь!.. А Я говорю вздоръ... Смѣйтесь! Пусть такъ!.. Мнѣ даже не об Теперь все равно... Понимаете, Чарницкій?.. Все равно...

Трагическія нотки дрогнули въ ея голосѣ и поразили Ч ницкаго. Помогая ей одѣваться, онъ вглядѣлся въ ея лицо снова его потрясло, прямо ударило въ сердце это выраж экстаза въ ея глазахъ. И опять ему стало невыразимо ж ее. „Ахъ, несчастная!.. Несчастная...“ подумалъ онъ.

Мгновенно рѣшившись, онъ тоже одѣлся и вышелъ съ О гой на улицу. Она, не торгуясь, сѣла въ сани.

— Чарницкій... дайте руку!.. Я никогда не забуду эт вечеръ. А вы? Я знала, что это будетъ... что это прид Какъ хороша жизнь!

Безумное признаніе снова и снова чуть не сорвалось с устъ. Голова кружилась...

— Я очень радъ, если вы не проскучали со мной...

Онъ самъ не зналъ, какъ эта банальная фраза сошла его губъ, и ему стало досадно на себя.

— Вы рады?—машинально переспросила она и вдругъ, гнувшись къ нему, пока онъ застегивалъ полость, она сказал Когда я васъ увижу?.. Мнѣ надо васъ видѣть!

Онъ вздрогнулъ. Это вышло такъ неожиданно.

— Непремѣнно... непремѣнно... Я такъ хочу!—затрепет зазвенѣлъ вдругъ ея голосъ.—Вы будете въ эту среду въ рянскомъ собраніи?.. Да?

— Да...—дрогнувшимъ звукомъ отвѣтилъ Чарницкій.
— До свиданія!
Она внезапно сдернула перчатку и коснулась его руки подѣвшими пальцами. Движеніе это было такъ непосредственно расснорѣчиво, что сердце застучало въ груди Чарницкаго.
Сани быстро понеслись по свѣже-выпавшему снѣгу.
Онъ стоялъ, какъ вкопанный, на освѣщенномъ подъѣздѣ. Теперь онъ начиналъ понимать.

XII.

Въ среду утромъ Чарницкій явился въ канцелярію. Тамъ ь узналъ, что эти два года воинской повинности не поста-ся ему въ счетъ его казенной пятилѣтней обязательной ужбы, какъ онъ и другіе его товарищи на это было разсчивали. Чарницкій совсѣмъ упалъ духомъ.

Въ девять часовъ вечера, одѣтый въ черный сюртукъ, который дѣлалъ его какъ будто выше и который нравился ему перь, послѣ надоѣвшаго мундира, онъ вошелъ въ залу дворянскаго собранія.

Концертное отдѣленіе началось. Раза два, осторожно лавируя реди пестрой толпы, Чарницкій обошелъ всѣ уголки за колоннами, заглянулъ въ кресла... Ольги не было. Это незначительное съ виду обстоятельство усилило его унылие и раздражительность. Онъ почти не слушалъ музыку, которую такъ юбилъ, и когда концертъ кончился, Чарницкій былъ уже золъ.

Танцы начались, когда Ольга подымалась по широкой лѣстницѣ наверхъ. У огромнаго зеркала, на площадкѣ, она остановилась на мгновеніе и пристально оглядѣла себя всю, словно дѣлала себѣ оцѣнку. . Ее охватила странная робость и желаніе отдалить минуту встрѣчи. Сердце билось сильно, до дурноты. Она знала, что этотъ вечеръ рѣшитъ ея судьбу.

Чарницкій, второй разъ заглянувъ въ гостиную, узналъ Ольгу, только когда она растерянно улыбнулась ему и поднялась навстрѣчу. Съ удивленіемъ онъ смотрѣлъ на ея роскошное блѣдно-розовое платье, отдѣланное бѣлымъ кружевомъ. Этотъ цвѣтъ удивительно шелъ къ нѣжнымъ краскамъ ея лица. Что мѣняло Ольгу? Выраженіе ли глазъ?.. Прическа пышная, красивая?.. Но она показалась ему другой женщиной и очень интересной.

— Однако, вы неаккуратны,—добавилъ онъ капризно.

Она вспыхнула и извинилась,—уроки кончаются въ восемь, раньше пріѣхать было нельзя.

— Отчего вы не въ духѣ?—спросила она мягко.

Она нынче вся была такая мягкая, женственная, и это е[го]
успокоило. Онъ откровенно разсказалъ про понесенное и[мъ]
нынче разочарованіе. Всѣ мечты рухнули.

— Вы не знаете, что такое положеніе межевого инже[не]ра,—горячо говорилъ Чарницкій.—Вѣдь, межевое дѣло, это во[]просъ конченный, что называется, пережившій себя. Сейчас[ъ] какъ оно есть, это мертвое учрежденіе... А возьмите усло[вія] жизни... Получаемъ тридцать семь рублей. Развѣ это не н[и]щенство? Но это бы все ничего... А вотъ что главное... По[л]года мы корпимъ въ канцеляріи за „дѣлами", въ безсмысле[н]ной, кропотливой и ненужной работѣ. Попросту бездѣльнич[ань]емъ. А полгода проводимъ въ командировкахъ... Иногда заб[е]решься въ такую глушь, въ Вятской или Пермской губерні[и,] либо въ Западномъ краѣ, либо на Кавказѣ... рѣчи русской не услышишь. И съ тоски начинаютъ блажить. Какъ портятъ себ[ѣ] жизнь, вы и представить себѣ не можете! Съ ума сходятъ многіе... Вотъ недавно одинъ мой товарищъ въ глуши застрѣлился... А пьютъ просто мертвую!

— Неужели?—Ольга содрогнулась.

— Ахъ, развѣ можно за это судить? Вѣдь, просвѣта нѣтъ впереди, поймите!.. Хочется забыться, потомъ въ это втягиваешься... и доходишь до бѣлой горячки. Это что-то роковое... Какъ будто судьба преслѣдуетъ нашего брата. Сколько драмъ кругомъ! Сколько трагическихъ финаловъ! А какія талантливыя головы бываютъ! И пропадаютъ за ничто.

Онъ смолкъ, какъ будто голосъ у него сорвался разомъ. Страстная жалость, жалость до боли охватила душу Ольги. Она безсознательно положила свои пальцы на его руку и погладила ее. Онъ угадалъ эту ласку и горячо пожалъ маленькую ручку.

— А исходъ?—шепнула она.—Неужели нѣтъ исхода?

— Есть... Можно внести тысячу рублей казнѣ и откупиться. Но у кого есть деньги, тотъ и не выйдетъ на мертвую дорогу. По ней идутъ поневолѣ... Бѣдняки, которымъ не изъ чего выбирать. (Онъ помолчалъ съ секунду и продолжалъ упавшимъ голосомъ.) Пять лѣтъ... Я весь этотъ день думалъ, что будетъ со мною черезъ пять лѣтъ? Мнѣ пойдетъ тогда тридцатый годъ. Полжизни будетъ уже позади... Останется ли во мнѣ тогда настолько порядочности, чтобы рваться къ живому дѣлу? Не засосетъ ли меня это болото?

— Ахъ, нѣтъ! Нѣтъ!—испуганно вырвалось у Ольги.

— А почему и нѣтъ? Я не борецъ, Ольга Юрьевна... И не ..., какъ я, люди талантливые, съ искоркой Божіей, и тѣ ...адали черезъ пять лѣтъ. Либо, излѣнившись въ конецъ, ...вались навсегда въ канцеляріи. Нужны недюжинныя силы, ...ы не опуститься... А у меня нѣтъ этихъ силъ... Къ чему ...ныватъся?

— Это малодушіе... позорное малодушіе!

...нъ горько усмѣхнулся.

— Всѣ изъ насъ начинаютъ вотъ такъ же, съ отвращенія, ...ротеста. Мечтаютъ... вотъ, какъ и я... не прожить совсѣмъ ... безслѣдно, безъ пользы для другихъ. А кончаютъ при...еніемъ... Страшное слово!.. Кто, доживъ до тридцати лѣтъ, ...испугается перспективы начинать сначала?

— Вамъ не надо быть одному,—перебила Ольга въ глубо...ъ волненіи.—Вамъ нуженъ другъ. И, конечно, нужно забве... (Она вспомнила, пока онъ говорилъ, все, что сама пере...а за эту зиму.) Да, я понимаю вашу тоску... Одиночество ...асно... Нужно счастье... хотя крупицу... чтобы имѣть силы ...роться... Безъ счастья нельзя!

— Эхъ, Ольга Юрьевна!.. Зачѣмъ дразнить себя такими ...чтами?

— Развѣ вы не можете полюбить?.. Развѣ вы застрахованы ...ъ этого?

Онъ твердо взглянулъ въ ея вспыхнувшіе зрачки.

— Да, я себя въ рукахъ держать умѣю. Жениться на бо...чкѣ?.. Я никогда объ этомъ не мечталъ. На бѣдной жениться ...льзя... На тридцать семь рублей съ семьей не проживешь!

— Мы говоримъ о разномъ,—страстно перебила Ольга.— ... толкуете о семьѣ, бракѣ. Я говорю только о... любви...

Чарницкій внимательно поглядѣлъ въ ея блѣдное лицо, пол...е рѣшимости.

— Не все ли равно? Это та же мертвая петля, разъ явятся ...ѣти. Я убѣжденъ, что никакая страсть, никакая привязан...ость не осилятъ нужды!

— Значитъ, по-вашему, любить смѣютъ только богатые?

— Только...

Она быстро встала.

— Пойдемте на народъ!.. Мнѣ стало такъ тоскливо на ду...ѣ... Это вы виноваты. Знаете, что такое вашъ пессимизмъ? ...то недостатокъ вѣры въ себя, недостатокъ вѣры въ людей и ...юбви къ нимъ... Это безхарактерность...

Не отвѣчая, онъ подалъ ей руку. Они вышли въ залит томъ танцовальную залу. Ихъ словно обдало горячей

— Чарницкій, — взволнованно заговорила Ольга, г: его унылое лицо.—Вы ужасно измѣнились! Опять напо Не вы ли говорили когда-то: „Нѣтъ ничего невозмож свѣтѣ, стоитъ только захотѣть?!"

— Я былъ глупый, самонадѣянный мальчишка,—сух тилъ онъ, досадуя, что противъ воли поддается очаро голоса.

— Вы на меня обидѣлись?

— Нѣтъ!—уже добродушно и безъ всякой горечи тилъ Чарницкій.—Вы меня разгадали. Я совсѣмъ не в себя... И людей, должно быть, люблю мало... Страдать пѣть лишенія я ни для кого не согласился бы... Вѣдь, докладывалъ вамъ, что я эгоистъ...

— Однако, не высокаго же вы о себѣ мнѣнія, Чарн жестко замѣтила Ольга.

— Я, видите ли, Ольга Юрьевна, прежде всего ис человѣкъ и терпѣть не могу фразы и рисовки... По вамъ замѣтить, что это мое первое и, кажется, единс достоинство. Оно не каждый день встрѣчается... Затѣм люблю судить людей и вмѣшиваться въ ихъ жизнь. Я те Это уже второе достоинство,—засмѣялся Чарницкій и был увидавъ, что ея брови и губы дрогнули.—У меня нѣтъ товъ, но нѣтъ и самомнѣнія. Теперь начнемъ съ недост

— Ихъ, навѣрное, милліонъ?

— Навѣрное... Я лѣнивъ. Вотъ мой первый порокъ нечно, это мать всѣхъ остальныхъ, какъ гласитъ пропис женщина называла меня сибаритомъ... И *это* есть. Бо даже за счастіе я не умѣю. Препятствія меня охлажда къ цѣли идти я не могу... Поставьте меня сейчасъ у х хорошаго дѣла, и я буду честнымъ дѣятелемъ обществе но самъ искать этого дѣла, воля ваша, не умѣю! Какъ я самый дюжинный человѣкъ... Но не всякій, Ольга Ю имѣетъ настолько мужества, чтобы открыто заявить еще такой суровой женщинѣ, какъ вы...

Горькія нотки, вдругъ прорвавшіяся въ его рѣчи, о спѣшилъ затушевать шуткой послѣдней фразы...

Они стояли въ эту минуту у колонны и глядѣли въ гдѣ подъ звуки вальса носились пары.

— Вы напрасно родились мужчиной,—насмѣшливо за

..—Будь вы женщина, ваша пассивность была бы вамъ ..щу... Вотъ у меня упорства на двухъ хватитъ. И я свое ..жизни возьму!

..нъ видѣлъ, какъ расширились и блеснули ея глаза. И его .., какъ тогда, въ концертѣ, охватило жуткое и сладкое ..ніе. Забывая всякое благоразуміе и поддаваясь неодоли.. любопытству, Чарницкій близко заглянулъ въ ея глаза.

— Вы кого-то любите?.. Да?—прошепталъ онъ.

..ицо ея дрогнуло.—Васъ...—отчетливо сказала она.

..нъ отшатнулся.

..на сильно поблѣднѣла, но казалась спокойной. Минуту на.. она не знала, что скажетъ это, и сама была испугана. Но .. же она поняла, что возврата нѣтъ.

..а Чарницкаго это внезапное признаніе произвело совер..о неожиданное впечатлѣніе. Самая смѣлость Ольги ра.. отняла у него зарождавшуюся и такую манящую иллю.. Онъ вдругъ озлился.

— Вамъ угодно смѣяться надо мной?.. Продолжайте!.. Жен..мъ на ихъ дерзости не отвѣчаютъ.

..азговоръ разомъ смолкъ.

— Не хотите ли чаю?—предложилъ Чарницкій. Онъ вдругъ ..ствовалъ, что голоденъ. И ему было досадно, что у него .. денегъ, и что онъ не можетъ угостить свою даму ужи.. „А эта барышня-аристократка, навѣрное, не догадывает.. кой нуждѣ“, враждебно подумалъ онъ.

..аверху, въ столовой, Чарницкій усадилъ свою даму за от..ный столикъ, потребовалъ чаю и ушелъ въ буфетъ.

..ъ это время мимо Ольги прошли ея двѣ кузины и тетка. ..въ упоръ посмотрѣли на Ольгу и отвернулись. Онѣ даже ..старались притвориться, что не узнаютъ ее. Ольга видѣ.. что онѣ оглянулись, и тетка что-то съ презрѣніемъ и смѣ..ъ говорила про нее.

„Воображаю, какія гадости плетутъ!..“ подумала она.

..арницкій повеселѣлъ отъ двухъ рюмокъ коньяку и бутер..да съ икрой. Когда онъ вернулся къ столику, его опять по..ло что-то въ лицѣ Ольги. Трагическая черточка въ ея бро.., какъ всегда при сильномъ душевномъ движеніи, высту.. теперь ярко. Ольга улыбнулась Чарницкому, но черточка не исчезала.

„Она плохо кончитъ,—подумалъ онъ.—Съ такимъ лицомъ .. не живутъ долго... либо живутъ не какъ всѣ...“

Лакей принесъ обоимъ чаю и удалился. Чарницкій тившись на столъ, глядѣлъ на Ольгу ласково, съ до жалостью.

— Знаете ли? Я гляжу вотъ на васъ, Ольга Юр вспоминается мнѣ одинъ эпизодъ моего дѣтства... М лѣтъ восемь было. Проходилъ я какъ-то по городу и на мосту мальчика-нищаго однихъ лѣтъ со мной. Н прохожихъ на моихъ глазахъ не подалъ ему ни гр меня была копейка, на которую я мечталъ купить подсо Конечно, я ее отдалъ ему. И тутъ вдругъ я почувств кую сильную, такую безумную жалость къ нему!.. У м духъ захватило, и слезы брызнули изъ глазъ. Я убѣ мой... Очень боялся, чтобы онъ не догадался о моемъ У насъ, знаете, въ семействѣ никогда не бываетъ пр чувствъ. Ни поцѣлуевъ, ни ласкъ, ни жалкихъ словъ другъ друга любимъ крѣпко, но молча. Не видимся і встрѣтимся, словно вчера разстались. Всякая сантимент кажется намъ смѣшной и позорной...

Что-то вспыхивало въ темныхъ глазахъ Ольги, смот жадно въ лицо Чарницкаго.

— На другой день я выпросилъ у матери копейку жалъ къ мосту. Сердце, помню, такъ стучало въ груд но на свиданіе шелъ. Нѣтъ!.. Что я? Никогда, ни на свиданіи я не былъ такъ счастливъ, не волновался та но... Мальчишка призналъ меня и, представьте, улыбн тѣхъ поръ этотъ нищій поработилъ меня!.. Это была дружба, не жалость, я самъ не знаю что!

— Любовь?—глухо спросила Ольга.

— Д-да, пожалуй, что любовь... Каждый день я с для него лучшіе куски, пирожокъ, сахаръ, яблоко, и мосту. Я даже таскалъ для него овощи изъ нашего рискуя получить трепку отъ отца, который былъ г руку... Замѣтьте, что я своихъ младшихъ сестеръ т пѣть не могъ, да и вообще потомъ и въ школѣ ни не привязывался. А этотъ скверный мальчишка словн изъ меня вынулъ... Онъ скоро это самъ понялъ и э ровалъ меня. Когда я приходилъ къ нему съ пустыми онъ бывалъ грубъ со мною. Но я ему все прощалъ, на свое озорство и дикость.

— И эта... страсть... долго тянулась?

— Нѣтъ. Отца перевели въ другой городъ, и я б

къ этого мальчика. Но я его долго не могъ забыть, тоско-
ю... И ужъ хорошимъ же вещамъ онъ меня училъ!.. Счастье,
мы разстались!
— Значитъ... я такъ поняла васъ... Вы меня сейчасъ пожа-
і, какъ этого нищаго? Да?
— Вы не сердитесь, Ольга Юрьевна?.. Я не знаю, право,
мъ я говорилъ вамъ всѣ эти глупости...
— Я? Сердиться? Вы ничего не понимаете, Чарницкій!—за-
лъ ея голосъ.—Вѣдь, эта жалость даетъ такъ много, такъ
но много...—Она помолчала съ мгновеніе.
— Скажите мнѣ что-нибудь о вашемъ дѣтствѣ...
арницкій заговорилъ охотно, подкупленный задушевностью
она. Онъ разсказывалъ о древнемъ городѣ, полномъ памят-
въ старины, въ стѣнахъ котораго протекло его счастли-
дѣтство; о свинцовыхъ водахъ могучей, быстрой рѣки, на
рой не разъ съ рискомъ жизни, тихонько отъ отца и ма-
, онъ катался въ утлой лодчонкѣ, съ такими же малень-
и сорви-головами. Онъ говорилъ о томъ демократиче-
мъ духѣ, которымъ проникнуто было его домашнее воспита-
. Собственно, воспитанія не было, была свобода... И ника-
ъ предразсудковъ!.. Вблизи ихъ дома, на окраинѣ города,
ся высокій земляной валъ, остатокъ старины. Ребенкомъ
ницкій выбѣгалъ туда и кричалъ, приставивъ руки ко рту,
венный кличъ: „Вали наша-а!..“ Эхо далеко разносило этотъ
ный сигналъ. Минута, другая... И вотъ откуда-то снизу,
, сбоку показывались тѣни... Изъ пригорода на воинствен-
кликъ бѣжали дѣти мѣщанъ и мастеровыхъ. Съ разгорѣ-
мися глазами борцы бросались другъ на друга, и ожесто-
ая свалка кончалась только, когда побѣжденный кричалъ:
вольно!..“ Это былъ турниръ со всѣми правилами чести. Но
ницкій самъ никогда не просилъ пощады и предпочиталъ,
стѣ съ побѣдителемъ, обхвативъ его, катиться по крутому
у внизъ, на зеленую лужайку. Весной рѣка разливалась и за-
пляла все подъ валомъ. Тогда побѣжденные купались въ гря-
Чарницкаго, однако, побѣждали рѣдко. Онъ былъ смѣлъ,
енъ и ловокъ и возвращался домой, хотя съ подбитымъ гла-
ь, изорванный и исцарапанный, къ великому огорченію ма-
і, но съ счастливой миной тріумфатора. А потомъ войны?
да шли стѣнкой на стѣнку? Чарницкій весь какъ бы пре-
азился отъ умилявшихъ его воспоминаній. Это невольно сбли-
о его съ Ольгой.

Отецъ Чарницкаго, обрусѣвшій шляхтичъ, началъ свои
еру съ простого солдата и дослужился до майора. Это
типъ николаевскаго служаки, горячій до жестокости, г
но добрый и неподкупный, что было рѣдкостью для то
мени. Онъ умеръ, когда Чарницкій кончалъ курсъ, и вс
шая семья осталась на рукахъ матери.

Это была удивительная женщина, съ рѣдкой выде
Оставшись вдовой, съ небольшимъ домомъ и пенсіей, она
вила безъ чужой помощи на ноги всѣхъ дѣтей, кромѣ
шаго, еще ребенка, и даже въ долги не вошла ни разу. Н
средствъ держать прислугу, она все въ домѣ дѣлала сама
пала, стирала, обшивала дѣтей, убирала комнаты, мужес
борясь съ нуждой, гордо тая отъ другихъ усталость, сле
ре... Эти черты ея характера Чарницкій подмѣтилъ еще
комъ и запомнилъ на всю жизнь.

— Она—героиня,—взволнованно говорилъ онъ.—Тол
перь я понимаю, сколько въ ней было самоотверженія и
ства, незамѣтнаго, ежедневнаго... Она, знаете, очень ко
битъ. Но никогда она его не пила по-настоящему. Все на
дастъ, а себѣ бурду оставитъ, одну гущу, разбавленную
комъ. Мы, дѣти, этого не цѣнили... И во всемъ такъ... J
жизни внѣ насъ она не понимала. Можетъ, оттого мы
всѣ такіе эгоисты...

Потомъ онъ разсказывалъ о годахъ ученія. Ему бы
жело, особенно, когда онъ сталъ подростать. Денегъ не
никогда ни рубля, онъ стыдился просить у матери, зная
жду. Товарищи ходили въ воротничкахъ, на балы ѣздили в
чаткахъ. Являлись потребности, росли въ душѣ, Богъ
откуда занесенныя, сѣмена любви къ изяществу, красотѣ
форту. Это доставляло немало страданій. Но стоило ему
ко пріѣхать на лѣто домой и взглянуть въ красивое ли
тери, преждевременно увядшее въ безпросвѣтномъ труд
бы смирились его протесты, и улеглось горькое чувство,
вившее его душу.

— Какая счастливая мать! Какъ вы ее любите!

— Мало, Ольга Юрьевна... Слишкомъ мало, въ сущ
Да я и безсиленъ доказать ей мою любовь... Съ радост
могъ бы я ей! Изъ чего?.. Моего жалованья и самому н
хватаетъ...

И онъ съ теплотой началъ говорить ей о своихъ
ныхъ мечтахъ. Ему хочется поступить въ механики, про

ѵимъ. Онъ это надумалъ на войнѣ, будучи кочегаромъ. ?омъ его призваніе. Лучше всякой музыки кажется ему ическій звукъ паровой машины... Какая мощь! Это его ьетъ... Онъ мечталъ, пройдя теоретически и практически ь обученія, сдѣлаться механикомъ. Теперь это невозмож- Проклятая судьба!

этомъ онъ говорилъ о томъ, что его мечта—выписать въ у мать и семью, жить вмѣстѣ... Конечно, меньше ста ру- нельзя получать! Какъ хорошо дать матери сытую, спо- ю старость! Усадить ее въ мягкое кресло, чтобы отдох- ея руки, ея старыя кости... Она забыла даже, какъ это ь всласть? Онъ повезъ бы ее въ оперу; она такъ любитъ у, она плачетъ отъ задушевной пѣсни. Но она въ своей и ничего не слыхала, она проглядѣла жизнь съ ея радо- и въ заботахъ о семьѣ. Сестеръ онъ выдалъ бы замужъ, шку вывелъ бы на дорогу...

ъ вдругъ поднялъ голову, и влажные глаза его блеснули.

— Да, Ольга Юрьевна... Немало и у меня заботъ и обя- остей, которыя загораживаютъ лично мнѣ дорогу къ счастью. чтать о немъ, пока я не выбился, я даже не хочу. Меня сть заѣстъ, если я забуду о томъ, что считаю своимъ ымъ долгомъ...

— А долгъ къ себѣ?—глухо спросила Ольга.—Вы забы- и, что каждый имѣетъ право на свою долю счастья въ ъ мірѣ?

ухое чувство ненависти къ этой семьѣ Чарницкаго поды- сь въ ея душѣ. Неужели онъ никого и ничто не поста- выше?.. Она знала, что этотъ вечеръ будетъ рѣшающимъ и жизни, что это отчаянная схватка за ея собственное тье... Она придвинулась и положила локти на столъ. Ея дъ, жадный и тоскливый, какъ жало впился въ лицо Чар- каго. Понизивъ трепетный звукъ голоса, она спросила:

— Ну... а если бы вы встрѣтили на своей дорогѣ страсть?.. мную... высокую? Какъ поступили бы вы?

лаза ихъ встрѣтились на мгновеніе, и опять Чарницкому залось, что онъ понялъ. Онъ испугался. Тонъ его отвѣта ь рѣзокъ.

— Въ такое чувство я не вѣрю! Да... Надо слишкомъ по- ить въ другого человѣка, чтобы для него пожертвовать ей, свободой, мечтами... всѣмъ. Нѣтъ, Ольга Юрьевна! ько въ книгахъ пишутъ о такой страсти. Обыкновенно ба- ни ищутъ *пристроиться*...

— Это на тридцать семь рублей?

Онъ видѣлъ, что губы ея чуть дергались.

— Все равно!.. Отъ скуки онѣ заводятъ романы. В... чувственные капризы, либо нездоровая экзальтація. По... ни одна изъ барышенъ любви ради не рискнетъ...

— На что?

Подъ ея жгучимъ взглядомъ онъ невольно опустилъ...

— Ну, даже на браваду не рискнетъ... на открытое ... шеніе приличій... не говоря о чемъ-нибудь серьезномъ... дѣло коснется малѣйшей жертвы, сейчасъ же потребуютъ ...

— Вы думаете?—какъ-то странно перебила она.

Онъ вздрогнулъ и смолкъ.

Они встали. Чарницкій расплатился, и оба они спус... внизъ. Было около трехъ часовъ. Навстрѣчу имъ не... страстно-печальные звуки мазурки.

— Сядемте на старое мѣсто, — предложила Ольга, ос... вливаясь въ пустой гостиной.—Я люблю этотъ полусвѣ...

Они сѣли. Звуки музыки били по нервамъ Чарницкаго ... дили въ немъ жажду счастья, жажду лучшей доли.

„Ахъ, не натворить бы глупостей!..“ подумалъ онъ.

— Чарницкій... Вы сказали, что вамъ меня жалко?

Онъ вздрогнулъ отъ ея вопроса и звука голоса. Въ ... мгновеніе онъ почувствовалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ свер... ся что-то роковое и неотвратимое. И съ любопытствомъ, ... тѣмъ страшнымъ любопытствомъ въ опасности, которое ... четъ насъ къ ней навстрѣчу, несмотря на инстинктъ самосо... ненія, онъ взглянулъ въ лицо Ольги. И странное дѣло!.. ... давъ красивый изгибъ ея вздрагивавшаго, полуоткрытаго ... онъ впервые почувствовалъ въ ней *женщину*, почувство... къ ней влеченіе, испугавшее его своей внезапностью и сил...

— Ну, такъ полюбите же меня изъ жалости!—шопот... говорила она.—Какъ того нищаго на мосту... Бросьте мнѣ ... милостыню! Не бойтесь!.. Я отъ васъ не потребую ни кля... въ вѣрности... ни жертвъ... ничего...

Чарницкій поблѣднѣлъ. Невольно онъ схватилъ руку Ол... и смялъ ее въ своей. Она задохнулась отъ остраго блаже... ства. Отъ боли слезы выступили на ея глаза, но она улыб... лась ему въ лицо чудной улыбкой покорности, готовой на вс... и ея прекрасные глаза засіяли.

Какой голосъ!.. Какая улыбка!.. Лицо... Какъ ядъ про... кали эта красота и эта чужая страсть во всѣ его нервы, ...

ія всю кровь, покоряя волю... „А дальше?“ словно крик-
ь кто въ его уши. „Жениться на такой надо... *Такую* не
шь... Нищета“... Лицо матери всплыло передъ нимъ...
дъ прошелъ по душѣ Чарницкаго, и онъ грубо оттолк-
ь руку Ольги.

— Вы не вѣрите?.. Опять не вѣрите?—съ отчаяніемъ про-
ѣлъ ея голосъ.

— Не вѣрю!—грубо кинулъ онъ и отвернулся, весь затре-
въ, чтобы не видѣть ея лица. Красота Ольги вдругъ бро-
сь ему въ голову, какъ хмель...

Тогда она заговорила опять.

— Знаю... мнѣ надо встать и уйти... и не встрѣчаться ни-
а... Но я не могу... Это сильнѣе меня... Я хорошо пони-
, что... унижаюсь передъ вами... Вѣрьте мнѣ... ради Бога,
те... я никого не любила, кромѣ васъ... Наконецъ... мнѣ
его отъ васъ не надо... Только видѣть васъ... каждый день...
вать, что вы... вы сами не любите другой... Вотъ!.. Я все ска-
а... Не отталкивайте меня... Скажите мнѣ умереть, и я умру!

Она сама не знала, какая сила вырывала у нея эти призна-
. Ея лицо, безъ кровинки, выражало сейчасъ полное забве-
окружающаго, истинный экстазъ, удивленіе и ужасъ...
ное, восторгъ и ужасъ... Но сила этого выраженія была
олимая, потрясающая, и Чарницкій былъ покоренъ. Словно
озь туманъ, онъ помутившимися глазами глядѣлъ въ эти
ширенные, мерцающіе зрачки, и они, эти глаза ея, въ ко-
ыхъ онъ словно читалъ таинственное рѣшеніе своей судьбы,
тягивали его властно.

— Что вы со мной дѣлаете?! Ольга Юрьевна! Дайте ваши
ки!..

Онъ повѣрилъ и почувствовалъ огромное, подавляющее
стіе. И когда маленькія, похолодѣвшія руки Ольги очути-
ь въ его рукахъ, онъ сжималъ ихъ въ какомъ-то забытьи,
лаждаясь близостью, прикосновеніемъ къ этой дѣвушкѣ, за
уту бывшей ему чужой и далекой. Его руки пылали и жгли
кожу. Они молчали, а нервная, неудержимая внутренняя
жь охватывала ихъ обоихъ все сильнѣе... Вдругъ черты его
ѣнились. Онъ провелъ рукой по глазамъ.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ... Это безуміе!.. Мы оба сумасшедшіе... Я не
у вамъ вѣрить! А если вы... сами обманываетесь? Какъ могли
полюбить, не зная меня? Въ сущности... мы — чужіе... Мы
ъ мало видѣлись... Кто вы? Я не знаю... Я ничего не знаю,—

но,—покорно говорила она, проводя рукой по уга
словно лицу, точно разбуженная, отторгнутая разомъ
ной грезы.—Но скажите... что мнѣ сдѣлать, чтобы вы п

Онъ помолчалъ, стараясь справиться съ своимъ во
Злая усмѣшка вдругъ освѣтила его черты.

— Извольте, Ольга Юрьевна... Я вамъ повѣрю, н
какомъ условіи... Завтра...—Онъ колебался съ секун
комъ глянувъ въ это печальное, прекрасное лицо,
сдѣлалъ рукой отчаянный жестъ, словно сжигая за с
рабли.—Завтра насъ нѣсколько человѣкъ, товарищ
рутся у Кассевича праздновать день его рожденія... В
знаете?.. Но это все равно!—вдругъ страшно заспѣш
ницкій, избѣгая глядѣть на Ольгу и какъ-то жалобно мо
Онъ живетъ на Срѣтенкѣ... меблированныя комнаты
нова... Вы не бывали тамъ?—спросилъ онъ безсозна
вдругъ вспыхнулъ, увидавъ страхъ, мелькнувшій въ
Ольги.—Ну, конечно, конечно, вы не были... Какъ эт
Ну, да все равно теперь!.. Меблированныя комнаты До
Тамъ грязно, бѣдно... Туда порядочныя женщины не
Мы соберемся въ девять вечера и навѣрное... навѣ
будемъ пьяны... А-га! Вы уже вспыхнули... Я и заб
вы баронесса, бѣлоручка,—злобно подхватилъ онъ, уже
теряя самообладаніе.—А все-таки вы туда придете! Да!..
Слышите? Вы туда придете!

- Дальше что?—спросила она спокойно. (Чарницкому по-
эсь—презрительно...) „Что я надѣлалъ?..“ подумалъ онъ,
енно дрогнувъ отъ страха и жалости.

- Вы согласны туда придти?—неровнымъ голосомъ спро-
онъ, не довѣряя себѣ... Вѣдь, онъ сейчасъ былъ увѣренъ,
на оскорбится и уйдетъ навсегда...

- Дальше, дальше...

ъ заговорилъ глухо и медленно, опустивъ глаза.

- Вы постучитесь въ № 28-й и войдете... и тамъ увидите
.. Я выйду! И вы... и вы будете свободны... Это все... Вы
е тогда уѣхать домой... Но помните... (онъ начиналъ за-
ься) Если вы это сдѣлаете... всѣ будутъ думать... что вы
остановился на мгновеніе)... что вы моя любовница...

щуренныя рѣсницы Ольги дрогнули и опустились. Но
по легкому трепету ея губъ можно было заключить объ
неніи.

- Все?—спокойно спросила она.

ъ отвернулся, встрѣтивъ ея взглядъ.

- Все...

- И тогда... вы мнѣ повѣрите?

- Да,—прошепталъ Чарницкій. Онъ не двигался, низко
ивъ голову. Онъ чувствовалъ на себѣ ея долгій, вдум-
зоръ. „Ахъ, скорѣй бы разстаться! Кончить эту пытку...“

- Чарницкій...

ъ вздрогнулъ. Онъ почувствовалъ, какъ снова страстная
сть къ ней, всезаглушающая, непобѣдимая жалость растетъ
го душѣ. И онъ испугался. Онъ зналъ, что слабость эта
огубитъ.

- Мнѣ жаль васъ... Въ ваши годы такъ мало вѣры въ жен-
... столько презрѣнія... Но вы хотите вѣрить, и вотъ по-
вы оскорбляете меня...

нъ слушалъ, удивленный, съ раскаяніемъ... Она поняла
это? И простила?.. Все заколебалось въ его душѣ.

- Неужели міръ такъ великъ, Чарницкій, что вы надѣетесь
емъ встрѣтить еще разъ такое чувство, какъ мое? Я ни-
отъ васъ не требую... Другая возьметъ у васъ все...

- Вы меня не поняли,—горячо крикнулъ Чарницкій.—Ольга
евна, поймите...—Онъ вдругъ осѣкся и взялся рукой за
сы.—Нѣтъ!.. Нѣтъ... Я солгалъ... Я именно оскорбить хо-
... оттолкнуть хочу... И вы... вы должны оскорбиться...
на помолчала, стараясь понять.

— А если послѣ этого опыта я васъ возненавижу?

— О!.. Стало быть, вы ни одной минуты не любили
И все это слова...

Ольга вдругъ встала.—Прощайте...

И, прежде чѣмъ онъ опомнился, она, не оборачиваясь, шла изъ гостиной. Чарницкій бросился за нею.

— Ольга Юрьевна! —съ отчаяніемъ крикнулъ онъ.

На порогѣ гостиной она остановилась и оглянулась.

— Не ходите за мной,—просто, но властно сказала он

Онъ остановился невольно.

— Постойте... одну минуту... Можетъ быть, я васъ ви послѣдній разъ?

Блѣдная улыбка ироніи,—надъ собой ли, надъ нимъ онъ не зналъ, скользнула по ея лицу и угасла подъ тем слегка вздрагивавшими рѣсницами.

„Но я хочу васъ видѣть... Я хочу повѣрить“... просилос губы Чарницкаго. Но онъ смолчалъ. Онъ понималъ, что от у себя право говорить ей это теперь. И никогда она не лась ему такой красивой и желанной, какъ въ эту послѣд минуту. Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо пристально и жад Прощайте,—сказалъ онъ только.

Онъ хотѣлъ взять назадъ всѣ слова, всѣ оскорбленія и с не зналъ, какъ вмѣсто нихъ это „прощайте“ сорвалось съ его гу

Она вышла въ освѣщенную анфиладу комнатъ. Онъ гляд ей вслѣдъ, какъ бы въ забытьи. Фигура ея смѣшалась съ пой... Онъ снова бросился за ней, толкая публику, забы извиняться, и догналъ ее уже у лѣстницы.

— Ольга Юрьевна... Вы даже не спросили меня... если (задыхался)... если вы придете, какая награда?.. Ахъ! Не Не то!.. Что я долженъ сдѣлать тогда, чтобъ удовлетвор вашу гордость? Вы даже не захотѣли узнать...

Ольга усмѣхнулась. Проблескъ яркой мысли, далекое поминаніе какъ бы вспыхнули на мгновеніе въ ея лицѣ.

— Не требую награды,—отвѣтила она словами Шиллер скаго рыцаря. Быстрой походкой двинулась она къ выход не обернулась ни разу.

XIII.

„Конченъ романъ,—думалъ Чарницкій, выходя на улиц Я оскорбилъ ее, и мы больше не встрѣтимся. А вѣдь я, жется, влюбился?..“ Онъ припомнилъ красивыя, гордыя г

и, ея бюстъ, темную массу волосъ ея и вздрогнулъ отъ нія. „И все это кончено, кончено"... вдругъ понялъ онъ гчаяніемъ. „И какъ это она сказала: *Неужели міръ такъ з?*.. Ахъ! Какъ все это вышло грубо! И глупо... глупо до ѣдней степени..."

асунувъ руки въ карманы своего дешеваго и ненавистнаго пальто, онъ шагалъ по свѣже-выпавшему снѣгу. Звуки ея иваго голоса, казалось, преслѣдовали его.

Непремѣнно, вѣдь, поетъ хорошо... Да, личность недюжин. И добра, должно быть... И такую вотъ женщину я отнулъ... И къ чему? Къ чему я оскорбилъ ее?.." Вдругъ онъ новился, и щеки его загорѣлись отъ стыда. Ему вспомни эта злополучная фраза о наградѣ. „О, дуракъ!" вслухъ алъ онъ. „Какъ она должна меня презирать!"

Ю чѣмъ дальше онъ шагалъ, подставляя лицо сырому вѣтру, ъ спокойнѣе онъ начиналъ разсуждать... Конечно, она оскор, и они больше не встрѣтятся. Тѣмъ лучше! Онъ не лю ее настолько, чтобы отважно идти навстрѣчу бѣдности и предвидѣть печальныхъ послѣдствій этого волшебнаго ро. Да и она утѣшится. Какая это любовь, если подобныя ганія убиваютъ ее? Положимъ, всѣ эти условія невозможны, е-таки...

ойдя до Срѣтенки, онъ уже принялъ рѣшеніе написать ѣ, что онъ беретъ назадъ свои слова и проситъ извине Онъ былъ увѣренъ, что она не пріѣдетъ, и все-таки не хоь ея презрѣнія. А адресъ ея? вдругъ вспомнилъ онъ съ яніемъ. Гдѣ-то на Нѣмецкой... Но вѣдь Нѣмецкая улица ка... Да, она что-то говорила о казенныхъ урокахъ въ инутѣ? Туда написать... Или нѣтъ, лучше пойти туда самому, и ее и сказать, что онъ былъ безумецъ, что онъ любитъ „Неужели люблю?"

нъ подходилъ къ меблированнымъ комнатамъ, гдѣ жилъ. асъ вернется домой, въ вонючій коридоръ, въ затхлый ну, ляжетъ спать, завтра пойдетъ въ ненавистную канцеля и опять потянется та же отвратительно-сѣрая жизнь... „Ахъ, мой!" опять кольнуло его воспоминаніе. „И зачѣмъ, за сорвалась у меня эта дурацкая фраза о наградѣ? Я въ хъ ея—ничтожество, смѣшной фатишка!"

- Баринъ... Прокатиться по первопутку не требуется?— кнулъ Чарницкаго извозчикъ.

- Убирайся ты къ чорту!—вдругъ обозлился Чарницкій.

Онъ вошелъ въ сѣни меблированныхъ комнатъ. По
непріятнѣе, чѣмъ когда-либо, его поразила неряшли
ная фигура такъ называемаго швейцара, въ грязной
рубашкѣ, смрадъ и копоть въ корридорѣ, тускло освѣщ
одной лампочкой, неметеная лѣстница, словомъ, вся эт
денная обстановка, къ которой онъ никогда не могъ пр
нуть. И онъ звалъ ее сюда... Нѣтъ! Не должна она
эта избалованная аристократка, хотя бы потому уже,
не видѣть его бѣдности.

Онъ нетерпѣливо постучался. Товарищъ Рудаковъ
всегда крѣпко и потому отперъ не скоро.

— Что это ты дрыхнешь какъ?.. Пушкой не добудиш
прикрикнулъ на него Чарницкій и уже совсѣмъ злой
за собой дверь на ключъ.

— Тамъ тебѣ письмо есть,—сопя и позѣвывая, отв
Рудаковъ такъ кротко, словно не на него кричали.

Чарницкій въ приливѣ необъяснимой раздражитель
смотрѣлъ на всклокоченную голову товарища, на его засп
глаза, мигавшіе на свѣтъ стеариноваго огарка, который
зажегъ. Рудаковъ въ одномъ бѣльѣ сѣлъ на диванъ, на
ромъ спалъ всегда, уступивъ Чарницкому единственную
вать за перегородкой.

— Чего сопишь?—злобно огрызнулся Чарницкій.

— Развѣ?..—Рудаковъ сконфузился и на мгновеніе задер
дыханіе.—Не очнусь, вотъ, никакъ... Со сна-то...

Чарницкій раздѣвался, бросая одежду на стулья. Онъ
чувствовалъ голодъ и вспомнилъ, что нынче даже не обѣд
толкомъ.

— Осталось у насъ что-нибудь поѣсть?—смягчившимся
номъ спросилъ онъ, идя къ комоду.

Рудаковъ съ смущеннымъ видомъ почесалъ у себя за ухо

— Кажется, что не осталось...

— Какъ не осталось? Тамъ сыръ былъ...

Онъ выдвинулъ ящикъ.

— Вотъ свинья-то! Хоть бы что!.. Отлично знаетъ, чт
слопалъ, а толкуетъ: „кажется, что не осталось“...

Онъ потрясъ бутылку и услыхалъ звукъ плескавшейся н
днѣ водки.—Хлѣба-то хоть оставилъ?

— И хлѣба нѣту,—огорченно пробасилъ Рудаковъ. Онъ
повернулся къ стѣнѣ и натянулъ на ухо одѣяло, готовый
встрѣтить негодующій взрывъ.

– А чо,..ъ!.. Тоже товарищъ называется...
арни..кій съ силой захлопнулъ ящикъ. Ему стало такъ но почему-то, такъ жаль себя, что даже слезы выступили о глазахъ.
о этого было уже слишкомъ много для Рудакова; совѣсть и мучила его. Онъ сѣлъ на диванѣ, обхвативъ руками колѣни.
- Да кто-жъ тебя зналъ, что ты голоднымъ вернешься?.. ь буфетъ есть... Я думалъ, ты поужинаешь.
- Думалъ!—опять передразнилъ Чарницкій, который съ ытыми глазами лежалъ на жесткой кровати, закинувъ руки лову.—Ты бы сообразилъ, на какіе капиталы я поужинаю, на цѣлый мѣсяцъ у обоихъ насъ десять рублей осталось?
- Ахъ, досада!.. Да и я-то, какъ на грѣхъ, проголодался -время!
рницкій не отвѣчалъ.
- Свѣчку потуши!—черезъ минуту крикнулъ онъ.
потолкѣ вытянулась и задрожала безобразная тѣнь. алось шлепанье босыхъ пятокъ по крашеному полу. че каждое впечатлѣніе обострялось у Чарницкаго: такъ разстроены его нервы. Поэтому эти босыя пятки больно сь въ его сердцѣ. „За что я такъ облаялъ его?“ упрек- онъ себя. „Бѣдняга просидѣлъ вечеръ одинъ, скучалъ... вѣдь, никакихъ радостей...“
Рудаковъ,—позвалъ онъ.
А?—сонно отозвался тотъ.
ъ засыпать началъ,—раздражительно подумалъ Чар- и тутъ же поймалъ себя на этомъ.—Однако, какъ я развинтился!.. Нельзя давать себѣ волю!“
А ты давно спать залегъ?
Да съ десяти почти... Такая, братецъ, тощища чортова!.. нечего... Да и всѣ разбрелись куда-то... А тебѣ весело

ъ долго ждалъ отвѣта.
Весело,—вдругъ отвѣтилъ Чарницкій такъ рѣзко, что ъ смолкъ.
Что же, завтра соберемся у Кассевича?—черезъ минуту заговорилъ онъ опять.—Онъ отвѣта просилъ...
Соберемся...
ошло минуты двѣ.
Чарницкій... А догадываешься ты, откуда у него эти ?

— Ахъ, какое намъ дѣло!.. Что мы-то за судьи? (
хороши... Не мѣшай спать!.. Молчи!

И онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

„Завтра пойду къ ней извиняться",—думалъ онъ, л
открытыми глазами въ темнотѣ. Онъ силился себѣ пре
это свиданіе... Это невозможно, чтобы никогда не встрѣ
Онъ хорошо понималъ теперь, что при первомъ словѣ
сказанномъ этимъ удивительно красивымъ голосомъ,
его закружится... Она и теперь у него кружилась...

„А, вѣдь, я любимъ!" вдругъ чуть не крикнулъ онъ
поднялся на подушкахъ. „Я любимъ, любимъ..." по
онъ вслухъ, въ какомъ-то упоеніи.

Рудаковъ крѣпко спалъ, слегка похрапывая. Въ к
было такъ тихо, что слышно было даже, какъ тамъ, н
стучалъ маятникъ. Внизу съ глухимъ гуломъ проползла
и отраженіе ея фонарей побѣжало по потолку. Безсозн
Чарницкій проводилъ глазами этотъ свѣтъ, пока онъ не
и снова опустился на подушки... Онъ крѣпко обнялъ

„Она прошла въ моей жизни, какъ этотъ свѣтъ", п
онъ отчетливо. „До нея темно и безъ нея темно... Я люб

Во тьмѣ передъ нимъ плыло лицо Ольги, мерцали е
суля счастье, котораго онъ не зналъ.

И онъ улыбнулся этимъ глазамъ...

Онъ вдругъ заснулъ, разбитый волненьемъ.

XIV.

„Она меня любитъ", была первая мысль Чарницка
онъ проснулся. Потомъ онъ съ болью припомнилъ
с... илось вчера. „Неужели конецъ?"

Только выйдя за перегородку и увидавъ на столѣ
онъ вспомнилъ о немъ. Писала старшая сестра. Спе
разныя новости изъ городка: тотъ-то женился, эта ѣ
Петербургъ; затѣмъ упреки, отчего онъ не пишетъ? І
на третьей страницѣ сестра объявляла, что рѣшено в
зиму отправить младшаго брата Мишу въ Москву. „П
ступитъ въ Межевое хоть приходящимъ до первой ва
пока поживетъ съ тобой. Да похлопочи, чтобъ его
на казенный счетъ, не полѣнись... А у мамаши опят
тизмъ, иногда по ночамъ не спитъ, особенно къ п
погоды. Докторъ—помнишь Ѳедорова?—серьезно совѣ
ѣхать лѣтомъ въ Старую Руссу. Но, вѣдь, на все эт

гва, и наврядъ ли мы выберемся... Въ нашемъ проклятомъ ишкѣ такая тоска, а ты, счастливецъ, теперь въ Москвѣ иишься"...

зомъ померкло все въ впечатлительной душѣ Чарницкаго. сть къ матери, безсильная злоба на свою бѣдность, предія хлопоты... О, какое отвращеніе—жизнь!.. „И куда я помѣщу? Въ одномъ нумерѣ всѣмъ тѣсно... Жить отю средствъ не хватитъ... Тоска!"

Не пойду я къ ней,—рѣшилъ онъ черезъ минуту, глядя на дождь, пополамъ со снѣгомъ бившій въ стекла.—Гдѣ ее отыскивать?.. Надо идти хлопотать въ училище... Или лучше завтра? Ахъ, какая отвратительная погода!.. Повѣ съ тоски можно!.. Она оскорбилась, возненавидѣла... пускай!.. Не про насъ такіе романы писаны,—съ злой говорилъ онъ себѣ.—Что толку спутаться и жениться, позади цѣлая семья?"

онъ легъ лицомъ въ подушку дивана. „Напьюсь нынче чувствія", рѣшилъ онъ, вспомнивъ о Кассевичѣ.

одиннадцать, однако, дождь прошелъ, и Чарницкій съ ымъ отправились на службу.

даковъ всю дорогу молчалъ, искоса разглядывая пожелее, унылое лицо товарища. „Должно быть, невеселыя изъ дому получилъ,—думалъ онъ.—И охота это ему все къ сердцу принимать!"

мъ Рудаковъ ничего не умѣлъ принимать къ сердцу. Онъ лежалъ къ породѣ „толстокожихъ". Неглупый, с... раккой сметкой, въ обыденной жизни онъ былъ фил...фъ. ли въ кошелькѣ, плохъ ли обѣдъ, изорвался ли ...р- проносились ли сапоги, на всѣ эти мелочи, извод... ія цкаго, ему было „наплевать!.." Даже неудавшаяся инка съ швейкой, тутъ же въ нумерахъ, не выводила его обычной флегмы. Онъ былъ неравнодушенъ только къ вкѣ, и только послѣ извѣстнаго количества рюмокъ онъ ертывался", начиналъ шутить и ухаживать по-медвѣжьи амами, если онѣ тутъ случались. Отъ дамъ ему частенько тало" за его первобытные пріемы во флёртѣ. Къ Чарницу Рудаковъ былъ привязанъ еще со школьной скамьи и ыкъ ему подчиняться. Оно вѣдь и удобнѣе, когда за тебя думаетъ, да рѣшаетъ.

Изъ канцеляріи въ третьемъ часу Чарницкій и Рудаковъ шли въ клубъ своего вѣдомства. Тамъ за девять рублей мѣсяцъ каждый изъ нихъ получалъ обѣдъ.

Первый, кто встрѣтилъ ихъ тамъ, былъ Сергѣй Моло
бывшій товарищъ по классу, высокій, худой блондинъ с
лѣзненнымъ лицомъ. Онъ женился по любви на гуверн
и Чарницкій былъ шаферомъ на ихъ свадьбѣ.

— Гдѣ это ты пропадаешь?—удивился Чарницкій.

— Да невозможно никакъ... Не нынче-завтра ждемъ
Надя разрѣшится, наконецъ... Доктора ее напугали, п
цѣлые дни, „умру", говоритъ... Измучился, на нее гляд...
рвался сюда на часокъ встряхнуться...

— А уроки ея?.. Ходитъ она на нихъ?

— Какіе тамъ уроки? Не можетъ двигаться. Ноги распу

— Туго, стало быть, приходится?

— Да, туговато... Придется въ командировку ѣхать..

— Ну, а скажи-ка, Сережа, радъ ты будешь ребенку?–
ницкій мысленно ставилъ себя на мѣсто Молоткова, а О
на мѣсто его жены.

— Ну, какая тамъ радость!.. За Надю вся душа избол
А впереди еще что предстоитъ? Родить да кормить, не
ночей... Несчастныя наши бабы!

Чарницкій ласково потрепалъ Молоткова по плечу.

— Зато бракъ по страсти, Сережа...

— Счастливчикъ ты!—вырвалось внезапно у Молотк
Конечно,—спохватился онъ,—есть въ этомъ и свои прекр
стороны...

— Но...—подхватилъ Чарницкій съ лукавой усмѣшк
Но, все-таки, лучше не женись, хочешь ты сказать?

Глаза Молоткова игриво улыбнулись.

— Да, пожалуй... Хотя, пока не получишь мѣсто гу
скаго землемѣра...

Чарницкій только засвисталъ.

„Нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ, возвращаясь домой,—д
я буду, если поддамся искушенію. Страсть проходитъ,
сонъ. Остается нужда... Мотай это себѣ на усъ, Алексѣ
зиміычъ, и не зарывайся!.. Небось, какъ счастливъ бы
теперь этотъ самый Молотковъ, очутись онъ холостяко
пирушкѣ у Кассевича!.."

Кассевичъ жилъ въ томъ же коридорѣ и занималъ л
нумеръ. Онъ былъ высокій, плечистый брюнетъ съ ост
чертами польскаго типа, язвительной усмѣшкой и блестя
наглымъ взглядомъ. Онъ кончилъ двумя годами позже
ницкаго, всегда льнулъ къ нему, старался ему подражать.

любилъ его за умъ. Кассевичъ кончилъ первымъ. По это былъ карьеристъ, товарищи его не любили. Первые у женщинъ опьянили Кассевича. Тщеславіе затушило ъ даже самолюбіе и разсудительность. Онъ хвасталъ товарищами и, жестоко осмѣянный ими, снова шелъ къ ке. Предъ однимъ Чарницкимъ Кассевичъ никогда не рѣгать, какъ-то подтягивался въ его присутствіи. Чарницо трогало, и онъ много прощалъ „мальчику". Въ этотъ ссевичъ сошелся съ красивой, но уже зрѣлой женщиной, й за соломенную вдовушку. Вся жизнь его измѣнилась. балуетъ меня"... отвѣчалъ онъ на всѣ разспросы, но ку" не вѣрили. Многіе начинали коситься, видя на Касдорогую шубу и золотые часы. Разъ, выпивъ „больше, олагалось", Кассевичъ признался во всемъ Чарницкому. казалъ ему портретъ этой женщины, клялся, что любитъ о же дурного въ томъ, что она его даритъ? Она богата. ницкій нахмурился.

Скверно, Вячеславъ! Какъ тамъ ни объясняй, все скверно! я не считалъ тебя способнымъ на это. Стало быть, товарищи, и напрасно я тебя защищалъ. Еще годъ таэни, и отъ тебя всѣ отвернутся.

И ты?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Кассевичъ.

И я. Совѣтую тебѣ уѣхать въ провинцію... Помнишь, ходило мѣсто въ П***? Спору нѣтъ: пріятно на твоихъ ахъ пить тонкія вина, но это, пока не знаешь, изъ кармана это идетъ... Уѣдешь ты? Для начала твоей ы вѣдь и это мѣсто недурно.

Я такъ, должно быть, и сдѣлаю,—мрачно согласился ичъ.

перь его отъѣздъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, и онъ дорожилъ этими послѣдними вечеринками.

олодъ еще, не выдержалъ, закружился",—думалъ Чар. Онъ признавался, что имѣетъ слабость къ „мальчику"... рницкаго нерѣдко случались теперь дни хандры, когда тановилось ненавистно общество. Въ немъ уже таилась знь, начало нервнаго истощенія на почвѣ общаго изну, результатъ анормальной жизни на войнѣ и ея чудовищусловій: голодовки сначала, а затѣмъ кутежей. Въ дни приступовъ Чарницкій искалъ только общества Кассе Ему нравилось посѣщать тогда кабаки самаго низкаго ра. Онъ находилъ острое удовольствіе спускаться въ

притоны грязи и разврата и сидѣть за стаканомъ на
сивухи, рядомъ съ отребьями общества, рискуя затѣ
ограбленнымъ или убитымъ въ темнотѣ закоулков
нибудь воровской шайкой. Все это хлестало по упавш
вамъ, давало нездоровое забвеніе... И Кассевичъ ник
кому не проговорился объ этихъ „дняхъ"...

Въ этотъ разъ Чарницкій оставался въ Межевомъ
шести часовъ и игралъ на билліардѣ. Игралъ онъ н
бенно удачно, и это настроило его веселѣе. Не разъ
наніе объ Ольгѣ щемило его сердце, но онъ гналъ э
„Теперь ужъ конецъ, конецъ..." говорилъ онъ себ
навѣрное, ждала извиненія, я не пришелъ. Она ме
раетъ. И довольно о ней думать!.. Одно мученіе..."

Онъ вернулся домой въ седьмомъ часу. Кассевич
тилъ его въ коридорѣ и съ таинственнымъ видомъ,
жанной улыбкой, повелъ его въ свой нумеръ.

— Алексѣй Казимірычъ... Родной... Устрой ты
это. У тебя столько вкуса! Мнѣ хочется, чтобы
поизящнѣе. Закажи мнѣ *тепи* закусокъ, а вина я ужъ
Вотъ попробуй, какая прелесть!

Они вошли въ нумеръ. Цвѣты, коверъ, массивн
письменный приборъ на столѣ, все доказывало, чт
комнатѣ побывала и не разъ женщина со вкусомъ. Ч
видѣлъ мелькомъ, издали, высокую, полную фигуру
щины (она не любила здѣсь бывать, и это одно уже
за ея порядочность). Съ любопытствомъ Чарницкій в
останавливался передъ ея портретомъ и глядѣлъ на э
вое, смѣлое лицо. Онъ любилъ такія пикантныя физ
невольно подумалъ въ этотъ вечеръ, что любовь та
щины должна быть пріятна, и что самая зрѣлость э
нетки придаетъ вкусъ этой связи. Такъ пріятно быв
персикъ, созрѣвшій, полный сока. „Фу, какъ разв
сердился онъ на себя. „Чуть ли не завидую „мальчи

Кассевичъ поднесъ Чарницкому рюмку curaçao въ

— Для тебя собственно, Алексѣй Казимірычъ, брал
что это твоя слабость. Другіе все больше *монахоръ*
нихъ вкусы грубые...

— Да, хорошъ... А что ты далъ вотъ за эту марк
вейна?

Кассевичъ назвалъ сумму и не утерпѣлъ, чтобы не
Онъ зналъ, что Чарницкій провѣрить его не може

...нулся. Это была ровно половина того, что у Чарницкаго ...кова, вмѣстѣ взятыхъ, оставалось на мѣсяцъ жизни.
...вмѣстѣ сѣли составлять *тепи* ужина.
— Только, пожалуйста, безъ женщинъ,—вдругъ брезгливо ...ъ Чарницкій.
— О, конечно... Все будетъ чисто...
— Вотъ, вотъ именно, чтобы чисто.
— А что?—не утерпѣлъ Кассевичъ.
— Да нѣтъ... противно какъ-то... Совсѣмъ другой характеръ ...ется... Помнишь, какъ въ прошлый разъ? Подпили, пи... Гадость! Только послѣ полубутылки коньяку это обще...олучаетъ свое... raison d'être.
...ссевичъ расхохотался. — Вотъ и угоди на всѣ вкусы! А ...овъ меня вчера еще просилъ пригласить.
— Этотъ безъ грязи не можетъ!
— Нѣтъ, я сказалъ уже... Тѣмъ болѣе, что будемъ винтить.
...рницкій вдругъ сдѣлался мрачнымъ.
— На меня не разсчитывай, Кассевичъ.
— Алексѣй Казимірычъ, голубчикъ!
— Нѣтъ, нѣтъ... И вовсе не потому, что у меня безденежье ...ческое... Я знаю, что все свои и въ кредитъ повѣрятъ... ...о—нельзя! Я раньше девяти, даже половины десятаго и ...ду...
— Ахъ, неисправимый Донъ-Жуанъ! — разсмѣялся Кассе... —Держу пари, что здѣсь замѣшана женщина...
— Напрасно... проиграешь, — сухо отвѣтилъ Чарницкій и холодно взглянулъ на пріятеля, что тотъ смутился.
...сть что-то и очень серьезное,— понялъ Кассевичъ.—Какъ ...о разузнать?"
...ъ отправилъ коридорнаго на извозчикѣ съ запиской къ ...ву, въ гастрономическій магазинъ. До восьми пріятели про...и вдвоемъ, опоражнивая понемногу кувшинъ съ ликеромъ. ...арницкаго, однако, алкоголь не дѣйствовалъ, настроеніе его ...учшалось, и Кассевичъ съ изумленіемъ подмѣчалъ въ немъ ...-то необычное волненіе. „Да ужъ не влюбленъ ли онъ, на ...ъ дѣлѣ? Вотъ чудеса-то!.. Не я буду, если не разузнаю!"
...ь восемь товарищи стали сбираться. Пришелъ Рудаковъ съ ...мъ, военнымъ докторомъ, симпатичнымъ и остроумнымъ, ...е кое-кто изъ товарищей. Чарницкій пожалъ руку Кассе... и пошелъ къ двери.
— Ты больше не пойдешь въ нашъ нумеръ?—сухо съ по... спросилъ онъ Рудакова.

— Н-нѣтъ... А что?

— Я его запру и унесу ключъ съ собой... Туда не шляйся!..

— Онъ вышелъ, не оборачиваясь. „Свиданіе", по[…] севичъ.

Всѣ переглянулись съ изумленіемъ. Одинъ толь[…] вичъ съ сдержанной улыбкой глазъ пожалъ плечами говоря, что онъ знаетъ больше, чѣмъ можетъ сказа[…]

— А вернется онъ?—почему-то шопотомъ спрос[…] ковъ и испуганно поглядѣлъ на Кассевича.

— Послѣ девяти,—отвѣтилъ тотъ, также безсозна[…] нижая голосъ. Вдругъ онъ встряхнулся какъ-то и л[…] плавнымъ жестомъ указалъ на столъ.

— Прошу, господа! — сказалъ онъ громко, немно[…] ственно для такого случая, какъ будто открывалъ з[…]

Выпивка началась.

XV.

Чарницкій, идя утромъ въ канцелярію, былъ увѣ[…] Ольга не пріѣдетъ. Выходя въ восемь часовъ отъ […] онъ готовъ былъ поклясться, что она будетъ. Волне[…] усиливалось по мѣрѣ того, какъ наступали сумерки, было такъ велико, что онъ испугался. „Что же будетъ говорилъ онъ себѣ. „Столько выпить!.. Другой свал[…] ногъ давно, я даже не опьянѣлъ. Пожалуй, и совсѣ[…] пьюсь"... Но ликеръ разгорячилъ его кровь, и лицо е[…]

Чарницкій вошелъ въ нумеръ, легъ на диванъ […] спряталъ лицо въ рукахъ.

Придетъ она?.. Или не придетъ?

Этотъ вопросъ, это сомнѣніе, шевелившееся утр[…] слабый червякъ въ его сердцѣ, теперь выросло вдруг[…] нило всѣ мысли. Ни разсчетовъ не было теперь у нег[…] ха, не эгоизма. Заглушая всѣ рѣзкіе диссонансы прежн[…] чивыхъ ощущеній, въ душѣ его звучалъ побѣдный г[…] жествующаго надъ всѣмъ молодого чувства. Замира[…] испытаннаго наслажденія, Чарницкій прислушивался звукамъ въ своей душѣ. Да, и прежде, при встрѣча[…] гими женщинами, эти струны дрожали смутно, что-т[…] но ничѣмъ не даря. И только теперь онѣ запѣли и въ его сердцѣ; и никогда не думалъ самъ Чарницкій, робкія созвучія доросли когда-нибудь до такого пол[…] краснаго аккорда.

іа придетъ... Она придетъ...
›мнѣніе таяло, надежда росла... Весь день онъ обманывалъ старяясь не замѣчать, какъ растетъ это чувство. Онъ даітѣлъ напиться съ отчаянія, предвидя приступъ хандры. ь того самаго момента, когда онъ сказалъ Кассевичу, что идетъ къ нему до десяти, онъ вдругъ понялъ, что надѣет- теперь онъ уже не гналъ отъ себя воспоминаніе объ Оль- ıъ рвался къ ней всѣми фибрами своего существа... Люли это? Онъ себя не спрашивалъ. Онъ жаждалъ самъ быть ıымъ беззавѣтно, не быть одинокимъ. Бѣдность, однооб- его жизни, несбыточныя мечты о лучшемъ, эти безобраз- утежи въ разныхъ вертепахъ, мимолетныя связи съ пу- кими дамочками, все это надоѣло Чарницкому до омерзе- :му безумно хотѣлось узнать чистую, непродажную ласку, іть глубокую страсть. Ему хотѣлось безраздѣльно царить рдцѣ дѣвушки, гдѣ никто еще не начерталъ своего име- той высокой страстью ему хотѣлось облагородить и скра- убожество собственной жизни, такъ часто становившейся ıъ тягость.
іъ поднялъ голову и мутнымъ взглядомъ окинулъ комна- :акое неряшество! Грязный гребень съ волосами Рудако- ı столѣ, повсюду окурки... Смятая постель, въ углу под- ı его пріятеля... Кровь кинулась опять въ лицо Чарниц- .. И въ эту грязь она придетъ!.. Онъ звалъ ее сюда!.. Въ ıтѣ стоялъ какой-то тяжелый, кислый запахъ табаку, гряз- бѣлья и еще чего-то специфическаго, остающагося всегда ›мнатѣ, гдѣ ночевалъ мужчина...
Іеряха проклятая, этотъ Рудаковъ"! подумалъ Чарницкій. ›этого достаточно было бы въ другое время, чтобы отра- ему настроеніе духа. Но теперь онъ не хотѣлъ объ этомъ ъ больше. Онъ распахнулъ фортку, жадно глотнулъ во- іагося воздуха, кое-какъ прибралъ въ комнатѣ и кинулся ›ридоръ. Подъ лампой онъ остановился и взглянулъ на свои новаго серебра, висѣвшіе на толстомъ шелковомъ шнур- ги часы, какъ и нумеръ его, какъ и дешевое ватное пальто, однимъ изъ его тайныхъ мученій. „Дуракъ!" часто ду- онъ. „Получалъ на войнѣ жалованье золотомъ и не сумѣлъ ‹ить даже на часы... Безшабашность какая-то отвратитель- ' Но теперь онъ не вспомнилъ и объ этомъ. Только чет- девятаго? Неужели?.. А онъ думалъ, минутъ сорокъ ло... Онъ столько пережилъ.... Боже мой! Какъ убить это ›нечно ползущее время?

И онъ бѣгалъ по коридору, останавливаясь подъ часами, чтобы слѣдить за стрѣлкой. Но только подходилъ, какъ забывалъ о своемъ намѣреніи подъ наплывомъ мыслей, бившихся въ его мозгу... Онъ представлялъ себѣ живо и ярко, какъ она войдетъ, что онъ ей скажетъ, что будетъ дальше!.. И вдругъ ему стало жутко... Неужели счастье—настоящее, великое, некупленное счастье придетъ къ нему сейчасъ и постучится въ его дверь? Что же тогда?.. Вѣдь это... новая жизнь начнется... Ничего прежняго, грязнаго и пошлаго не останется... Этой разнузданности, безконтрольности поступковъ, этой прежней холостой свободы... Онъ на мгновеніе пересталъ дышать... Да, конечно... Свободы уже не будетъ, явятся обязанности. Придется отдаться на всю жизнь, честно... жениться...

Что-то холодное вдругъ прошло по душѣ его, и онъ содрогнулся, какъ бы отъ ощущенія ползущаго гада.

Полно!.. Да развѣ это такъ неизбѣжно? Развѣ не отъ него самого зависитъ его собственная судьба? Самому-то, наконецъ, уйти развѣ нельзя? Кто его держитъ?.. Пройти туда, къ Кассевичу... и все кончится... Счастье постучится въ запертую дверь робко, тихо и уйдетъ потихоньку, навсегда...

На часахъ въ коридорѣ пробило половину девятаго. Чарницкій вздрогнулъ...

Теперь уже немного... Какъ подумаешь, все его будущее рѣшится черезъ какіе-нибудь полчаса! „Ахъ, не глупость ли я дѣлаю!“ вдругъ глухо воскликнулъ онъ и взялся за голову. „Не раскаюсь ли я, что поддался увлеченію? А будетъ поздно... поздно...“

Онъ оглянулся въ полутемную даль коридора, испуганный звукомъ собственнаго голоса. Образы матери, сестеръ, любимца брата пронеслись передъ нимъ, какъ въ туманѣ... Онъ, значитъ, пожертвуетъ ими? Прощай мечта — отдаться любимому дѣлу механика!.. Вѣдь, дѣти пойдутъ... Надо будетъ искать хлѣба, мѣста, не разбирая... Каяться, какъ Молотковъ... Дикій, необузданный страхъ леденилъ его душу.

Но это была послѣдняя борьба. Это была агонія себялюбиваго чувства... Онъ проходилъ въ эту минуту мимо нумера Кассевича. Его опередилъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ бутылками сельтерской воды. Машинально Чарницкій проводилъ его глазами. Дверь отворилась, и въ коридоръ на мгновеніе ворвались шумъ рѣчей, звонъ стакановъ, обрывокъ пѣсни, чей-то пьянѣющій смѣхъ...

Нѣтъ! Нѣтъ!.. Никто не долженъ видѣть, какъ она придетъ!.. И вдругъ *въ ту минуту* отворится дверь, и эти подвыпившіе люди съ циничной улыбкой взглянутъ на Ольгу?.. Чарницкій перегнулся черезъ перила и посмотрѣлъ внизъ. Его буквально била лихорадка!

Внизу завизжала дверь на блокѣ. Неужели *она*?..

Кто-то бѣжалъ вверхъ, стуча сапогами. Подъ свѣтъ лампы вынырнуло чье-то бородатое лицо, полузакрытое воротникомъ шубы... Чарницкому вдругъ стало какъ-то безсознательно легко, несмотря на нѣкоторую досаду разочарованія. Онъ даже вздохнулъ полной грудью...

Подойдя къ лампѣ, онъ взглянулъ на свои часы. Безъ пяти девять... Ноги его затряслись... Уже?.. Уже девять? И когда это такъ пролетѣло время, что онъ его не замѣтилъ? Сейчасъ... сію минуту все рѣшится!—стучало въ его вискахъ, въ груди... Онъ бросился въ нумеръ, вспомнивъ о форткѣ. Почему-то ему показалось, что надо ее закрыть...

Въ лицо его пахнуло острой струей уличнаго воздуха. Уфъ!.. Хорошо!.. Онъ захлопнулъ фортку и, протеревъ стекло, затуманенное его дыханіемъ, прильнулъ къ нему лицомъ... Внизу глухо, со звономъ, катила конка. Какъ призраки мелькали сани, сверкали окна магазиновъ, и прохожіе бѣжали мимо, то ныряя изъ тьмы въ ярко освѣщенную полосу свѣта, какъ китайскія тѣни, нѣмыя и торопливыя, то снова утопая въ сыромъ туманѣ падавшей октябрьской ночи... Чарницкій даже взялся рукой за грудь: такъ стучало сердце... до боли...

Въ коридорѣ медленно, но звонко начали бить часы... Онъ дождался, пока не замеръ послѣдній ударъ, и вышелъ изъ комнаты... Ему надо было двигаться, чтобы хоть этимъ усмирить свое волненіе. Онъ опять подошелъ къ лѣстницѣ, перегнулся черезъ перила, прислушался... Не идетъ ли она? Можетъ быть, только сію секунду подъѣхала? Вотъ-вотъ хлопнетъ дверь...

Все было тихо...

И вотъ тогда-то, когда стрѣлка начала отмѣчать дальнѣйшія минуты, Чарницкаго вдругъ словно кольнула мысль: „А что, если не придетъ!?“

И не успѣлъ онъ это подумать, какъ внезапное сомнѣніе перешло въ увѣренность отчаянія. Онъ уже не ходилъ, а буквально метался по коридору, теребя волосы, судорожно ломая пальцы... Ну, конечно, не придетъ!.. Кончено все... И что за безуміе было надѣяться? Не онъ ли оскорбилъ ее? Не онъ ли

оттолкнулъ ее своимъ грубымъ и безобразнымъ требованіемъ?.. Развѣ *это* доказательство? „Ахъ, все пропало!.. Все пропало!“ твердилъ онъ, въ десятый разъ пробѣгая мимо лѣстницы. „Теперь она смѣется надо мной, презираетъ... Можетъ быть, вотъ сейчасъ, въ эту минуту смѣется горько надъ своей ошибкой?“

И опять передъ нимъ вставало поблѣднѣвшее, укоризненное лицо Ольги, и звучалъ ея голосъ: „Неужели міръ такъ великъ, Чарницкій“... И потомъ... „И вы надѣетесь встрѣтить другое чувство, такое же сильное, какъ мое!..“

Чувство жалости, мощное и страстное, жалости къ ней и страха за собственное, ничѣмъ не согрѣтое и не скрашенное существованіе поглотило, захватило его всего. О, какъ онъ былъ жестокъ въ ту позорную минуту!.. Онъ только теперь понялъ всю свою жестокость. Поздно! Поздно!.. И ничѣмъ не вычеркнуть изъ памяти это мгновеніе, до сѣдыхъ волосъ, до смерти!.. И онъ былъ готовъ отдать нѣсколько лѣтъ жизни, чтобъ вернуть одну эту краткую, невозвратную минуту, когда онъ безжалостно оттолкнулъ отъ себя эту гордую, дѣвственную душу, эту чистую и великую любовь...

Чьи-то быстрые шаги раздались за его спиной... Шелестъ платья... Онъ оглянулся. Сердце его дрогнуло и словно остановилось разомъ... Онъ узналъ Ольгу...

Да, это была она, вся свѣжая отъ холода, которымъ она наполнила коридоръ. Это ея глаза глядѣли на него изъ-подъ вуалетки. И, хотя онъ ждалъ ее до послѣдней минуты, онъ все же всѣмъ тѣломъ вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Ольга Юрьевна!—глухо, задыхаясь, крикнулъ онъ. Потомъ кинулся къ ней, схватилъ ее за руку и увлекъ въ свой нумеръ. Лишь бы не видалъ никто!

Дверь захлопнулась, и въ комнатѣ стало темно. Слышно было только прерывистое дыханіе ихъ обоихъ.

— Гдѣ же они?.. Ваши... товарищи?—слабо, чуть слышно прошептала она.

— Никого нѣтъ... Никого!—страстно, почти истерично крикнулъ Чарницкій.—И неужели... вы могли допустить... что я... допущу...—Онъ спутался и смолкъ на секунду.—Неужели вы повѣрили, что я—такой подлецъ?!

Голосъ его оборвался.

— Мнѣ все равно, — все также тихо и странно-спокойно промолвила она.—Вы звали и вотъ... я пришла...

Въ темнотѣ онъ не могъ видѣть, какъ быстро блѣднѣетъ ...цо, какъ сбѣгаетъ съ ея щекъ вся кровь.

— И теперь вы ненавидите меня?—крикнулъ онъ съ отчаяніемъ.

— Я васъ люблю,—отвѣтила она просто.

Онъ содрогнулся и крѣпче сжалъ ея руки.

— Что?.. Вы?.. Повто...рите... что вы сказали?

— Я васъ люблю,—повторила она, и глаза его, привыкшіе къ полутьмѣ комнаты, увидали въ ея расширенномъ взорѣ то же выраженіе экстаза и ужаса, которое поразило его въ ихъ послѣднее свиданіе.

И онъ повѣрилъ сразу въ свое счастье, во все свое огромное счастье. Волна горячаго, неиспытаннаго еще наслажденія подхватила его. Онъ глухо ахнулъ, всхлипнулъ какъ-то растерянно и жалко... Онъ придвинулся къ Ольгѣ, взялъ обѣими руками ея свѣжее лицо и приникъ безмолвно къ ея вздрагивавшимъ, захолодѣвшимъ губамъ.

Кто-то стукнулъ въ дверь. Они разомъ отодвинулись и оглянулись безъ испуга, словно въ чаду... Широкая фигура Кассевича стояла на освѣщенномъ фонѣ двери.

— Алексѣй Казимірычъ!—Онъ вдругъ разглядѣлъ Ольгу и попятился.—Ахъ!.. pardon!.. Я ухожу... не зналъ...

Чарницкій очнулся.

— Кассевичъ, — страшно-громко позвалъ онъ, хотя тотъ былъ всего въ двухъ шагахъ отъ двери,—поди сюда!

И, хватая подошедшаго товарища за рукавъ, онъ дрогнувшимъ голосомъ добавилъ:

— Вотъ, будь знакомъ... Моя невѣста — Ольга Юрьевна Девичъ...

XVI.

Кассевичъ еле удержался, чтобы не ахнуть. Онъ всего ждалъ, только не этого... Его игривое настроеніе, охватившее его при видѣ женщины въ неосвѣщенной комнатѣ, тотчасъ уступило мѣсто невольной почтительности. Онъ утонченно-вѣжливо поклонился Ольгѣ.

— Вячеславъ Кассевичъ... Извините, ради Бога, m-lle... Да, вѣдь, Алексѣй Казиміръічъ—такой чудакъ... Не предупредилъ, что ждетъ гостей, и я разлетѣлся... Больше того... онъ самъ далъ слово быть у меня... Но теперь, конечно...

Ольга перебила его, обращаясь къ Чарницкому:

— Ступайте!.. Вѣдь я сейчасъ уѣзжаю...

— Нѣтъ... Нѣтъ!.. Развѣ я васъ отпущу такъ? — восторженно крикнулъ Чарницкій.—Раздѣвайтесь, садитесь...

— Да, и въ темной комнатѣ! — разсмѣялся Кассевичъ, и вдругъ голосъ его зазвучалъ нѣжно-почтительными нотками:

— Ахъ, Боже мой! Если бы я смѣлъ просить!.. Тамъ у меня чай... Вы съ холоду... Алексѣй Казиміръчъ... Если бы ты за меня попросилъ Ольгу Юрьевну на одну минутку ко мнѣ... на одну чашечку чайку...—Голосъ его прямо таялъ. „Ахъ, увидать бы! Разглядѣть бы однимъ глазкомъ! Что это за краля, которой нашъ соколъ жертвуетъ своей свободой?!“

Ольга сдѣлала быстрое движеніе.

— Прошу васъ, не откажите! Нынче я праздную день рожденія... Тамъ все свои... товарищи вашего жениха...

Ольга дрогнула и пристально поглядѣла на Чарницкаго, словно спрашивая: зачѣмъ ты это придумалъ?

— Наконецъ, я сюда пришлю чай,—лебезилъ Кассевичъ.— Вы только войдите на минутку... Только позвольте вашему жениху выпить стаканъ вина за ваше здоровье...

О, какъ онъ жаждалъ этого эффекта!

— Да, да, пойдемте!—вдругъ увлекся Чарницкій. — На минутку... Давайте пить! Давайте веселиться! Жизнь вѣдь такъ хороша! Правда?.. Ольга Юрьевна... Ольга... Вашу руку! Возьмите меня подъ руку... Вы не думайте, чтобъ какое-нибудь безобразіе... Тамъ все порядочные... все свои... Я не позволилъ бы себѣ... Вы вѣрите мнѣ?

Онъ былъ, какъ въ истерикѣ.

Они вышли въ коридоръ. Кассевичъ жадно впился взглядомъ въ лицо Ольги и опять чуть не ахнулъ. „Ай да Алексѣй Казиміръчъ!“ съ завистью подумалъ онъ, идя рядомъ и сбоку глядя на профиль Ольги. Передъ нумеромъ онъ опередилъ ихъ и широко распахнулъ передъ ними двери, пропуская ихъ впередъ.

— Господа... Ольга Юрьевна Девичъ... невѣста Чарницкаго,— громко провозгласилъ онъ.

Въ шумной комнатѣ сразу стало тихо. Всѣ поднялись и молча глядѣли на Ольгу. Кассевичъ потиралъ руки. Эффектъ вышелъ необычайный.

Не теряясь, какъ человѣкъ, привыкшій къ обществу, онъ тутъ же представилъ Ольгѣ всѣхъ шестерыхъ гостей.

— Вамъ позволите чаю?—любезно предложилъ онъ гостьѣ, суетясь около стола.—Садитесь, вотъ тутъ, пожалуйста!.. Господа, кому еще чаю? Чарницкій, что же ты не раздѣнешь Ольгу Юрьевну?

Красный и какъ бы опьянѣвшій отъ волненія Чарницкій сму-

щенно принялъ изъ рукъ Ольги ея мѣховую кофточку и боа. Она сняла шляпу и привычнымъ движеніемъ откинула назадъ свои косы. Красота этихъ волосъ поразила всѣхъ. Среди взволнованныхъ и растерянныхъ лицъ, особенно рядомъ съ Чарницкимъ, лицо Ольги выдѣлялось блѣдностью и спокойствіемъ. И только внимательный наблюдатель по вздрагивавшимъ уголкамъ ея губъ могъ бы заключить объ ея волненіи. Пройденная Ольгой суровая свѣтская школа помогла ей сохранить самообладаніе въ эту рѣшительную минуту.

— У васъ, я вижу, нѣтъ хозяйки?—спросила она, пробуя улыбнуться Кассевичу.—Не хотите ли, я буду разливать чай?

— Отлично, отлично!—вдругъ громко крикнулъ Чарницкій. На лицѣ его такъ и застыло выраженіе восторга.

— Алексѣй Казимірычъ, прежде закусить надо,—напомнилъ Кассевичъ и взялъ пріятеля подъ локоть. Чарницкій подошелъ къ столу невѣрной походкой, почти шатаясь. Онъ глядѣлъ все также восторженно. Взглядъ его блуждалъ, не видя ничего кругомъ.

— Вотъ зернистой икоркой закусить, — снова напомнилъ хозяинъ.

— Закусить!.. Отлично!.. Отлично!—нервно разсмѣялся Чарницкій.—Рудаковъ!—вдругъ крикнулъ онъ разомъ сорвавшимся голосомъ, какъ тогда, въ нумерѣ.—Иди, выпьемъ!..

Рудаковъ въ смущеніи, одергиваясь, подошелъ къ столу своей мѣшковатой походкой съ перевальцемъ. У него было чувство ученика, вызваннаго на экзаменѣ къ доскѣ, съ незнакомымъ билетомъ.—„Сейчасъ провалюсь...“ словно говорило его безпомощное лицо.

— Пей!—Чарницкій чокнулся съ нимъ, залпомъ выпилъ рюмку, которую ему поднесъ Кассевичъ, и взялъ бутербродъ съ икрой. И вдругъ, бросая его, онъ обернулся къ Ольгѣ.—И вы пейте... Выпейте вина... Хотите икры?.. Нѣтъ!.. Отказываться нельзя... Вы нами брезгуете, что ли?

Мелкая дрожь прошла по губамъ Ольги. Она хотѣла усмѣхнуться, но не могла: такъ силенъ былъ внутренній трепетъ.

— Я не голодна,—отвѣтила она тихо и низкими-низкими нотами. Она видѣла, что Чарницкій не владѣетъ собой отъ счастія, и ей становилось жаль его. Она боялась, что присутствующіе найдутъ его смѣшнымъ.

— Все вздоръ!—не вслушавшись, перебилъ Чарницкій.—Вотъ пейте!.. Это мозельвейнъ... (Рука его дрожала, пока онъ нали-

валъ ей стаканчикъ, и вино расплескалось по скатерти.) Рудаковъ, пей!.. Ольга Юрьевна... Чокнитесь съ нами... Все... все... до дна!.. Я такъ хочу!

Безсознательно онъ уже вступалъ въ свои права, пробовалъ свою власть. Она повиновалась. Она сдѣлала бы и больше этого, только чтобы успокоить его. Она видѣла, что его бьетъ лихорадка.

— Ну, вотъ такъ!—одобрилъ Чарницкій, когда Ольга поставила на столъ пустой стаканчикъ.—Теперь и мы будемъ пить... Ольга Юрьевна, вы только не смѣйтесь... Да?.. Вѣдь это не пьянство, не трактиръ... Просто собрались все свои... празднуемъ день рожденія... Вотъ его рожденіе... Вѣдь вы не сердитесь?.. Не осуждаете?

— Нѣтъ... Я очень рада... Не стѣсняйтесь, пожалуйста...

Она взглянула ему въ глаза съ такой безграничной любовью, что Кассевича, перехватившаго этотъ взглядъ, всего передернуло отъ тяжелаго чувства зависти.

— Ну, и отлично!.. И отлично!—какъ въ экстазѣ повторилъ Чарницкій.—Все хорошіе ребята... простые... Рудаковъ, поди сюда! Вотъ смотрите, Ольга Юрьевна... Вотъ человѣкъ чудесный... Въ вашемъ бомондѣ такихъ нѣтъ... Душа-человѣкъ. (Глаза Чарницкаго вдругъ блеснули лукавствомъ.) Хотя съ виду и очень простъ... глуповатъ даже!..

Всѣ расхохотались этому неожиданному обороту.

— Ну, что за свинство!—краснѣя, протестовалъ Рудаковъ.

Всѣ какъ-то разомъ оживились. Разговоры возобновились. Словно по соглашенію, отъ стола съ закусками всѣ отошли и подсѣли къ самовару. Всѣ подтянулись и хотѣли быть корректными передъ этой милой дѣвушкой. Кассевичъ вышелъ въ коридоръ и послалъ за фруктами.

Чарницкій вдругъ замолчалъ и сѣлъ въ кресло, рядомъ съ Ольгой, предоставляя другимъ добиваться ея вниманія. Лицо Чарницкаго было красно, глаза блестѣли, капельки пота безпрестанно выступали на его лбу. Въ комнатѣ становилось жарко. Молодежь наперерывъ старалась сказать что-нибудь остроумное, интересное. Военный докторъ, братъ Рудакова, пристально глядѣвшій на Ольгу черезъ очки, спросилъ ее вдругъ, не доводится ли ей родней покойный баронъ Девичъ, извѣстный общественный дѣятель.

— Это мой отецъ,—отвѣтила Ольга.

Всѣ переглянулись и стихли. „Ого"! подумалъ каждый. „Ари-

ı богатая, навѣрное... Ну и ловкачъ же этотъ Чар-

ıъ съ безсознательной враждебностью покосился на

ıругъ поднялась.

ıите, m-r Кассевичъ, мнѣ пора... Благодарю васъ!
гительно встали. Никому не пришло въ голову удер-
ıтную гостью.

секунду,—вдругъ сказалъ Кассевичъ, когда Ольга,
въ шляпѣ и кофточкѣ, начала прощаться.—Гос-
ıедлагаю тостъ за жениха и невѣсту!
ѣнь и легкая судорога волненія прошли по лицу
ıна остановилась, спокойная и гордая. Кассевичъ
ıъ по бокалу игристаго мозельвейна. Ольга отказа-
ıтотъ разъ никто не настаивалъ. Съ Чарницкимъ
и чокнуться.
ıатюшка, поздравляю!—значительно шепнулъ ему
аршій, глядя на него поверхъ очковъ.—Подцѣпили
кралю...
, Ольга Юрьевна... Такъ нельзя!—вдругъ взмолился
–Хоть пригубьте, что называется... Развѣ такъ при-
здравленія?
казалась. Всѣ подхватили просьбу хозяина.
Юрьевна, надо пить!—сказалъ Чарницкій, молча-
минуты.—Вотъ, глотните изъ моего бокала, я допью...
ıа взглянула на него покорными глазами и сдѣлала

-крикнулъ Кассевичъ. Всѣ радостно подхватили.
ıводить-то будетъ не она, а онъ, сейчасъ видно",
ıшилъ проницательный докторъ.
ıостилась со всѣми. Они вышли вдвоемъ.
ı Казиміръічъ!—донеслось до нихъ.—Ловокъ шель-
акъ невѣста!. И молчалъ до сихъ поръ!
его не поняли, если даже и слышали. Они были
ıолны собою.
ıли въ нумеръ Чарницкаго, остановились у двери
взялись за руки.
ели вы хотите уѣзжать?.. Ольга Юрьевна... Я васъ
—не то просяще, не то властно вымолвилъ онъ.
чала, не сводя съ него глазъ. Онъ снова нерѣши-
янулъ ее къ себѣ и почувствовалъ, какъ затрепе-

тало все ея стройное тѣло. Этотъ трепетъ передалс
Улегшееся было волненіе снова подымалось въ немъ,
онъ терялъ самообладаніе. Онъ смутно почувствовалъ
сильнѣе его, даже въ эти минуты.

— Ольга, сядемте... Раздѣвайтесь... Садитесь тутъ

Онъ зажегъ свѣчу на столѣ и помогъ ей снять шу
сѣла на диванъ и оглянулась. Чарницкій поймалъ эт
ливый, любопытный взглядъ, и сердце его сжалось.

— Это ваша комната?

— Да... Я живу здѣсь съ Рудаковымъ... Гадость? Н
ли? Вамъ противно, Ольга?.. Но вы добрая, вы не с
А между тѣмъ, мнѣ и эта комната не по средствамъ
могу жить одинъ... Вотъ видите, какой я нищій!

Она невольно положила ему руку на плечо, желая
кать, но не умѣя.

— Нѣтъ,—какимъ-то разбитымъ звукомъ сказал
Здѣсь хорошо. (Она обвела глазами всю комнату, мед
долго.) Здѣсь все хорошо... Вѣдь, здѣсь *вы* живете... Вс
это ваша подушка? Вы на ней спите... Я... я хотѣла
вещью вашей... Я завидую всему, что васъ окружае
чего вы прикасаетесь...

Чарницкій порывисто обнялъ Ольгу. На глазахъ ег
нули слезы.

— Ольга, милая... милая... такъ вамъ не противна
становка? Эта попойка тамъ?.. Вы не разочаровалис
не стыдно за такого жениха?

Она отстранилась.

— Постойте... Это надо выяснить. Зачѣмъ вы назва
невѣстой? Мнѣ этого не надо... Понимаете? Не надо! Я
жусь своей любви... Я всему міру готова сказать, чт
васъ! Помните... Мнѣ никакой *награды* не надо!

— Молчите!—вспыхнулъ онъ, до боли стискивая ея
Не вспоминайте объ этомъ!.. Выслушайте! Я измучил
о васъ... Но это было рѣшено само собою... Разъ вы п
не побоялись, довѣрились мнѣ, иначе быть не може
шайте... Я себѣ представлялъ васъ такою, именно так
чистая, правдивая и сильная... именно сильная... Вы н
побоитесь... Если скажу,—отдайтесь мнѣ... безъ всяк
вій!.. Вы это сдѣлаете... безъ тѣни колебанія... Да?
жите же, Ольга, (голосъ его дрогнулъ) чѣмъ, какъ з
за такое чувство? Я могу вамъ отдать только себя...

оду, будущее мое.. мечты... Больше у меня нѣтъ ничего! Я — е подлецъ, Ольга Юрьевна... Вѣрьте и вы въ меня, какъ я въ асъ вѣрю. Мы женимся и пойдемъ рука объ руку на все! Радости, горе — все вмѣстѣ... Но горя не будетъ... Я это чувствую... I съ вами тоже ничего не боюсь. Развѣ не счастье эта вѣра?)льга Юрьевна, мнѣ двадцать пять лѣтъ... Но я никогда, никогда е былъ такъ счастливъ... Я даже не вѣрилъ, что можетъ быть акое счастье!.. Теперь и умереть не жалко... Но, вѣдь, мы еще оживемъ, Ольга! Да?.. Вся жизнь еще передъ нами!

Она была тронута. Этого она не ждала, идя сюда. Но она е хотѣла отъ него жертвъ.

— Чарницкій... Мы никогда больше не вернемся къ этому эпросу... Запомните, что я скажу вамъ. Да, я ничего не побоюсь... Возьмите меня, какъ вашу вещь. Но никакихъ условій, никакихъ цѣпей... Замужъ за васъ я не выйду никогда. Я е могу измѣнить себѣ... Ахъ, это потомъ, потомъ!.. У васъ зои цѣли, у меня свои. Зачѣмъ намъ загораживать будущее ругъ другу?

— Оля...

— Нѣтъ!.. Я не хочу, чтобъ эта любовь была проклятіемъ ля васъ... и вѣчнымъ укоромъ для меня. Я счастья хочу... безумно хочу его... Дайте его мнѣ, Чарницкій! Все равно, сейасъ безъ вашей любви я безсильна, ни на что непригодна. Я ольна любовью къ вамъ... Но не мучьте меня, не настаивайте а бракѣ! Цѣпи вѣчны... Но имъ не удержать чувства. Оно такъ мимолетно... Я знаю, я это чувствую, — почти крикнула она... Вы не меня полюбили... Нѣтъ! Это любовь изъ жалости. Но пусть! Хоть часъ да мой! *Это* я себѣ возьму... вырву [illegible] ы... а тамъ... Будь, что будетъ! Все равно!

Ему стало страшно. Онъ самъ не зналъ почему [illegible] алъ ли онъ себя слишкомъ маленькимъ предъ [illegible] илой и цѣльностью? Мелькнуло ли передъ нимъ [illegible] и мутно ихъ будущее, съ неизбѣжной печалью [illegible] Испугался ли онъ въ эту минуту, когда [illegible] ихъ судь[illegible] загадочн[illegible]шной силы, которая [illegible] разла[illegible]астье [illegible]итъ человѣкъ [illegible] жалкое на[illegible] скажетъ? Онъ [illegible] головой [illegible]ней защит[illegible] суровой жизнью. Любите [illegible] Если бы вы зна[illegible]сайте .. [illegible]манитe меня .. [illegible]асъ мелькнулъ въ глазахъ Ольги.

Она испугалась этого призыва, борьбы, которая вдругъ поднялась въ ея душѣ. Она обвила его шею руками.

— Вы сами меня бросите раньше... Въ этомъ все мое утѣшеніе... Чарницкій, я люблю васъ!—съ какимъ-то отчаяніемъ вырвалось у нея.

Онъ не понялъ ничего. Но, поднявъ лицо, онъ увидалъ ея взглядъ, трагическій и скорбный, и вздрогнулъ. Ему опять стало жутко.

Онъ молча сжалъ ее въ объятіяхъ. Странно!.. Самая близость ея не будила въ немъ чувственности. Его била лихорадка, но это былъ только одинъ избытокъ какого-то чистаго, совсѣмъ новаго и удивительно-прекраснаго чувства. Мелькала мысль: „Теперь бы умереть!.. Вѣдь лучше ничего не будетъ!"

XVII.

Былъ уже конецъ ноября. Арбековъ забѣжалъ къ Райской.

— Больна, что ли, Ольга Девичъ? Опять ея нѣтъ?—закидалъ онъ фельдшерицу вопросами еще въ передней.

— Утѣшьтесь... Здѣсь... Эка, разлетѣлся-то!

Райская, по обыкновенію, была не одна. Вокругъ самовара сидѣло трое студентовъ, двое петровцевъ, техникъ и курсистка Колпикова. Это была миніатюрная дѣвушка, лѣтъ двадцати пяти. Лицо ея, оригинально обрамленное короткими, вьющимися волосами, поражало всѣхъ своей болѣзненной блѣдностью и грустнымъ выраженіемъ глазъ. Жизнь у нея была суровая. Всѣ знали, что она помѣщается въ подвалѣ, голодаетъ, отказывается отъ помощи. Скрытная и молчаливая, она ничего не говорила ни о прошломъ своемъ, ни о планахъ на будущее. Звукъ ея голоса былъ вялый, манеры безучастныя. Она была плохо одѣта и постоянно куталась въ большой платокъ, ей было всегда холодно. Одно только присутствіе Семенова вызывало блескъ въ ея взглядѣ и краску на лицѣ. Райская это подмѣтила.

— Правда, что онъ—душка, Колпикова?—спросила она разъ.—Носикъ какой! Губы какія красивыя!.. Хотѣли бы вы, чтобъ онъ поцѣловалъ васъ этими губами?—И вдругъ, впадая въ свойственный ей экстазъ, она почти прорыдала, ломая руки:—О! Я, кажется, жизнь отдала бы за его одинъ страстный поцѣлуй!

— Какія вы все глупости говорите, Райская!—презрительно оборвала ее Колпикова, съ какимъ-то неожиданнымъ взрывомъ энергіи.

Ольга Девичъ, дѣйствительно, была тутъ. Она сидѣла въ

ѣни и въ разговоръ не вмѣшивалась. Арбековъ подошелъ къ :ей и жадно глядѣлъ ей въ лицо своими добрыми глазами. Она мутилась.

— Отчего у васъ совсѣмъ другое лицо, другъ мой? Ей-Богу, ругое... И такое хорошее!.. Боже мой! Сколько мы не видаись! Какъ жестоко такъ избѣгать друзей! Вѣдь вы вѣрите, то я-то... по прежнему вашъ другъ?

Петровецъ Хортичъ вынулъ изъ кармана пальто газету и рочелъ вслухъ о заявленіи одного земства, которое на запросъ равительства о врачебной дѣятельности женщинъ дало очень естный отзывъ.

— Браво!—крикнула Райская, вскакивая и хлопая въ ладоши.—И это уже не первое...

— Ну, Райская, торопитесь!—засмѣялся Федоровъ.—Пока ы прособираетесь на медицинскіе курсы, всѣ мѣста въ земствахъ будутъ уже заняты женщинами...

— Не пророчьте,—саркастически замѣтилъ Хортичъ, складывая газету и вынимая изъ кармана другую.—Вотъ не угодно и прочитать корреспонденцію изъ N***?

Оказывалось, что, по требованію губернатора, земство должно было отказать женщинѣ-врачу, хотя она отлично себя заекомендовала,—и пригласить мужчину. Всѣ молчали. Впечатѣніе вышло подавляющее.

— А вотъ Семеновъ на-дняхъ разсказалъ мнѣ еще одинъ актецъ, происшедшій съ его знакомой,—продолжалъ Хортичъ, рихлебывая остывшій чай.—Ей не только запретили практиовать на родинѣ, куда она уѣхала. Ей даже отказали въ просьѣ служить въ земской аптекѣ.

— Это Петрова,—догадался кто-то.

— Правъ Семеновъ, отрицая всѣ эти „маленькія дѣла..." Неалеко съ ними уйдешь...

Завязались горячіе споры. Кричали до хрипоты, каждый доазывалъ свое.

Вдругъ раздался стукъ въ дверь. Всѣ смолкли разомъ. Арековъ быстрымъ движеніемъ очутился рядомъ съ Ольгой. Райкая поблѣднѣла и глядѣла на всѣхъ большими глазами. Стукъ овторился.

— Ну, что же?.. Отворяйте!—сдавленнымъ голосомъ сказалъ Хортичъ. Райская прошла въ переднюю и откинула крючокъ. Іа порогѣ стоялъ Семеновъ.

— Ахъ, это вы!... Какъ вы насъ напугали!

— Вы своимъ крикомъ сами всѣхъ распугаете... Васъ, маю, въ Лефортовѣ слышно...

Это былъ высокій, красивый блондинъ, съ нервнымъ кимъ лицомъ и темноватой бородкой. Его стройная фигура изящна даже въ грубой парусинной блузѣ и старомъ, не зону легкомъ пальто. Сѣрые глаза его были холодны, вз острый и блестящій, какъ стальной клинокъ. Эти глаза было не замѣтить и не запомнить. Онъ вошелъ въ гост не снимая пальто. Здороваясь съ нимъ, всѣ словно во лись. Ольга одна не двинулась ему навстрѣчу, но онъ р дѣлъ ее въ углу, и всѣ замѣтили, что глаза его словно нули. Съ легкой краской въ лицѣ, своей упругой походк самъ подошелъ къ Ольгѣ и сильно сжалъ ея пальцы. казалась подавленной.

— Катерина Ивановна,—сказалъ Семеновъ, небрежн рачиваясь къ Райской,—на двѣ минуты, прошу васъ... У м вамъ дѣльце.

— Ко мнѣ?—дрогнувшимъ звукомъ спросила Райская, ея приняло восторженное выраженіе.

— Пройдемте туда.—Семеновъ указалъ на спальню.

Райская вспыхнула и страшно заспѣшила. На нее был ко глядѣть: такъ она растерялась. Семеновъ, уходя, п притворилъ за собою дверь.

Въ гостиной всѣ стихли. Оживленіе сразу изсякло.

— Катерина Ивановна, спрячьте это,—сказалъ Семе протягивая Райской свертокъ бумагъ. — Всего на нѣск дней... Я за ними пришлю Ганецкую... На васъ, конечно, м положиться?—какъ-то устало, вскользь, спросилъ онъ.

— О... какъ на каменную гору!.. За васъ, Семеновъ, вы знаете...

Голосъ ея замеръ, она задохнулась.

Онъ холодно пожалъ ея пальцы, глядя куда-то повер головы, и пошелъ къ двери.

— Раздѣньтесь же... Чаю хотите?

— Нѣтъ, я спѣшу... Да, между прочимъ... Мы видимся жется... въ послѣдній разъ...

Райская всплеснула руками. Онъ остановилъ холод взглядомъ крикъ, который чуть не сорвался съ ея губъ.

Застегивая пальто на ходу, Семеновъ бѣгло простил гостями фельдшерицы. Онъ казался не то высокомѣрны *то* разсѣяннымъ на первый взглядъ. Чувствовалось как

щурился вдаль, глядя вскользь на людей, которымъ
и, что онъ никого не замѣчаетъ, сосредоточенный въ
беков заступилъ ему дорогу.
да я васъ застану? Мнѣ надо васъ видѣть...
Семенова устремились на техника съ тѣмъ же без-
ъ выраженіемъ, съ какимъ минуту назадъ глядѣли
ю.
совѣтую вамъ ходить... Обождите...
ѣско подчеркнулъ это слово и, не обращая больше
на испуганнаго Арбекова, подошелъ къ Ольгѣ.
йдемте вмѣстѣ,—тихо сказалъ Семеновъ,—надо пого-
еобходимо...—подчеркнулъ онъ, замѣтивъ ея колебаніе.
встала прощаться. Когда свѣтъ лампы упалъ на ея
гіе замѣтили, что она очень блѣдна.
овъ стремительно кинулся за Ольгой въ переднюю.
... и я съ вами...—заторопился онъ, впопыхахъ сры-
шалки чужое пальто.
Семенова вспыхнули.—Арбековъ,—мое дѣло спѣшное...
рошу оставить насъ вдвоемъ!
екова отъ отчаянія даже руки затряслись, когда онъ
застегнуть пальто, не сходившееся на его широкой
ъ поднялъ голову, увидалъ совсѣмъ чужое, преобра-
лицо Семенова, полное вражды и страсти,—и отсту-
женный, давая дорогу Ольгѣ. Дверь хлопнула за ними.
едъ испанкой благородной двое витязей стоятъ"...хи-
Федоровъ. — Арбековъ, постойте!.. Да вы, батенька,
е пальто нацѣпили?
сѣмъ помѣшался!—злобно и грубо кинулъ Хортичъ.
оровъ,—вы паяцъ!—вдругъ смѣло и страстно сказала
а и встала.
овъ даже ахнулъ отъ удивленія.
паяцъ,—повторила она съ силой.—И ничего у васъ
ѣтнаго за душой!
ко!—усмѣхнулась Райская. Она въ эту минуту чув-
себя героиней и глядѣла на гостей сверху внизъ. Од-
видѣли, что она блѣдна и растеряна.

XVIII.

была темная и вѣтреная. Ни луны, ни звѣздъ не вид-
тучами. Сплоченныя, зловѣщія, онѣ тяжко плыли ввер-
грозныя полчища невѣдомыхъ чудовищъ.

— Куда вы?—удивилась Ольга.

Семеновъ указалъ влѣво. Тамъ, подъ горой, гдѣ высокой стѣною тянулись заборы, ограждавшіе обширные огороды и пустыри, было всегда глухо, особенно въ эту позднюю пору. Когда они спустились подъ гору, показалась лавочка, припасенная кѣмъ-нибудь изъ ночныхъ сторожей. Кругомъ не было ни души. Семеновъ сѣлъ и указалъ Ольгѣ мѣсто рядомъ. Она повиновалась, какъ автоматъ.

— Извините,—началъ Семеновъ.—Ко мнѣ нельзя, и у меня нѣтъ выбора... Поговоримъ тутъ...

— О чемъ?—дрогнувшимъ звукомъ сорвалось у Ольги, и она съ болью посмотрѣла въ его лицо.

— Вы меня боитесь, Ольга Юрьевна, это ясно... Вы меня избѣгаете...

Семеновъ весь измѣнился. Исчезли небрежность тона, безстрастное равнодушіе взгляда... Въ темнотѣ онъ остро вглядывался въ лицо Ольги, бѣлѣвшее смутнымъ пятномъ.

— Боже мой!.. Чего же, наконецъ, вамъ отъ меня нужно?

— *Васъ!*—съ силой отвѣтилъ онъ.

Она вздрогнула.—Довольно!.. Это кошмаръ какой-то... Какая у васъ цѣль? Не знаю, и не хочу знать! Вы, конечно, не такой человѣкъ, чтобы преслѣдовать меня, не имѣя цѣли. Но... въ послѣдній разъ прошу: оставьте меня идти моей дорогой!

— Вы уже свернули съ нея,—глухо перебилъ Семеновъ.

Она помолчала, болѣзненно пораженная этими жестокими словами. Когда она заговорила опять, голосъ ея сталъ беззвучнымъ.

— Тѣмъ болѣе, если вы правы... Отвернитесь отъ меня, какъ скоро отвернутся и другіе. Да, я пошла торной дорогой... Не знаю ничего, какъ дальше? Сейчасъ я безсильна, безвольна, жалка... Я больна, если хотите... Поставьте на мнѣ крестъ, Семеновъ!

Она закрыла лицо руками. Настало молчаніе.

Семеновъ сидѣлъ сгорбившись, опустившись какъ-то всѣмъ тѣломъ, какъ бы подавленный тяжестью этого признанія. Глаза его смотрѣли вдаль, черезъ досчатые заборы и пустыри—туда, гдѣ на мрачномъ фонѣ неба черной линіей рисовалась масса какого-то завода. Въ этомъ молчаньѣ Ольга прочла свой приговоръ.

— Семеновъ... Да неужели это такое преступленіе быть счастливой? Дать себѣ хоть маленькое забвеніе? Неужели это

ренегатство? Кому... чему помѣшаетъ мое счастье? Наконецъ, я не признаю за вами право суда надо мной! Вашъ аскетизмъ—безуміе... Ваши требованія ко мнѣ—насиліе... Я не могу этого допустить! Слышите? Я протестую... Я возмущаюсь... Моя жизнь принадлежитъ только мнѣ...

Семеновъ повернулъ къ Ольгѣ свое лицо, и даже въ темнотѣ она могла видѣть, что оно искажено страннымъ, болѣзненнымъ выраженіемъ. Это было такъ неожиданно, что у Ольги вдругъ застучало сердце.

— Ну, отвѣтьте же... Что вы молчите?

— Постойте, Ольга Юрьевна... Не сейчасъ... Мнѣ тяжело...

Звукъ его голоса сразилъ Ольгу. Онъ былъ надтреснутый, словно разбитый. Широко открывъ глаза, она глядѣла, словно въ первый разъ видѣла этого человѣка. Она ждала насмѣшки, страстнаго упрека, безпощаднаго осужденія, но только не этихъ простыхъ и горестныхъ словъ.

— Семеновъ,—съ отчаяніемъ промолвила Ольга.—Вспомните... Я никогда и ничего не обѣщала вамъ...

— Да... Но я вѣрилъ въ васъ... какъ въ себя...

Болью исказились ея черты.

— Значитъ... по-вашему я... и никто не имѣетъ права на счастье?.. И распорядиться собой не въ правѣ?

— Нѣтъ...

Плечи Ольги съежились отъ этого знакомаго звука. Закрывъ лицо руками, она слушала, что онъ говорилъ, и опять все заколебалось въ ея собственной душѣ. Какъ защитникъ въ роковую минуту напрягаетъ всѣ усилія, всю энергію и краснорѣчіе, чтобы выиграть трудный процессъ, такъ и Семеновъ, стряхнувъ съ себя моментъ унынія, заговорилъ горячо, сурово, страстно, вдохновенно... Никогда еще Ольга не видала его въ такомъ дикомъ увлеченіи, почти экстазѣ... Безсильно прислонясь къ отсырѣвшему забору, теряясь подъ страстнымъ натискомъ этихъ фактовъ, этихъ неотразимыхъ доводовъ, она не могла отвести глазъ отъ его фигуры. Онъ стоялъ передъ нею, съ протянутой впередъ рукою, какъ бы указывая на что-то вдали, видимое лишь ему... На мрачномъ фонѣ окружающаго его фигура, эта поза, движеніе поднятой руки—все дышало такой силой, такой несокрушимой энергіей, было полно такой дикой красоты, что ей дѣлалось жутко... Безуміе этого человѣка дѣйствовало на нее, какъ колдовство. Весь онъ физически, этимъ голосомъ, жестами, взглядомъ, гипнотизировалъ ее и покорялъ...

Онъ смолкъ. Прошла секунда подавленнаго молчанія... Вдругъ онъ сѣлъ рядомъ, взялъ ея руки и наклонился близко къ ея лицу.

— Теперь вы все знаете. Это нашъ послѣдній разговоръ. Ольга Юрьевна... Не отрекайтесь отъ меня!

Она отшатнулась, испуганная его движеніемъ, а еще болѣе глухой страстью, дрогнувшей въ его голосѣ.

— Не могу... не могу,—простонала она.—Да, вы правы... Я разбита вашей правдой... Я... задыхаюсь подъ нею... Но подвиги не для меня... Я жалкая женщина...

— Молю васъ, Ольга Юрьевна... обдумайте...

— Нѣтъ... Вы сами не знаете, чего просите... Вѣдь, вы никогда не любили...

— Неправда!—сильно вырвалось у него.

Она вдругъ поняла, ахнула и отшатнулась.

— Но вы будете глубоко несправедливы, если обвините меня въ непослѣдовательности... или не поймете, зачѣмъ я „преслѣдовалъ васъ?..“ Не какъ женщину... Вы—сила, нужная мнѣ... Все я сумѣлъ бы подавить въ себѣ... Видите? Вы даже не догадывались...

Она молчала, задыхаясь, чувствуя себя разбитой. Семеновъ тихо взялъ ея руку и сжалъ въ своей съ неуловимымъ оттѣнкомъ ласки.

И опять онъ почувствовалъ себя *человѣкомъ*, неудовлетвореннымъ, уязвимымъ, страстнымъ. И опять обыкновенное человѣческое сердце, юное сердце съ его вѣчной, неистребимой жаждой счастья, забилось въ его груди, какъ тогда, въ тѣсной комнаткѣ Райской, когда онъ увидѣлъ Ольгу... Обнять ее крѣпко, отыскать въ темнотѣ ея гордыя, красивыя губы, которыхъ онъ такъ долго не могъ видѣть безъ волненія, забыться хотя на одинъ мигъ! Хоть на мгновеніе стать такимъ, какъ всѣ! И силой отнять ее у ея любовника этимъ стихійнымъ порывомъ страсти... О, какая мука!.. Какое искушеніе! И знать, что поздно, слишкомъ поздно! Вѣдь, онъ и раньше сознавалъ свою власть надъ нею? Почему же онъ не пошелъ до конца? Почему не угадалъ въ ней проснувшихся инстинктовъ? Онъ вѣрилъ въ себя и считалъ позорнымъ бороться такими средствами... Но развѣ его цѣль не оправдала бы и это?

Казалось, съ туманомъ, который подымался отовсюду, кутая ихъ въ холодную пелену, надвигались на нихъ обоихъ какія-то чары, одуряющія, загадочныя и властныя... Онъ вздрагивалъ поминутно всѣмъ тѣломъ, и Ольга чувствовала эту дрожь,

ствовала страстно-тоскливое пожатіе его руки и сама, забы-сь понемногу, безсильная бороться съ гипнозомъ, безсиль- двинуться, она какъ бы замерла въ этомъ гнетущемъ, жут-ъ ощущеніи полнаго безволія...

Семеновъ очнулся первымъ. Когда онъ выпустилъ руку Оль-и отодвинулся инстинктивно, лицо его, искаженное внут-ней борьбой, какъ бы осунулось сразу. Блестящіе глаза ркли. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ, но не уничтожен-ъ. И ни за что на свѣтѣ не сознался бы онъ Ольгѣ въ й мимолетной и позорной, какъ онъ думалъ, слабости; въ ъ мечтахъ о компромиссѣ, который подсказывала ему сть... Силенъ только одинокій, онъ это зналъ.

И когда онъ заговорилъ опять, то самый голосъ его отра- страданіе и счастье минуты, обезсилившей его.

— Прощайте, Ольга Юрьевна... Я не беру назадъ ни одного ... Вы для меня не потеряли ни вашего значенія, ни ва-цѣны. И я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобъ завла- вашей душой... Я вѣрю въ себя слишкомъ крѣпко... И вы дете отъ меня!

льга не отвѣчала. Гнетущее, тоскливое чувство подымалось души ея и росло, и она поняла, что чувство это—страхъ. ѣтеръ промчался съ жалобнымъ визгомъ. Пламя далекихъ рей затрепетало и заметалось. Злобно налетѣлъ онъ на ья у забора, сорвалъ съ нихъ послѣдніе листья, осыпалъ плечи и головы сидѣвшихъ и понесся дальше, съ какимъ-то ъ воемъ торжества.

Послышались чьи-то далекіе, спѣшные шаги.

Казалось, все было сказано между этими двумя людьми, и было уходить. Но ни одинъ изъ нихъ не двигался... Оба ѣли въ темноту, въ ту сторону, откуда долженъ былъ прид- этотъ неизвѣстный, который не зналъ ихъ, который прой-ъ мимо нихъ вотъ сейчасъ, въ эту роковую минуту, о ко-ой оба они будутъ помнить всю жизнь... Этотъ безстра-ый и невольный свидѣтель свиданія, быть-можетъ, послѣдня-.. Разговоръ упалъ самъ собою, какъ нервы, которые не ли долго держаться на такой высотѣ напряженія, и безсо-тельно, помимо ихъ воли, и Ольгой, и Семеновымъ овла-ло безцѣльное, казалось, но неодолимое желаніе взглянуть лицо этому чужому человѣку.

Онъ вынырнулъ изъ тумана и мрака осенней ночи и спѣш- приближался *къ нимъ*. Это былъ молодой, судя по фигурѣ

и походкѣ, человѣкъ, недурно одѣтый, въ лихо заломленно набекрень шапкѣ. Когда онъ приблизился къ двумъ фигурамъ смутно чернѣвшимъ у забора, онъ вздрогнулъ отъ неожидан ности и остановился на мгновеніе, какъ вкопанный. Присталь но, вытянувъ шею, вглядѣлся онъ въ Семенова. Тотъ тоже не отрываясь и не двигаясь, глядѣлъ на прохожаго. И онъ, Ольга явственно разглядѣли это молодое, безбородое лицо Оно было имъ незнакомо. Вдругъ сердце Семенова застучал отъ безотчетной тревоги. Быстро онъ надвинулъ на самыя бро ви свою широкополую шляпу.

Все это длилось одно мгновеніе.

Прохожій пробормоталъ что-то, молодцевато тряхнулъ пле чами и двинулся дальше, безпечно посвистывая. Пройдя нѣ сколько шаговъ, онъ оглянулся... Еще мигъ, и фигура его утс нула въ ползущей отовсюду мглѣ.

Когда стихъ самый звукъ его шаговъ, Ольга поднялась. Вс платье ея отсырѣло, волосы тоже. Она чувствовала, что про дрогла, что она почти больна. Невыразимая, смутная печаль которой, казалось, дышали это небо, этотъ туманъ, разорва вшійся отъ вѣтра и бѣлыми клочьями цѣплявшійся за деревья,– она, казалось, вошла въ ея мозгъ, въ ея кровь и отравила ее.. Сильнѣе, чѣмъ когда-либо, она почувствовала эфемерность всего существующаго. Счастье!.. Да есть ли оно? Не призракъ ли оно? Не тотъ же ли туманъ, который унесется первымъ на летѣвшимъ вихремъ?.. „Прощайте, Семеновъ", грустно про шептала она. Онъ тихонько оттолкнулъ ея руку.

— Нѣтъ... нѣтъ... Я не прощаюсь съ вами... Если бы я умѣлъ пугаться, я сказалъ бы, что вотъ сейчасъ... испугался чего-то?. Чего? Не знаю... Какое-то словно предчувствіе бѣды прошло по моей душѣ... Я говорю: до свиданья! Мы увидимся еще.. Когда? Не знаю... но мы еще увидимся...

— Не надо... Зачѣмъ?—сказала она съ тоской.

Онъ медленно пошелъ за нею.

— Вы не можете отказаться отъ этого человѣка, Ольг Юрьевна? Я не могу отказаться отъ васъ. Да, это болѣзнь. то, что захватило васъ... Бороться съ этимъ я безсиленъ. Н я буду ждать...

Она остановилась невольно.—Чего?

— Я буду ждать неизбѣжнаго... Дня пресыщенія или отчая нія... И тогда наступитъ *мой* часъ...

Какъ застывшая, стояла Ольга, глядя вслѣдъ Семенову, долг

›слѣ того, какъ фигура его утонула въ сыромъ мракѣ. Ледя-›й волной набѣжала опять тоска и захватила ее всю. Она ·лянулась съ жуткимъ чувствомъ. Вѣтеръ порывами налеталъ ıять и гнулъ позади забора одинокія деревья. Шурша слетали эслѣдніе листья и бѣжали по дорогѣ. Фонари трепетно мер-али, почти угасая... Кругомъ не было ни души.

Ольга кинулась бѣжать, но не домой, а къ Чарницкому.

Ей открылъ заспанный швейцаръ въ грязно-розовой рубаш-ѣ и босикомъ. Вытаращивъ глаза, онъ смотрѣлъ на Ольгу, юка та бѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Стукъ разбудилъ Чарницкаго.

„Неужели она?“ подумалъ онъ, не то со страхомъ, не то ъ радостью. Онъ жилъ теперь одинъ, но рядомъ сосѣди, то-арищи могли слышать, догадаться... „Какое безуміе!..“

— Что случилось?

Она кинулась къ нему, вся дрожа, плача и обнимая его, и рижимаясь въ какомъ-то ужасѣ.

— Спрячь меня!.. Спрячь... приласкай... не спрашивай ни-его! Дай мнѣ забыть... О, какъ страшно!.. Какъ страшно!.. I какъ я люблю!.. Какъ я безумно люблю тебя!..

XIX.

Прошло двое сутокъ. Въ девятомъ часу вечера, выходя изъ ·чилища, Ольга Девичъ у воротъ столкнулась лицомъ къ лицу ъ Райской. Фельдшерица дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Девичъ? Вы?.. Наконецъ-то!.. Я васъ жду давно... Слы-ıали? Какое несчастіе! Семеновъ исчезъ...

У Ольги вырвался глухой крикъ.

— Тише!..—Онѣ взялись за руки и быстро пошли дальше...

Помнитъ ли Девичъ, какъ онъ отъ нея, Райской, вышелъ ›ъ полночь вмѣстѣ съ Ольгой?

— Да... да...

За нимъ слѣдили... Онъ въ эту ночь былъ у Ганецкой.

— Онъ за границей?—крикнула Ольга.

— Ганецкая говоритъ, да... Конечно, она не скажетъ зря. Это она ему дала денегъ и устроила побѣгъ... Вчера у мно-·ихъ былъ обыскъ. Сестра Семенова напугана ужасно... Но ıичего не нашли... Онъ словно предчувствовалъ,—со слезами ·оворила Райская.—Помните? Арбекову запретилъ къ себѣ ходить, мнѣ намекалъ... Арбековъ-то и прибѣжалъ мнѣ сооб-щить. Я какъ глянула на него, такъ ноги у меня и подкосились...

Бѣлѣе бумаги у него лицо-то!.. Ахъ, Боже мой! Несчастіе ка-кое!.. Я голову совсѣмъ потеряла. Да... Вотъ что... Вы—поря-дочный человѣкъ, Девичъ! Можете вы выручить меня?

— О, конечно! Все, что хотите...

— Вотъ спасибо! Недаромъ, значитъ, я къ вамъ перво кинулась... Вотъ... Спрячьте это!.. Это отъ Семенова... я са обыска жду ночью... А это Арбековъ мнѣ далъ... Просил спрятать.. Я ему отказать не могла... Ну!.. Спасибо вамъ! Н когда не забуду услуги... Бѣгу къ Колпиковой...

Ольга ее не удерживала и не разспрашивала болѣе. Пода вленная тяжелымъ чувствомъ, она подошла къ калиткѣ свое квартиры и невольно, по неуловимой ассоціаціи ощущені взглянула на небо.

По нему, какъ и въ ту ночь, неслись безшумно зловѣщ тучи, какъ бы толпа сообщниковъ, спѣша на темное дѣло, вѣтеръ жалобно плакалъ гдѣ-то за угломъ... Ей отчетли вспомнилось лицо незнакомца, жуткое чувство, охватившее их обоихъ, и печальное предчувствіе Семенова... Ей вспомнилас гордая фраза: „Я вѣрю въ себя слишкомъ крѣпко, и вы н уйдете отъ меня“... Она усмѣхнулась не то горько, не то с ироніей...

Да! Было что-то зловѣщее въ той ночи, во всей печально обстановкѣ ихъ послѣдняго свиданія... И сквозь тяжелое чувств душевнаго угнетенія въ ея мозгу какъ бы струйкой пробивалос и крѣпло радостное сознаніе человѣка, опасавшагося за свою свободу и вдругъ понявшаго, что онъ впредь—господинъ са-мому себѣ, и что дорога передъ нимъ открыта... Пусть это эгоизмъ, но, вѣдь, теперь она свободна! Свободна любить и распоряжаться собою, не оправдываясь ни передъ кѣмъ, никому не давая отчета! И никто уже не придетъ ей сказать, что личное счастье—измѣна!..

Но она проснулась среди ночи и сѣла на постели, одинокая, въ тишинѣ иววакѣ... Какіе-то разрушительные, таинственные процессы совершались безсознательно въ ея душѣ. Не было въ ней уже ни радости жизни, ни гордости, когда она про-снулась. Казалось, будущее прошло мимо нея во тьмѣ, напол-нивъ предчувствіемъ и трепетомъ ея сердце и заледенивъ ужа-сомъ ея кровь. Опять звучало въ ушахъ ея: „Я буду ждать неизбѣжнаго... Дня пресыщенія или отчаянія. И тогда насту-питъ *мой* часъ“...

Теперь она знала, что—будетъ такъ...

Часть вторая.

I.

Ольга переѣхала отъ нѣмокъ на отдѣльную квартиру. Теперь у нея были двѣ комнаты и кухня. Она наняла прислугу. Чарницкій рѣшилъ столоваться у нея же, такъ-что видѣлись и каждый день и всѣ вечера проводили вмѣстѣ.

Первый вечеръ ихъ новоселья былъ полонъ рѣдкаго счастья. Чарницкій самъ разставлялъ мебель, прибивалъ сторы. Онъ нашелъ, что необходимо украсить обстановку такими вещами, отсутствіе которыхъ Ольга никогда не замѣтила бы сама.

— Какая у тебя чудная постель, Оля!—говорилъ Чарницкій.—Какія пружины!

— Неужели? А я даже не замѣчала.

— А вотъ сюда нуженъ коврикъ! Почему нѣтъ коврика?

— А развѣ нуженъ?

— Ахъ ты, Діогенъ въ юбкѣ!

Онъ подбѣгалъ къ піанино, присаживался и бралъ аккорды. Потомъ они поѣхали ужинать въ ресторанъ.

— У тебя нѣтъ лампы порядочной, нѣтъ абажура,—говорилъ на другой день Чарницкій.—И потомъ, что это за пепельница? Сейчасъ видно, мужской ноги не было...

И они ѣхали покупать.

Переѣздъ этотъ вызвалъ сенсацію въ училищѣ. Пошли толки, сплетни. Начальница огорчилась.

— Такъ и знала, что она замужъ выйдетъ, а я безъ нея, какъ безъ рукъ, останусь,—сказала она Короткой.

Отъ той не ускользнула поразительная перемѣна въ Ольгѣ. Скрытность показалась ей оскорбительной и странной.

„Конечно, это измѣна всему, чѣмъ она жила до сихъ поръ,—думала Короткая,—и потому она меня стыдится. Какъ будто я не желаю ей счастья отъ всего сердца, и въ чемъ бы оно ни заключалось!“

Она назвалась на новоселье. На письменномъ столѣ О:
зоркіе глаза Марьи Павловны разглядѣли портретъ Чарı
каго въ плюшевой рамѣ.

— Кто это?—спросила она безъ околичностей. Ольга всı
нула, но смѣло вскинула свои рѣсницы на лицо друга.

— Это... тотъ, кого я люблю...

— Какой красавецъ!.. Дай тебѣ Богъ, Оля, счастья!
поди сюда. Поцѣлуй меня! Я такъ рада за тебя... Ну, что
онъ? Состояніе имѣетъ? Служитъ гдѣ-нибудь?

Ольга слабо усмѣхнулась.

— Состоянія никакого, милая Марья Павловна, а служ
онъ въ межевой канцеляріи. И, какъ всѣ межевые инжен
получаетъ тридцать семь рублей въ мѣсяцъ...

— Что такое?.. je n'ai jamais entendu parler des ·меж
инженеры...

Ольга стала объяснять. Короткая нахмурилась.—Пять л
однако!.. Какъ же вы будете жить? И когда же свадьба? В
не черезъ пять же лѣтъ, Ольга?

— А мои уроки въ институтѣ? Развѣ у меня ихъ отым

Марья Павловна съ состраданіемъ взглянула на нее.

— Chère Olga... Неужели ты на это разсчитывала? Да р
ты не знаешь нашихъ правилъ? Замужнія женщины не пр
маются ни учительницами, ни классными дамами. Только
вушки и вдовы...

— Въ первый разъ слышу,—глухо отозвалась Ольга.—
кая нелѣпость!

— Съ одной стороны, да. И замужемъ бѣдствуютъ и ну
ются въ хлѣбѣ. Но, съ другой стороны, Ольга... Вѣдь, у
принято, чтобы дѣвушки ничего *этого* не знали, и вд
классная дама, либо учительница является въ такомъ положе
Наконецъ, какая это работница—une femme malade et ence

Короткая, какъ ни была умна и развита, предпочитала б
менность называть французскимъ словомъ.

Уже въ передней, прощаясь, Короткая бросила вскс
тономъ, какимъ говорятъ о поконченномъ вопросѣ:

— Ну, а съ Петербургомъ порѣшено, конечно?

Ольга вздрогнула.—Какъ это порѣшено?

— Куда же ты уѣдешь теперь отъ мужа и семьи?

Отвѣтъ замеръ на губахъ Ольги. И долго послѣ этого
говора она не могла прогнать унынія, овладѣвшаго ею.

Все это время, почти два мѣсяца, они жили, какъ въ

оводя всѣ вечера на квартирѣ Ольги. Это были объятія, ски, восторги, грезы... По воскресеніямъ, прислуга Паша одила въ гости до утра, и Чарницкій оставался ночевать у ьги, спѣша уйти утромъ рано, пока не вернулась Паша, ка не просыпался дворникъ. Онъ въ душѣ всегда страдалъ эти минуты пробужденія. „Краденое счастье", говорилъ ъ. „Когда-то мы женимся, наконецъ?!"

— Ахъ, мнѣ все равно!—отвѣчала она.—Если я ничего не ось и не краснѣю за себя, чего же ты боишься?

Остальные вечера они засиживались до трехъ ночи.

Первымъ, какъ сангвиникъ, сталъ уставать Чарницкій. Онъ енно началъ заниматься музыкой, по цѣлымъ часамъ не одилъ отъ піанино, заставляя Ольгу пѣть. „Пресыщеніе?"— ужасомъ думала она. „Начало конца?"—Онъ же смотрѣлъ эти вещи просто. Нельзя же вѣкъ цѣловаться! Надоѣстъ. мѣстѣ нельзя быть постоянно. Надо развлекаться. Но оба чали, словно сговорясь.

Разъ Ольга отказалась пѣть. Онъ взглянулъ на нее съ екомъ.

— Не сердись, милый,—спохватилась она.—Ну, хорошо, я у играть и пѣть... Только, видишь ли? Музыка мнѣ давно стала ненавистна. Вѣдь это мое ремесло.

— Ахъ, какъ жаль! Я такъ дорожу твоей музыкальностью! для меня большое лишеніе не подходить къ піанино.

— Изволь, я буду пѣть, если тебѣ хочется,—кротко провила она.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Не принуждай себя! Теперь и у меня ть охоты...

Въ этотъ вечеръ онъ не могъ скрыть своей душевной и зической усталости. Онъ улыбнулся какъ-то виновато, поепалъ Ольгу по щекѣ и сказалъ:

— У меня нервы что-то разстроены. Это неизбѣжная реакя. Надо выспаться! Мы, право, оба совсѣмъ не спимъ! Какъ о нашихъ силъ хватаетъ?

Она вспыхнула отъ этой снисходительной ласки.

Вечеръ шелъ вяло. Какъ-то не о чемъ было говорить. Въ олночь Чарницкій собрался уходить.

— Оля, ты не обидѣлась, надѣюсь, что мнѣ спать хочется?— асково спросилъ онъ, протягивая руку. Но она слегка отолкнула ее. Губы ея задрожали и покривились. Она сильно обл днѣла.

— Ты этого прежде не говорилъ.

Ему стало досадно, онъ подавилъ свое раздраженіе и вѣтилъ спокойно:

— Надо-жъ когда-нибудь устать... И страннаго тутъ ни нѣтъ. Неужели ты сердишься? Какъ это (*глупо*, хотѣлъ сказать)... какъ это нехорошо!.. Нельзя же, Оля, посто лизаться...

Она вздрогнула. Ей было больно, что онъ отгадалъ с стную жажду его ласки, въ которой ни за какія блага въ она не призналась бы ему теперь.

— Какъ это цинично!—вся заалѣвъ, крикнула она.—Ра я оттого?.. Ахъ, впрочемъ, оставимъ! Я вижу, что ты нь неспособенъ меня понять...

Онъ обнялъ ея талію и старался поцѣловать лицо, кото она упорно отворачивала.

— Да, неспособенъ... Ужъ извини...

Она холодно увернулась изъ его рукъ. Лицо ея прин „каменное" выраженіе, которое онъ узналъ за ней недавн котораго терпѣть не могъ.

— Прощай,—сухо отвѣтила она, протягивая руку.

— Только пожалуйста, пожалуйста, безъ ссоры,—мягко серьезно просилъ онъ, идя въ переднюю. Она молча прог за нимъ и остановилась, прислонясь къ двери.

— Женщина прежде всего должна быть кроткой и ровн —говорилъ онъ, надѣвая пальто.—Ничто не тяготитъ н такъ, какъ эти сцены и...

— Завтра увидимся?—перебила она небрежнымъ, но р кимъ тономъ и сдвинула брови.

Онъ быстро опустилъ голову, надѣвая калоши.

— Вечеромъ? Нѣтъ. Мнѣ надо быть у однихъ знакомыхъ такимъ же небрежнымъ тономъ отвѣтилъ онъ.—Завтра в кресеніе. Я приду съ утра, буду обѣдать... пробуду до шес

— А!—простонало въ ея душѣ. Но она только стисн зубы и спрятала глаза подъ опущенными рѣсницами.

— Прощай,—сказалъ онъ, подымая голову, и примирител улыбнулся. Ему было жаль ее. Она шевельнула губами, но б звучно, и холодные [illegible] отвѣтили на его пожатіе

Онъ пошелъ къ двери, она не провожала его. Такъ лодно они еще никогда не разставались.

— Какъ знаешь,—вслухъ говорилъ Чарницкій, шагая до *по пустыннымъ* улицамъ.—Хочешь ссориться, сдѣлай одол

е!—Вся жалость его къ ней исчезла, какъ только онъ почувствовалъ въ своей рукѣ эти безучастные пальцы ея.—Неужели на думаетъ, что я позволю мудрить надъ собой?.. Фу, спать акъ хочется!.. И, какъ на грѣхъ, ни одного извозчика! Ахъ, усталъ я, усталъ!.. Какъ она этого не понимаетъ? Вотъ онѣ—енщины!.. Удивительныя, въ сущности, матеріалистки! И гораздо чувственнѣе насъ...

А она долго еще стояла въ передней, потомъ вернулась въ гостинную, посмотрѣла на кресло, въ которомъ онъ сидѣлъ. Рука ея машинально обрывала бахрому скатерти, сузившiеся рачки безцѣльно смотрѣли на пламя свѣчи. Лицо словно помнѣло... Вдругъ черты ея исказились. Рыданіе безъ слезъ отрясло ея плечи.

— Что же это такое?—дико вскрикнула она.—Неужели же нецъ?.. Такъ скоро...

Она рада была-бы слезамъ, но ихъ не было.

II.

Чарницкій проспалъ до двѣнадцати. У него былъ счастли й организмъ. Никакія горести не лишали его сна. Стоило его овѣ коснуться подушки, какъ наступало забвеніе всѣхъ золъ. Еще въ пятницу Кассевичъ поймалъ его въ канцеляріи и поялъ отъ имени Марковыхъ, гдѣ они привыкли проводить здники, что онъ ихъ совсѣмъ забылъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!—сконфуженно согласился Чарниц.—Въ воскресенье приду непремѣнно!

Семья Марковыхъ состояла изъ четырехъ дѣвушекъ и двухъ тьевъ-офицеровъ, жившихъ на одной квартирѣ. Всѣ барыш служили въ разныхъ магазинахъ, были самостоятельны, ьезны и, доживъ до тридцати почти лѣтъ, замужъ не стреись. Онѣ были очень симпатичны, веселы и гостепріимны. нимъ любили ѣздить. Компанія собиралась большая; вини, пѣли, плясали и иногда брали тройки. Угощали они гой на славу, но, даже подвыпивши, никто изъ молодежи не воляль себѣ пошлостей съ этими дѣвушками: такъ товариски, смѣло и умно онѣ себя держали жа своей незавиостью, не заискивая ни въ ком. ли невольно съ „новыхъ“ барышенъ. Это были о ра Если изъ этого кружка женился, то счи везти къ Марковымъ жену.

Идя къ Ольгѣ, Чарницкій былъ увѣренъ, что она образу-

милась за эту ночь и встрѣтитъ его ласково. Но она была та же холодна, даже враждебна. Онъ огорчился, но рѣшилъ уступать. „Подуется и перестанетъ. Нельзя позволить ей та осѣдлать себя... Однако, и она, какъ всѣ"... И эта мысль бы грустнѣе всего.

Обѣдъ прошелъ скучно. Разговоръ не клеился. И въ перв разъ они сдѣлали открытіе, что имъ рѣшительно не о чемъ г ворить, кромѣ любви, что у нихъ нѣтъ никакихъ общихъ и тересовъ. И это обоимъ показалось жуткимъ.

— Нельзя ли чайку?—попросилъ Чарницкій, не зная, ка убить время до шести.

Ольга заказала самоваръ и, вернувшись, молча сѣла у окн

— Что съ тобой?—спросилъ онъ, хотя отлично зналъ, ч и она понимаетъ безцѣльность этого вопроса.

— Ничего. Развѣ ты замѣчаешь что-нибудь особенное? Нел зя же вѣчно лизаться! Ты это самъ сказалъ вчера.

— Ага! И ты этого, кажется, не умѣешь забыть? Ахъ, Б же мой! И отчего вы никогда не даете человѣку быть искре нимъ? Неужели я долженъ ломать себя и играть роль стр стнаго любовника, когда во мнѣ въ данную минуту нѣтъ стр сти? Неужели это значитъ, что я тебя меньше люблю?

— Играть роль?—вдругъ крикнула Ольга.—Такъ, значит ты это роль игралъ?

Онъ удивленно раскрылъ глаза.—Что ты къ словамъ пр дираешься? Неужели ссориться хочешь? Какія вы всѣ деспот Эгоистки... Просто невозможно!

— Кто это *всѣ*?—опять закричала Ольга и сама не узна своего голоса въ этихъ гнѣвныхъ, почти визгливыхъ звукахъ Не смѣй меня сравнивать со *всѣми*!.. Я знать не хочу эт *всѣхъ*! Это не уважать меня, говорить о какихъ-то другихъ

Взрывъ безумной, стихійной ревности къ прошлому, не пой, безобразной, мрачной, вдругъ всколыхнулъ всю ея ду О, какъ страшно было это новое чувство!

Онъ смотрѣлъ молча на нее, пока она это говорила съ т сущимися губами и побѣлѣвшимъ лицомъ. Онъ смотрѣлъ, и душѣ его подымалось новое, странное чувство отчужденія. ужели это она, Ольга, готовая на всѣ жертвы? Такая ди прекрасная въ своемъ экстазѣ, покорившая его своей безза ной, великой любовью?.. Она показалась ему чужой. Исх *вшая* за одну ночь, съ запавшими глазами, съ исказившимся *злобы* и муки лицомъ, она теперь даже не казалась ему крас

Вошла Паша и внесла самоваръ. Ольга сѣла у стола и заварила чай. Чарницкій ходилъ по комнатѣ, лихорадочно затягиваясь папиросой.

А Ольгѣ было, дѣйствительно, жутко. Какъ она проведетъ вечеръ безъ Чарницкаго? Чѣмъ наполнитъ время? Все, чѣмъ она интересовалась раньше, исчезло изъ ея кругозора:—чтеніе, занятія, люди... Все поблѣднѣло и отошло вдаль. Страсть какъ бы выжгла весь ея мозгъ.

— Тебѣ съ сахаромъ?—хрипло спросила она, наконецъ. Но этотъ пустой вопросъ стоилъ ей большихъ усилій.

— Все равно,—сухо отозвался онъ, продолжая ходить.

Въ комнатѣ стемнѣло. Ольга чувствовала себя глубоко несчастной и тѣмъ, что онъ уйдетъ, и тѣмъ, что, уходя, унесетъ съ собою тяжелое впечатлѣніе размолвки. А ночь какая будетъ? Съ этими сомнѣніями въ его любви?.. Она содрогнулась.—Алеша...—съ мученіемъ позвала она.

— Что тебѣ?—Онъ подсѣлъ къ столу. Глаза ихъ встрѣтились.

— Тоска какая!—невольно сорвалось у него.—Давно я не хандрилъ, и вотъ теперь опять...

Ей стало жаль его, но въ то же время и обидно. Если бы онъ любилъ, развѣ могъ бы онъ хандрить рядомъ съ нею?!

— Паша!—раздражительно крикнула она.—Что-жъ огня-то? Не нужно, по вашему?

Изъ-за стѣны донеслось ворчаніе Паши. Она была самолюбива и выговоровъ не выносила. Черезъ минуту лампа была внесена. Но почему-то при свѣтѣ та жажда мира, которая въ сумеркахъ все росла въ душѣ Ольги, вдругъ исчезла теперь, точно свѣтъ усилилъ ея раздражительность.

— Кто эти Марковы? — рѣзко, почти грубо спросила она. Чарницкій обрадовался темѣ, расхвалилъ барышенъ, выразилъ желаніе, чтобъ и Ольга познакомилась съ ними. Она угрюмо молчала, мѣшая ложечкой въ чашкѣ. Разговоръ упалъ самъ собою. Пробило семь. Чарницкій вздрогнулъ, залпомъ выпилъ свой чай и поднялся.

— Пора... До свиданія, Оля!

Она какъ будто проснулась и глядѣла на него со страхомъ и мольбой, словно не понимая... „Но, вѣдь, онъ же видитъ, что я страдаю? Неужели же ему все равно?“

— Ты уже уходишь?

— Да, пора...

Онъ обернулся, чтобъ съ піанино взять свою шапку. Ольга вдругъ вскочила и схватила его протянутую руку.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ! Это невозможно! Ты такъ не уйдешь!

— Ольга!.. Нельзя ли безъ сценъ и ссоръ?—сдержанно началъ онъ.—Я, кажется, предупредилъ тебя, что уйду...

Но она словно обезумѣла.—Нѣтъ! Нѣтъ!.. Я не пущу тебя! Не пущу... не пущу... не пущу!

Она кинулась къ двери и повернула ключъ.

Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва. Онъ не хотѣлъ видѣть, что она страдаетъ. Это насиліе надъ нимъ возмутило его.

— Полно дурить, Ольга!.. Ты отлично знаешь, что я уйду, если захочу...

Она уцѣпилась за ручку двери судорожнымъ жестомъ. Она глядѣла на него безумными глазами, полными муки.

— Ты не захочешь уйти... Ты не захочешь уйти... Я не вынесу этого... Помни... не вынесу...

Онъ швырнулъ шапку. Глаза его вспыхнули.

— Наконецъ... Что тебѣ нужно? Говори!

— Ты... ты (у нея перехватило горло)... ты разлюбилъ меня... Да?.. Да?

Онъ вытянулъ руки, скрипнулъ зубами, но промолчалъ.

— Вотъ видишь... Видишь? Ты молчишь... Ты разлюбилъ... Ахъ, это низко!.. Нѣтъ! Я не въ томъ виню, что разлюбилъ... но лгать... лгать зачѣмъ? Вѣдь,еще третьяго дня... Боже мой! Позоръ какой! Не я ли говорила тебѣ, что не свяжу тебя ничѣмъ, что ты свободенъ!

— Хороша, къ чорту, свобода!

— За кого же ты меня считаешь?.. „Роль страстнаго любовника"... „Вѣчно лизаться"... Зачѣмъ были эти оскорбленія? Зачѣмъ?

Она задохнулась, и слезы, тѣ бурныя слезы, которыхъ она тщетно ждала всю эту ночь, хлынули изъ ея глазъ. Она безпомощно опустилась на стулъ.

— Ольга... Этого только не доставало... Слезы теперь...

Онъ отошелъ къ печкѣ, прислонился къ изразцамъ, скрестилъ руки на груди и опустилъ голову съ упорнымъ рѣшеніемъ молчать. Слезы всегда раздражали его.

Вся ея гордость воспрянула отъ его презрительнаго тона.

— Да, слезы... Я забыла, что ты не любишь ихъ, что тебѣ отъ женщинъ нужны только удовольствія... Я деспотъ... Я эгоистка... Прекрасно!.. А съ твоей стороны не эгоизмъ оставлять меня одну, въ такихъ мученіяхъ?.. И уходить къ какимъ-то Марковымъ (съ невыразимой ненавистью вырвалось у нея)?

Онъ поднялъ голову. Горечь ея тона больно отдалась въ его душѣ.

— Въ чемъ мое преступленіе? Скажи, пожалуйста!.. Что я два мѣсяца одинъ вечеръ собрался провести на сторонѣ? ужели же ты надѣялась видѣть меня вѣчно привязаннымъ твоей юбкѣ? Не ты ли твердила постоянно, что не будешь снять меня?.. А я, дуракъ, уши развѣсилъ!

— Сознайся откровенно, что ты любишь другую?

— Изъ чего же это ты вывела?

— Отвѣчай!—изступленно крикнула она, вскакивая и трепа всѣмъ тѣломъ.

— Прежде всего не смѣй кричать на меня! (Голосъ Чарницго дрогнулъ.) Я не лакей твой... Кто тебѣ далъ право?

— Моя любовь... моя любовь дала мнѣ право... Я для тебя іереть была готова... а ты... ты мѣняешь меня на первую павшуюся... на какую-то Мар...ко... ву...

Голосъ измѣнилъ ей. Она залилась слезами.

У Чарницкаго какъ будто глаза открылись... Такъ это ревость?.. Ему стало жутко и обидно. Больше всего на свѣтѣ нъ боялся ревнивыхъ женщинъ. И почему онъ вообразилъ, то она будетъ кроткой, самоотверженной, ни въ чемъ не поюжей на другихъ? Видно ужъ очень хотѣлось ему въ это вѣять!.. Сердце его сжалось...

Она вдругъ открыла искаженное мученіемъ лицо.

— Боже мой!.. И хорошо еще, что не поздно... Что мы нигѣмъ не связаны... что можемъ разстаться...

Онъ поблѣднѣлъ... Это невыносимо!.. Потому только, что му нѣтъ никакой охоты нѣжничать, оскорблять его такъ... вать съ нимъ...—Ну-съ, Ольга Юрьевна!.. Удивили вы меня и азочаровали таки порядочно!..

Она вскочила, точно ее ударили.

— Уходи!.. Уходи!.. Слышишь?.. Ни минуты больше!

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я не тряпка... То не пускала, то уходи"... Нѣтъ, теперь я не уйду!

Онъ выпрямился и съ вызовомъ глядѣлъ въ ея лицо. Она оже, вся дрожа, глядѣла ему въ глаза съ яркой ненавистью.

— Уходи... Мнѣ страшно за себя!

— Не уйду!

— Напрасно... Ты теперь уже ничего не вернешь... ничего іе поправишь... Слышишь ты?.. Я тебя ненавижу...

— И я тебя ненавижу, а все-таки не уйду!

Она оглянулась блуждающимъ взоромъ вокругъ себя, увидала на піанино коробку шведскихъ спичекъ. Она схватила ее,

скомкала и съ силой швырнула далеко отъ себя. Помимо ея желанія, коробка, перелетѣвъ комнату, задѣла Чарницкаго по плечу. Онъ вскинулъ на Ольгу глаза, измѣнился въ лицѣ, но закусилъ губы и сдержался.

Она испуганно посмотрѣла на него. Гнѣвъ ея какъ бы выдохся разомъ. Она вздохнула съ какимъ-то отчаяніемъ и легла головой на столъ. Ей было стыдно.

— Ну, что же ты стоишь тамъ?—сквозь слезы спросила она.

— А вотъ жду, что будетъ дальше?

Наступило долгое, долгое, мучительное молчаніе. Она тихо плакала; наконецъ, перестала, только плечи ея все вздрагивали. Онъ стоялъ неподвижно.

— Алеша,—вдругъ съ раскаяніемъ проговорила она, протягивая къ нему руки.—Ты разлюбилъ меня?

— Не спрашивай меня никогда въ такія минуты! Я раздраженъ и за себя не отвѣчаю...

— Алеша, милый... Прости меня!

Она опустила голову на столъ и зарыдала опять такъ безнадежно, что онъ вздрогнулъ отъ жалости.

— Ахъ! Съ этого нужно было начать, Оля... Ну, не плачь же, не плачь!

Онъ попросилъ ее подвинуться на диванѣ, обнялъ ея плечи, сталъ гладить голову, и долго они просидѣли молча.

— Если-бъ ты вчера сказала мнѣ, что боишься остаться одна, что тоскуешь, я предупредилъ бы Кассевича, а то вышло такъ глупо...

Онъ сморщился и махнулъ рукой, стараясь подавить вновь вскипавшее раздраженіе. Кассевичъ и Рудаковъ прождали его напрасно и ушли, конечно, посмѣявшись надъ нимъ. И теперь у Марковыхъ смѣются... „Невѣста не пустила"... А онъ никогда раньше не слылъ за тряпку... Она какъ будто почувствовала, что творится въ его душѣ.

— Милый, мнѣ такъ совѣстно... Иди къ Марковымъ... Я теперь больше не буду... (Съ ея стороны было большимъ самоотверженіемъ отсылать его именно теперь.)

— Нѣтъ, теперь уже поздно. Да и не то настроеніе...

„Ахъ!.." радостно сказалось въ ней. Она крѣпче прижалась къ нему грудью, инстинктивно стараясь смягчить и побѣдить его близостью своего молодого тѣла. Потомъ страстно и вызывающе поцѣловала его въ губы. Но Чарницкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ въ ея потемнѣвшіе глаза и только изъ дели-

катности вернулъ ей ласку. Въ душѣ его былъ холодъ. Ольга вдругъ сдѣлалась ему непріятна этой требовательной страстью, на какую въ его нервахъ не находилось отклика. Онъ съ тоской старался измѣрить всю глубину своего разочарованія. Ревнивая, самовластная, съ такими безумными рѣчами и рыданіями... Надо было мириться съ неизбѣжнымъ зломъ. Возникалъ, однако, вопросъ, что значитъ эта вспышка? Временное ли это ненормальное уклоненіе, вызванное чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ, или же проявленіе натуры, ему совершенно незнакомой, которая теперь только выказалась ярко, во весь ростъ?.. Да полно, знаетъ ли онъ ее? Не самъ ли онъ придалъ ей тѣ идеальныя черты, которыя его плѣняли въ *женщинѣ?* Въ моментъ аффекта она сулила ему роль кумира, которому несутся беззавѣтныя жертвы. На самомъ дѣлѣ, вся ея жизнь до сихъ поръ была проявленіемъ яркой индивидуальности, требовавшей себѣ дорогу, не желавшей по принципу поступаться ничѣмъ, что ей дорого. Вѣдь, разорвала же она со всѣми безъ колебаній! Свою свободу взяла... И въ любви она не будетъ не только рабой, но даже товарищемъ... Ему стало жутко...

Они сидѣли все также обнявшись на мягкомъ диванчикѣ, чувствуя себя чужими другъ другу, и онъ бралъ назадъ всѣ огорчавшія ее слова... Нѣтъ, она совсѣмъ не знаетъ мужского сердца! Для мужчинъ такъ важно видѣть иногда въ любимой женщинѣ только человѣка, только товарища. Этимъ только и разнится связь по любви отъ случайной связи со швейкой, къ которой приходишь только за извѣстной дозой наслажденія и отъ которой отворачиваешься съ пресыщеніемъ, когда упали нервы. Въ эти періоды душевной и физической усталости любимая женщина дорога, какъ другъ, и въ этомъ вся ея сила.

— И напрасно думаютъ, что мужчины такъ любятъ разнообразіе... Это значитъ совсѣмъ не знать насъ... Повѣрь, что мы много чище и идеальнѣе смотримъ на любовь, чѣмъ женщины... Мы скорѣе будемъ любить больную и слабую женщину, чѣмъ вы хилаго человѣка. Мы именно и цѣнимъ такую связь, гдѣ есть всѣ шансы на долговѣчность. Мы всегда человѣчнѣе въ любви...

Онъ говорилъ чистосердечно, горячо и искренно. Вдругъ она перебила его съ мрачной горечью:

— Вы говорите, какъ пресыщенные люди, начавшіе жить чуть ли не съ пятнадцати лѣтъ. Какъ можете вы понимать и судить насъ, за которыми даже не признаютъ права на любовь

и на самостоятельность въ этихъ вопросахъ?.. Это все та же „подчиненность женщины“ подъ разными соусами!

Было одиннадцать, когда Чарницкій потянулся и всталъ.

— Знаешь? Послѣ этой встряски ужасно ѣсть захотѣлось... Поѣдемъ ужинать, Оля!—сказалъ онъ, смѣясь.

И съ той удивительной легкостью въ смѣнѣ впечатлѣній, которая была присуща его натурѣ, онъ начиналъ уже снова находить прелесть въ жизни и успокаиваться насчетъ значенія этой размолвки. Онъ поднялъ за подбородокъ опущенную голову Ольги и поцѣловалъ ее въ губы.

— Поѣдемъ... Потомъ вернемся сюда... Согласна?

„Онъ точно милость мнѣ оказываетъ... О, позоръ!“

Щеки ея загорѣлись. Но онъ ошибочно понялъ это и усмѣхнулся.

— То-то, глупенькая!—ласково сказалъ онъ.—Жизнь такъ коротка!.. Стоитъ ли ее портить дрязгами и ссорами?.. Будемъ жить!..

III.

Фактически Ольга побѣдила, не пустивъ Чарницкаго уйти къ Марковымъ. На самомъ дѣлѣ, она проиграла генеральное сраженіе въ этой борьбѣ за главенство, неизбѣжное въ каждой любви. Проигрываетъ тотъ, кто сильнѣе любитъ.

Чарницкій съ того вечера отвоевалъ себѣ свободу. Онъ навѣщалъ Марковыхъ, холостыхъ товарищей, гдѣ винтилъ. Онъ очень любилъ винтъ, оперу, общество, все то, чего Ольга не любила. Она понемногу привыкала къ одиночеству, но въ душѣ ея накоплялась горечь. Иногда она прорывалась бурной, тяжелой сценой, впечатлѣніе отъ которой гнетомъ ложилось на душу обоихъ.

Въ первое же воскресеніе, прощаясь съ нимъ, когда онъ шелъ къ Марковымъ, Ольга сказала ему, опустивъ глаза и тиская его руки въ своихъ:

— А все-таки оттуда пріѣзжай ко мнѣ... Я буду ждать...

Это ужасно тронуло Чарницкаго. Хотя, конечно, это не совсѣмъ было удобно относительно Рудакова и Кассевича..“ „Догадаются, вѣдь... Ну, да куда ни шло! Живемъ одинъ разъ....

— Ахъ, мнѣ все равно!—съ вызовомъ крикнула Ольга.—Все это вздоръ! Развѣ вернутъ мнѣ люди тотъ мигъ счастья, котораго я прошу у судьбы? И который я потеряю изъ-за страха осужденія? Нѣтъ судей надо мною! Нѣтъ!..

Эта гордость, эта экзальтація захватили и его, но не надолго. Онъ не умѣлъ ее понять.

А она, проводивъ его, стояла въ темнотѣ, съ пылавшимъ лицомъ. Она сама идетъ навстрѣчу... Она вымаливаетъ его ласки... Позорное рабство страсти!

Какъ-то разъ, уже въ сумерки, она пріѣхала къ нему въ гости. Она не видала его наканунѣ вечеромъ. Вся душа ея горѣла отъ нѣжности, жаждала близости и ласки.

Чарницкій дремалъ на диванѣ. Голова его трещала послѣ бурно-проведенной ночи. Кутили, справляли въ холостой компаніи чьи-то именины.

Онъ совсѣмъ не понялъ настроенія Ольги, ея тоски, ея боязни углубиться въ себя, понять ихъ отношенія, заглянуть въ будущее. Но ея близость и красота разбудили въ немъ звѣря. Она, негодуя, вырвалась изъ его рукъ.

— Отчего ты никогда не даешь себѣ труда вдуматься, вглядѣться въ мою душу?—спросила она съ страстной горечью.— Или тебѣ, какъ султану, нѣтъ дѣла до души твоей одалиски?

— Охъ!.. Пощади! Какія страшныя слова! Извини, ошибся,— холодно возразилъ онъ, опять удобно укладываясь на диванѣ.

— А! Ты недоволенъ?... Почему ты оставляешь за собой право не отвѣчать на мои ласки? Предоставь и мнѣ свободу въ этомъ отношеніи!

— Изволь, предоставляю... Изъ-за чего столько разговоровъ? — съ притворной безпечностью усмѣхнулся онъ. Она вспыхнула до самыхъ глазъ.

— У тебя восточный взглядъ на любовь! Ну, а я твоей вещью не согласна быть... Не буду ни кроткой, ни покорной, ни пассивной... Не умѣю и не хочу!.. Я тебѣ равна во всемъ, а не раба твоя...

На этотъ разъ ссора вышла еще тяжелѣе. Ольга не кричала и не плакала. Чарницкій не удерживалъ ее, когда она встала, чтобъ уходить, но сказалъ ей на прощаніе:

— Мы, Оля, не любимъ, чтобы женщина высказывала свои желанія. Она должна быть скромна. На то она и женщина. Но нашихъ ласкъ она никогда не должна отвергать...

Глаза ея потемнѣли.—Послушай... Не говори мнѣ ничего подобнаго, если дорожишь мною! Я тебѣ этихъ взглядовъ не прощу!

Два дня она не находила себѣ мѣста, обдумывая безъ конца всѣ эти темы, возмущаясь и проклиная. Но, когда онъ пріѣхалъ, она кинулась ему на шею съ крикомъ радости, все забывъ, все простивъ.

— Я къ тебѣ не надолго,—сказалъ Чарницкій,—меня нынче ждутъ у Молоткова. Обѣщалъ винтить четвертымъ.

Она поблѣднѣла. Такъ онъ могъ жить безъ нея, не страдая, не тоскуя?

— Видишь, Алеша, что значитъ добиться цѣли!—вдругъ съ подавляющей горечью заговорила она. — Я чувствовала недаромъ, что ты уже не тотъ...

Онъ сталъ горячо оправдываться. Опять-таки это несправедливо!.. Не всѣ бѣгутъ, добившись цѣли. Другихъ это именно самозабвеніе покоряетъ на всю жизнь. Онъ изъ такихъ. Но вѣдь на все своя пора. Надо же примириться съ утратой первыхъ безумныхъ восторговъ!

— И знаешь что, Оля? Ты сама себѣ все дѣло портишь... Если ты хочешь, чтобъ я по прежнему бѣгалъ за тобой, держи себя иначе. Будь холоднѣе, что ли? Повѣрь, выигрываютъ только женщины съ огромной выдержкой и даже съ разсчитаннымъ кокетствомъ... Что дѣлать? Всѣ мы таковы... Кому-нибудь одному ухаживать надо: либо тебѣ, либо мнѣ...

Это равнялось пощечинѣ. Она выслушала это молча, съ поникшей головой, и не возразила ничего. Она была ошеломлена. Онъ уѣхалъ. Она его не удерживала. Рѣшено было свидѣться черезъ день.

Въ то время, какъ онъ веселился, ничего не подозрѣвая о драмѣ въ ея душѣ, она молила судьбу послать ей какую-нибудь тяжкую болѣзнь съ бредомъ, съ потерей сознанія, чтобъ хоть на время забыть себя... Эти дни были одной изъ самыхъ черныхъ страницъ въ книгѣ ея жизни.

У Чарницкаго все-таки явилось предчувствіе бѣды, и онъ написалъ ей искреннее, ласковое письмо, прося ее быть дома, потому что онъ по ней соскучился. Вечеромъ, въ девять часовъ, онъ звонилъ у подъѣзда Ольги.

— Ихъ дома нѣтъ-съ,—сказала Паша,—вотъ онѣ вамъ записку приготовили.

Тутъ же, стоя въ передней, онъ сорвалъ конвертъ и подъ свѣтомъ лампочки прочелъ эти строки:

„Я уѣхала нарочно, потому что не хочу встрѣчи съ тобою, и даже ночевать не вернусь, такъ что ждать меня безполезно. Мнѣ тяжело тебя видѣть. Я хандрю, какъ и ты хандрилъ недавно. Говорятъ, это заразительно. Надо надѣяться, что я примирюсь съ новой ролью, которую ты навязываешь мнѣ. До тѣхъ поръ мнѣ хотѣлось бы наединѣ переварить всѣ эти впе-

чатлѣнія послѣднихъ двухъ недѣль. Сознаюсь, я страдаю невыносимо. А такъ-какъ ты не любишь ни слезъ, ни горя, то подождемъ, пока я не приготовлю для тебя улыбки „покорной и безстрастной женщины"... О. Д."

Молча онъ скомкалъ письмо, поклонился Пашѣ, глядѣвшей на него съ любопытствомъ, и вышелъ на улицу. Тоска сжала его впечатлительное сердце.

„Уже? Такъ скоро?" спрашивалъ онъ себя... Тщетно искалъ онъ въ своей душѣ хоть каплю жалости къ Ольгѣ. Ничего въ ней не было, кромѣ тоски, озлобленія и холода одиночества.

IV.

А Ольга бѣжала на улицу, въ люди. Наступившія Святки и праздность еще болѣе подчеркивали ея одиночество и усиливали тоску. Она боялась тишины кругомъ, бури въ собственной душѣ, своего отчаянія. Конечно, она и раньше, и всегда, съ перваго момента своего сближенія съ Чарницкимъ, какъ бы предчувствовала финалъ своего счастья, и непремѣнно скорый, и непремѣнно трагическій... Оттого она никогда не умѣла наслаждаться минутой, и въ самые прекрасные моменты этой любви она горько рыдала на груди своего любовника, предчувствуя всю эфемерность любви, ея вѣчный трагизмъ... Но чтобы это охлажденіе наступило такъ быстро, съ этимъ она не могла примириться. Она бѣжала къ Короткой, къ старушкамъ Франце, къ Альбини, ко всѣмъ старымъ друзьямъ, какъ бы забытымъ ею, гдѣ-то *тамъ*, далеко, на другомъ берегу... Наконецъ, она пошла къ Райской. Тамъ она узнала много новаго.

У Райской былъ обыскъ, послѣ котораго она смотрѣла на всѣхъ сверху внизъ. Много было арестованныхъ за это время: Хортичъ, Славинскій, но больше всѣхъ пострадала Колпикова. На-дняхъ ее высылаютъ въ Восточную Сибирь, въ ужасную глушь... Ольга придти въ себя не могла отъ изумленія. Она точно проспала, какъ въ волшебной сказкѣ, всѣ эти бѣдствія и ужасы...

Арбековъ былъ въ большомъ возбужденіи. Онъ хлопоталъ, бѣгалъ, собирая всюду необходимую сумму для Колпиковой. Вѣдь, у нея ни бѣлья, ни платья перемѣниться, ни одѣяла, ни шубы, ничего нѣтъ. А, вѣдь, тамъ зимы лютыя... Собралъ между своими тридцать рублей. Но, вѣдь, это бездѣлица... Спасибо Ганецкой! Она нынче прислала сто рублей. Семенова ѣздила въ ряды покупать Колпиковой шубу и бѣлье. Она, вѣдь, какъ

дитя малое, сама ни о чемъ не позаботится. „Ахъ, что за дѣвушка эта Ганецкая!“ Арбековъ сказалъ это нарочно съ большимъ жаромъ, чѣмъ слѣдовало, въ пику Ольгѣ. Онъ говорилъ себѣ и всѣмъ, что презираетъ ее. (Полюбила какого-то поручика въ запасѣ, замужъ собирается... вообще паденіе...) На самомъ дѣлѣ, онъ по прежнему любилъ ее, ревновалъ и мучился.

Въ другое время, и не будь тутъ Ольги, Райская не преминула бы оборвать восторги Арбекова. Эка невидаль, дескать! Сто рублей дала!.. „Я дала три, да они мнѣ дороже ея ста... Она богачка...“ Она вообще не терпѣла Ганецкую. Но тутъ она подхватила съ ядовитой усмѣшкой:

— Да, Ганецкая не чета другимъ...

Впрочемъ, она скоро вспомнила объ услугѣ, оказанной ей Ольгой осенью, замолчала и угрюмо задумалась. Она и Колпиковой завидовала. Какъ это вдругъ такъ, безъ всякихъ разговоровъ и фразъ, очутиться въ ссылкѣ?

Посидѣвъ съ полчаса, Ольга простилась. Арбековъ вышелъ за нею. Они прошли цѣлую улицу молча, мучительно думая каждый о своемъ.

— Вы замужъ выходите?—вдругъ хрипло спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Кто вамъ сказалъ? Вы этому не вѣрьте...

Онъ былъ уничтоженъ. Она не солжетъ, конечно. Но что прячется за этимъ печальнымъ тономъ, за этимъ измученнымъ лицомъ? Какъ измѣнилась!.. И куда ея гордость дѣлась? Точно пришибленная...

— Скажите, вы несчастны?—съ раскаяніемъ воскликнулъ Арбековъ... Какъ могъ онъ ее судить, топтать въ грязь, отречься отъ нея? Какъ онъ могъ сказать тамъ *это* про Ганецкую?.. „И еще эта дурища Райская!“

Она слабо покраснѣла.

— Нѣтъ, я счастлива по-своему... Я очень счастлива, но... у всякой медали есть оборотная сторона. Ее не показываютъ. А вы все-таки хорошій... Все *такой же* хорошій,—добавила она съ странной горечью.

Онъ съ упоеніемъ схватилъ ея руку и покрылъ поцѣлуями перчатку. Одной фразой она опять купила его всего.

— Мой другъ... Мой добрый другъ! Позвольте придти къ вамъ... Мы столько тутъ пережили! Ахъ, я такъ думалъ... такъ много думалъ о васъ!.. Я такъ виноватъ передъ вами...

Она остановилась и посмотрѣла страшно-грустно въ его осунувшееся лицо.

— Нѣтъ, вы не виноваты... вы, *кажется*, правы были... Приходите... (Она сообщила адресъ.) А теперь дайте мнѣ побыть одной...

На другой день Ольга пошла въ кассу ссудъ и заложила тамъ свой браслетъ съ брилліантами, подарокъ княгини. Ей дали сто рублей. На вокзалѣ была цѣлая толпа молодежи, когда она пріѣхала. Она отозвала Колпикову въ сторону.

— Пожалуйста, возьмите,—сказала она, протягивая ей пакетъ.—Не отказывайте. Вы меня обидите. Вамъ тамъ нужны будутъ деньги... И, ради Бога, никому не говорите...

Колпикова сильно покраснѣла, такъ сильно, что даже слезы выступили въ ея глазахъ. Она подумала съ мгновеніе и протянула руку Ольгѣ.—Ну, спасибо! Я возьму...

Всѣ пришли не съ пустыми руками. Кто принесъ бѣлья, кто плэдъ, кто самоваръ, кто чемоданъ, кто корзину съ печеньемъ. Арбековъ купилъ на послѣдній рубль фунтъ винограду и десятокъ апельсиновъ. Говорили мало. Всѣ были серьезны. Райская плакала.

— Чего вы? Хороните, что ли?—грубо спросилъ ее Федоровъ.

Второй звонокъ раздался какъ-то неожиданно. Никто не догадался проститься раньше. И всѣ теперь лѣзли, толкаясь, впередъ, къ площадкѣ вагона.

— Девичъ! — позвала Колпикова. Передъ Ольгой разступились.

— Девичъ... Если когда-нибудь вы увидите *его*... вы одна изъ насъ, навѣрное, его увидите...

— Скорѣе Ганецкая... Почему же я?

— Нѣтъ, навѣрное, вы... Я знаю... Напишите мнѣ... Слышите?.. Напишите о немъ все... Обѣщаете?

Поѣздъ двинулся. Всѣ махали платками, шляпами, съ торжественными лицами. Поѣздъ скрылся въ туманѣ...

Ольга ѣхала домой, отказавшись отъ проводовъ Арбекова, пожелавъ быть одной. Сердце ея размягчилось. О, какъ мелки казались ей собственныя обиды и мученія предъ этой внезапно мелькнувшей передъ нею жизненной драмой! Къ чему они мучатъ другъ друга? Жизнь такъ коротка... такъ страшна... Развѣ она сама не уцѣлѣла случайно?

Дома ее ждало письмо отъ Чарницкаго.

А онъ всѣ эти дни хандрилъ невыносимо. Опять явились на сцену Кассевичъ и кутежи, сначала въ „Эрмитажѣ", потомъ въ кабакахъ самаго низкаго разбора. Онъ пилъ страшно много,

но не пьянѣлъ его мозгъ, не пьянѣло его сердце, которое сосала тоска, и нечѣмъ было залить эту жгучую тоску. Онъ понималъ, что неправъ передъ Ольгой, что чѣмъ-то глубоко задѣлъ ея гордость. А если она разлюбитъ?.. Черезъ четыре дня онъ уже не находилъ нигдѣ себѣ мѣста, жаждалъ примиренія. Ни о какомъ самолюбіи теперь не могло быть и рѣчи. Разорви съ нимъ Ольга теперь, онъ былъ бы способенъ застрѣлиться.

Въ этотъ вечеръ онъ не выдержалъ и написалъ ей такое письмо, что гордость самой тщеславной женщины была бы имъ удовлетворена.

„Къ несчастью, я далъ Марковымъ обѣщаніе ѣхать съ ними за городъ и отказаться совершенно немыслимо. Но я буду думать о тебѣ все время, моя радость, моя жизнь! Буду страдать, не видя тебя. Завтра съ утра я буду у тебя. Оля, Оля, неужели ты разлюбила меня? Тоска какая!.. Будь завтра дома, непремѣнно! Слышишь? Я не знаю просто, что со мною? Дни и ночи думаю о тебѣ. Ты, какъ живая, стоишь у меня передъ глазами. Ты точно околдовала меня. Я не дождусь, когда увижу тебя, Оля, дѣвочка моя милая, моя родная! Неужели ты посмѣешься надо мною?.. Знаешь ли, Оля? Я въ первый разъ въ жизни дрожу за чувство женщины и боюсь, что меня разлюбятъ?.. Мнѣ страшно...

„Сейчасъ перечелъ письмо и задумался: отправлять ли его?.. Ты не посмѣешься надо мной, Оля, скажи?“

Она пробѣжала письмо, задыхаясь отъ волненія.

„А!.. Смирился!..“ Торжествующая усмѣшка раскрыла ея губы. Но она перечла эти безсвязныя, полныя тоски строки еще и еще... „Оля, дѣвочка ты моя милая...“ Сердце ея дрогнуло. „Вотъ она—любовь! Настоящая... Наконецъ!“

Слезы сверкнули въ ея глазахъ, и она страстно приникла губами къ полусмятому листу.

И, вотъ, они свидѣлись, наконецъ!.. Онъ глядѣлъ въ ея глаза робко, моляще... Онъ цѣловалъ ея лицо, руки, платье, ноги.. Онъ готовъ былъ плакать отъ радости, что онъ опять съ нею и что она все та же. Что было бы съ нимъ, если бы она разлюбила!?

— Ты можешь торжествовать, смѣяться,—говорилъ Чарницкій почти съ отчаяніемъ.—Ты побѣдила, и я самъ теперь прошу пощады! Только не смѣйся надо мною, Оля!..

Нѣтъ, она не смѣялась.—Неужели все по-старому?—спрашивала она, сіяющими глазами глядя въ его лицо.

— Нѣтъ, лучше, Оля... лучше... Прости меня, голубушка... 1 люби крѣпко, крѣпко... и навсегда... какъ я тебя люблю!

Казалось, они долго искали и, наконецъ, *нашли* другъ друга...

V.

Праздники кончились. И Чарницкій вдругъ упалъ съ облаковъ.

Переночевавъ какъ-то разъ, по обыкновенію, у Ольги и ромъ сходивъ въ канцелярію, Чарницкій, посвистывая, возащался домой, въ нумера на Срѣтенкѣ. Ему надо было пеодѣться, зайти въ клубъ отобѣдать, сыграть партію на билрдѣ и къ девяти быть опять у Ольги, какъ это теперь было инято каждый вечеръ.

Отворивъ дверь, онъ остановился въ изумленіи. Въ перед-, на полу, стоялъ крохотный, старенькій чемоданъ, а на дитѣ лежалъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. При появленіи Чаркаго, онъ приподнялся и глядѣлъ, не здороваясь, съ улыбкой своемъ смугломъ, старообразномъ лицѣ восточнаго типа.

— Миша!.. Никакъ ты?—радостно крикнулъ Чарницкій, наро сбрасывая пальто.

— Я,—спокойно согласился мальчикъ, лѣниво поднялся и ошелъ къ брату. Они поздоровались, какъ чужіе. Но какъ крѣпился Чарницкій, какъ ни старался быть равнодушнымъ, осъ у него дрожалъ. Не только самъ братъ, но даже этотъ кій чемоданишко, съ которымъ онъ ѣздилъ когда-то самъ каникулы и обратно въ Москву, напомнили ему домъ, мать, тство, всѣ эти милые когда-то интересы, отъ которыхъ онъ ъ далеко ушелъ теперь.

Миша всегда дичился старшаго брата, котораго почти не алъ, вообще не радовался пріѣзду въ Москву и ученію,—и даніе это не вызывало въ немъ никакой радости.

Чарницкій оглядѣлъ съ ногъ до головы костюмъ брата, его ренькую блузу, съ кожанымъ поясомъ, заплатанные шташки, стоптанные сапоги. Но въ сумеркахъ все-таки онъ не разу замѣтилъ всѣ эти погрѣшности. Ему только бросилась ь глаза непріятная странность въ лицѣ брата, къ которой ъ не могъ привыкнуть. Казалось, съ взрослаго человѣка яли голову и посадили ее на туловище ребенка. Такъ старски-вяло и печально было это лицо; единственной красой его ыли глаза, большіе, темные, часто искрившіеся насмѣшкой.

— Что же ты это не растешь?—разочарованно воскликнулъ

Чарницкій. — Вѣдь, тебѣ на видъ лѣтъ восемь... Ты, брат видно, никогда не выростешь!

Миша промолчалъ, находя, что возражать или оспарива такія предположенія, по меньшей мѣрѣ, безцѣльно.

— Ѣсть хочешь?.. Я велю сейчасъ подать. Небось, ниче не ѣлъ въ дорогѣ?

Мальчикъ глянулъ куда-то въ уголъ и сморщился.—Д пожалуй,—нехотя согласился онъ. Онъ не ѣлъ съ самаго ут ни крошки.

Чарницкій самъ сбѣгалъ за закуской и велѣлъ подать самовар

— Ты, стало быть, давно съ вокзала? — сообразилъ он заваривъ чай и съ комфортомъ укладываясь на диванѣ. О радостно предвкушалъ эти разговоры о „домѣ".

— Я тутъ всего съ полчаса. Ужъ и огромная же ва Москва! Шелъ, шелъ... Насилу тебя разыскалъ...

Чарницкій, вытаращивъ глаза, глядѣлъ на брата.

— Развѣ ты не на извозчикѣ?

Мальчикъ насмѣшливо улыбнулся.

— Мамаша, видишь ли, вообразила, что нашъ городъ хуже Москвы, и если въ немъ за пятиалтынный съ одного ко на другой проѣхаться можно, то и здѣсь будетъ то же. Изво чики меньше сорока не брали. А у меня остался всего-на-все пятиалтынный. Дома разсчитали все точка въ точку...

— Узнаю мамашу,—усмѣхнулся Чарницкій, но улыбка т часъ сбѣжала съ губъ.—Какъ же это она тебя рѣшилась одно отправить по Москвѣ? И почему мнѣ не дали знать? Я мо бы тебя встрѣтить...

Хмурый и опечаленный, онъ заходилъ по комнатѣ. О догадался, что все это было не спроста... Они что-нибу слышали объ Ольгѣ, хотѣли застать врасплохъ...

— Небось, дуются, что не писалъ?.. Соня тутъ, кажетс именинница была? Вотъ, небось, клянетъ-то!.. „Эхъ, завертѣ я!.." подумалъ онъ съ раскаяніемъ.

— Нѣтъ... Вѣдь, мы знаемъ, что ты не любишь писать...

— Ужасно не люблю,—виновато сознался Чарницкій.—Н я на-дняхъ напишу... непремѣнно.

Миша солгалъ. Чарницкаго не только кляли дома за ег молчаніе, но и самый пріѣздъ Миши являлся какъ бы демо страціей негодующихъ чувствъ.

— Ну, что же тамъ, дома?—спрашивалъ Чарницкій, при нимая прежнее горизонтальное положеніе на диванѣ.

— Да, ничего...—вяло отвѣтилъ мальчикъ, съ аппетитомъ исывая сардинки.

— Отчего Соня не выѣзжаетъ? Опять хандритъ, что-ли?

— Куда! Хуже прежняго... запирается на цѣлые дни. Мы въ довсѣ наципочкахъ ходимъ, шопотомъ говоримъ... Такая тоска...

„Тоска"... какъ эхо, отдалось во всѣхъ нервахъ Чарницкаго.—ты говоришь „ничего"! Чего хуже-то?—вспылилъ онъ.

Разрумянившись отъ ѣды, Миша немного повеселѣлъ. Онъ тянулся къ самовару налить третій стаканъ чаю.

— Скоро ли это Соня замужъ выйдетъ?—досадливо загоилъ Чарницкій.

Миша усмѣхнулся.—Она тебя просила поторопиться.

— Чѣмъ это?—Чарницкій вдругъ сильно покраснѣлъ.

— Вѣдь ты... мы слышали... ты женишься?.. Сонѣ Рудаковъ алъ...

Чарницкій задумался, потомъ всталъ, порылся между бѣль, въ комодѣ, и досталъ оттуда портретъ Ольги.

Миша долго разглядывалъ портретъ, потомъ, очевидно, не льствуясь осмотромъ, перевернулъ карточку и прочелъ фаю фотографа.

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ Чарницкій.

— Ничего себѣ,—улыбнулся Миша.

— Какъ это ничего?.. Красавица!.. Ну, да ты глупъ еще, ъ эти вещи понимать!

Онъ рѣзко выхватилъ портретъ изъ рукъ брата, кинулъ на раженіе влюбленный взглядъ и опять спряталъ карточку ду бѣльемъ.

— Кто такая?—спокойно спросилъ мальчикъ.

— Баронесса Девичъ! Богатая наслѣдница... Наслѣдства, ожимъ, она и не получитъ, ну, да наплевать!.. Она сама тысячи въ годъ зарабатываетъ... почище любого мужчины... рницкій не могъ удержаться, чтобы не „округлить" цифры ьгинаго заработка.)

Эффектъ на этотъ разъ получился необычайный.

— Вотъ такъ штука!.. Баронесса... Фу, чортъ!—Краснорѣчіе ши изсякло разомъ. Чарницкій торжествующе улыбался. ъ теперь и самъ былъ увѣренъ, что на деньги наплевать, что все устроится къ лучшему.

— А свадьба-то когда же?

— А тамъ увидимъ... Куда спѣшить-то? Вотъ осенью, либо ерезъ годъ...

— То-то... Соня уже заявила мамашѣ, что съ осени пере ѣдетъ въ Москву, женишься ли ты, или нѣтъ, все равно. Больше тамъ она, видишь ли, жить не можетъ... Людей, го воритъ, нѣтъ...

— Куда же это она переѣдетъ?

— Къ тебѣ, должно быть... Куда же еще?

— Это недурно!—крикнулъ Чарницкій и взъерошилъ в лосы.—Какъ это они тамъ легко и безцеремонно всѣмъ всѣми распоряжаются!.. Не мѣшало бы меня спросить...

— Соня говоритъ, что ты ей самъ это обѣщалъ... Го ритъ, что женишься ты только для нея...

Чарницкій открылъ было ротъ, чтобъ выругаться, но ст нулъ зубы и промолчалъ. Онъ былъ увѣренъ, что нико сестра не уживется съ Ольгой.

Черезъ часъ они собрались къ невѣстѣ обѣдать.

— Ты бы переодѣлся... Развѣ тебѣ нечего больше надѣ

Миша вспомнилъ что-то и пошелъ въ переднюю. Изъ модана онъ досталъ свертокъ.—Носки тебѣ...

Лицо Чарницкаго прояснилось.

— А! Вотъ это умно!.. А платковъ прислали?

— Платковъ?.. Нѣтъ...

— Ахъ!.. Сколько разъ говорилъ!.. Вѣдь мамаша знае что у меня ихъ мало... Что бы догадаться?.. Ну, а еще что полюбопытствовалъ онъ, заглядывая въ чемоданъ.

— А еще пастилы нашей. Только она, кажется, раздави вся... Жалость какая!—Миша уныло разсматривалъ приплюс тую пастилу, обратившуюся въ кисель.—Я, видишь ли, на сѣлъ, должно быть... Въ вагонѣ было тѣсно...

— Ну, и обнимись съ ней,—весело воскликнулъ Чарницкій У насъ въ Москвѣ этой дряни много. По крайности, на на не сидѣлъ никто...

На ихъ звонокъ Ольга отперла сама. Въ передней бы темно.—Наконецъ-то!.. Милый!—Какъ всегда, съ страст нѣжностью она обвила руками его холодную съ мороза гол На этотъ разъ онъ быстро оттолкнулъ ея руки.

— Что это значитъ?—хотѣла гнѣвно спросить Ольга. Н Паша внесла свѣчу, и у локтя Чарницкаго вынырнула и темноты маленькая фигурка Миши. Ольга непріятно дрогну увидавъ это старческое лицо, эти враждебные черные глаз „А!.. Вотъ она, эта чужая ей семья!..“

— Братишка мой, прошу любить и жаловать...

Она оглянулась на милое лицо, все озаренное такой довѣр-
ивой, свѣтлой улыбкой... „Нѣтъ, не могу и не хочу его огор-
ить!“ — Очень, очень рада... Какъ васъ звать? Миша? И я
іѣю васъ звать Мишей?

Мальчикъ робко подалъ руку. Онъ хорошо замѣтилъ и за-
омнилъ первый взглядъ своей будущей невѣстки, мрачный и
эсткій, и не повѣрилъ ея радушію.

— Нельзя ли намъ, Оля, чайку послѣ обѣда?.. — сказалъ
арницкій, осторожно беря Ольгу за талію и входя съ ней въ
остиную. Потомъ онъ быстро оглянулся (Миша копотливо раз-
вался въ передней) и, нагнувшись къ пунцовому рту Ольги,
риникъ къ нему крѣпко и беззвучно. Онъ этимъ какъ бы
скупалъ свою рѣзкость въ первую минуту. И она это поняла.

— Паша! Подавайте обѣдать и сейчасъ же самоваръ! —
омко крикнула она, счастливая и смирившаяся подъ этой
ской любимаго человѣка и сама готовая любить теперь все
всѣхъ, кого онъ прикажетъ.

— Чѣмъ *вы* насъ кормить будете сегодня, Оля?

Она кинула ему бѣглый взглядъ.

— Чѣмъ *вы* пожелаете, изъ закусокъ. А обѣдъ, какъ всегда,
вашемъ вкусѣ,—въ тонъ ему, шутливо отвѣтила она.

Они старались весь вечеръ держаться этого *вы*. Чарницкаго
е забавляла будто необходимость тайны и стѣсненія, это
казалось пикантнымъ. Она смотрѣла на это иначе, но вто-
ла ему, подчиняясь, какъ всегда.

Отъ наблюдательнаго Миши не укрылся перекрестный огонь
бленныхъ взглядовъ, бѣглое пожатіе рукъ подъ столомъ,
шенныя шопотомъ слова и никогда не виданное имъ еще
аженіе страсти, вспыхивавшее мгновеніями въ лицѣ брата.
это его смѣшило, интересовало и смутно волновало.

Преодолѣвая свою антипатію и ревность, Ольга на проща-
притянула Мишу за руки къ себѣ и ласково спросила,
ко наклоняя къ нему лицо:—Можно васъ поцѣловать?

Миша вздрогнулъ и рѣзко вырвалъ руки. Онъ и съ ма-
ью-то никогда не цѣловался.

Ольга вспыхнула. Зловѣщая складка легла между ея бро-
„О, волченокъ... дикарь!“—подумала она съ презрѣніемъ.
Чарницкій расхохотался.—Бросьте его, Ольга!.. Мы такими
ми не избалованы. Онъ еще глупъ. Выростетъ, самъ по-
етъ, что терялъ случай... И я въ его годы терпѣть не
барышенъ.

Миша уже выходилъ въ сѣни.

— Алеша... когда же ты... когда *вы* придете?

— Завтра, — отвѣтилъ Чарницкій, не цѣлуя, а тольк жимая ея руку. Въ темнотѣ онъ не видалъ иронической ул Миши, который разслыхалъ-таки это *ты*.

Да, онъ не любитъ барышенъ... А эту въ особенност не полюбитъ ее никогда и ласкѣ ея не повѣритъ...

А Ольга чуть не плакала отъ жгучей обиды... Вѣдь, э вечеръ отнятъ у нея изъ-за этого волченка и исчезнетъ смысла, безъ радостей... А она такъ ждала...

Чарницкому, однако, первому надоѣло стѣсняться. сталъ говорить невѣстѣ *ты*, а черезъ недѣлю уже опят возвращался домой на ночь. Миша скоро догадался объ его зости къ Ольгѣ. Зналъ это и Рудаковъ, но онъ былъ де тенъ и нѣмъ, какъ могила. Когда Чарницкій возвращалс нумера утромъ, Миша уже былъ въ училищѣ, а Рудаков лалъ невинное лицо, и Чарницкій всякій разъ боялся в титься только съ Кассевичемъ. Поутру Чарницкій въ э случаяхъ всегда чувствовалъ приливъ отвращенія ко в злобу на необходимость прятаться и стѣсняться. „Хоть б ниться скорѣй!..“ говорилъ онъ Ольгѣ. Она отмалчивала

Одинъ разъ Чарницкій, вернувшись ранѣе обыкновен изъ клуба, гдѣ онъ обѣдалъ, засталъ брата за работой. по-турецки сидѣлъ на диванѣ и зашивалъ дыру на са Кровь бросилась въ лицо Чарницкому. Миша тоже вспыхн быстро спустилъ ноги съ дивана и растерянно положилъ сапогъ на столъ. Не дожидаясь вопроса, онъ забормотал

— Да, вотъ, ничего... просто такъ... починить хотѣл

Слезы выступили у него на глазахъ. Такъ ему стало но и жалко, и себя, и брата, который стоялъ передъ въ пальто, молча, съ убитымъ выраженіемъ.

— Что же ты мнѣ-то... ничего не могъ сказать? — у нулъ Чарницкій упавшимъ голосомъ.—Вѣдь, этакъ и вос ніе легкихъ схватить недолго... Вонъ, вся подошва отвалил И почему тебѣ на дорогу не купили новыхъ сапогъ?

Подходило двадцатое число, и у Чарницкаго денегъ не было. Сколько разъ Ольга, догадываясь о нуждѣ Чар каго, предлагала ему денегъ! Онъ никогда на это не с шался и, чтобъ не обидѣть ее, увѣрялъ, что попроситъ, к *понадобится*.

Чарницкій на другой день заложилъ свой серебряный п

игаръ. У Миши теперь были сапоги. Но деликатный маль-
икъ чувствовалъ себя положительно несчастнымъ.

Черезъ два дня вышелъ чай и сахаръ, пришлось дѣлать апасъ. Но за обѣдъ, который брали для Миши въ нумерахъ, латить уже было нечѣмъ. Чарницкій сходилъ въ контору и опросилъ подождать за нимъ до двадцатаго.

— Какъ же это я обѣдаю теперь? Въ долгъ, значитъ?— огадался Миша.

— Ну, а если бы въ долгъ?—Чарницкій сдѣлалъ круглые лаза, что всегда означало у него сильное раздраженіе. Миша есь какъ бы съежился.

— Ахъ, право!.. Зачѣмъ это? Развѣ нельзя въ сухомятку? Колбасы?.. Чего-нибудь?

— Все денегъ стоитъ, и колбаса... Не говори вздору!

Скоро и брюки Миши совсѣмъ развалились. Онъ ихъ потихоньку штопалъ и безпрестанно писалъ домой, умоляя выслать му новыя. Однако, мать оставалась глуха къ этой просьбѣ. Она какъ-будто считала обязанностью Чарницкаго содержать брата.

— Вотъ получу жалованье, куплю тебѣ новыя,—сказалъ Чарницкій.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, мнѣ изъ дому пришлютъ.

— Ахъ, тѣмъ лучше!—искренно обрадовался Чарницкій.

Миша сдѣлалъ очень мѣткое наблюденіе: всякій разъ къ концу мѣсяца, при безденежьѣ, Чарницкій становился мрачнымъ и оживалъ только двадцатаго. „Не будетъ онъ счастливъ съ бѣдной,—рѣшилъ умный мальчикъ,—а Ольга бѣдна, живетъ уроками, уроки можно потерять...“

Чарницкій написалъ къ Пасхѣ роднымъ, что женится, и послалъ портретъ невѣсты. Ожидаемыхъ брюкъ, либо денегъ изъ дома не получалось, зато старшая сестра бомбардировала Мишу вапросами: прикрашена ли Ольга на карточкѣ? Вѣдь это часто бываетъ... Очень ли любитъ ее Чарницкій и она его? Какъ Ольга одѣвается? Сколько у нея платьевъ? Много ли у нея поклонниковъ? И тонка ли у нея талія?.. У кого изъ насъ тоньше? Не забудь отвѣтить“... Старшему брату она написала очень сухо, не поминая ни словомъ объ Ольгѣ, о желаніи видѣть ее и познакомиться; она вскользь поздравляла брата и просила поторопиться свадьбой. Этимъ она давала знать, что своихъ плановъ переѣзда въ Москву она не оставила. Чарницкій скомкалъ это письмо и не показалъ его Ольгѣ.

Но разъ вечеромъ, выбравъ удобную минуту, онъ сказалъ:

— Олюшка, я давно хотѣлъ тебя просить. Будь поласковѣ съ Мишей, не обращай вниманія на его сдержанность... Вообщ постарайся полюбить моихъ родныхъ... Право, они всѣ хорош и этого стоютъ. А я ни одной твоей ласки такой, ни одной услу имъ не забуду... Этимъ ты купишь меня всего и навсегда

„Какъ онъ ихъ любитъ!"—больно отдалось въ ея сердц

А Миша на всѣ разспросы сестры написалъ очень лакон ческое письмо слѣдующаго содержанія: „Карточка не врет Ольга Юрьевна — красавица. *Кажется*, они другъ друга л бятъ, иначе чего бы имъ жениться?.. А, вотъ, отчего брюки шлете? Мнѣ не въ чемъ ходить"...

„Дур-ракъ!"—негодующе воскликнула Софья Казиміровн прочитавъ это посланіе.

VI.

Настала Пасха, которую, какъ и всѣ праздники, Ольгѣ п ходилось проводить втроемъ съ неизбѣжнымъ Мишей. Пе ломивъ свою антипатію къ этому старому мальчику, Ол иногда пробовала быть ласковой. Но Чарницкій не замѣча ея принужденія или фальшиваго тона. Его прекрасная ду не знала лицемѣрія и не допускала его въ другихъ. Счи за чистую монету это радушіе Ольги, онъ сказалъ ей ра какъ-то: „Ахъ, родная моя! Спасибо за Мишу! Ты—ангел теперь я за тебя готовъ душу отдать!"

„Только теперь?"—чуть не крикнула Ольга.

На Святой и Ѳоминой обыкновенно въ канцеляріи вы нялся вопросъ, кто изъ межевыхъ ѣдетъ въ командировку семь мѣсяцевъ. Чарницкій заикнулся было, что и его могу послать, но вышла ужасная сцена.

— Я слышать ничего не хочу!—кричала Ольга.—Я не м съ тобой разстаться! Хлопочи, отказывайся, что хочешь... И я поѣду съ тобой...

— Куда, Ольга? Побойся Бога! Мы живемъ всегда въ им ніи, у помѣщиковъ. Развѣ можно привезти тебя туда? Въ к чествѣ кого? Невѣсты?.. Но, вѣдь, даже женъ не всѣ берут Поселиться тебѣ въ городѣ сосѣднемъ? Пойдутъ сплетни. Э невозможно...

— Какъ же ты рѣшаешься покидать меня?.. Неужели эт называется любить?

Чарницкій успокоилъ ее, говоря, что все устроитъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, слышишь?—твердила она, с

:акимъ-то ужасомъ глядя въ его глаза.—Я не вынесу разлуки! I сойду съ ума!

— Ахъ, эта проклятая служба!—уныло говорилъ Чарницкій.)нъ тоже безъ ужаса не могъ думать о разлукѣ.

Разъ онъ пришелъ сообщить ей о Молотковѣ. Тотъ ѣхалъ ıъ Могилевскую губернію, а жену съ ребенкомъ оставлялъ въ Лосквѣ, у матери.

— И, конечно, хорошо дѣлаетъ. Куда же тащить семью?

Ольга слушала его съ страннымъ выраженіемъ въ глубинѣ рачковъ.

— Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь?.. И какое мнѣ, наконецъ, дѣло до Молоткова? Говори прямо, что ты хочешь отдѣаться отъ меня! Что ты пресытился моей любовью!

Слова замерли у него на губахъ при такомъ неожиданномъ ыводѣ. Онъ холодно и оскорбленно смотрѣлъ на нее. Это олько подлило масла въ огонь.

— На восемь мѣсяцевъ!—подхватила Ольга, закусывая удиа.—Хороша, нечего сказать, и Молоткова! Почему она сама е ѣдетъ съ нимъ?

— Потому что некуда... Я самъ бы никогда не взялъ жену. Іриходится жить въ такихъ трущобахъ... Ни дорогъ, ни докоровъ, ни людей... Жить въ избѣ, не доѣдать... Тутъ скаешься ъ женами...

— Стало быть, Молоткова лишеній побоялась? Хороша люовь!

— Не меньше твоей любовь!

Губы Ольги задрожали.

— Я отлично вижу, чего ты хочешь... Уѣхать, чтобы кутить съ ругими женщинами! Такъ я же не допущу этого! Слышишь ты? Іучше совсѣмъ разорвать... Навсегда! Сейчасъ же! Да!.. Да!.. Įа!.. Я никому не отдамъ тебя! Я лучше руки на себя наложу...

— Ольга... Въ своемъ ты умѣ?

Но она уже не владѣла собой и истерически разрыдалась.

Характеръ Ольги вообще портился, становился тяжелѣе. ìспышки внезапной, безпричинной, казалось, ревности—худіей изъ всѣхъ—ревности къ прошлому и будущему—налетали а нее часто, какъ вихрь, и уродовали, топтали, мяли и разушали все нѣжное и прекрасное въ ея чувствѣ и въ ихъ отошеніяхъ. Кто-то сказалъ, что любовь, отравленная ревностью, охожа на прекрасное лицо, испорченное оспой... Слѣдовъ ея згладить нельзя.

На Святой они поѣхали на передвижную выставку картинъ. День былъ солнечный, настроеніе хорошее. Миши не было съ ними, и это одно уже дѣлало Ольгу мягкой, нѣжной и счастливой. Имъ такъ рѣдко теперь случалось быть вдвоемъ. Осматривали они картины, и ничто не грозило ихъ душевному миру... Какъ вдругъ Чарницкій, проходя мимо одного полотна, остановился, какъ вкопанный...

Изъ золоченой рамы, какъ живое, глядѣло на него лицо молодой цыганки! Она стояла въ живописныхъ и яркихъ лохмотьяхъ, мѣстами откровенно обнажавшихъ ея смуглое, казалось, упругое, казалось, дышавшее тѣло. Одна открытая до плеча, коричневая отъ загара рука держала бубенъ, другую она закинула за голову красивымъ движеніемъ, словно потянуться собиралась всѣми своими гибкими, сильными членами. Изъ-подъ краснаго платка на низкій, никогда не думавшій лобъ сбѣгала масса блестящихъ волосъ. Безпорядочными прядями и завитками вырывались они изъ-за ушей, съ затылка, падали на полную шею и полуобнаженную золотисто-смуглую грудь. Скуластое и неправильное лицо нельзя было никакъ назвать красивымъ, и всѣ женщины проходили мимо равнодушно. Ольга тоже скользнула по картинѣ взглядомъ и хотѣла отойти.

— Подожди,—тихо сказалъ Чарницкій.

— Скажешь, красива? По-моему,—уродъ...

— На что ей красота? Посмотри, какіе глаза, сколько въ нихъ нѣги!..

Ольга расширенными зрачками глянула въ лицо цыганки.

Изъ-подъ опущенныхъ почти рѣсницъ этихъ длинныхъ, черныхъ какъ уголь глазъ, дѣйствительно, глядѣла, казалось, сама нѣга и страстная истома Востока. Казалось, тропическое солнце оставило свой отблескъ въ этихъ бездонныхъ зрачкахъ и зажгло въ нихъ эту странную искру, которая такъ приковала Чарницкаго... Казалось, эта женщина тамъ, на полотнѣ, изнемогала отъ желанія. Крупныя, пунцовыя губы грубо очерченнаго рта жадно раскрылись, какъ бы прося поцѣлуя, и изъ-подъ нихъ ослѣпительно бѣлѣла полоска зубовъ...

Ольга вздрогнула, вглядѣвшись въ картину, и быстро перевела взглядъ на лицо Чарницкаго. И внезапно острое чувство бѣшеной ревности и обиды захватило, стиснуло ей сердце... Въ неподвижномъ и словно воспаленномъ взорѣ Чарницкаго она прочла желаніе, прочла страсть къ этой неизвѣстной женщинѣ, образъ которой художникъ увѣковѣчилъ на полотнѣ...

— Уйдемъ отсюда!.. Сейчасъ уйдемъ!—глухо и повелительно сказала она, ухвативъ за рукавъ Чарницкаго.

— Куда ты? Постой!.. На насъ глядятъ... Бога ради...

Но она уже бѣжала къ выходу. Не успѣли они сѣсть въ первую пролетку и отъѣхать пять шаговъ, какъ она уже разразилась цѣлымъ ливнемъ упрековъ и оскорбленій:

— Боже мой! Влюбился... въ картину... Даже картины не могъ пропустить... Если бы онъ видѣлъ свое лицо въ эту минуту! О, эти низкіе людишки!.. Вотъ ужъ животныя! Имъ бы вѣчную смѣну, разнообразіе!..

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что такое!—вдругъ опомнился Чарницкій. (Онъ самъ не замѣтилъ, что она кричитъ на улицѣ, и онъ отвѣчаетъ ей крикомъ, что встрѣчные глядятъ съ улыбкой на ихъ гнѣвные лица и жесты.)—Я просто словъ... словъ не нахожу въ отвѣтъ... Приревновать къ картинѣ... Ты совсѣмъ рехнулась!.. Тебя лѣчить надо... Безумная женщина!..

Но она уже не слушала. Она кричала свое. Слезы звенѣли въ ея голосѣ, потомъ брызнули изъ глазъ. Она вынула платокъ. Ей было все равно, что извозчикъ слышитъ, что прохожіе глядятъ... Жизнь для нея потеряла смыслъ... „Лучше разойтись!" говорила она, задыхаясь отъ слезъ. „Она ему въ тягость, это по всему видно... И этого она не переживетъ..."

Онъ уже не противорѣчилъ, не утѣшалъ, готовый на все согласиться, чтобы прекратить эту сцену. Разрывъ, такъ разрывъ, какъ ей будетъ угодно!.. Она, уколотая до глубины души его уступчивостью, смолкла. Доѣхали они вмѣстѣ до квартиры Ольги и тамъ, у нея, промолчали два часа, хотя оба мучились ужасно.

— Когда же это, наконецъ, кончится?—зазвенѣвшимъ голосомъ вдругъ спросилъ Чарницкій.—Изъ-за чего мы мучимся и отравляемъ другъ другу жизнь?

Ледъ въ душѣ Ольги растаялъ мгновенно. И съ той необыкновенной, страстной экспансивностью, быстротой въ смѣнѣ настроенія и искренностью раскаянія, какая всегда подкупала Чарницкаго, она кинулась передъ нимъ на колѣни и зарыдала: „Прости... прости меня!.. Я совсѣмъ безумная..."

Дорого обходилась имъ каждая ссора. Ольга имѣла привычку, обидѣвшись на что-нибудь, вдругъ замолчать дня на два, замкнувшись въ себѣ, ничего не объясняя, словно окаменѣвъ. Чарницкій ужасно боялся этого состоянія ея. „Лучше побей,—говорилъ онъ,—обругайся, что хочешь, только н-

молчи!..“ Но она не могла себя сломить. Это было сильнѣе ея. Либо же гнѣвъ и ревность выражались у нея въ бѣшеныхъ вспышкахъ. Чарницкій, примирившись, уѣзжалъ и засыпалъ спокойно. А она не спала, растравляя раны своего сердца, припоминая всѣ мелочи, всѣ слова, переживая заново съ удивительной яркостью всѣ впечатлѣнія, мучительно каясь, ломая руки и укоряя себя... „Этотъ день пропалъ... Этотъ вечеръ погибъ... безъ любви и ласки, безъ радостей, въ ссорѣ... А много ли у нея этихъ дней впереди?.. Вѣдь, скоро всему конецъ...“

Это была какая-то навязчивая мысль, ужасная и непобѣдимая. Сознаніе эфемерности ея счастія отравляло ей дни и ночи, самые высокіе моменты и никогда не давало забвенія. Отчего это случится?.. Смерть ли оторветъ ихъ другъ отъ друга? Или же онъ разлюбитъ ее, увлекшись другою?.. Она не знала. Не все ли равно? Она чувствовала, что мечъ Дамокла виситъ надъ ея головой.

Вначалѣ Чарницкій легче переносилъ эти сцены ревности и искренно вѣрилъ въ клятвы Ольги, что сцены эти не повторятся. Но онѣ повторялись... Послѣ цыганки была ссора изъ-за грузинки, которую они встрѣтили въ пассажѣ, а Чарницкій имѣлъ неосторожность (бывши навеселѣ) воскликнуть: „Вотъ прелесть!..“ Въ другой разъ изъ-за разряженной кокотки, которая вызывающе улыбнулась Чарницкому, а Ольга увѣряла, что онъ обмѣнялся съ нею какими-то „подлыми“ взглядами... Часто Ольга говорила ему: „Посмотри, какая хорошенькая!“ Онъ искренно соглашался. И вдругъ, черезъ день, два Ольга начинала язвить Чарницкаго, безпрестанно напоминая ему объ этой чужой женщинѣ.

— Да, вѣдь, я ее въ глаза не знаю!.. Не встрѣчалъ и не встрѣчу...

— Все равно! Ты мечтаешь о ней...

Тогда Чарницкій взялъ другую тактику—отмалчиванія. Необходимость лицемѣрить и скрытничать была непріятна его правдивой натурѣ, но это было неизбѣжно. Однако, не помогло и это. Теперь, когда она спрашивала его мнѣніе о женскомъ лицѣ, а онъ равнодушно отвѣчалъ: „Ничего хорошаго“, она выходила изъ себя:

— Зачѣмъ ты лжешь?.. Ты уже лгать начинаешь? Развѣ можетъ не нравиться такая красотка? Да ты меня-то совсѣмъ за дуру считаешь и разсчитываешь водить за носъ?

— Отстань ты отъ меня! — съ сердцемъ возражалъ Чар-

ицкій. — Найдешь хорошенькую—бѣда!.. Не найдешь — того уже! Что прикажете, наконецъ, сдѣлать, чтобы вамъ угодить?

— Не лги прежде всего! Это недостойно тебя и меня!..

— А ты не мучь меня за мою правду!.. Я долженъ лгать, чтоы обезпечить себѣ покой... Ты думаешь, мнѣ-то лгать пріятно ли легко? Ты научила меня этому своей нелѣпой ревностью...

Иногда случались цѣлые мѣсяцы свѣтлой полосы, безъ соръ, и Чарницкій начиналъ вѣрить, что все дурное миноало. Исподволь Ольга разспрашивала его о прошлыхъ увлеченіяхъ, особенно объ этой сестрѣ милосердія, съ которой нъ жилъ на войнѣ. Чарницкій довѣрчиво открывалъ ей ушу. Но какъ же онъ каялся потомъ въ этихъ признаніяхъ, огда въ больной душѣ Ольги снова меркнулъ свѣтъ, и она ачинала терзаться ревностью къ этому прошлому!..

Наконецъ, Чарницкій понялъ, что Ольга безсильна перењнить свою натуру, и это сознаніе было первымъ камнемъ, павшимъ между ними. Его бралъ ужасъ за будущее съ таой ревнивой женщиной, и нелегко было ему примириться ь такимъ глубокимъ разочарованіемъ. Поневолѣ онъ закнулся въ себѣ, и необходимость лгать и скрытничать съ еченіемъ времени перестала его угнетать. Она же иногда сосѣмъ не подозрѣвала объ его мрачныхъ думахъ и вѣрила, то они друзья, что онъ забылъ ея сцены и опять говоритъ й правду. Иногда же вдругъ, чутьемъ прозрѣвъ истину, она скорблялась, и плакала, и жаждала вернуть его довѣріе, и е хотѣла вѣрить, что это уже невозможно.

Чарницкій—не мелочный и мягкій—всегда старался прекратить „дутье" и ссоры, охотно дѣлалъ первый шагъ къ примиренію, искалъ хотя бы худого мира... „Все, вѣдь, это изъ-за ыѣденнаго яйца", говорилъ онъ, болѣзненно морщась. Но, аконецъ, и онъ озлобился. Его нервы были разстроены. Все руднѣе ему было ломать себя, просить прощенія въ несуществующей винѣ и притворяться нѣжнымъ и ласковымъ, тобы добиться сносныхъ отношеній. Чѣмъ нѣжнѣе были его ласки, тѣмъ больше горечи чувствовалъ онъ за неизбѣжность той комедіи и въ душѣ не прощалъ этого Ольгѣ. Странно, то ея всегда чуткіе нервы нерѣдко не умѣли угадать здѣсь фальши. И въ сердцѣ Чарницкаго все чаще оставался скверный осадокъ, какая-то отвратительная муть. Нерѣдко онъ хандрилъ. Но чѣмъ больше онъ душою отдалялся отъ Ольги, тѣмъ больше вниманія онъ ей оказывалъ, какъ бы упрекая

себя за это невольное охлажденіе къ дѣвушкѣ, беззавѣт
отдавшей ему себя. Онъ понималъ такъ, что ихъ жизни тѣс
связаны навсегда, и что надо дѣлать все, чтобы ихъ сов
стное существованіе было сноснѣе. А Ольга была совсѣ
слѣпа. Стараясь привязать къ себѣ Чарницкаго, она букваль
дѣлала все, чтобы отдалить его отъ себя. Въ ея оправда
можно сказать только то, что она невыносимо страдала. Мыс
о соперницѣ не покидала ее, и, къ ужасу своему, она чувст
вала, что у нея нѣтъ никакого довѣрія къ Чарницкому. О
ловила его взгляды въ толпѣ, слѣдила за выраженіемъ его ли
когда онъ говорилъ съ знакомыми женщинами, она тай
слѣдила за его жизнью. Одинъ разъ, узнавъ, что онъ ѣде
винтить въ одну семью, и зная адресъ, она отправилась
этому дому и, стоя на морозѣ во дворѣ, подъ окнами, жда
когда чье-нибудь неосторожное движеніе или счастливая с
чайность раскроютъ ей складки занавѣсей. И успокоилась о
только, когда въ крошечную щель, въ сторѣ, сбоку разг
дѣла фигуру Чарницкаго, согнутую надъ карточнымъ с
ломъ. Въ этомъ она никогда не призналась ему. Она зна
что онъ ей этого не проститъ. Но она любила тѣмъ без
нѣе, чѣмъ меньше вѣрила и меньше уважала. Вообще, любо
давала ей мало радостей. Зачастую это былъ адъ.

VII.

Чарницкій отдѣлался-таки отъ командировки, даже взя
отпускъ. Миша уѣхалъ домой, и они вдвоемъ переѣхали
дачу въ Богородское. Ольгѣ казалось, что она счастлива с
всѣмъ. Они почти не разлучались цѣлую недѣлю. Но вот
тутъ-то они узнали первые шипы совмѣстной жизни.

Въ одинъ дождливый и холодный іюньскій вечеръ Чарницкі
хандрилъ. Онъ лежалъ головой въ колѣняхъ Ольги и молчал

— Вотъ весело!—вспыхнула она.—Неужели же намъ и по
говорить не о чемъ?

— Не хочется, Оля... Да и о чемъ? Я хандрю, не сердись.

— Если нѣтъ винта, значитъ хандрить надо?

— Напрасно сердишься, — кротко возразилъ Чарницкій
предвидя бурю.— Право, иногда пріятно помолчать. Развѣ м
обязаны, какъ гостей, занимать другъ друга? Почитай мнѣ что
нибудь вслухъ. Вотъ вечеръ и пройдетъ незамѣтно.

Она такъ и вскинулась.—А!.. „Незамѣтно"... Вотъ ты как

ришь на женщину. Хороша только въ минуты страсти, а и говорить нечего...

ъ началъ было оправдываться. Но на нее напало по-ніе какое-то... „Разлюбилъ, охладѣлъ, все кончено"... Со-ись съ мѣста, она кинулась на улицу.

Куда ты? Постой!..

а не знала куда. Безсознательно мчалась она къ лѣсу ѣчая ни грязи, ни дождя... „Умереть... умереть... Больше не остается!.."

, проклятіе!"—вырвалось у Чарницкаго. Но, испугавшись отчаянія, онъ побѣжалъ за Ольгой, захвативъ платокъ. са они бродили подъ дождемъ, измокшіе, продрогнувшіе. ричала, завидя его, чтобъ онъ не смѣлъ подходить, и неволѣ ходилъ шагахъ въ пятидесяти за нею, боясь бро-е одну въ темнотѣ, въ лѣсу. Наконецъ, обезсиленная, авъ всѣ слезы, она побрела домой, все не позволяя ему ить къ себѣ. Въ спальнѣ она заперлась. На утро встала аменнымъ" лицомъ и опять ушла въ лѣсъ, до глубокаго а. Онъ даже не искалъ ее. Онъ слишкомъ озлобился и ственно усталъ. Такъ прошло двое сутокъ. Ночью она хала, что онъ ходитъ по дачѣ и выжимаетъ полотенце у мойника. Она вскочила и кинулась къ нему.

— Что съ тобой, Алеша?

— Сердце... Ничего, это пройдетъ... Не бойся...

Это былъ припадокъ сердцебіенія. Онъ задыхался, блѣдный, холоднымъ пòтомъ на вискахъ. Ольга дико крикнула и упала колѣни.

— Прости!.. Прости... О! Что я надѣлала?! Я никогда больше буду огорчать тебя...

Она, правда, стала осторожнѣе потомъ. Но ихъ чувство какъ дало глубокую трещину, роковую и неисцѣлимую.

Ольга замѣчала, что Чарницкій желтѣетъ, худѣетъ, стано-ится раздражительнымъ, теряетъ здоровье. Но и у нея всегда было теперь мрачное, угнетенное настроеніе, съ которымъ она уже не хотѣла и не могла бороться. Онъ огорчался сперва, потомъ сердился. Чего ей еще не достаетъ, Боже мой! Страсти? Да, вѣдь, невозможно вѣчно быть влюбленными! Надо мириться съ неизбѣжнымъ. Онъ ее любитъ, привязанъ... Неужели этого мало?

Онъ угадалъ. Она не могла примириться. Горячка страсти, эта поэзія жизни, безъ которой та теряла свои краски и блескъ, какъ теряетъ ихъ картина, которую изъ солнцемъ залитаго

зала внезапно вынесли въ темный коридоръ,—все исчезло.
ненія страсти приходили все рѣже. Прошло навсегда то вр
когда онъ исключительно наслаждался обществомъ Ольги, к
всѣ вечера проходили въ ласкахъ, и даже не требовалось
сѣды... Не имѣя общихъ интересовъ, они молчали, скуча
даже любовь не стушевывала нравственной розни: такъ
била она въ глаза, заставляя страдать обоихъ, особенно О
Они оба словно оглядывались на пройденную дорогу, и
вспоминая, гдѣ и когда потеряли они силу и яркость чув
бросавшаго на всю ихъ жизнь золотисто-пурпурный колори
Превосходный характеръ Чарницкаго все-таки искалъ сгла
всѣ угловатости ихъ отношеній.

У нихъ нашлись сосѣди, и завязалось знакомство. Зерцо
красивый брюнетъ, лѣтъ 35-ти, очень неглупый, сухой и пр
тичный, служилъ въ частномъ банкѣ. Жена его Клара,
вшая институтка, помнила Ольгу. Она тремя годами раньше
чила курсъ и скоро сошлась съ ней на „ты", хотя общаг
нихъ не было ничего. Но ужъ очень радушна была эта
сивая толстуха, и Ольга обрадовалась ея сочувствію. Од
чество одолѣло ее. Клара была страстной семьянинкой и п
съ голоса мужа. Онъ требовалъ отъ нея аккуратности въ
зяйствѣ, а чтобы не скучала, научилъ ее играть въ винтъ. С
съ Чарницкимъ тоже быстро сошлись, и Чарницкій точно ожи
Вмѣстѣ они ходили купаться, фехтовали, играли на билліа
или въ кегли. Зерцовъ часто устраивалъ винтъ.

Когда Зерцовъ познакомился съ Чарницкимъ, тотъ сказа
что не женатъ. Зайдя къ нему на дачу и увидавъ Ольгу, З
цовъ на другой день сказалъ:—Ну, ужъ и ревнивецъ же
батенька! Вотъ плутъ-то! Взялъ за себя красавицу, да и
четъ ее! Авось, мы ее не съѣдимъ!

Чарницкій вспыхнулъ. — Я не женатъ, — повторилъ он
вдругъ поднялъ на пріятеля свой открытый взглядъ съ рѣ
мостью отчаянія.—Это моя невѣста.

— Ну, и прекрасно! Тащите ее къ намъ...

— Вотъ парочка! — говорилъ вечеромъ Зерцовъ жен
Влюблены, хороши оба, какъ греческіе боги. Дарвинъ п
довался бы такому подбору. Что за дѣти будутъ у нихъ!

Разъ какъ-то Зерцовъ съ Чарницкимъ разговорилис
душѣ. Узнавъ, что они собираются жениться, какъ только
ницкій найдетъ подходящее мѣсто, Зерцовъ изумился:

— Да на какого чорта вамъ жениться?.. Чего вамъ не

таетъ? Благо нашлась умница, которая сама васъ въ это ярмо не толкаетъ... Подождите. Куда спѣшить?

Изъ его словъ выходило, что бракъ—это петля на шеѣ, что это самая отчаянная глупость. Если бы онъ могъ жизнь начать съизнова, онъ никогда бы не женился. Онъ получаетъ двѣ тысячи и все-таки въ долгу, какъ въ шелку. И радостей никакихъ.

— А дѣти? Вы ихъ такъ любите...

— Вотъ въ томъ-то и горе!.. Кто схоронилъ хоть одного, тотъ знаетъ, что такое дѣти? Ни минуты покоя, вѣчный трепетъ и отвѣтственность, и мучительныя заботы... А радости? Ложка меду въ бочкѣ дегтя, вотъ что значитъ „дѣти"!

Чарницкій, конечно, ничего не говорилъ Ольгѣ объ этомъ разговорѣ, но самъ призадумался. Въ устахъ счастливаго семьянина такія слова были поразительны.

А Клара въ это время вывѣдала у Ольги, что она мечтаетъ поступить на медицинскіе курсы.

— А если дѣти будутъ?.. Вотъ вздоръ-то! Ты ихъ на кого бросишь?

Зерцовъ оказался лютымъ врагомъ ученыхъ женщинъ. Онъ сцѣпился разъ съ Ольгой по этому вопросу, и между ними словно пробѣжала черная кошка.

— Вы знаете, Алексѣй Казимірычъ, что Ольга Юрьевна мечтаетъ докторомъ быть,—сказалъ разъ на прогулкѣ Зерцовъ Чарницкому наединѣ.—Вы какъ на это смотрите?

Чарницкій вернулся домой, сильно разстроенный. Объясненіе его съ Ольгой вышло тяжелое. Онъ былъ убѣжденъ, что она, сойдясь съ нимъ, отказалась отъ своей идеи ѣхать въ Петербургъ... Другое дѣло,—говорилъ онъ,—если и онъ найдетъ тамъ мѣсто, отчего же и ей не поступить на курсы? Онъ не принципіально врагъ женскаго вопроса, какъ Зерцовъ, но, вѣдь, трудно же надѣяться, что именно тамъ найдется мѣсто. И когда? А потомъ она знаетъ, что у него есть обязательства передъ семьей. Хотя сестру-то надо выписать... На что же они будутъ жить въ Петербургѣ?

— Ахъ, Алеша! Это такъ еще далеко впереди...

— Однако, это надо выяснить. Значитъ, если я не найду себѣ подходящаго мѣста, ты меня бросишь?.. Въ твоихъ глазахъ это только временная связь, забава?

Сердце его вдругъ забилось съ такой силой и болью, что онъ помертвѣлъ и взялся за грудь рукой. Она этого не замѣтила.

— Оставимъ это, Алеша! — взмолилась она, закрывая лицо холодѣющими руками.—Не мучь меня...

Никогда еще этотъ вопросъ не подымался между ними.

— Охъ!..—невольно застоналъ Чарницкій и опустился на диванъ, держась за грудь обѣими руками. Тогда она увидала его мертвенное лицо и задохнулась отъ ужаса.

— Воды!—сказалъ онъ глухо... Она кинулась за водой.

— Прости меня... прости! — зарыдала она, охватывая его ноги и прижимаясь къ нимъ головой. Онъ сидѣлъ неподвижно, закрывъ глаза, задыхаясь, только руки его конвульсивно вздрагивали. Въ первый разъ съ ужасомъ Ольга замѣтила какіе-то синеватые тоны, вдругъ разлившіеся по его чертамъ. Наконецъ, онъ открылъ глаза.

— Вотъ она, твоя любовь,—съ горечью прошепталъ онъ.— А я такъ вѣрилъ въ тебя, такъ былъ спокоенъ...

Она со стономъ прижалась лицомъ къ его колѣнямъ и промолчала. Что ей было сказать?

На другое утро онъ сказалъ съ какой-то странной, новой враждебностью:

— Я требую категорическаго отвѣта, Ольга. Способна ли ты бросить меня ради твоихъ идей?.. Если ты отвѣтишь мнѣ, положа руку на сердце, *да*, то прямо говорю тебѣ, мнѣ такой жены не нужно. Мое самолюбіе не допуститъ никакихъ компромиссовъ.

— И прекрасно! — съ виду спокойно согласилась Ольга.— Я никогда не выйду за тебя замужъ. Ты правъ, Алеша. Мы не пара. Тебѣ не такая жена нужна...

Онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, ничего не умѣя понять въ ея душѣ. Потомъ заговорилъ страстно, жестко, упрекая ее въ скрытности и вѣроломствѣ. Она слушала молча, съ странной безстрастностью.

— Довольно, Алеша! Если я и обманывала тебя, то имѣя въ виду твое же спокойствіе. Но надо же было когда-нибудь высказаться... Повѣрь, ты самъ впослѣдствіи скажешь мнѣ мысленно *спасибо* за то, что я не связала тебя.

— И себя?—желчно подхватилъ Чарницкій.

— Ну, хотя бы и такъ... Я не семьянинка, пойми меня. Я была безсильна бороться со страстью. Но мнѣ не приходило въ голову измѣнять своимъ принципамъ, никогда... даже въ самыя высокія минуты наслажденія...

— Что же теперь? Разрывъ, что ли?

Она схватила его руку и поднесла ее къ губамъ.

— Ахъ, зачѣмъ?.. Зачѣмъ, Алеша? Будемъ любить другъ га, пока любится! Не загадывай впередъ... Не искушай бу! Ну, а разлюбишь... ну... тогда видно будетъ...

— Мнѣ сдается, что это время недалеко, — сухо отвѣтилъ отдергивая свою руку.—Откровенно говорю тебѣ, Ольга, на себя, если ты убьешь во мнѣ любовь.

то-то ушло изъ его души послѣ этого разговора. Какой-шевный холодъ парализовалъ его чувство. Они были, какъ , почти недѣлю. Наконецъ, они примирились, но имъ было что оба они уже не тѣ, что прежде, и чувства были не ловно по тайному договору, они не возвращались къ этой но думали о ней безпрестанно. И онъ уже не рѣшался ить ее, какъ часто любилъ спрашивать: „Любишь ли ты безпредѣльно?..“ Теперь онъ не повѣрилъ бы ей и мол- Это была мелочь, но для нихъ она имѣла значенiе.

то кончилось, и Ольга вернулась къ своимъ занятiямъ. ьница сдѣлала ей ледяной прiемъ, классныя дамы глядѣли е съ любопытствомъ и тайной враждебностью. Всѣ знали, а—невѣста. Но начальница знала и больше. Во-первыхъ, швейцаръ видѣлъ поздно вечеромъ въ прихожей у Ольги iя калоши, когда пришелъ къ ней съ порученiемъ отъ ьницы. А во-вторыхъ, какъ ни уединенно жили они на это кто-то вызналъ и донесъ.

идавъ эту холодность тамъ, гдѣ она привыкла встрѣчать привѣтъ и уваженiе, Ольга вспылила и хотѣла тотчасъ въ отставку. Но у нея не было денегъ, и даже нако-ь долги за лѣто. Она смирилась, но не дешево давалось о смиренiе. Разлилась желчь, и она слегла на недѣлю. е всего было то, что она должна была скрывать свое на-енiе отъ Чарницкаго. Конечно, ему было бы тяжело за нее. нъ не преминулъ бы сказать: „Вотъ видишь, я былъ правъ, говорилъ, что лучше жениться“...

Оправившись, Ольга поѣхала вечеромъ къ Короткой. Марья ловна встрѣтила ее радушно, но чуткое ухо Ольги уловило ъ ея тонѣ что-то новое и въ обращенiи что-то недоговорен-, что болѣзненно кольнуло ее.

— Порекомендуйте мнѣ частные уроки, Марья Павловна,— просила Ольга. Короткая даже не удивилась.

— Я сама объ этомъ думала. Начальница тобой такъ недо-ьна, что лучше будетъ уйти...

Ольга поблѣднѣла.—Неужели она мнѣ откажетъ?—хрипло росила она.

— Нѣтъ, она этого не сдѣлаетъ. Она слишкомъ хорс этого человѣкъ. Но, по-моему, тебѣ не зачѣмъ остав:

— Но я не могу сейчасъ уйти... У меня долги...

Даже уши и шея ея горѣли отъ стыда, когда она сı въ этомъ, низко склоняя свою когда-то гордую голову. униженія было ей такъ ново и страшно, что она рас: и тяжело заплакала.

— Полно, полно, Ольга! — взволнованно залепетал Павловна.—Не плачь. Я опять-таки высказала тебѣ с ный взглядъ. Я бы ушла... Но ты, конечно... Я, вѣдь, ı что у тебя долги...

Короткая нервно пробѣжала по комнатѣ и опять на кушеткѣ.

— Слушай... Я знаю, что вы жили вмѣстѣ на дачѣ,- тала она. — Ну, стало быть... Я понимаю... Я и не ‹ тебя. Я менѣе, чѣмъ кто-нибудь, могу тебя осудить. молоды... ну, сдѣлали глупость... Будь хоть теперь ‹ нѣе! За тобой будутъ слѣдить, я знаю... Не давай ему ваться... какъ въ прошломъ году... Видишь, я все знак обвѣнчаться скорѣй и всѣмъ зажать ротъ...

— Это возмутительно! По какому праву слѣдить? Е моя частная жизнь... Кто смѣетъ въ нее вторгаться? А свадьбы... Неужели *вы* отвернетесь отъ меня, если я не выйду замужъ?

— Почему?—Короткая всплеснула руками.

— По принципу, дорогая... Вотъ почему...

— Это будетъ безуміе, Ольга... Не бросай общест ва! Этого не прощаютъ... Ты нигдѣ не найдешь себѣ за помни!.. А если дѣти пойдутъ, тогда что?

Простились онѣ опять, какъ друзья, но Ольга не ı быть этого впечатлѣнія. Конечно, Чарницкій не былъ ı во всемъ этомъ униженіи, которое она должна была в но какой-то неуловимый оттѣнокъ горечи отравлялъ т любовь къ нему, ихъ отношенія. Настроеніе Ольги бь вленное.

— Что съ тобой, Олюша?.. О чемъ хандришь?—ласк‹ шивалъ онъ. Она выходила изъ глубокой задумчивости ничего,—сухо бросала она. Не говорить же ему было презираетъ себя минутами и мучается невыносимо за сво‹ которому она пожертвовала всѣми мечтами, которое ı убиваетъ въ ней *другою* человѣка. Чарницкій не про‹ *ей этого* никогда.

— Ахъ, эти женщины! — говорилъ онъ съ горечью. — Кажется, все хорошо? Нѣтъ-таки!.. Не могутъ не выдумать себѣ есчастья!.. И только портятъ жизнь себѣ и другимъ...

Ольга часто забѣгала теперь къ Райской.—Что Колпикоа?—спрашивала она.—Пишетъ ли?.. Сперва фельдшерица встрѣила ее враждебно, но потомъ все обошлось. Отъ Колпиковой ъ ноябрѣ пришло письмо. „Пришлите книгъ,—просила она,—лова молвить не съ кѣмъ"... Опять захлопоталъ Арбековъ, обирая книги, старыя газеты и деньги, чтобъ отправить Коликовой къ праздникамъ.

— А вы замѣчаете, какъ дурнѣетъ Девичъ?—спрашивала 'айская у молодежи.

— Зачѣмъ вы это говорите?—съ болью сорвалось разъ у рбекова.

— Просто констатирую фактъ...

— Никто васъ объ этомъ не проситъ!..

Какъ-то разъ, зайдя къ Райской, Ольга нашла у нея цѣлый ружокъ молодежи; всѣ были замѣтно взволнованы. Хортича олько что выпустили, но высылали изъ Москвы, и онъ приелъ проститься.

— Слыхали, Девичъ? Ганецкая вернулась изъ-за границы. сть вѣсти о Семеновѣ. Онъ въ Женевѣ.

Ольга почувствовала, что мѣняется въ лицѣ.

— Завтра я къ ней пойду, — торжественно объявила Райкая.—Хочу ей выразить мое уваженіе...

— За что это?—язвительно усмѣхнулся Хортичъ.

— За ея дѣятельность, конечно... Она изъ тѣхъ, кто не однѣи фразами пробавляются...

„На меня намекъ опять,—поняла Ольга.—И зачѣмъ я хожу юда?"

— Такъ это ея долгъ... Кланяться-то зачѣмъ? Эхъ, бабы! Iе могутъ безъ авторитетовъ и поклоненія...

Арбековъ засверкалъ глазами на Райскую.—А кто изъ насъ е пробавляется фразами? Кто дѣло дѣлаетъ? Вы, что ли?

Райская обидѣлась, начался споръ.

— Ольга Юрьевна,—покрылъ всѣхъ ихъ звучный голосъ Хорича.—Не знаете, зачѣмъ понадобился Ганецкой вашъ адресъ?

Всѣ оглянулись на Ольгу. Глаза Райской потемнѣли.

— Дѣйствительно, что общаго между Ганецкой и Девичъ?—росила она какими-то свистящими звуками.

— Вы правы,—холодно отвѣтила Ольга, подымаясь,—ни съ

Семеновымъ, ни съ нею у меня никогда не было и не будетъ ничего общаго...

Она ушла. Всю ночь прометалась она безъ сна.

Это было въ субботу, а въ воскресеніе она поднялась около одиннадцати и посмотрѣлась въ зеркало. Какъ она дурнѣетъ! Какъ старится!.. Да и шутка сказать!.. Двадцать семь лѣтъ... Скоро, скоро всему конецъ!

— Барышня... васъ спрашиваютъ,—раздался сзади голосъ Паши.—Барыня какая-то... хочетъ васъ видѣть...

Въ гостиной у окна стояла, глядя на улицу, высокая, стройная женщина, въ изящномъ свѣтло-сѣромъ туалетѣ и такой же шляпѣ. На звукъ отворявшейся двери она обернулась и поглядѣла на Ольгу большими и холодными, сѣрыми глазами. Сердце Ольги бурно застучало.

— Ганецкая,—сказала гостья, протягивая руку въ длинной перчаткѣ.

Ольга вспыхнула. Въ глазахъ ея, подъ прижмуренными—словно въ ожиданіи удара—вѣками, залегло какое-то угрожающее, враждебное выраженіе.

— Чѣмъ могу служить? — сухо спросила она, приглашая гостью сѣсть. Съ необъяснимой жадностью вглядывалась она въ черты гостьи. Это былъ не русскій типъ, а скорѣй англійскій. Отъ блѣднаго лица, безъ тѣни румянца, такъ и вѣяло холодомъ безстрастной, казалось, но упорной натуры. Волосы какого-то линючаго цвѣта, сѣрые глаза, — все это поражало однотонностью, отсутствіемъ жизни и красоты. Плотно сжатыя губы и рѣзко выступавшій подбородокъ говорили о недюжинной энергіи этой дѣвушки. Она совсѣмъ не была хороша собой, но въ этомъ умномъ лицѣ было что-то *свое*. Ни женственности, ни мягкости, ни ошибокъ, ни увлеченій не сулили эти удивительныя черты. „У католическихъ аббатиссъ, у фанатичекъ попадаются, навѣрное, такія лица, — подумала Ольга. — Какіе жестокіе глаза!“

— Я къ вамъ отъ Семенова,—заговорила она, и самый звукъ ея голоса гармонировалъ со всей ея наружностью. Онъ былъ сухъ и властенъ.—Я его видѣла въ Цюрихѣ, потомъ въ Женевѣ. Онъ прислалъ со мной письма сестрѣ и нѣкоторымъ лицамъ здѣсь и въ Петербургѣ. Но васъ онъ настоятельно просилъ повидать...

— Зачѣмъ?..

— Изслѣдовать почву... Это его слова...

— А!.. Онъ напрасно вспомнилъ обо мнѣ...

— Вы хотите сказать еще рано?—медленно поправила Ганецкая. Глаза Ольги вспыхнули.

— Нѣтъ! Я хочу сказать, что наши пути, какъ двѣ параллельныя линіи, никогда не сойдутся... Пусть онъ вспомнитъ нашъ послѣдній разговоръ!

— Вы должны взять эти слова назадъ, Девичъ!

— О!—съ дрожью въ голосѣ крикнула Ольга.—Кто же заставитъ меня это сдѣлать? Ужъ не вы ли?

И, помимо ея сознанія, въ тонѣ ея прозвучала такая враждебность, что глаза Ганецкой странно сверкнули.

— Не я, а правота и сила нашей идеи,—тихо и раздѣльно отвѣтила она.

Щеки Ольги запылали. Въ эту минуту ея угасающая красота вернулась опять и поразила Ганецкую.

— Вы-то сами, Ганецкая, ни разу не усумнились въ этой правотѣ?

— Я?.. Когда Семеновъ отдалъ себя этому дѣлу... Съ меня довольно! Гдѣ онъ, тамъ и я!

Какая убѣжденность и страсть затрепетали въ этомъ голосѣ!.. Ольга глядѣла на гостью, пораженная неожиданнымъ открытіемъ. Но это умаляло въ ея глазахъ образъ Ганецкой.

— Однако... Я считала васъ болѣе гордой, Ганецкая!.. Вы даже какъ будто кичитесь этимъ безволіемъ, этимъ слѣпымъ подчиненіемъ... Удивляюсь я этой способности русской женщины смѣшивать въ одно человѣка и идею, которой онъ служитъ!

Она сознавала, что поддается мелочному *бабьему* желанію унизить эту дѣвушку, но не могла удержаться.

— Отчего же?.. Подчиниться *такому*, какъ Семеновъ... Здѣсь я не вижу позора...

Губы Ольги дрогнули. Но она пересилила себя. Ей казалось унизительнымъ отстаивать передъ этой фанатичкой свою любовь и личность Чарницкого. Никогда онъ не былъ ей такъ дорогъ и близокъ, какъ теперь, когда она поняла, какъ смотрятъ на него „эти“ ненавистные ей люди.

— Мнѣ интересно, на что разсчитывалъ Семеновъ?—рѣзко продолжала она.—Онъ, конечно, былъ откровененъ съ вами, давая вамъ такія... щекотливыя порученія?

— О, да... Мы много говорили о васъ.—Ганецкая задумчиво погладила складки своего дорогого парижскаго платья.—Вамъ можно завидовать, Девичъ,—мягко прошептала она, и блѣдн

щеки ея вдругъ заалѣли.—Я опять-таки не хочу допытываться, что нашелъ въ васъ Семеновъ? Я вѣрю ему на слово, что вы—сила, нужная ему... Поэтому ваша враждебность мнѣ не оскорбительна... ничуть... Вы даже мнѣ дороги и, какъ бы это сказать?.. священны...

Она усмѣхнулась, и опять стальные глаза ея блеснули.

— Неужели вы не ревнуете?—крикнула Ольга.— Вѣдь, вы ненавидѣть должны меня, если вы знаете!.. А вы улыбаетесь мнѣ... Я бы на вашемъ мѣстѣ, даже и съ такими оговорками, не признала бы моей „силы"...

— Я стою выше этого,—холодно бросила Ганецкая.

— Что же даетъ вамъ эту силу?

Въ лицѣ и голосѣ Ольги было столько боли; этотъ крикъ почти такъ непосредственно вырвался у нея, что черты Ганецкой дрогнули, и свѣтлые глаза стали словно больше.

— Отвѣтьте мнѣ, ради Бога, Ганецкая, на одинъ вопросъ! Правда ли, что вы...

Она смолкла, не рѣшаясь говорить. Ганецкая опять покраснѣла и чуть сощурилась, но глазъ не опустила.

— Да, я его люблю... Я этого и не скрываю.

— Онъ это знаетъ?

— Да...

— Почему же...

— Вы сами знаете почему,—вѣско перебила Ганецкая.—Но это все-равно! Онъ и вамъ не отдался бы всей душой... Онъ—фанатикъ. И никогда ни одна женщина не покоритъ его. Я... одинъ разъ сказала ему... „Возьмите мою жизнь, все мое состояніе... отчета я не спрошу"...

— Ну?!—Глаза Ольги вспыхнули.

— Онъ все отвергъ... И меня, и деньги... Но это все-равно! Все, что я имѣю, принадлежитъ ему...

— А вы?

— Гдѣ онъ, тамъ я, чѣмъ бы это ни кончилось... Ни семьи ни личныхъ интересовъ... у меня нѣтъ ничего!

Ольга опустила голову. Когда-то и она могла сказать это о себѣ... О, какой маленькой почувствовала она себя сейчасъ!

— И неужели вы счастливы?

Ганецкая усмѣхнулась.

— Представьте! Я то же самое хотѣла спросить у васъ... Не отъ себя конечно... отъ имени Семенова.

Ольга въ упоръ, мрачно поглядѣла на нее.

— Да, я счастлива. Передайте это ему... Онъ годъ назадъ едсказывалъ мнѣ, что я строю свое счастье на пескѣ. Онъ зорилъ, что меня разлюбятъ... что я разочаруюсь сама... :редайте ему, что ничего подобнаго не случилось... И пусть ъ навсегда забудетъ обо мнѣ!

Ганецкая смотрѣла въ глаза Ольгѣ. Та отвернулась.

— Мнѣ жаль васъ, Девичъ...

— Что?.. Что вы сказали?

— Успокойтесь... Я не для того, чтобы обидѣть... Вы сей:ъ спрашивали, счастлива ли я? Намъ это чуждо... Мы спо́ины, Девичъ. Мы выше страстей. Мы не знаемъ слезъ, утратъ, ıаянія... У насъ нѣтъ близкихъ людей, дорогихъ мертвецовъ. ı стоимъ на горѣ. И весь міръ открытъ для насъ. Мы одики, да... но мы не одни. У насъ нѣтъ семьи, но намъ ея не кно... Ревность, страсть, измѣна, тоска, сомнѣнія... Мы ниo не страшимся, даже смерти, которая насъ не сокрушитъ. ı живемъ для будущаго, для вѣчнаго... И *наше* зданіе стоитъ на пескѣ.

На мгновеніе Ольгѣ показалось, что она слышитъ Семенова. ı, это были его слова, его вѣра... И какъ въ *ту* послѣднюю, овѣщую ночь, она опять, какъ бы для довершенія иллюзіи, ıыхала:—Девичъ, идите за нами!..

— Нѣтъ! Нѣтъ! У меня есть *моя* идея...

— Знаю... Но кто вамъ сказалъ, что вы уже не умерли для нея?

О, какъ мѣтко попала ей въ сердце эта отравленная стрѣ! Ольга выпрямилась, и губы ея дрогнули.

— Любить, Ганецкая, не значитъ опошлиться, — надменно вѣтила она.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—страстно крикнула Ганецкая, вдругъ какъ дѣлаясь другимъ человѣкомъ.—*Такъ* любить, значитъ опошться... размѣняться на гроши... Девичъ, Девичъ... Вѣрьте! ловѣкъ, отдавшійся всецѣло другому, создавшій себѣ кумира ъ семьи и любви, потерянъ не только для нашего дѣла... ıже для легальной работы... И вы сами это скоро поймете.

Это опять-таки были слова Семенова, полныя для нея неразимаго колдовства.

Ольга тяжело дышала. Мелкія капли пота выступили на вискахъ. Она подняла безотчетно руку и провела ею по лосамъ и по всему лицу.

Настала тишина. Слышно было, какъ гдѣ-то на дворѣ звели въ *морозномъ*, чуткомъ воздухѣ голоса дровоколовъ и

рѣзкіе, звучные удары топора. Слышно было, какъ тикали карманные часы Ольги на письменномъ столѣ... Ольгѣ казалось, что Ганецкая слышитъ, какъ стучитъ и замираетъ въ груди ея сердце... Вдругъ она опустилась на стулъ, за спинку котораго держалась, словно ноги у нея подкосились. Шевельнувшіяся губы ея не издали звука.

Ганецкая ждала, потупившись, почти не дыша.

— Передайте Семенову,—разслышала она, наконецъ, тихіе, хриплые звуки, — пусть оставитъ меня въ покоѣ!.. Права я или нѣтъ... дѣло мое...

Ганецкая медленно поднялась и встрѣтила полный отчаянія взглядъ Ольги.

— Можетъ быть, я размѣняюсь на гроши... или уже размѣнялась... можетъ быть, опошлюсь въ конецъ... Но это все-таки мое дѣло... Вы можете торжествовать... и презирать меня... съ вашей высоты, на которой стоите... Пусть!.. Проходите своей дорогой... и оставьте... оставьте меня!

„Она несчастна..." поняла Ганецкая.

— Хорошо... Я передамъ Семенову то, что видѣла...

Ольга вскочила. Губы ея вздрагивали. Съ ненавистью глядѣла она въ это безстрастное, загадочное лицо.

— Что вы видѣли? Что вы скажете?.. Я счастлива! Слышите, Ганецкая?.. И даже если не такъ... я и несчастье свое люблю... Даже и оно дорого мнѣ!

Ганецкая придвинулась и заглянула въ зрачки Ольги.

— Девичъ... Я чувствую, что приходила не даромъ, и что вы меня не забудете. Кого мы намѣтили, тотъ не уйдетъ отъ насъ... Жаль только, что вы придете къ намъ, разбитая разочарованіемъ, утративъ лучшія силы въ борьбѣ...

— Уйдите!.. Уйдите!.. Я васъ ненавижу!—крикнула истерически Ольга, и Ганецкая видѣла, что она дрожитъ вся, съ головы до ногъ, словно передъ припадкомъ.

Она опустила глаза и пошла къ двери. Тамъ остановилась, какъ бы для того, чтобы застегнуть перчатку. Въ ея безкровномъ лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Печать изящества лежала на всѣхъ ея плавныхъ движеніяхъ. Ольга слѣдила за нею, ожидая чего-то. Сердце ея глухо и медленно стучало. Когда послѣдняя пуговица была застегнута, Ганецкая подняла голову. Около глазъ и губъ ея порхало что-то вродѣ улыбки.

— Вотъ, видите ли, Девичъ, какъ хорошо „стоять на горѣ"... какъ говоритъ мой „учитель"... Не будь этого, я въ настоя-

щую минуту радовалась бы вашему униженію. А теперь мнѣ просто обидно за васъ... и черезъ васъ—за всѣхъ... Я не знаю, чѣмъ вы были прежде, когда... свели съ ума такого человѣка, какъ Семеновъ... Онъ, вѣдь, бредилъ вами два года назадъ... Но, навѣрное, вы были не такою... О, такихъ много!.. За такими гнаться не стоитъ!.. И я простить себѣ не могу, что не добилась тогда знакомства съ вами! Какіе бываютъ въ жизни непоправимые промахи!

Ольга слушала, блѣдная, какъ бумага. Что могла она отвѣтить на эти дерзости?.. Да и дерзость ли это была въ устахъ *такой*, какъ Ганецкая?

— Но для Семенова я готова снова придти и снова выслушать всякія проклятія намъ и нашему дѣлу... И снова быть выгнанной вами... Это все пустяки!.. Когда генералъ приказываетъ, солдаты не разсуждаютъ, а повинуются слѣпо. Я—только солдатъ великой арміи... До свиданія!.. Я пришла рано... Черезъ годъ я вернусь...

— Зачѣмъ?—крикнула Ольга.—Не надо! Если мое личное счастье рухнетъ, я... не лишу себя жизни. Настолько я...—Она осѣклась и взялась рукой за горло. — У меня найдется, на что... положить жизнь,—хрипло докончила она.

— То-есть, вы сдѣлаетесь лѣтъ черезъ пять земскимъ врачомъ? — съ подавляющимъ презрѣніемъ усмѣхнулась Ганецкая.—И не жалко вамъ будетъ, Девичъ, жизнь убить на такую мелочь?

Она взяла со стола прелестную сѣрую муфту, подъ цвѣтъ ея туалета, и протянула Ольгѣ небольшую, красиво гантированную руку. Пожатіе ея было такъ же сухо, какъ ея голосъ, какъ ея черты...

Не трогаясь съ мѣста, Ольга смотрѣла, какъ гостья подходила къ двери беззвучной, кошачьей походкой, не лишенной граціи. На порогѣ Ганецкая вдругъ обернулась. Казалось, она смѣялась какимъ-то невидимымъ, внутреннимъ, торжествующимъ смѣхомъ... Ольгѣ стало безотчетно жутко.

— А что вы сказали бы, Девичъ, если бы курсы закрылись?.. Я только что изъ Петербурга и слышала кое-что... Видите, вы поблѣднѣли... Я предупреждаю васъ, что и этотъ вашъ „домъ“ стоитъ на пескѣ... Хочу васъ избавить отъ лишней иллюзіи... Но вы утѣшитесь, я знаю. Все это мелочи, и вы будете съ нами... Да, я знаю теперь, что вы наша...

Ольга безмолвно сѣла у дверей. Не мигая, глядѣла она на

улицу, въ окно... Вонъ вышла Ганецкая въ роскошной сѣрой ротондѣ, на бѣломъ козьемъ мѣху... Совсѣмъ аристократка, дѣлающая визиты... Вонъ она двинулась по переулку быстро, свободно, щуря вдаль холодные глаза цвѣта стали... О, какіе страшные глаза! Какая несокрушимая сила!

Зловѣщія слова звучали въ ушахъ Ольги. Неужели все правда? Все рухнетъ?

Чарницкій... Тепломъ повѣяло на нее отъ этого воспоминанія... Ахъ, увидать бы его скорѣе! Прижаться къ его груди... Забыть всю эту бурю сомнѣній, забушевавшую въ душѣ, эту угрозу, эти зловѣщія пророчества! Ея любовь... ея счастье... О, ни за какія блага въ мірѣ, ни даже за миръ души своей, не отдала бы она теперь жалкое счастье свое... Такое маленькое, такое больное счастье!..

VIII.

Ганецкая была права! Ольга не могла ее забыть. Она ей завидовала подчасъ до слезъ, особенно въ дни ссоръ съ Чарницкимъ. Она страдала, иногда забываясь, стонала вслухъ при жгучей мысли, что она упала во мнѣніи всѣхъ. И подымется ли когда?.. И она злобно гнала отъ себя эти разъѣдающія думы, и все же опять и опять возвращалась къ нимъ, какъ человѣкъ, страдающій зубной болью, который безсиленъ думать о чемъ-нибудь другомъ...

Страстная недѣля надвинулась какъ-то незамѣтно. Въ канцеляріи всѣ волновались. Ходилъ слухъ о прибавкахъ. Но поговаривали и о сокращеніи штатовъ. Старики-межевые побаивались, молодежь радовалась. По крайней мѣрѣ, можно уйти изъ этой кабалы, начать новую жизнь... Такъ мечталъ и Чарницкій.

— Похлопочи, Оля, за меня... Я совсѣмъ не умѣю просить, голубка моя. А у тебя связи, знакомства...

Да, да... Надо хлопотать. Надо переѣзжать въ Петербургъ. И тогда сама собою разрѣшится эта ужасная жизненная дилемма. Она поступитъ на курсы, не разставаясь съ Чарницкимъ. Она не обманывалась теперь, говоря: „Хоть часъ да мой!“ какъ годъ назадъ. Она даже не допускала мысли о разрывѣ и разлукѣ. Тогда не стоитъ жить... Тогда нечѣмъ жить...

На первый день Пасхи Чарницкій получилъ письмо. Писала младшая сестра, пятнадцатилѣтняя Варя.

„*Что у* насъ дѣлается, такъ это и представить себѣ нельзя,

Алеша!.. У всѣхъ людей праздникъ, а у насъ точно хоронятъ кого. Мамаша цѣлые дни плачетъ, и спина у нея опять начала болѣть, пролежала недѣлю. Съ Соней просто сладу нѣтъ. Не говоритъ ни съ кѣмъ, запирается на ключъ, всѣхъ клянетъ и тебя всѣхъ больше (она не смѣла прибавить: а Ольгу Юрьевну всѣхъ больше)... Все грозитъ на себя руки наложить. Ходимъ на ципочкахъ, засмѣяться боимся. Свадьба съ Мироновымъ разстроилась, потому что она разругалась съ его родней. А онъ противъ нихъ идти не хочетъ. И она его теперь возненавидѣла. Пріѣзжай, ради Бога, хоть на два дня! Мы тутъ всѣ головы потеряли. Мамаша тебя умоляетъ пріѣхать. Соня только и твердитъ: „Выписывайте Алешу, а не то я—ни за что не ручаюсь"...

Все праздничное настроеніе Чарницкаго исчезло. Гдѣ же онъ возьметъ денегъ на поѣздку? Вѣдь, это, по крайней мѣрѣ, четвертную нужно. Они тамъ объ этомъ не думаютъ... Ольга, увидавъ его такимъ убитымъ, взяла у него изъ рукъ письмо и прочла его, мѣняясь въ лицѣ отъ глухой ненависти.

— Конечно, надо ѣхать! А насчетъ денегъ не безпокойся. У меня есть тридцать рублей, возьми ихъ.

— Олечка... Да, вѣдь, ты ихъ съ такимъ трудомъ копила... Вѣдь это твои послѣднія сбереженія?

— Ахъ, не все ли равно!? Легче мнѣ развѣ видѣть тебя такимъ несчастнымъ? Если деньги могутъ помочь, какъ могу я жалѣть ихъ? Съѣзди на недѣлю!.. На два дня не стоитъ... Можетъ быть, тамъ все обойдется...

Сердце ея обливалось кровью при мысли о разлукѣ. Недѣля? Они никогда не разставались ни на одинъ день, если не было ссоры!.. Недѣлю вычеркнуть изъ жизни? За что?.. Но она силилась улыбаться.

Чарницкій все понялъ, увидавъ эту блѣдную, полную мученія улыбку. Но онъ не имѣлъ силы отказаться. Образы больной матери и тоскующей сестры, онъ зналъ, не дадутъ ему покоя. Но онъ былъ потрясенъ великодушіемъ Ольги. Никогда самъ онъ не любилъ ее такъ сильно, какъ въ эту минуту.

— Оля, голубушка... Чѣмъ я заплачу тебѣ за такую жертву? Я знаю, какъ ты мечтала повеселиться со мной на праздникахъ! Простишь ли ты меня?.. Можетъ, разлюбишь за это?

Она разрыдалась. Онъ увѣрялъ, что самъ будетъ тосковать о ней безмѣрно, просилъ ее писать ежедневно.

Онъ уѣхалъ на другой же день. А она, распухшая отъ слезъ,

шатаясь, какъ пьяная, отъ слабости, вся разбитая, со смертью въ душѣ, пошла съ дебаркадера назадъ въ этотъ залитый солнцемъ, шумный, праздничный городъ. Онъ ей казался теперь пустыней. Ничего не было въ ея сердцѣ, страсть выжгла въ немъ все... Но къ ея тоскѣ примѣшался новый элементъ ужаса. Ей почему-то представлялось, что поѣздъ потерпитъ крушеніе, и она перестала „жить“ въ ожиданіи телеграммы. Получивъ ее, по уговору, она было успокоилась, но навязчивая, жуткая мысль о смерти опять всплыла почему-то и словно придавила ей мозгъ. „Почему же я раньше никогда не думала объ этомъ?—въ ужасѣ спросила она себя.—Что за непростительная безпечность? Стоять на краю бездны, не думая о ней... И какой вздоръ всѣ наши муки и печали передъ этой черной бездной!..“ И она, содрогаясь, представляла себѣ лицо Чарницкаго въ гробу, съ заостреннымъ носомъ, съ провалившимися глазами, съ слипшимися рѣсницами... „О, ужасъ! Ужасъ! Какъ же жить тогда?“ Нѣтъ! Она не переживетъ его! Теперь она ясно понимала, безъ лицемѣрія и самообмана, что въ немъ одномъ вся ея жизнь...

Свои дни безъ Чарницкаго она проводила теперь въ какомъ-то безнадежномъ унынiи, лежа на постели и стараясь заснуть. Ей такъ почему-то хотѣлось лежать... Явился упадокъ силъ, явились какія-то странныя, новыя, неизъяснимыя и смутныя ощущенія... Иногда она писала письма на шести-семи страницахъ, иногда одну страницу, но писала каждый день и только жила ожиданіемъ отвѣта. Къ Райской она больше не ходила. Зачѣмъ? Пора разорвать совсѣмъ!

Арбековъ, соскучившись, пришелъ какъ-то вечеркомъ. Ольга встрѣтила его непріязненно. Придравшись къ какому-то слову, она наговорила ему много несправедливаго, страстно отрицая во всемъ ихъ кружкѣ безкорыстныя, чистыя побужденія... Она чувствовала свою несправедливость, раздражалась ею, но остановиться не могла.

— А Колпикова? А Семеновъ? А Ганецкая? — съ горечью спросилъ Арбековъ.

— Полноте!.. Отъ счастья никто изъ нихъ не отказался бы, повѣрьте... За неимѣніемъ его бросаются въ общественную дѣятельность... Но все это одно тщеславіе или властолюбіе, желаніе играть роль, возбуждать удивленіе... Или заглушить тоску неудовлетворенности... Дайте имъ всѣмъ счастье взаимной любви, и никто изъ нихъ не возвысится до настоящей жертвы и риска...

Арбековъ слушалъ ее съ болью и тайнымъ страхомъ. Сперва онъ спорилъ, потомъ замолчалъ. Онъ вглядывался въ ея осу-:увшееся лицо, утратившее краски и свѣжесть, въ ея запашіе глаза, горѣвшіе сейчасъ неестественнымъ огнемъ возбуценія, въ горькую линію ея губъ, въ ея небрежный туалетъ,— въ душу его кралась смутная и леденящая догадка, что пеедъ нимъ человѣкъ больной, ненормальный, пережившій саого себя. Онъ понималъ, что только таинственная, страшная олѣзнь воли, болѣзнь души могла такъ сузить зрачекъ этихъ лазъ, передъ которыми когда-то развертывались такіе широіе, такіе свѣтлые горизонты. „Любовь... Какое проклятіе!..“ умалъ онъ.

Разговоръ упалъ самъ собою. Въ комнатѣ незамѣтно сгуцались сумерки... А они сидѣли молча, опустивъ головы, таіе близкіе и такіе далекіе...

Онъ очнулся первый и всталъ... Какъ стемнѣло кругомъ уже ночь... „Конецъ... конецъ...“ крикнуло что-то въ его сердцѣ. Молча онъ взялъ свою шапку.

— Ольга Юрьевна... прощайте,—прошепталъ онъ, какъ говорятъ въ домѣ, гдѣ есть покойникъ. Словно передъ нимъ сидѣла не Ольга, а другая, чужая и непріятная женщина; а его милая, дорогая, несчастная Ольга лежала гдѣ-то тутъ же, въ томъ домѣ, замолкнувшая навсегда...

Она молча подала ему руку и опять позабыла о немъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, пристально оглянулся кругомъ и вышелъ.

Только когда на дворѣ хлопнула калитка, и подъ окномъ зазвучали его удалявшіеся шаги, Ольга приподняла голову и стала прислушиваться... И, по мѣрѣ того, какъ стихалъ звукъ шаговъ его въ пустынномъ переулкѣ, Ольгѣ казалось, что это изъ нея самой, изъ ея души уходитъ что-то, отрываясь съ невыносимой болью... На мгновеніе въ ней вспыхнула страшная тоска. Ей хотѣлось вернуть его, зарыдать на его груди, сказать что-то хорошее, горячее, задушевное... сказать, что она была несправедлива, что она сама страдаетъ, что она не можетъ отречься отъ него и всего, что связано съ нимъ... Но то были уже послѣдніе огни... И, черезъ мгновеніе, въ тишинѣ угрюмой комнаты кончилась эта долгая, упорная борьба двухъ началъ въ ея душѣ... Старое *я* умерло, уступая свои права „новому“ человѣку.

Пусть!.. Пусть уходитъ, и навсегда! Тѣмъ лучше!.. Она не

можетъ отречься отъ своего счастья для другихъ и сама раз бить свое сердце. Пусть бредутъ во тьмѣ, утѣшаясь иллюзі ми, гоняясь за блуждающими огнями утопій!.. Ей теперь яс все... Ничтожные атомы вселенной, жалкія пылинки, толкущія въ лучѣ вѣчнаго солнца, безсильныя передъ слѣпыми случа ностями, которыя рѣшаютъ ихъ судьбу... Чего хотятъ он Куда стремятся?.. Идеи, жертвы, подвиги, прогрессъ и тор ство правды,—все это химеры... Правда—это смерть, котор подстерегаетъ ихъ всѣхъ за угломъ и которая беззубымъ рто смѣется надъ безсильными порывами человѣка къ безсмерт и геніальности... Правда — это забвеніе въ великомъ океа вѣчности, гдѣ сольются въ одно и исчезнутъ безслѣдно добр дѣтели и пороки, чудовищное и прекрасное, низость и са отверженіе...

IX.

Чарницкій тоже невесело провелъ праздникъ. Мать и В ренька такъ и повисли ему на шею, плача отъ радостной н ожиданности. Но Софья Казиміровна встрѣтила его враждебн Она истерически разрыдалась, по виноватому молчанію бра чувствуя, что онъ для нея потерянъ.

Чарницкій съ тоской глядѣлъ на эту красивую, страстну самолюбивую дѣвушку... Послѣ матери онъ любилъ ее бол ше всѣхъ въ семьѣ и былъ когда-то друженъ съ нею. Он никогда не забывалъ, какъ выручала она его на войнѣ, ког онъ былъ кочегаромъ, страдалъ отъ холода и голода на пар возѣ, а она великодушно, лишая себя всего, присылала е всѣ деньги, заработанныя ею на урокахъ. Онъ зналъ, что о добра; онъ понималъ, что только жажда счастья, боязнь з вянуть въ глухой провинціи могли такъ озлобить ее и так страшно расшатать ея нервы. Онъ видѣлъ, что она вянетъ, ему хотѣлось плакать.

— Когда будетъ свадьба?—спросила Софья.

— Когда будутъ деньги,—рѣзко отвѣтилъ Чарницкій.

— А когда же онѣ будутъ?—приставала та.

— Это вилами на водѣ писано...

— Ахъ, эти деньги, деньги! — вдругъ заговорила Марія Алексѣевна.—Не въ обиду тебѣ будь сказано, Алеша... Ты лю бишь Ольгу Юрьевну, и мы полюбили ее заочно. И дай вам *Богъ* счастья!.. Только если бы ты женился на богатой, какъ м *тогда* съ Соней мечтали, всѣмъ намъ было бы теперь хорошо.

И она вдругъ тихо заплакала.

Чарницкому хотѣлось грубо возразить ей, что они и въ мечтахъ не смѣли распоряжаться его будущимъ, но онъ посмотрѣлъ на нее внимательно, и сердце его сжалось. Эта всегда аккуратная, чистенькая старушка сидѣла растрепанная, небрежно одѣтая, подъ гнетомъ своихъ заботъ и горя какъ бы махнувшая рукой на себя и на обстановку, гдѣ все теперь поражало распущенностью. Чарницкій не зналъ, что, неся на своихъ плечахъ все бремя хозяйства, урывая себя на кускѣ сахара, на чашкѣ кофе, на лишнемъ ломтѣ бѣлаго хлѣба, чтобы заплатить за лѣкарство или лакомство для Софьи, она была еще при ней сидѣлкой, сама съ больными отъ ревматизма ногами, не зная, чѣмъ угодить требовательной и вѣчно недовольной дочери. Чарницкій видѣлъ, что у матери лицо стало землистаго цвѣта, что она осунулась и вся посѣдѣла за одну эту зиму; и эта страшная, быстрая перемѣна краснорѣчивѣе всякихъ жалобъ говорила ему о семейной драмѣ, которую онъ проглядѣлъ... Это хватало его за сердце. Слезы закипали въ горлѣ, и онъ молчалъ, боясь разрыдаться.

— Вотъ теперь докторъ велитъ везти ее на воды, развлекать,—уныло заговорила опять Марина Алексѣевна...—У нея, говоритъ, это нервы. Надо жизнь перемѣнить... Легко сказать! Домъ брось, денегъ достань... А ты знаешь наши доходы? Я и то недавно единственный нашъ билетъ заложила. Въ жизнь не имѣла дѣла съ этими закладчиками да процентами. А, вотъ, подъ старость пришлось...

Она опять горько всхлипнула и утерла закапавшія слезы ситцевой оборкой рукава.

Чарницкій слушалъ, низко опустивъ голову, съ пожелтѣвшимъ, измученнымъ лицомъ.

И почти въ тотъ же часъ, когда Ольга порывала послѣднія связи съ міромъ духовныхъ интересовъ, которыми жила раньше, Чарницкій послѣ тяжкой душевной борьбы прощался съ безпечнымъ веселіемъ юности.

Наконецъ-то онъ вырвался изъ дома, какъ кошмаръ оставляя за собой пережитое!.. Вотъ огни Москвы... вотъ дебаркадеръ... Вотъ и Ольга!.. Милая!.. Наконецъ-то!

Ихъ свиданіе было полно восторга. Но дома, при свѣтѣ лампы, перемѣна въ Ольгѣ бросилась ему въ глаза. Худоба, желтизна кожи, мрачныя линіи между бровей и у губъ—все это дѣлало бывшую красавицу неузнаваемой. А главное, гла-

за... такіе странные... „Вянетъ“, вдругъ подумалъ Чарницкій и почувствовалъ, что ему холодно.—Оля, ты больна?

Она сощурилась и покраснѣла.—Нѣтъ... но... я беременна...

Онъ вздрогнулъ съ головы до ногъ.

— Чего же ты испугался?—усмѣхнулась она.—Я тебя не заставлю вѣнчаться...

— Оля!.. Оля!—крикнулъ онъ съ страстнымъ упрекомъ и горячо прижалъ ее къ себѣ. — Тебѣ не стыдно такъ думать? Не я ли просилъ тебя вѣнчаться? Я просто боюсь за тебя... Такія страданія, ужасы... У Молотковой ребенка щипцами вынимали... А потомъ кормить... Какая проза!

Грустный вечеръ провели они. Но дня черезъ два Чарницкій словно просвѣтлѣлъ.—Теперь, Оля, по боку курсы?

Она сурово молчала. Онъ крѣпко обнялъ ее.

— Неужели ты жалѣешь и раскаиваешься?.. Развѣ это не лучшая доля для женщины?

Она молча, думая что-то, поднесла его руку къ губамъ и долго цѣловала ее.

— Теперь поздно задаваться такими вопросами,—заговорила она, наконецъ, съ затаенной ноткой горечи.—Жизнь сама все рѣшила за меня. Остается покориться...

И въ этой фразѣ Чарницкій, съ глухой и скрытой душевной болью, узналъ прежнюю, непонятную ему Ольгу.

Характеръ ея замѣтно портился. Малѣйшее противорѣчіе прислуги доводило Ольгу до изступленія, и преданная Паша въ теченіе одного мѣсяца три раза просила разсчета. На урокахъ нервность Ольги стала всѣмъ бросаться въ глаза. Она мѣнялась въ лицѣ отъ каждой фальшивой ноты и страшными глазами глядѣла на ученицу... „Ахъ! Такъ бы и убила на мѣстѣ!“ говорило ея лицо. Она сама себя боялась въ эти минуты.

Ее невыразимо раздражала мысль, что теперь она не вправѣ умереть, когда жизнь ей станетъ въ тягость. А эта мысль была раньше такъ отрадна!.. Надо будетъ бороться съ жизнью, переносить ея удары и страдать молча для этого ребенка, котораго она не просила... даже если умретъ Чарницкій, даже если онъ броситъ ее... Вмѣстѣ съ этимъ усилилась ея мрачная ревность къ чужой женщинѣ вообще. Она брала съ Чарницкаго страшныя клятвы.—Ты не разлюбишь меня, когда я подурнѣю?—спрашивала она его разъ двадцать, тревожно заглядывая въ его глаза, какъ бы силясь заглянуть въ самую глубь его души.—Я буду безобразна, больна?.. Ты не уйдешь отъ

меня къ другой? — И, не слушая его ласковыхъ рѣчей, она заливалась горькими слезами обманутой женщины. Всѣ эти картины, которыя ревность вызывала передъ нею, она какъ бы считала уже совершившимся фактомъ.

Все это не могло не отозваться на самомъ Чарницкомъ. Воспоминанія о домѣ тоже жгли его душу. Гдѣ бы онъ ни былъ теперь, убитое лицо матери преслѣдовало его, внося незнакомый разладъ въ его жизнь. Иллюзіи оптимиста исчезали постепенно. Онъ становился другимъ человѣкомъ и нравственно, и физически. Особенно измѣнились его глаза. Они были теперь такіе грустные, усталые.

Разъ, на Ѳоминой, Чарницкій утромъ проѣхалъ изъ канцеляріи въ институтъ и вызвалъ Ольгу въ швейцарскую. Освобождалось мѣсто въ почтамтѣ; получить его зависитъ отъ графа Ш***. Не знаетъ ли она его?

— Графа Ш***?—машинально переспросила Ольга, стоя въ пустой швейцарской, въ оконной амбразурѣ, вся раскраснѣвшаяся отъ радостной неожиданности и не сводя жадныхъ глазъ съ этого милаго лица, щурившагося отъ яркаго мартовскаго солнца. Какъ дороги были ей въ немъ каждая черточка, даже его недостатки!..

Кругомъ было тихо. Классы еще не кончились. Откуда-то глухо доносились звуки повторяемаго неумѣлой дѣтской рукой музыкальнаго пассажа, да за дверью гулко стучала щетка швейцара, подметавшаго залъ.

— Я знала одного графа Ш***... Мы встрѣчались у Кёлеровъ... Ну, что же нужно сдѣлать?—спрашивала она, отгоняя назойливыя, горячія и посторонні мысли, властно поглотившія ея сознаніе при видѣ этихъ зеленоватыхъ, щурившихся отъ солнца глазъ, съ загнутыми, длинными рѣсницами. Вчера еще съ такой жадной страстью глядѣли они въ ея зрачки!.. А сейчасъ точно другой человѣкъ, жалкій, безпомощный и такой милый-милый...

— Надо ѣхать, Оля, сейчасъ же... И просить... Ты это сдѣлаешь, голубушка?.. Видишь ли? Я бы самъ... Но здѣсь протекція нужна... А хорошенькой женщинѣ никогда не откажутъ... И потомъ, Оля, ты знаешь? Я не умѣю просить!—съ виноватымъ лицомъ докончилъ онъ.

— Хорошо... Я сейчасъ отпрошусь у начальницы и поѣду.— Она вдругъ оглянулась и придвинулась.—Милый, милый!.. Какъ я рада, что вижу тебя невзначай! — зашептала она, схвативъ его руку, и припала къ ней губами.

Въ ту же секунду швейцаръ отворилъ дверь. Звуки рояля на мгновеніе донеслись отчетливѣе. Чарницкій рѣзко отдернулъ руку и укоризненно поглядѣлъ на сконфуженную Ольгу Солидный швейцаръ мелькомъ взглянулъ на парочку, открылъ ларь и досталъ тряпку.

— До свиданья!—громко сказалъ Чарницкій.—Пожалуйста сейчасъ же... а оттуда... я буду ждать...

Она изъ окна смотрѣла ему вслѣдъ, долго еще послѣ того какъ скрылась изъ виду его фигура.

Хлопоты, однако, не увѣнчались успѣхомъ. Графъ Ш*** очень любезно принялъ Ольгу и обѣщалъ мѣсто разъѣздного чиновника. Но окладъ въ тридцать пять рублей былъ такъ ничтоженъ, и впереди никакого повышенія, что Чарницкій самъ отъ него отказался. Найти же мѣсто вообще было страшно трудно.

Въ маѣ Ольга сказала Короткой, что получитъ лѣтнее жалованье и въ августѣ подастъ въ отставку. Она просила порекомендовать ее куда-нибудь учительницей. Марья Павловна обѣщала.

Они переѣхали на дачу, вмѣстѣ съ Зерцовыми, отъ которыхъ не скрывали положенія Ольги, и зажили мирно. Казалось, благополучію ихъ не будетъ конца, а между тѣмъ, это была лебединая пѣсня ихъ счастья...

Пока Ольга съ Кларой шили распашенки и простынки для будущаго „человѣчка", Чарницкій уходилъ въ лѣсъ или въ поле одинъ. Онъ полюбилъ эти одинокія прогулки. Онъ ложился на землѣ, на спину, и по часамъ лежалъ такъ, глядя въ синее небо слушая звуки лѣсной жизни, теряя сознаніе времени... Какъ далеко уходила отъ него проза жизни! Эта жалкая, такъ подурнѣвшая Ольга, ихъ убогая дача, ихъ шаткое настоящее, ихъ жуткое будущее пролетаріевъ. Онъ мечталъ... О чемъ?.. Какъ онъ выиграетъ двѣсти тысячъ, возьметъ къ себѣ семью, выдастъ сестеръ замужъ, уѣдетъ съ Ольгой за границу... Иногда онъ такъ увлекался, что мысленно нанималъ квартиру, распредѣлялъ комнаты, даже выбиралъ обои и обстановку... Это были нездоровыя мечты... Чаще всего его отрезвлялъ голодъ. Удивленно оглядываясь, пристыженный и жалкій, онъ вставалъ и медленно шелъ домой... Неужели уже вечеръ? Когда это солнце успѣло сѣсть?.. Какъ это блѣднѣвшее небо, съ котораго быстро сбѣгалъ румянецъ заката, темнѣла душа Чарницкаго, и въ ней меркли и гасли его яркія думы. Онъ шелъ домой медленнымъ усталымъ шагомъ. Да, его пѣсня спѣта... Точно на сонная

...изнь тайкомъ накинула на него невидимыя, но неразрывныя ...уты... Свобода, прощай!

...Онъ уныло садился за скудный ужинъ и уныло молчалъ, ... въ силахъ принудить себя быть живѣе и разговорчивѣй... ...льга догадывалась, что его гнететъ призракъ нужды, что онъ ...ится за свою независимость, за будущее, и давала себѣ клят... не связывать его, не поддаваться на его просьбы о женить... ... О, какъ ей хотѣлось умереть родами и развязать ему руки! ... она страдала молча и озлоблялась.

— А, вѣдь, теперь, пожалуй, и не отвертитесь отъ женить...то,—сказалъ какъ-то разъ Зерцовъ Чарницкому.

— Да я и не хочу вовсе отвертѣться,—сухо отвѣтилъ тотъ, ...хнувъ до ушей.

— Когда же, Оля?—разъ спросилъ онъ Ольгу, послѣ того ...ъ Клара два дня не давала ему проходу.—Если ты о себѣ ... думаешь, хоть о ребенкѣ-то позаботься...

— Мой ребенокъ сумѣетъ самъ себѣ пробить дорогу. Да и ... не пропаду. Прошло то время, когда общество могло закле...ть незаконнорожденныхъ... А не будетъ у него самолюбія и ...рактера, то и законный пропадетъ за ничто...

— Оля... Вѣдь, я обѣщалъ матери... Какъ же Соня-то прі...ѣдетъ къ намъ?

— Повѣрь, Алеша, что когда-нибудь твои родные сами поблагодарятъ меня за мою непреклонность. Я не хочу стоять на твоей дорогѣ!

Но Чарницкому нелегко было открыто признать предъ людьми и товарищами эту связь. Онъ стыдился, страдалъ за Ольгу, сердился, что она такъ спокойно предъ всѣми шьетъ эти распашенки, которыя онъ ненавидѣлъ.

— Я—мать... Чего же мнѣ стыдиться? И я люблю тебя. Мнѣ хоть къ позорному столбу идти за тебя не страшно, а ты боишься каждаго, даже чужого человѣка...

Что-то въ самой глубинѣ души, тайное и темное, заставляло Чарницкато стремиться закрѣпить эту связь закономъ. Лучше будетъ такъ... Чтобъ уже ни сомнѣній, ни надеждъ ни на что лучшее не оставалось... „Вѣдь, уже все равно навѣкъ связаны этимъ ребенкомъ“... Этого онъ не говорилъ Ольгѣ, конечно, а замѣчалъ ей, что такое сожительство, давая имъ всѣ темныя стороны брака, не даетъ ни одной изъ свѣтлыхъ сторонъ. Одна изнанка и больше ничего... Но она была такъ чутка и проницательна, что какъ бы читала въ его душѣ. И ее иногда

охватывала глухая ненависть къ этому человѣку, оскорблявшему ея гордость даже своей честностью...

Настала осень. А у Ольги до сихъ поръ все не было заработка. По ея просьбѣ они уѣхали въ началѣ августа на квартиру, которую Чарницкій нашелъ на Чистыхъ Прудахъ. Ее снимала одна старуха-мѣщанка за двадцать рублей, а сдавала ее за двадцать три, сама ютясь на кухнѣ съ мужемъ. Она же бралась топить и доставлять квартирантамъ воду, но требовала, чтобы они не нанимали другой кухарки. Она вызвалась готовить и прислуживать сама за пять рублей въ мѣсяцъ. Это была крохотная квартирка во дворѣ, съ тремя комнатками, довольно чистенькая и свѣтлая, но въ подвальномъ этажѣ. Окна ея были въ уровень съ мостовой.

Еще разъ насталъ просвѣтъ въ жизни молодыхъ людей. Они вдвоемъ шли въ лавку и закупали все нужное, для *своего* хозяйства.

— Нужно бы шифоньерочку, — говорилъ Чарницкій. — Наверху будетъ буфетъ, внизу комодъ. Надо приглядѣть у Сухаревой... Безъ шифоньерки совершенно невозможно. Некуда посуду ставить...

Ольга за лѣтніе мѣсяцы получила около четырехсотъ рублей, и Чарницкій повеселѣлъ. Съ любовью и умѣніемъ онъ прибивалъ сторы, развѣшивалъ портреты, разставлялъ мебель, безпрестанно мѣняя ей мѣста, ища, какъ бы сдѣлать покрасивѣе. Накупили подъ Сухаревой цвѣтовъ, зелени, жардиньерокъ, и гнѣздышко, дѣйствительно, вышло уютнымъ. А когда за двѣнадцать рублей, наконецъ, приглядѣли шифоньерку и водворили ее въ „столовой", Чарницкій былъ счастливъ, какъ дитя. Глядя на него, и Ольга словно оживала. Каждое утро, просыпаясь, еще не одѣтый, онъ бѣжалъ любоваться своей обновкой и не уставалъ твердить, что это „прелесть"... Теперь онъ со службы торопился въ свою хорошенькую квартирку, ложился на кушетку и наслаждался жизнью, никуда не стремясь, и только изрѣдка выходилъ съ Ольгой на бульваръ послушать музыку и поглядѣть на нарядную толпу.

Не прошло двухъ недѣль, какъ отъ денегъ осталась всего половина. Ольга даже руками всплеснула.

— Алеша... куда же онѣ дѣлись?

Онъ самъ не зналъ. — Такъ, плыли между рукъ... Все по мелочамъ. Развѣ все упомнишь?

Она не удержалась и заплакала. — Такъ мы скоро безъ копейки останемся... А, вѣдь, я надѣялась оставить эти деньги на роды.

Онъ былъ очень огорченъ, далъ ей слово записывать расходы. Но все это наводило на него тоску, а, главное, не достигало цѣли. Все равно, деньги таяли.

— Я лучше тебѣ отдамъ ихъ, Оля... Береги ихъ сама, я не умѣю...

Радужное настроеніе ихъ померкло. Чарницкій, имѣя теперь въ рукахъ не больше пяти рублей на свои надобности, стѣснялся покупать, боялся „развернуться“ по холостому. А Ольга со страхомъ глядѣла въ будущее. Не щадя своихъ силъ, она [illegible]ала концы верстъ по шести-семи въ день, обѣгая всѣ конторы, гдѣ записалась на уроки. Наступилъ сентябрь, а въ виду [illegible]е ничего, кромѣ посуловъ и обѣщаній, не было... Сначала она имъ вѣрила, потомъ потеряла надежду. Она дошла до того, что прямо входила во всѣ пансіоны и школы, которые встрѣчала по дорогѣ, и предлагала свои знанія. Въ одномъ ей рѣзко отказали, заявивъ, что всѣ мѣста заняты. Въ другомъ съ ногъ до головы оглядѣли ея запыленное платье и измученное лицо, но все-таки записали ея имя и сказали, что будутъ имѣть въ виду. Въ третьемъ тотчасъ же предложили мѣсто классной дамы и репетитора, съ девяти утра до девяти вечера, за двадцать рублей въ мѣсяцъ. Ольга содрогнулась. Пансіонъ былъ на Пречистенкѣ, а она жила на Чистыхъ Прудахъ. Съ грустью возвращалась она домой. О, какъ отрадно было ей видѣть милое, доброе лицо Чарницкаго!

Пробовала она и печататься, заплатила цѣлыхъ шесть рублей, но никто не откликнулся. Объявленіе это утонуло въ морѣ такихъ же, а время было самое бойкое. „Неужели же нужда постучится въ наши двери?—съ ужасомъ думала она.—Не за себя боюсь... Но Алеша... Онъ не вынесетъ нужды. Да и не могу я обречь его на такую жизнь. Что же теперь? Разстаться?“

Возвращаясь съ поисковъ домой, она мучительными усиліями воли дѣлала бодрое лицо и улыбалась Чарницкому.— Пустяки, найду,—увѣряла она его.

Хуже всего было то, что бѣготня, недоѣданіе и изнуреніе развили сильное малокровіе въ Ольгѣ. Иногда ей дѣлалось дурно, и хорошо еще, если дома. Одинъ разъ она чуть не упала на улицѣ, въ другой разъ съ нею сдѣлался легкій обморокъ въ конторѣ. Беременность вообще давалась ей тяжело. Положеніе ея было настолько уже замѣтно, что его нельзя было скрыть даже просторнымъ фасономъ лифа. Корсета она, конечно, не носила.

Она, наконецъ, рѣшила искать протекціи, дѣйствовать черезъ знакомыхъ. Ее принимали гдѣ сухо, гдѣ враждебно. Нѣкоторые дѣлали видъ, что не помнятъ ея лица и имени. Приходилось напоминать, съ краской стыда вступать въ сдѣлку съ гордостью. Но она не могла обманываться. Этимъ людямъ ея судьба была безразлична, ее выслушивали только изъ вѣжливости...

Она разъ добрела до бульвара, сѣла на скамейку и залилась слезами... Искать хлѣба... Искать мѣста... О, счастливы, безконечно счастливы тѣ, кому не приходилось проходить чрезъ эти пытки!

Наконецъ, удача!.. Наконецъ!

Съ рекомендательнымъ письмомъ изъ конторы, счастливая и уже дрожащая за свое счастье, она кинулась куда-то, на край Москвы. Она даже не пожалѣла на этотъ разъ денегъ на извозчика, боясь, что урокъ перебьютъ. Это съ ней случалось уже не разъ. Требовалась учительница музыки. Ихъ было такъ много голодныхъ въ Москвѣ... Ее приняла почтенная пожилая дама и сразу подозрительно посмотрѣла на ея животъ. У Ольги сердце екнуло. Она вспыхнула невольно. Онѣ сѣли.

— Вы замужемъ?

Ольга на секунду растерялась.—Нѣтъ,—твердо отвѣтила она.

— Какъ нѣтъ?—разсердилась барыня, привставая съ дивана и враждебно продолжая глядѣть на животъ Ольги.—Развѣ я не вижу, что вы беременны?

Бываютъ минуты, когда даже самый находчивый человѣкъ теряется, когда, сознавая себя вполнѣ правымъ, можно страдать, какъ виноватый. Такую страшную минуту униженія пережила и Ольга. Она глядѣла на сердитую старушку, открывъ ротъ, тяжело дыша. Нечего и возражать... Не пойметъ ее человѣкъ, такъ наивно утверждающій, что она замужемъ, если беременна, въ понятіяхъ котораго дѣвушка не можетъ быть матерью...

— Удивительное дѣло!—ворчала старушка, схватывая негодующимъ жестомъ со стола свою рабочую корзину.—Я сама... сама въ конторѣ просила прислать мнѣ дѣвушку... Моей внучкѣ пятнадцать лѣтъ. Въ такіе годы о беременности ничего не должны знать... Вы меня извините, — смягчилась она, замѣтивъ страданіе въ лицѣ Ольги. — Здѣсь вышла какая-нибудь ошибка. Я васъ обидѣть не хотѣла. Виновата m-me Моро, которая все напутала... Ахъ! Съ этими конторами имѣть дѣло...

Ольга уже не слушала и буквально бѣжала на улицу, сама не зная куда, глотая свѣжій воздухъ, чувствуя, какъ истери-

ескій клубокъ подкатываетъ въ ея груди къ горлу... Что сказала бы эта старушка, узнавъ правду? Стала бы она развѣ извиняться? Дѣвушка—мать... Вѣдь это—парія...

Она, конечно, ничего не сказала Чарницкому и на другой день, къ вечеру, отправилась къ Короткой. Марья Павловна только что вернулась изъ Крыма. Она сильно похудѣла и жестоко кашляла.

— Ольга?.. Неужели ты? Можно ли такъ измѣниться?.. Ты больна?—закидала она ее вопросами, ласково цѣлуя. Но это было уже каплей, переполнившей чашу.

— Я беременна,—отвѣтила Ольга и залилась слезами.

Короткая ахнула, побѣжала за водой, забѣгала вокругъ Ольги, которая билась въ истерикѣ, наконецъ, обняла ее и стала гладить по головѣ. Вся ея щепетильность поблѣднѣла передъ этимъ горемъ. Когда Ольга успокоилась, она откровенно заявила ей, что, пока они не женятся, она положительно не берется рекомендовать ее куда бы то ни было, по крайней мѣрѣ, „въ такомъ положеніи".—Люди пошлы и себялюбивы... да... Но намъ съ тобой ихъ не передѣлать! Выходи замужъ, и я завтра же откажусь для тебя отъ нѣсколькихъ уроковъ, и ты будешь обезпечена. Надо покориться, Ольга! Принципы—это прекрасно... Но эти принципы не для нашего времени. Ты—ранняя пташка...

Она обѣщала достать ей пока хоть переписку нотъ; четвертакъ съ листа, всего рублей на пятьдесятъ. Ольга ушла, немного ободренная. Только бы родить скорѣе, у нея будутъ развязаны руки! Ужъ тогда-то она никому не должна будетъ давать отчета за свою личную жизнь!

Дѣйствительно, Короткая черезъ три дня привезла цѣлый пудъ нотной бумаги. Къ крайнему огорченію Ольги, она была очень суха съ Чарницкимъ.

— Какъ это несправедливо!—сказала Ольга, прощаясь.—Чѣмъ же онъ-то виноватъ?

— Всегда мужчина виноватъ,—возразила Короткая, съ страстной убѣжденностью феминистки.

Чарницкій все лѣто получалъ отъ матери письма съ запросами о женитьбѣ. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и разсказалъ ей всю правду, почему Ольга не хочетъ выходить, какія у нея при этомъ великодушныя побужденія. „Напишите ей, мамаша, ласковое письмо,—просилъ онъ,—и убѣдите ее выйти замужъ, потому что я, все равно, нравственно связанъ *съ нею и никогда* ее не брошу".

Кажется, если бы потолокъ обрушился надъ головой Марины Алексѣевны, или домикъ ея на ея глазахъ обратился въ развалины, то и это не потрясло бы ее такъ, какъ эта неожиданная вѣсть. Первой мыслью ея было: „А какъ же Соня теперь?“ Первымъ вопросомъ Софьи было: „А какъ же я-то теперь?..“ Вся таившаяся къ Ольгѣ ненависть вылилась въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ.—„Вотъ онѣ, нынѣшнія передовыя барышни! Она, навѣрное, и въ церковь не ходитъ... Да, все это развратъ,—твердила Софья,—и никакой любви между ними нѣтъ...“

Марина Алексѣевна написала Чарницкому строгое письмо. Она упрекала его и Ольгу въ безбожіи, пророчила, что не будетъ добра отъ такой связи, говорила, что она огор
унижена поведеніемъ сына, что Соня теперь лишена воз
ности пріѣхать къ брату. Если узнаютъ, что она жила съ
любовницей, ея репутація будетъ потеряна, да и Варина та:
А, вѣдь, у нихъ ничего, кромѣ репутаціи, нѣтъ... А Миша-то какъ же? Какой же это примѣръ брату? „Убилъ ты меня, Алеша,—кончала она,—грѣшно тебѣ! И Ольгѣ Юрьевнѣ передай, что грѣшно и ей“...

Чарницкій, прочитавъ это письмо, разорвалъ его въ клочки.

„Я не ради Софьи сошелся съ Ольгой,—отвѣтилъ онъ,—и жениться исключительно ради ея удобствъ тоже не стану. Если вы не хотите уважать Ольгу, какъ жену мою,—дѣло ваше. Только думаю, что намъ придется тогда стать вполнѣ чужими. А если Софья боится запачкаться въ обществѣ моей „любовницы“, пусть сидитъ въ своей глуши!..“

Этотъ разрывъ съ родными дорого стоилъ Чарницкому. Онъ мучился, худѣлъ, желтѣлъ, хандрилъ, и когда приходилъ угрюмый, неласковый Миша, онъ все-таки на него переносилъ всю заботу и нѣжность къ дорогой ему семьѣ. А къ Ольгѣ чувствовалъ иногда глухую злобу. Вѣдь, ссора изъ-за нея, изъ-за ея глупыхъ принциповъ... А много ли матери-то жить осталось?

Въ концѣ сентября Ольга, наконецъ, получила урокъ. На этотъ разъ она дѣйствовала „на чистоту“; напрямикъ объявила красивой и богатой барынѣ, что она не замужемъ, и что ей предстоитъ быть матерью.

— Угодно вамъ взять меня теперь?.. Не стѣсняйтесь, пожалуйста... Я слышала столько отказовъ, что не особенно удивлюсь вашему...

— Спасибо вамъ за откровенность! Вы мнѣ полюбились сразу... Вы, навѣрное, человѣкъ хорошій. Ни судить васъ, ни

отказывать вамъ изъ-за этого я не стану. Буду считать это мѣсто за вами!

Ольга ахнула отъ счастія. Наконецъ-то!..

А терпимость милой барыньки объяснялась очень просто. Она сама была разводкой, ей не приходилось быть строгой. При этомъ Ольга бралась за двадцать пять рублей быть приходящей гувернанткой, съ десяти до восьми, кромѣ праздниковъ, и обучать трехъ дѣтей музыкѣ, англійскому и всѣмъ предметамъ. Это было страшно дешево, но у Ольги выбора не было. Она вернулась домой, счастливая. Но Чарницкій взглянулъ на дѣло иначе.

— Вотъ такъ мѣсто!.. Цѣлый день за двадцать пять рублей! ить-то когда же, Оля? Я буду только въ восемь вечера видѣть... Что же я буду дѣлать до этихъ поръ, вернусь изъ канцеляріи въ три? Съ ума сойдешь съ тоски!.. Вотъ вамъ и семейная жизнь!.. Бѣдность проклятая!

Теперь и Ольга была въ отчаяніи. Унылые поднялись они на другой день, и она ушла на урокъ, сговорившись, что онъ ее встрѣтитъ на Срѣтенкѣ. Печально побрелъ Чарницкій въ канцелярію. Если бы были деньги, онъ прошелъ бы оттуда въ клубъ пообѣдать. Но денегъ не было. О, какъ грустно было возвращаться въ пустую квартиру и въ сумеркахъ лежать одному на кушеткѣ! Но его счастливая натура и тутъ сослужила ему службу. Не успѣлъ онъ лечь, какъ заснулъ здоровымъ сномъ. Въ семь онъ вскочилъ, точно его толкнули, и схватился за часы. Уже стемнѣло. Пора было выходить! Наконецъ-то!.. „Она тамъ тоже отсчитываетъ минуты“, — подумалъ онъ радостно.

Надо было видѣть, съ какой тревогой вглядывался онъ въ лица встрѣчныхъ женщинъ, боясь ошибиться и пропустить Ольгу! Какъ радостно вздрагивало его сердце, когда издали показывалась высокая фигура въ шапочкѣ, съ бѣлымъ шелковымъ платкомъ на головѣ! Какое разочарованіе отражало его красивое лицо, когда онъ ошибался!.. И вдругъ, подъ фонаремъ, они натолкнулись другъ на друга, и оба радостно ахнули! Какъ просіяли ихъ озабоченныя лица! О, какъ хорошо было идти, тѣсно прижавшись, идти домой, дѣлиться впечатлѣніями... О, какъ хорошо быть вмѣстѣ! Какое это счастье! Какъ онъ тосковалъ безъ нея!

Она хотѣла сказать: „И я тоже... Я измучилась“... Но сказала: „Бѣдняжка! Что же дѣлать? Надо мириться. Вѣдь, это все

пока... Дальше будетъ лучше"... И онъ вѣрилъ, какъ дитя. Удивительно хорошо дѣйствовала на него эта бодрость.

Черезъ недѣлю новая жизнь ихъ вошла въ колею. Онъ каждый разъ встрѣчалъ Ольгу на условленномъ мѣстѣ, и они не разставались до глубокой ночи. Такой порядокъ жизни усилилъ чувство Чарницкаго, а она, увидавъ его нѣжность, почувствовала къ нему больше довѣрія, и они были теперь почти счастливы.

— Найдите мнѣ вечернія занятія, мнѣ стыдно сидѣть такъ,— сказалъ Чарницкій Зерцову, и тотъ обѣщалъ похлопотать. А пока Чарницкій бралъ на домъ планы отъ товарищей, которые платили за это немного, потому что сами имѣли немного.

Но были и непріятности. Агафья, сварливая и хитрая старушонка, взявшись вести хозяйство, грабила ихъ безпощадно. Ее уличала Клара Зерцова, которая приходила по праздникамъ съ тряпкой и всюду вытирала пыль. — Ужъ и свинья же эта ваша Агафья!—говорила она, наводя чистоту. Но она уходила, а Ольга оставалась взвинченная, раздраженная, и дѣлала старушонкѣ выговоръ. Та грубила; Ольга, по прежнему вспыльчивая, кричала; начиналась перепалка.—Какъ вы смѣете кричать, когда я—хозяйка?—визжала Агафья.

Эти сцены были, какъ острый ножъ, для Чарницкаго.

— Фу, какая мелочность! Да брось, Ольга!.. Нашла съ кѣмъ считаться!..

Но теперь для нея мелочей не было. Все казалось важнымъ, и она даже сердилась, что Чарницкій не беретъ ея сторону.

Въ октябрѣ наступили сильные морозы. Къ ужасу Чарницкаго, квартира оказалась страшно сырой и холодной. Они ложились и вставали при шести-восьми градусахъ тепла, и оба жестоко простудились. У Чарницкаго опять заболѣли руки отъ ревматизма, схваченнаго еще на войнѣ. Старушонка приносила всего десять полѣнъ на обѣ печи и не уступала ни просьбамъ, ни требованіямъ прибавить хоть четыре полѣнца. При этомъ она лѣнилась глядѣть за печами, и каждый почти день жильцы угорали.

Разъ, въ праздникъ, Чарницкій вышелъ изъ себя и, весь трясясь отъ злобы, началъ кричать на Агафью, требуя дровъ.— Мы не тараканы, чтобы насъ морозить... Условилась топить, и топи!.. Неси сейчасъ дровъ, старая чертовка, а то я тебѣ ни копейки денегъ не отдамъ!

— Не отдадите, заставятъ... На то суды есть, — визжала

гафья, быстро мигая, какъ печными заслонками, выпуклыми вками надъ круглыми, черными глазами.—Ишь ты! Напугалъ къ!.. Не отдамъ денегъ... Нищіе вы этакіе! Видали мы тахъ прохв...

— Вонъ! Вонъ!—завопилъ Чарницкій, бросаясь на нее съ лаками. Агафья моментально юркнула въ кухню, подъ зату молчаливаго супруга, но оттуда продолжала задирать:

— Это меня-то? Хозяйку вонъ?.. Нѣтъ, постойте! Сами дете! Велю очистить квартиру, и очистите...

У Чарницкаго сдѣлался припадокъ сердцебіенія. Ольга ашно испугалась. Ее мучило раскаяніе. Изъ-за того, что онъ ней сошелся, изъ-за нея терпитъ онъ эту нужду и униженія!

Агафья становилась все болѣе наглой. Она уже не убирала стелей, не стирала пыли, не подметала въ комнатахъ, ссыясь на недосугъ или на нездоровье, а чаще всего ни на что не ссылаясь, и Ольгѣ приходилось все дѣлать самой. Подслушавъ, что̀ жильцы поговариваютъ съѣзжать, дерзкая старушонка притихла. Жильцы-то были выгодные.

Одинъ разъ, когда Ольга, посинѣвъ отъ холода, бѣгала по квартирѣ, пробуя согрѣться, Агафья слащаво заговорила, мигая и бѣгая черными глазками:—Вы бы, барыня, прикупили аршинчикъ дровъ, анъ оно и жарче стало бы...

Ольга сообщила это Чарницкому вечеромъ, вернувшись съ урока. Они сидѣли оба на коврикѣ, передъ догорающей печкой, протягивая къ огню свои окоченѣвшіе пальцы, скорчившись, съ убитыми лицами... У Ольги сердце сжалось, когда она разглядѣла лицо Чарницкаго. Какъ оно было желто, болѣзненно и жалко!

— Что же? Купимъ... Вѣдь, мы рискуемъ простудиться на̀смерть. Я даже представить себѣ не могу безъ ужаса, какъ ты будешь здѣсь родить?

— Да. Съѣхать необходимо...

— Легко сказать!.. Гдѣ найдешь зимой квартиру?

Вся неприспособленность ихъ обоихъ сказалась въ этомъ угнетенномъ состояніи. Искать, хлопотать, переѣзжать — это казалось превышающимъ ихъ силы. У нихъ оставалось еще двѣсти рублей, которые они суевѣрно боялись размѣнять, храня ихъ на черный день.

Здоровье Чарницкаго замѣтно исчезало, хотя онъ ни на что не могъ жаловаться... Они проводили вечера дома. Онъ лежалъ на кушеткѣ, она читала вслухъ. Иногда шли къ Зерцовымъ.

Большимъ лишеніемъ было не имѣть піанино, и потому Ольга за девять рублей въ мѣсяцъ взяла напрокатъ крохотный рояль-угольникъ.

Разъ къ нимъ зашли Зерцовы. Это было передъ двадцатымъ числомъ, и въ домѣ оставалось полтора рубля на все-про-все.—Какъ быть? Вѣдь, угостить надо,—испуганно зашептала Ольга, отводя Чарницкаго въ другую комнату. — Давай деньги... Завтра я что-нибудь заложу...

Клара догадалась.—Ольга, не хлопочи!.. Мы зашли на часокъ всего. Вотъ чайку я выпью съ удовольствіемъ... Ну-ка, Агафьюшка, поворачивайтесь!

— Сейчасъ, красавица моя!.. Въ одну минутую,—затарантила Агафья, которая лебезила передъ Кларой.

Въ слѣдующій разъ Зерцовы явились уже съ своей закуской.

Чарницкому это было непріятно, но онъ придалъ дѣлу шутливый оборотъ. „До чего я дожилъ!..“ съ горечью думалъ онъ.

Въ этотъ вечеръ Клара потихоньку предложила Ольгѣ взять у нея десять рублей взаймы.

— Что за вздоръ, право! Отчего не взять? Отдашь, когда будутъ деньги. Въ другой разъ и я у тебя попрошу... Не имѣй ты только дѣла съ этими ссудами! Мы, вотъ, тоже по неопытности съ перваго года влѣзли въ долги и до сихъ поръ, вотъ ужъ семь лѣтъ, не можемъ выпутаться...

Но Ольга крѣпко поцѣловала Клару и наотрѣзъ отказалась взять деньги. Чарницкій тоже похвалилъ ее за это.

Ольга полюбила Клару за бодрость, которую она вносила въ ихъ души. —Глядите на насъ, —говорила она молодой парѣ.— Женились мы безъ копейки, даже вѣнчальное платье сшили въ кредитъ, попу заплатить заняли, а вотъ выбились понемногу и живемъ. Была бы любовь, остальное все придетъ.—Клара не брала въ разсчетъ одного, что одинаковыя условія разно дѣйствуютъ на различныя натуры. И что если Зерцовъ бодро вынесъ нужду и не охладѣлъ къ женѣ, не озлобился, это не означало, что и Чарницкій перенесетъ ее также бодро и не измѣнится къ Ольгѣ.

Въ началѣ ноября они переѣхали на новую квартиру, которую имъ нашла добрая Клара. Она была въ четвертомъ этажѣ громаднаго дома, во дворѣ, недалеко отъ Сухаревой, и почти черезъ улицу отъ дома той барыни, гдѣ Ольга давала уроки. Это было огромное преимущество, потому что силъ у Ольги было уже немного. Оставалось недѣли три до родовъ, а она все еще ходила на занятія.

Переѣхали они со скандаломъ. Пока укладывали возы, Агафья стояла на порогѣ и всячески честила жильцовъ. Чарницкій, весь сморщившись, покрикивалъ на возчиковъ и дѣлалъ видъ, что не слышитъ старушонки. У Ольги были слезы въ глазахъ.— Ради Бога, не волнуйся, — шептала она. — Что съ нея спрашивать!

За то, переѣхавъ въ теплую и сухую квартиру, они ожили. Чарницкій опять занялся обстановкой и повеселѣлъ. Въ первое же воскресеніе онъ пошелъ подъ Сухареву и вернулся съ крохотной дѣтской кроваткой. Ольга заплакала, увидавъ ее. Ее почему-то все мучили мрачныя предчувствія.

Вдвоемъ они уже никогда не выходили, развѣ только вечеромъ, по необходимости. Чарницкій стѣснялся, и Ольгѣ это было больно.

— Странно, что ты меня... или этого стыдишься,— сказала она ему разъ съ желчью.

— Не стыжусь... Но, вѣдь, и кичиться здѣсь нечѣмъ...

Разъ, какъ-то на улицѣ, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Кассевичемъ. Тотъ былъ въ шинели съ дорогими бобрами. Онъ переѣхалъ служить въ П***, и туда же переѣхала его возлюбленная. На Чарницкомъ было старое ватное пальто.

— Ты ли это? — крикнулъ Кассевичъ. — Какъ измѣнился! Хворалъ ты, что ли?

— Да,—сухо бросилъ Чарницкій, вспыхнулъ и нахмурился. Не радостна была для него эта встрѣча. Говорилъ онъ какъ-то стѣсняясь, очень оффиціально задалъ нѣсколько вопросовъ и простился чуть ли не враждебно. Онъ боялся, чтобы Кассевичъ не „навязался" въ гости и не догадался объ его нуждѣ. Къ нему, правда, ходили Молотковъ съ женой и оба Рудаковы, всѣ полюбившіе Ольгу, но ихъ онъ никогда не стѣснялся.

— Какъ опустился Чарницкій!—говорилъ Кассевичъ товарищамъ.—Вотъ ужъ не ожидалъ, признаюсь!—И въ его тонѣ слышалось затаенное злорадство завистливаго человѣка, который прежде страдалъ отъ удачи пріятеля.

А Чарницкій послѣ этой встрѣчи замолчалъ на цѣлую недѣлю. Его тяготило теперь одиночество, эта самая семейная жизнь, къ которой онъ стремился, тянуло часто на люди... Его тяготили и слезы Ольги, и даже ласки ея. Онъ нѣсколько разъ ловилъ себя на чувствѣ ненависти къ будущему ребенку. Зачѣмъ онъ? Кто желалъ его?.. Какъ это глупо! Хоть бы умеръ, что ли!

X.

И, наконецъ, оно явилось на свѣтъ, это непрошенное, нежеланное дитя. Послѣ цѣлыхъ сутокъ невыносимыхъ мученій, для матери физическихъ, для отца нравственныхъ, онъ родился въ глубокомъ обморокѣ, весь синій... Онъ плакалъ только, пока его купали, а затѣмъ, какъ слабыя дѣти, заснулъ и не крикнулъ во всѣ сутки ни разу, такъ-что Ольга безпрестанно прислушивалась: дышитъ ли? Живъ ли?

Ольга вела себя, какъ героиня. Она ни разу не крикнула, изъ любви къ Чарницкому, и поразила акушерку.—Въ жизнь ничего такого не видала,—говорила та. Зато это отозвалось на нервахъ Ольги. Она стала необыкновенно раздражительна.

Чарницкій не выказывалъ ни малѣйшаго интереса къ ребенку, не говоря уже о нѣжности. Это не было удивительно, но холодность Ольги къ ребенку была совершенно ненормальна. Батрачка, измученная физически и нравственно, убила въ ней мать. Инстинкты материнства дремали, но она сама сознавала все это уродство и съ ужасомъ спрашивала себя: неужели не проснется любовь? Она инстинктивно скрывала свои ощущенія передъ Чарницкимъ, догадываясь, что этого онъ ей не проститъ.

Она видѣла сына мелькомъ, когда онъ родился, не разглядѣла его хорошенько и не просила его показать, радуясь его сну. Но когда, къ утру слѣдующаго дня, онъ проснулся и слабо запищалъ, она встрепенулась.—Дайте, няня, его сюда... Я хочу его видѣть!

— Ангельская душенька,—умиленно прошептала Настасья. Это была вдовая крестьянка, лѣтъ тридцати, недавно изъ деревни, схоронившая всѣхъ дѣтей, добрая и любящая, рѣдкій типъ среди городской прислуги. „Сокровище", говорила Ольга, немало натерпѣвшаяся отъ новой кухарки, которую они наняли при переѣздѣ.

Малютку положили на подушку, рядомъ съ молодой матерью. Онъ вертѣлъ головкой, жадно ловилъ воздухъ красивыми губками. Сердце Ольги дрогнуло. Это былъ Чарницкій въ миніатюрѣ. Тотъ же точеный носикъ, съ красивыми ноздрями, необыкновенная для новорожденнаго правильность чертъ. Только большіе глаза и маленькій ротъ онъ взялъ у матери. Онъ былъ необычайно красивъ.—О, какой милый!—съ восторгомъ прошептала Ольга и вдругъ заплакала.

Всѣ испугались, стали утѣшать, допрашивать. Она молчала

Ей не хотѣлось сознаться, что въ ту минуту, когда въ ней проснулась мать, она уже прочла смертный приговоръ въ лицѣ малютки. Ужасное предчувствіе всплыло изъ какого-то темнаго тайника ея существа и не покидало ее больше. Этотъ страхъ смерти, не засыпавшій въ душѣ Ольги, принялъ другое направленіе. Она мысленно уже видѣла въ гробу своего сынка. Она знала, что смертность между новорожденными мальчиками громадна.

Въ эту ночь она захворала. У нея была молочная лихорадка, несмотря на то, что невѣжественная акушерка прятала подъ постель бутылку съ водой „въ предупрежденіе"... Чарницкій ушелъ винтить къ Молоткову, потому что онъ изнывалъ дома отъ тоски и прозы. Ольга это чувствовала и не удерживала его. Но ей было горько.

На дворѣ загудѣла метель. Малютка проснулся и началъ неистово кричать отъ голода и рѣжущей боли въ животѣ. Нянька заметалась. Пробовали и растирать, и укачивать, ничего не помогало. Наконецъ, догадались согрѣть полотенца и обвязать животикъ. Малютка стихъ, обезсиленный страданіями. Онъ кричалъ почти два часа.

Ольга плакала. Она теперь только поняла, какъ она неопытна, безпомощна, какъ легкомысленно покинута она въ эти самые трудные для всякой женщины дни. А сама она? Какъ недобросовѣстно отнеслась она къ своимъ обязанностямъ матери! Она ничему не училась: ни ходить за ребенкомъ, ни помочь его страданіямъ, ни беречь себя, ни предохранять дитя отъ болѣзней. Почему онъ кричитъ? Какъ ему помочь?.. Она готовилась быть матерью и не щадила своихъ силъ, утомлялась и надрывала въ самомъ корнѣ жизнь этого несчастнаго ребенка. Она готовилась быть врачомъ, изучала латынь, а не поинтересовалась даже ознакомиться съ дѣтской гигіеной. Какая непослѣдовательность! Какая непростительная небрежность!

— Это отъ вьюги у него грызь въ животѣ, — утверждала нянька.—Ишь какъ ножками сучитъ!—Ольга чувствовала, что нянька говоритъ глупости, но сама-то она знала ли больше?

Въ три часа ночи вернулся Чарницкій. На его робкій вопросъ нянька суровымъ шопотомъ разсказала ему, какъ мучались мать и ребенокъ; оба только что заснули. Чарницкій понялъ упрекъ въ ея тонѣ, ему стало больно и стыдно. Онъ тихонько вошелъ въ спальню, но Ольга мгновенно проснулась и съ восторгомъ посмотрѣла въ его лицо. Онъ сказалъ, нѣжно цѣлуя ее:

— Прости, Олюшка... Какъ могъ я думать?—И этого было довольно, чтобы искупить муки этой ужасной ночи.

Утромъ, умываясь, Чарницкій слышалъ, какъ няня, сидя съ кухаркой за самоваромъ, осуждали его. Эти простыя деревенскія бабы удивлялись безсердечію „господъ".—Въ этакое-то время? Вѣдь, приключится что, на всю жизнь испортить можетъ... Распаленіе, али что?.. Бываетъ, молоко-то въ голову кинется. Ума рѣшаются... Да у насъ бабу николи одну въ избѣ не бросятъ, да еще первенькимъ... Ужъ и господа!..—„Ахъ, гадость какая!"—съ раскаяніемъ думалъ Чарницкій.

Съ самаго переѣзда на эту квартиру онъ сдалъ Рудакову одну комнату за десять рублей въ мѣсяцъ, и за другіе десять они приняли его своимъ нахлѣбникомъ. Это было большое подспорье въ хозяйствѣ. Теперь всѣ эти дни Чарницкій спалъ въ комнатѣ Рудакова.

Утромъ, въ десять (это былъ праздникъ), онъ наципочкахъ вошелъ въ спальню. Ольга улыбнулась ему какъ-то страдальчески. У Чарницкаго сердце такъ и упало. — „Хоть бы акушерка скорѣй пріѣзжала!.." Маленькій просилъ ѣсть и плакалъ. Чарницкій сердился. — „Сколько непріятностей можетъ доставить этотъ кусокъ мяса!"—говорилъ онъ. Пріѣхала акушерка. Попробовали дать ребенку грудь. Но онъ не умѣлъ браться, причинялъ Ольгѣ страданія и невыносимо кричалъ. Промучились цѣлый часъ. У Ольги была грудь Діаны, а не кормилицы.

— Ахъ, возьмите... возьмите этого проклятаго ребенка! — вдругъ дико закричала Ольга, роняя малютку на колѣни и сжимая кулаки.—Онъ измучилъ меня... Не хочу кормить! Дайте мнѣ умереть!—И, поймавъ укоризненный взглядъ Чарницкаго, она страстно зарыдала.

Акушерка испугалась за послѣдствія этой вспышки. Но нянька, злобно взглянувъ на молодую мать, подхватила ребенка и, встряхивая его и раскачиваясь сама всѣмъ корпусомъ, ушла въ другую комнату, гдѣ дала ему соску съ чаемъ и жеванымъ хлѣбомъ.

Ольга быстро раскаялась.—Дайте мнѣ его,—жалобно просила она,—онъ голоденъ, бѣдняжка... Я больше не буду сердиться...

Кое-какъ дѣло, наконецъ, уладилось.

— Ну, слава Богу! — съ облегченіемъ сказалъ Чарницкій, уходя къ Рудакову. — Ну, и канитель же, братъ! И скучища!.. То-есть дуракъ ты будешь, если женишься... И чтобы я еще когда-нибудь имѣлъ дѣтей?!

Понемногу, однако, все вошло въ колею. Ребенокъ былъ еобыкновенно тихъ, все спалъ, просыпался только черезъ етыре часа, но отчаянно кричалъ, когда его пеленали и кували. Акушерка увѣряла, что все это пустяки: мальчики всегда лажатъ.

Въ Ольгѣ материнское чувство, страстное, беззавѣтное, амоотверженное—пока еще спало, не успѣло еще развиться. юбовница въ ней поглощала мать. Какъ и прежде, всѣ помыслы этой молодой женщины, прикованной къ постели болѣзнью, вращались исключительно около Чарницкаго. Когда о не было, она страдала, скучала; когда онъ былъ тутъ, она слаждалась его близостью. Теперь даже больше. Страсть обострилась. Сознаніе своего безсилія и безпомощности, строенные нервы—все это будило ея подозрѣнія, раздувало ревность до крайнихъ предѣловъ. Если Чарницкій запаздыъ хоть на полчаса, идя со службы домой, она встрѣчала холоднымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ. Если онъ уходилъ тить, она плакала ночью, а на другой день осыпала его ыми гнусными подозрѣніями, бросала ему прямо въ лицо иненіе въ измѣнѣ, съ страстными слезами молила себѣ рти и вообще доводила Чарницкаго до отчаянія. Иногда, уя ребенка, котораго она кормила, Ольга говорила Чарцкому съ страстной горечью: — Когда ты разлюбишь меня, ы разстанемся, онъ будетъ моей отрадой и вознаградитъ ня за потерю... Любовники уходятъ, дѣти остаются...

Иногда она порывисто прижимала къ себѣ спавшаго мальтку и говорила голосомъ, отъ котораго у Чарницкаго сердце овно переворачивалось въ груди: — Милый, милый... Живи меня... Не умирай!.. Я постараюсь тебя любить сильнѣе его на свѣтѣ...—И жгучія наболѣвшія слезы градомъ бѣжапо ея измученному лицу.

— Какая тоска!—восклицалъ Чарницкій.—И не стыдно тебѣ, ля? Кажется, ни откуда не предвидится несчастія, а ты сама го накликаешь...

На пятыя сутки, ночью, всѣ проснулись разомъ съ крикомъ спуга и вскочили на постеляхъ. Всѣ слышали сквозь сонъ акой-то оглушительный ударъ, страшный трескъ. Казалось, дѣ-то обрушился потолокъ. Въ одномъ бѣльѣ Чарницкій бѣжалъ въ спальню. Ольга сидѣла на кровати и съ ужасомъ лядѣла въ темноту. Нянька стояла у люльки и крестила мирно павшаго ребенка.

— Прости, Олюшка... Какъ могъ я думать?—И это... ула
довольно, чтобы искупить муки этой ужасной но...

Утромъ, умываясь, Чарницкій слышалъ, к...
съ кухаркой за самоваромъ, осуждали его. ...
венскія бабы удивлялись безсердечію „гос... ...спишь?
время? Вѣдь, приключится что, на вс... Теперь она сѣла...
жетъ... Распаленіе, али что?.. Бы...
кинется. Ума рѣшаются... Да ... ...ла... Оторопь взяла...
избѣ не бросятъ, да еще п... ...жно ясно и спокойно продо...
„Ахъ, гадость какая!“—с... ...нь ночника.—Это была смер...

Съ самаго переѣзда ... на люльку,—либо я... И скоро...
одну комнату за дес... ...ивѣ Настасья осѣнила себя крестны...
они приняли его ... ...мала то же самое.
подспорье въ х... ...оказалось, что треснулъ гардеробъ въ
въ комнатѣ г... ...служившій Ольгѣ три года. Онъ далъ широкую

Утром... ...во всю длину. Всѣ успокоились и забыли объ этомъ.
кахъ в... ...была одна Ольга. Нѣтъ-нѣтъ да и всплыветъ ночью это
дальч... ...ощущеніе таинственной близости смерти, съ кото-
аку... ...ленящее ...рымъ она проснулась въ ту ночь.

Дня черезъ два, опять-таки передъ разсвѣтомъ, нянька про-
снулась отъ какого-то, ей почудилось, крика. Она вскочила въ
испугѣ на ноги и протерла глаза. Никто не кричалъ, но передъ
нею босикомъ, на крашеномъ холодномъ полу, въ одной рубаш-
кѣ стояла Ольга и торопливо шарила что-то по ея матрацу.

— Барыня... Что вы это? Лягте... простудитесь,—завопила Настасья, но голосъ замеръ у нея, когда она вглядѣлась въ безумное лицо Ольги и ея блуждающій, дикій взглядъ.

— Гдѣ ребенокъ?.. Гдѣ ребенокъ? Куда ты его дѣла?—дрожащимъ голосомъ, сурово спрашивала Ольга, глядя куда-то поверхъ ея головы. Нянька, вся похолодѣвъ отъ ужаса, кинулась къ люлькѣ.

— Да вотъ онъ, барыня... Вотъ... спитъ себѣ спокойно...

— Гдѣ онъ?.. гдѣ? Ты его спрятала?—Ольга ощупала лицо ребенка, но опять отвернулась и начала шарить по своей постели, что-то бормоча. Нянька посадила ее за плечи на кровать, уложила, прикрыла одѣяломъ. Ольга все шарила по подушкѣ и кругомъ, блуждая глазами, потомъ стихла внезапно и склонилась на изголовье. Настасья робко заглянула ей въ лицо. Она спала... „Нѣтъ, не къ добру“, подумала Настасья.

Каково же было ея изумленіе, когда выяснилось, что Ольга ничего не помнитъ! Она разспросила няньку во всѣхъ подробностяхъ про эту странную сцену и задумалась еще мрачнѣе.

Лежа одинокая въ долгіе часы, пока Чарницкій былъ на службѣ, она припоминала всю жизнь, все прошлое, свои гордыя мечты, далекій теперь кружокъ когда-то близкой ей молодежи, Колпикову, Арбекова, Семенова... Она обводила глазами эти обои, эту комнату, гдѣ теперь сосредоточились всѣ ея интересы, всѣ сокровища ея духовнаго міра. Да, она пошла торной дорогой, съ которой возврата нѣтъ... Она все отдала, отъ всего отвернулась ради личнаго счастья... Но гдѣ оно? Развѣ счастье—эта тоска, этотъ вѣчный страхъ измѣны, страхъ смерти, страхъ невѣдомаго, близкаго конца?..

XI.

На девятый день Ольга встала. Наканунѣ Клара примчалась, какъ сумасшедшая. Она была больна сама и не могла навѣстить раньше. Она раскудахталась, увидавъ упущенія, обругала акушерку дурой и свиньей и объявила, что сама пріѣдетъ „подымать" Ольгу; вообще обставила этотъ обрядъ такой торжественностью, что всѣ сердца радостно екнули, и настроеніе поднялось на нѣсколько градусовъ.

Ольга съ наслажденіемъ надѣла платье съ лифомъ, радуясь тому, что она опять тонка и стройна. Она шаталась отъ слабости, когда вышла въ гостиную, опираясь на руку Клары. Но ея красота, казавшаяся теперь какой-то хрупкой, была такъ трогательна, что Чарницкій съ Рудаковымъ ахнули, увидавъ ее.

— Что за прелестная женщина! — воскликнулъ Чарницкій, осторожно поворачивая Ольгу то en face, то въ профиль.— Глядите, какая талія! Какой бюстъ!

— Ну, и дуракъ же!—хохотала Клара.

Казалось, жизнь опять улыбнулась Ольгѣ. Вернулись восторги страсти и вся поэзія перваго сближенія.

На десятый день были крестины. Клара была крестной матерью, Миша — крестнымъ отцомъ. Во время обряда отецъ и мать тихонько сидѣли въ спальнѣ. „Какъ отверженные", думала она.—„Какъ провинившіеся школьники",—шепталъ онъ. Ольга тихонько вытирала набѣгавшія слезы, прислушиваясь къ голосу священника. Она только теперь начинала страстно любить сына.

Когда крещеніе кончилось, причтъ ушелъ и родителей поздравили, акушерка съ подносомъ и стаканами вина обошла всѣхъ приглашенныхъ: Зерцовыхъ, Молотковыхъ, Рудакова, которые пили вино и клали по рублю на подносъ. Это было въ

пользу акушерки. Одинъ только разсчетливый Рудаковъ старшій, предвидя этотъ расходъ, пріѣхалъ часомъ позже, къ винту.

Винтили, пили чай, ужинали. Все было, какъ у людей, и Чарницкій былъ очень доволенъ. Мальчика назвали Валентиномъ, по желанію матери. Только когда дьяконъ, узнавъ, что это незаконнорожденный, тихонько спросилъ Чарницкаго, какъ же его записать?—Ольга гордо сказала:—Мой ребенокъ. Пишите на мое имя...

Долго Чарницкій страдалъ, вспоминая потомъ эту минуту, и упрекалъ себя за то, что не настаивалъ на женитьбѣ.—Вздоръ,—утѣшала его Ольга.—Одни предразсудки.

Отъ Марины Алексѣевны неожиданно пришло ласковое письмо. Она поздравляла молодую пару и опять умоляла ихъ обвѣнчаться.

— Подожди, я подумаю, — отвѣтила Ольга, когда Чарницкій присталъ къ ней одинъ разъ, и у нея все какъ-то заколебалось въ душѣ.—Ну, хорошо, мы женимся осенью.

— Почему осенью?

— Теперь нѣтъ денегъ. Мы и такъ совершенно истратились. А, вѣдь, эти обряды не дешево стоятъ.

— Мнѣ усыновить его хочется, Оля. Онъ такой жалкій...

Ольга промолчала. Да, онъ былъ жалокъ и ей... Но измѣнить себѣ она не хотѣла и только оттягивала время. Чарницкій былъ ужасно счастливъ въ этотъ день и написалъ матери радостное письмо.

Всѣ девять дней въ спальнѣ были опущены розовато-бѣлыя сторы. Акушерка этого требовала для охраненія зрѣнія малютки и матери. Поэтому только во время крестинъ Клара первая, при солнечномъ свѣтѣ, замѣтила необычайную желтизну кожи у ребенка. На двѣнадцатый день она заѣхала опять. Ребенокъ былъ странно сонливъ и вялъ. Вѣки его почти совсѣмъ не открывались, въ уголкахъ глазъ показался гной. Испуганная Клара тотчасъ приказала нянькѣ одѣться, закутала ребенка въ одѣяло и въ свою ротонду, и отправилась къ дѣтскому доктору. Ольга какъ-то тупо глядѣла на всѣ эти хлопоты и даже не удивлялась.

— Я это знала,—сказала она.—Вѣдь это „начало конца..."

Клара вернулась, встревоженная, и сказала Чарницкому, что у маленькаго, во-первыхъ, воспаленіе глазъ, во-вторыхъ, желтуха, болѣзнь очень серьезная и, должно быть, врожденная. У него ненормально увеличена печень. Добрая Клара каждый

день возила его всю недѣлю къ глазному доктору, и воспаленіе скоро вылѣчили, но общее состояніе Вали ухудшалось. Онъ теперь кричалъ часами. Чарницкій, по своему легкомыслію не вѣрившій въ опасность, сердито говорилъ: — „Вотъ оретъ-то оглашенный!.. Я скоро буду уходить изъ дому въ ночевку"...

Но Ольга плакала цѣлыми днями, страдая за малютку, котораго любила все сильнѣе. На двадцатый день, потихоньку отъ всѣхъ, когда мужчины были на службѣ, Ольга въ отвратительную погоду, въ отвратительную дорогу выѣхала въ первый разъ къ доктору, взявъ няньку и маленькаго. На улицѣ она ужаснулась. Личико Вали дѣлалось все темнѣе и теперь было цвѣта мѣди, совсѣмъ желтокожее. При осмотрѣ онъ отчаянно кричалъ.

— Есть ли надежда?—замирая отъ страха, спросила Ольга.

— Есть, пока онъ такъ сильно кричитъ... Если же вы услышите, что голосъ его пропалъ, не обманывайтесь и ждите конца...

Ольгѣ показалось, что она сама опускается въ какую-то холодную яму.

— Навѣдайтесь черезъ недѣлю,—сказалъ докторъ, подавая рецептъ.

Съ этой минуты жизнь Ольги обратилась въ какую-то медленную агонію. То она надѣялась, увѣряла себя и другихъ, что мальчикъ „побѣлѣлъ", то приходила въ отчаяніе, рвала на себѣ волосы, пробовала молиться, давала безумные обѣты, если онъ будетъ спасенъ, кляла день и часъ, когда встрѣтилась съ Чарницкимъ, гнала его отъ себя, говоря, что она не хочетъ имѣть дѣтей, не смѣетъ причинять другому этихъ незаслуженныхъ, жестокихъ, безсмысленныхъ страданій... Въ ней все умерло. Но въ ней просыпалась мать.

— Эка визжитъ!.. Точно поросенокъ!—съ сердцемъ говорилъ Чарницкій, слыша ночью крикъ сына. Но пока онъ кричалъ такъ оглушительно, надежда еще не умирала въ сердцѣ матери.

Но вотъ, наконецъ, насталъ день, когда Валя потерялъ голосъ. Его стали пеленать, и онъ закричалъ болѣзненно, жалобно, слабо. Похолодѣвъ вся отъ ужаса, Ольга выхватила его изъ рукъ няньки и начала жадно всматриваться въ его личико. Ребенокъ смолкъ на полъ-минуты, потомъ открылъ глазки, пронзительно закричалъ и взглянулъ на мать... Была ли то галлюцинація? Но Ольга прочла въ этомъ взглядѣ такой сознательный, ясный укоръ... „За что ты меня мучишь?—говорилъ этотъ взглядъ.—Ты, одна ты виновата въ моихъ мученіяхъ..."

— Валя... Валя... ангелъ мой... Прости... прости!—зарыдала Ольга, почти теряя сознаніе отъ ужаса и горя, и упала на колѣни передъ постелью. Нянька испуганно выхватила у нея ребенка. Онъ теперь уже не кричалъ, а пронзительно взвизгивалъ... Голосъ пропалъ. Все кончено... Надежды нѣтъ... Съ дикимъ воплемъ, схватившись руками за волосы, Ольга рухнула на-земь, сама не зная, молясь ли, проклиная ли?..

Нянька выбѣжала на кухню.

— Матрена... Брось стряпать, брось!.. Посиди съ ребенкомъ... Я мигомъ за дохтуромъ слетаю...

Черезъ часъ она привезла его, она знала адресъ.

Ольга сидѣла на постели, захвативъ голову руками, съ потухшимъ взглядомъ. Мальчикъ спалъ.

Угрюмо приступилъ докторъ къ осмотру. Ребенокъ мучительно заплакалъ, суча худыми, словно стаявшими ножками, ежась отъ воздуха. Когда молотокъ коснулся печени, раздался необычный, глухой, какой-то зловѣщій звукъ, какъ будто въ этомъ мѣстѣ была пустота. Все было кончено... Не подымая глазъ, докторъ почувствовалъ на своемъ лицѣ отчаянный взглядъ Ольги. Онъ велѣлъ нянькѣ завернуть ребенка, отвернулся и сталъ прятать инструменты.

Судорога прошла по чертамъ Ольги. Она легла головой въ подушки, не спрашивая доктора ни о чемъ.

— Ну, полно... полно, — тихо и ласково заговорилъ докторъ.—Не плачьте... У васъ будутъ еще дѣти. Берегите себя для нихъ... Ну, какая вы мать? Взгляните на себя... Какое потомство можете вы дать, когда сами такъ изнурены и хилы? Знаете ли вы, что вамъ грозитъ чахотка? Вы не годитесь быть ни матерью, ни кормилицей. Вамъ надо разъѣхаться съ мужемъ и отдохнуть...

Онъ видѣлъ, что плечи ея трепетали. Онъ взялъ стулъ, сѣлъ рядомъ и мягко сталъ гладить Ольгу по головѣ.

— Не жалѣйте вы о немъ... Онъ выросъ бы хилымъ, слабымъ и проскрипѣлъ бы всю жизнь. Какая это радость? Лѣтъ черезъ двадцать пять, Богъ знаетъ еще, какъ сложится у насъ жизнь на Руси?.. Понадобятся борцы, мужественные, сильные духомъ... А онъ?.. Прошелъ бы онъ мимо этой жизни, уступая всѣмъ львиную долю труда и наслажденія, въ сторонѣ отъ всего, дрожа за свое хрупкое существованіе... И, навѣрное, умеръ бы чахоткой, не дотянувъ до тридцати... Вамъ было бы еще тяжелѣе тогда. Ну, помолитесь, если умѣете молить-

:я!.. Найдите хоть въ этомъ утѣшеніе. А у меня руки опу-
:каются... Нечего мнѣ вамъ больше сказать...

Онъ оглянулся. На порогѣ стоялъ Чарницкій, бѣлый, какъ
бумага.

— Утѣшьте мать... Я безсиленъ. Ваше дитя умираетъ,—
:казалъ докторъ, выходя.

Чарницкій нагналъ его въ передней и сконфуженно сунулъ
:му въ руку рублевку.

— Не скрою отъ васъ, что ваша жена истощена до послѣд-
ıей степени... Вамъ не мѣшало бы ее поберечь. По крайней
ıѣрѣ, годъ она не должна имѣть дѣтей... И везите ее на дачу.
)на смотритъ недолговѣчной...

Страданіе выразилось въ лицѣ Чарницкаго: Онъ стоялъ пе-
›едъ докторомъ, такой изящный и красивый, несмотря на ста-
›ый, потертый костюмъ и больной цвѣтъ лица. „Вотъ чело-
›ѣкъ, который, очевидно, видалъ лучшіе дни,—подумалъ док-
торъ невольно.—Онъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ..."

Жизнь потемнѣла разомъ. Ольга два дня ничего не ѣла,
только пила крѣпкій чай, чтобы прогнать сонъ, и всѣ ночи дер-
жала сына на рукахъ. Когда ея руки затекали, она передавала
ребенка нянькѣ. Сухими глазами, безъ слезъ она глядѣла на
умирающее дитя. Валя спалъ, тяжело сопя. И на мѣдножелтомъ,
необычайно суровомъ личикѣ уже лежала печать смерти.

Но Чарницкій скоро оправился отъ потрясенія и утѣшалъ
Ольгу, что доктора врутъ. Когда мальчикъ плакалъ ночью,
онъ ворчалъ и натягивалъ на ухо одѣяло, либо закрывался
подушкой и на третьи сутки, среди ночи, ушелъ въ комнату
Рудакова. До утра Ольга просидѣла въ креслѣ, держа Ва-
лю на рукахъ. Ноги ея закоченѣли отъ холода. Теплый пла-
токъ свалился съ плечъ, и спина ея стыла, руки затекли. Но
она не чувствовала ничего...

Вотъ ребенокъ мучительно вскрикнулъ и началъ корчиться
›тъ боли. Нянька всхрапнула... „Андельская душенька", про-
шептала она, зѣвая и крестясь; перевернулась на другой бокъ
ı захрапѣла. Она тоже была измучена.

Тишина... О, какая страшная тишина!.. Какое одиночество!..
`лаза Ольги слѣдятъ за часовой стрѣлкой. Пробьетъ два, надо
,ать микстуру. Она не спасетъ Валю, но облегчитъ страданіе.
Іичто не спасетъ его теперь, ничто!

Она не помнила, какъ провела третій день. Ребенокъ стихъ,
: Ольга засыпала, сидя, потому что силы уже покидали ее. П

этому Валю взяли у нея изъ рукъ и положили въ бѣльевую корзину. А корзину поставили на постель Чарницкаго.

— Ты спи,—сказалъ онъ Ольгѣ,—я нынче самъ подежурю.

Это было въ одиннадцать вечера. Всѣ задремали. Вдругъ весь домъ проснулся отъ раздирающихъ стоновъ. Это Валя кричалъ, выходя изъ забытья. Ольга сорвалась съ постели и кинулась къ корзинѣ. Еще днемъ она настояла на томъ, чтобы распеленать малютку, высвободить его ручки, хотя нянька упрямо спорила, что такъ будетъ ему хуже. Чарницкій и нянька кинулись къ корзинѣ. Ольга отшатнулась.

Крохотная, безпомощная ручка Вали вдругъ поднялась съ отчаянно растопыренными пальчиками, и все время, пока онъ кричалъ, устремивъ передъ собой мутный взоръ, эта ручка трепетала въ воздухѣ, какъ бы протестуя противъ жестокости людей и природы, противъ жизни и ея невыносимыхъ мученій... „Смотрите, — казалось, говорилъ этотъ краснорѣчивый жестъ.—Я страдаю... Помогите"...

Всѣмъ стало страшно.

— Алеша... видишь? Видишь? — въ ужасѣ шептала Ольга, хватая Чарницкаго за плечо.

О, какъ онъ кричитъ!.. Куда уйти отъ этого крика?

Ручка Вали безсильно падала, ребенокъ забывался...

И всякій разъ, когда начинался приступъ страданій, и раздавались въ ночной тишинѣ эти ужасные крики агоніи, всѣ просыпались мгновенно и съ ужасомъ глядѣли въ корзину... Желтая ручка малютки стояла въ воздухѣ, какъ бы призывая всѣхъ въ свидѣтели своихъ страданій, какъ бы говоря, что малютка передъ смертью постигъ всю горечь жизни...

— Несчастный мученикъ... Умирай скорѣе!—говорила Ольга, глядя на ребенка сухими глазами.

Въ два часа Чарницкій всталъ, зажегъ лампу и сѣлъ въ кресло съ книгой, сказавъ, что будетъ дежурить. Ольга забывалась минутъ на десять, до новаго приступа болей, до перваго стона. Промежутки между ними становились все длиннѣе...

Подъ утро, въ четыре, она открыла глаза и присѣла, одѣтая, на постели. Чарницкій глядѣлъ въ пеленки, наклонясь надъ корзиной. Ребенокъ дышалъ медленно и ровно, какъ бы въ глубокомъ снѣ. Изрѣдка только чуть приподнималась ручка, и слабо шевелились желтые пальчики.

— Знаешь, Оля?.. Ему лучше, — радостно зашепталъ Чарницкій.—Я думаю, что это кризисъ, и докторъ ошибся. Видишь,

акъ онъ сладко спитъ? Я нагнулся... Онъ улыбается во снѣ. Іеленочками пахнетъ отъ него такъ хорошо... Я увѣренъ теерь, что онъ будетъ жить.

Но ни одинъ лучъ надежды не блеснулъ въ мрачной ночи езпросвѣтнаго отчаянія, окружавшаго Ольгу. Она только дивленно взглянула въ лицо Чарницкаго. Въ его глазахъ и олосѣ она узнала искреннюю радость. Такъ вотъ когда пронулось въ немъ чувство къ ребенку!.. Поздно! Слишкомъ оздно... Она знала, что разлившаяся желчь отравила кровь ебенка, и его покой—это зараженіе крови, это коматозное остояніе. Но ей было больно отымать надежду у Чарницкаго. [усть поживетъ иллюзіей до утра!

— Ложись, Оля... Я посижу... Онъ такой милый, право... удь спокойна... Онъ останется живъ.

Ольга была такъ измучена предъидущими ночами безъ сна, то засыпала теперь поминутно, какъ камень.

Въ восьмомъ часу утра всѣ въ домѣ поднялись, стараясь вигаться безшумно. Ольга наклонилась надъ ребенкомъ. Онъ ежалъ неподвижно, испуская еле уловимое, рѣдкое дыханіе. Когда она черезъ мгновеніе взглянула опять, Валя уже не дыіалъ, не страдалъ... „Наконецъ-то!..“ Ей было только обидно, то она не приняла его послѣдняго вздоха.

Она вышла въ столовую. Чарницкій, одѣтый въ пальто, тоя предъ самоваромъ, наливалъ себѣ крѣпкаго чаю.

— Валя умеръ,—сказала она спокойно.

Рука его дрогнула. Блѣдный, онъ молча пошелъ въ спальню.

Скупой свѣтъ сѣраго зимняго утра разливался по комнатѣ. Реенокъ, казалось, спалъ... Головка запрокинулась слегка назадъ. Ізъ полуоткрытыхъ губокъ, казалось, шло еще дыханіе. Казаось, онѣ шевельнутся сейчасъ... Казалось, блѣдная ручка опять одымется съ нѣмымъ протестомъ противъ чьей-то жестокости...

Затаивъ дыханіе, они наклонились надъ пеленками. Въ лицо мъ пахнуло живой теплотой маленькаго тѣльца... Только зъ-подъ слипшихся рѣсницъ неподвижно глядѣли тусклые, агадочные зрачки мертвеца.

Да, онъ былъ мертвъ. Онъ пересталъ страдать... Никогда ольше не раздастся его мучительный крикъ, никого уже не азбудитъ его докучный плачъ... Нежеланное, нелюбимое, нерошенное дитя ушло изъ этого міра, гдѣ оно было мимолетымъ гостемъ, ушло въ другой, таинственный міръ, откуда нѣтъ озврата. Для чего нужно было ему родиться, страдать, умереть?..

Они долго стояли, молча глядѣли, не отрываясь... Ольга тихонько сжала руку Чарницкаго.

— Алеша... Гляди на это чудное личико... Запомни его... Никогда... слышишь? Никогда не забывай его...

Странный, всхлипывающій звукъ вырвался изъ горла Чарницкаго. Онъ вырвалъ руку и вышелъ...

Куда спрятаться? Куда уйти, чтобъ выплакать рыданія?.. Онъ заметался, но всюду были люди, своего угла не было. Онъ сѣлъ на диванъ въ столовой, закрылъ лицо руками и заплакалъ—первый разъ въ жизни.

А Ольга обошла корзину и впервые заглянула прямо въ лицо мертвеца. До сихъ поръ она видѣла его только въ профиль. Она вздрогнула и отошла, но преодолѣла свой ужасъ и нагнулась опять надъ корзиной. Да... нельзя было ошибиться... Мертвый Валя улыбался и глядѣлъ чуть сощуренными глазами, съ затаеннымъ укоромъ... Прижавъ руки къ стучавшему сердцу, побѣлѣвъ, какъ бумага, Ольга, не мигая, глядѣла въ эти глаза.

Что говорили другъ другу эти встрѣтившіеся въ послѣдній разъ взоры?.. „За что ты не любила меня?—казалось, говорило желтое личико.—Знаю... Я вамъ мѣшалъ крикомъ, плачемъ, страданіемъ, всей своей минутной жизнью. Но развѣ я просилъ ее? За что я мучился? Вы проглядѣли мою болѣзнь. И вотъ я умеръ... Попробуйте согрѣть слезами и поцѣлуями мое костенѣющее тѣло... Попробуйте искупить этой поздней любовью ваше преступленіе предо мной! Жалкіе люди! Скупыя сердца!.. Попробуйте теперь забыть меня и быть счастливыми!"

Нѣтъ, нѣтъ!.. До самой могилы она не забудетъ этой минуты, этого личика, этого мертваго взгляда!.. Счастья не будетъ... Да и не нужно его!

Она, шатаясь, отошла отъ кровати, чувствуя себя убійцей...

Вдругъ до слуха ея достигли какіе-то звуки изъ внѣшняго міра... Кто-то рыдалъ... Она вышла въ столовую и остановилась. Присѣвъ на диванъ, закрывъ лицо руками, Чарницкій плакалъ. Теперь онъ уже не стыдился слезъ. Поздно проснулась въ немъ любовь къ ребенку, но предъ скорбью утраты все казалось мелкимъ.

„Пусть плачетъ!.. Пусть кается!" — подумала Ольга. Она подошла, положила руку на его кудри. — Не плачь, Алеша!.. Къ чему теперь?.. Онъ не воскреснетъ...

Онъ слышалъ эти жестокія слова и зарыдалъ еще сильнѣе.

А Ольга словно окаменѣла. Ни слезъ, ни жалобъ.

Въ домѣ поднялась обычная и безтолковая суета. Неуго-ıонная жизнь все-таки шла своей чередой, и рѣзкимъ диссо-ансомъ врывалось въ нее это мертвое дитя.

Съ опухшими отъ слезъ глазами нянька, перeругиваясь на оду съ кухаркой, вносила корыто, наливала воду. Валю вы-;ули изъ корзины, распеленали его скованныя ножки, кото-ымъ теперь уже не была нужна свобода, и начали обмывать. Голько въ ту минуту, когда вялыя, высохшія ножки и ручки, акъ безжизненно болтавшіяся, окунули въ воду, и мертвая оловка тяжело стукнула о дно корыта, Ольга ахнула, вышла ізъ своего оцѣпенѣнія. Ей вспомнилось... Она всегда боялась, когда его купали, что онъ можетъ захлебнуться.

Чарницкому не дали задуматься. Настасья и Матрена рас-юряжались всѣмъ. Чарницкому толковали, что надо свидѣ-гельство отъ доктора, что надо купить гробъ, дали мѣрку ıертваго тѣла, объяснили цѣну, назначили лавку, напомнили › попѣ. Онъ слушалъ, ничего не понимая, стараясь вникнуть, ъ пассивной покорностью на больномъ, измученномъ лицѣ.

— Ступайте вы, баринъ,—рѣшили женщины, входя къ Ру-акову. — Они не въ себѣ, все напутаютъ. Первымъ дѣломъ, ъ участокъ идите...

Къ Ольгѣ сунулись было насчетъ покрова и обуви. Она ичего не поняла. Тогда нянька взяла свои собственныя день-ı, сбѣгала за коленкоромъ бѣлымъ, которымъ обернула го-ıя ножки.—А какъ же?—серьезно отвѣтила она на вопросъ арницкаго. — На томъ свѣтѣ баринъ нашъ пойдетъ гулять азумшись, что ли? Не годится...

„Счастливые!.. Какая вѣра!..“ подумалъ онъ.

Валю одѣли въ крестильную рубашечку, положили въ бѣ-ый глазетовый гробикъ, подъ голову пристроили его поду-ıечку. Желтыя ручки сложили на груди и закрыли пятачками ѣки. На гробикъ накинули кусокъ голубого кашемира, по-арокъ крестной матери „на зубокъ“.

— Цвѣтовъ бы надо!.. Убого очень,—сказала Матрена. Но а живые цвѣты не было денегъ въ домѣ. Вообще, ихъ давно же не было. Закладывали вещи Ольги. Чтобы купить гробъ заплатить за похороны, Рудаковъ бѣгалъ брать ссуду въ анцеляріи.

Когда покойника убрали и положили въ гостиной, на столъ,)льга подошла и сѣла подлѣ. Жадно глядѣла она въ мертвое ицо. Оно было прекрасно. Изъ-за разорвавшихся тучъ мар-

товское солнце, не скупясь, лило на гробикъ свои холодные, безжизненные лучи и странно озаряло мѣдно-желтое личико и играло золотомъ въ пушкѣ, покрывавшемъ эти нѣжныя щечки, въ каштановыхъ волоскахъ маленькой головки. Ребенокъ былъ такъ похожъ на отца, что даже прислуга, въ которой не развитъ художественный глазъ, была поражена этимъ сходствомъ. Но Ольгѣ не вѣрилось, что это ея ребенокъ. Было что-то чуждое, незнакомое въ желтомъ личикѣ. Наложивъ на него свою роковую печать, смерть преобразила его, отлила его черты въ ту конечную форму, которая придаетъ трагическую, суровую, но своеобразную красоту даже некрасивымъ въ жизни лицамъ. Что-то осмысленное и строгое было въ этомъ крохотномъ лицѣ. Казалось, мертвый мозгъ, не работавшій еще при жизни, вдругъ понялъ загадку бытія и тайну смерти. Изящныя губки плотно сомкнулись, брови нахмурились и нависли надъ вѣками... Ольга могла смотрѣть безъ страха... Она не встрѣтитъ уже укоризненнаго взгляда, который заледенилъ ея сердце. Но въ этомъ суровомъ личикѣ она читала себѣ осужденіе, читала приговоръ, нѣмой, но страшный...

Чарницкій уже не плакалъ, словно примирился съ фактомъ, но страдалъ теперь за Ольгу. Онъ уводилъ ее отъ гроба, не хотѣлъ оставлять одну. Вечеромъ, когда въ комнату Рудакова подали самоваръ, Чарницкій сказалъ:

— Господа, пойдемте лучше къ намъ, въ спальню. Тамъ мы будемъ ближе къ Валѣ. А то онъ все одинъ, бѣдняжка!— Онъ говорилъ о немъ, какъ о живомъ.

Ночь прошла тревожно, хотя легли рано и заснули, какъ убитые. Чарницкій опять-таки оставилъ открытой дверь въ столовую. Въ ушахъ Ольги все еще звенѣли будто раздирающіе крики, и агонія прошлой ночи преслѣдовала ее во снѣ! Разъ она явственно услыхала плачъ. Она сорвалась съ постели и бросилась въ столовую. „Ожилъ... летаргія!..“

Синій свѣтъ луны заливалъ комнату. Призрачные блики, падая на лицо малютки, придавали ему странную жизнь... Съ крикомъ Ольга нагнулась надъ гробикомъ... Нѣтъ!.. Онъ лежалъ недвижно въ своемъ убогомъ уборѣ. Сурово сдвинутыя губки не разжимались, и безпощадно строгое выраженіе не уходило съ лица.

Ольга коснулась его ручекъ. Онѣ были холодны тѣмъ страшнымъ, безнадежнымъ холодомъ, который присущъ одной смерти. Она взяла въ свои ладони маленькую головку и прильнула къ ледяному лобику.

„Валя... прости... прости..." вырвался у нея вопль.

— Оля... Что ты? — послышался испуганный шопотъ Чарницкаго... Въ одномъ бѣльѣ онъ стоялъ въ дверяхъ. Онъ обнялъ за плечи Ольгу, дрожавшую всѣмъ тѣломъ, и увелъ ее изъ комнаты.

— Алеша... Я слышала, что онъ плакалъ,—прошептала она въ ужасѣ, пряча голову на его груди. Онъ сознался, что и ему чудились крики, и онъ просыпался нѣсколько разъ... Конечно, это галлюцинація слуха... Ужъ очень измучилъ ихъ этотъ крикъ за послѣдніе два дня...

Но оба они не спали до утра. Одно и то же чувство мучило ихъ, и они не хотѣли въ немъ сознаться не только другъ другу, но и самимъ себѣ... Это новое, жуткое, постыдное, но неодолимое чувство былъ страхъ передъ мертвымъ, теперь уже несомнѣнно мертвымъ ребенкомъ. Они молча прижимались другъ къ другу и тайкомъ оглядывались на дверь столовой. Уходя, на этотъ разъ Чарницкій заперъ ее за собой. И порвалась послѣдняя связь между мертвымъ и живыми. Инстинктивно живыя существа съ горячей кровью сторонились, какъ отъ чего-то враждебнаго, отъ тишины, холода и неподвижности смерти. Запертая дверь между матерью и ребенкомъ краснорѣчиво говорила, что мертвые,—какъ бы ни были они близки и дороги намъ при жизни,—страшны живымъ...

На третій день назначили похороны. Ольга не отрывалась отъ гроба, сухими глазами глядѣла на свое дитя, цѣловала холодныя губки, которыя уже утратили мягкость. Ребенокъ казался пополнѣвшимъ. Его щечки надулись, и личико стало еще суровѣе. Онъ начиналъ разлагаться.

Пріѣхали Зерцовы, Молотковы, старшій Рудаковъ. Всѣмъ хотѣлось утѣшить мать, но слова замирали при видѣ Ольги. Нечесаная, неумытая, въ смятомъ платьѣ, вся какая-то растерянная и состарившаяся разомъ, съ запекшимися губами, съ сухими, завалившимися глазами, она не нуждалась въ утѣшеніяхъ, она ни съ кѣмъ не хотѣла дѣлиться горемъ.

— Какъ быть?—волновался Чарницкій. — Погода отвратительная, а она просится ѣхать на кладбище.

— Какое безуміе! Да она грудницу схватитъ. Вѣдь, ей еще шести недѣль нѣтъ и сама кормила... Я не пущу ее,—рѣшила Клара.

— И въ церковь не совѣтую пускать, — предложилъ осторожный докторъ Рудаковъ.

Дверь, по обычаю, не запиралась для тѣхъ, кто хотѣлъ по-

клониться покойнику. Чужіе люди, жильцы громаднаго дома, то и дѣло входили въ столовую, цѣловали мертвыя ручки. Они съ любопытствомъ или страхомъ заглядывали въ мѣдно-желтое личико и уходили равнодушно, оставляя грязные слѣды на полу. Маленькій покойникъ дѣлался общимъ достояніемъ. Ольга, сидя у гроба, угрюмо и враждебно глядѣла на всѣхъ.

Пора было выносить гробъ. Всѣ колебались, переглядываясь. Чарницкій, поблѣднѣвъ разомъ, подошелъ къ Ольгѣ и тронулъ ее за плечо.—Оля, пора... А то обѣдня отойдетъ...

Она глядѣла дико, не понимая.

— Простись съ нимъ, Олюшка... Пора уносить...

Она вскочила и судорожно обхватила гробикъ.

— Постой... постой... еще минуточку... Погоди... Погоди... Валя... Валя... мой мальчикъ... моя радость!

Слезы хлынули изъ ея глазъ, первыя слезы за эти двое сутокъ. Онѣ бѣжали по ея лицу, падали на желтое личико, которое она осыпала безумными, отчаянными поцѣлуями.

Клара всхлипнула. Всѣ отвернулись невольно, словно боясь помѣшать этому послѣднему прощанію.

— Андельская душенька, — плача, причитала Настасья и протолкалась къ гробу.—Матушка, барыня... Утѣшьтесь... На томъ свѣтѣ ему лучше будетъ,—убѣжденно сказала она.

Ольга вдругъ грохнулась на колѣни, голова ея упала на полъ, отдавая послѣдній земной поклонъ.

— Прости меня... прости свою подлую, преступную мать!..

Чарницкій сморщился весь, вздернулъ высоко плечи и отвернулся къ окну. Тамъ онъ вынулъ платокъ и смахнулъ слезы. Клара и нянька подъ руки подняли Ольгу и повели ее въ спальню. Она шла, задыхаясь отъ слезъ, ничего не видя, давая себя увести.

„Слава Богу, — говорилъ докторъ Рудаковъ. — Пусть плачетъ, это хорошо! У нея было такое лицо, когда я вошелъ... Я было боялся за ея разсудокъ“...

— Скорѣй... Скорѣй! — торопилъ Зерцовъ. — Пока она не видитъ...

Чарницкій взялъ гробикъ на перевязь, кто-то захватилъ крышку. Всѣ двинулись къ выходу. Нянька въ дверяхъ съ испуганнымъ лицомъ остановила Чарницкаго.

— Какъ вы покойника несете, баринъ? Нешто такъ можно?.. Впередъ надо ногами, впередъ... Вотъ такъ... Теперь несите...

Пришлось остановиться.—Дурная примѣта,—сказалъ кто-то *за спиной* Чарницкаго.

На лѣстницу изъ всѣхъ дверей повысыпали жильцы. Всѣ крестились и съ любопытствомъ глядѣли на Чарницкаго и на покойника.

— Батюшки! Желтый-то какой! — Страшный... Что за болѣсть въ немъ была? — И чепчика нѣтъ. — А бо́льшенькій... Годочекъ что ли?—Какое! Мѣсяцъ всего...—Да неужто?—Что же это цвѣтовъ нѣтъ?—Ни башмачковъ... Ни платья... Ровно нищій...—И то...

Вдругъ дверь распахнулась, и Ольга вышла на площадку. Послѣднія слова долетѣли до ея слуха и остались въ памяти. Но до сознанія не дошли. Чарницкій бросилъ на Ольгу быстрый, болѣзненный взглядъ, опустилъ низко голову и продолжалъ спускаться. Мертвая головка мѣрно и тихо вздрагивала отъ движенія.

Ольга положила на перила исхудавшую руку и смотрѣла внизъ. Всѣ смолкли и глядѣли на нее, затаивъ дыханіе. Она не плакала. Она опять была странно спокойна.

— Прощай Валя... Прости меня...

Она сказала это страдальчески, съ такой трагической простотой, какъ будто говорила живому существу, которое могло ее слышать. Многія женщины громко всхлипнули. Чарницкій зажмурился на мгновеніе, какъ будто отъ невыносимой боли.

Печальная процессія медленно спускалась по лѣстницѣ. Ольга глядѣла, перегибаясь...

Наконецъ, внизу хлопнула дверь. Клара обняла плечи Ольги и, какъ ребенка, покорную и безвольную, повела ее въ опустѣвшую квартиру.

Погода была ужасная. Мокрый снѣгъ, вѣтеръ, грязь. Выйдя изъ церкви, всѣ сѣли въ шестимѣстныя сани; Чарницкій держалъ гробикъ на колѣняхъ. Всю долгую дорогу до Ваганьковскаго кладбища онъ молчалъ и все думалъ о маленькомъ мертвецѣ, которымъ такъ мало интересовался въ его мимолетной жизни. Слезы поминутно скатывались изъ его глазъ на крышку гробика. Но онъ уже не стыдился ихъ. Ему казалось, что никогда больше онъ не ощутитъ полнаго счастія, что все будущее отравлено этимъ неизбывнымъ воспоминаніемъ о крошечномъ мертвецѣ. Вообще, впереди былъ только мракъ... „Берегите жену: она недолговѣчна!..“ вспоминался ему зловѣщій совѣтъ доктора.

Вернувшись, Чарницкій засталъ Ольгу въ слезахъ.

— Не говоритъ ни слова и все плачетъ, — сказала Клара, уходя.

Она плакала... „Какъ нищій...“—вспомнились ей слова, оставшіяся въ памяти.—Безъ цвѣтовъ, безъ чепчика... Отчего же не догадались? Чепчикъ есть тамъ, въ комодѣ... Цвѣтовъ можно было купить. Ну, заложили бы что-нибудь еще... Вѣдь, убираютъ же другія матери своихъ мертвыхъ дѣтей, ничего не жалѣя... Нищій... Да... При жизни не умѣли любить. И схоронить не сумѣли...“

Равнодушныя, жестокія руки ударили по свѣжей ранѣ ея сердца, и она раскрылась шире и засочилась кровью.

Вечеромъ, когда они ложились спать, Чарницкій нашелъ Ольгу у окна. Она прислонилась лбомъ къ стеклу и глядѣла въ темную ночь. Бушевала мартовская вьюга. Въ трубѣ зловѣще завывалъ вѣтеръ.

— Полно плакать, Оля! Надо же смириться... Слезами не поможешь. Постарайся заснуть... Право, сонъ—лучшее въ жизни!

Она не слышала или не поняла горькаго смысла его словъ, его тона. Она повернула къ нему измученное лицо.

— Алеша... Вѣдь онъ одинъ теперь... Совсѣмъ одинъ... И ему холодно...—И она зарыдала.

Морозъ пробѣжалъ по спинѣ Чарницкаго. „Бредъ это? Сумасшествіе?..“

— Безъ чепчика, безъ башмаковъ,—выкрикивала она безсвязно, между душившими ее рыданіями.—Въ одной рубашечкѣ... Боже!.. Боже! Какая я подлая! И понимаешь, Алеша? Не исправить этого... Никогда! Зарыли... Засыпали...

„Ахъ, какая тоска!“ думалъ Чарницкій, въ безпросвѣтномъ отчаяніи глядя въ темь ночи... Такая же ночь нависла надъ ихъ судьбой... Зачѣмъ, зачѣмъ они встрѣтились!? Блеснетъ ли когда-нибудь свѣтъ для ихъ измученныхъ сердецъ?

XII.

Въ жизни Чарницкихъ совершился какой-то болѣзненный надломъ. Въ чемъ дѣло?.. Никто не могъ бы сказать, но это чувствовалось. Было что-то бо́льшее, чѣмъ утрата ребенка... Начать съ того, что Чарницкій и Ольга — оба вдругъ почувствовали себя другими людьми. Они по-новому глядѣли на вещи, по-новому относились другъ къ другу. Безъ сомнѣнія, эта умственная и нравственная перемѣна въ нихъ подготовлялась не день и не два, а сознали они ее въ себѣ только теперь. Ихъ лица и рѣчи носили печать безнадежности и апа-

тіи, царившей въ ихъ душахъ, придавленныхъ горемъ. У обоихъ ярко сказывалась усталость жизнью, отвращеніе къ ней. Въ будущемъ грозила безотрадная доля пролетаріевъ и неудачниковъ, и страхъ жизни убивалъ ихъ любовь. Ихъ существа уже не тяготѣли другъ къ другу. Ихъ губы не искали слиться въ поцѣлуяхъ, и рѣдкія вспышки страсти носили характеръ какого-то несознаннаго страданія... Любовь была уже не смысломъ жизни, не центромъ ея. Она низводилась на степень забвенія.

Прошло двѣ недѣли со смерти Вали. Жизнь съ виду какъ будто вошла въ колею. Чарницкій работалъ усиленно надъ планами, стараясь не слышать нужды, которая уже стучалась у дверей. По субботамъ онъ сталъ опять уходить въ клубъ, ища забыться хоть немного. Ольга оставалась одна съ Настасьей, замѣнившей Матрену, которую разсчитали. Она была страшно слаба, странно слаба и не могла даже спуститься съ лѣстницы. У нея ныла и болѣла невыносимо спина, приходилось лежать, даже сидѣть было трудно. Какъ только Чарницкій уходилъ изъ дома, Ольга вынимала коробочку съ волосами Вали, его рубашечку, въ которой онъ скончался, его крестикъ на шелковой синей ленточкѣ, и садилась съ этими реликвіями на постель, прислонясь спиной къ подушкамъ. Она не позволяла вымыть рубашечку, и отъ нея пахло пòтомъ, желтыя пятна расползались по ней. Она закрывала свое лицо этой рубашкой и просиживала цѣлые часы внѣ времени и дѣйствительности, внѣ жизни... Она припоминала въ какомъ-то оцѣпенѣніи всѣ подробности этой короткой жизни маленькаго мученика, съ минуты его рожденія: какъ они сердились на него, тяготились заботами, раздражались крикомъ... Но когда въ мысляхъ она доходила до минутъ его кончины, она вдругъ выходила изъ своего оцѣпенѣнія. Опять и опять вставалъ передъ нею запоздалый упрекъ... „Зачѣмъ они не развязали его ножки и не дали ему умереть спокойно? Почему не кормили, не поили его съ ложечки? Можетъ, онъ голодалъ?.. А пить-то хотѣлъ навѣрное? Вѣдь, все внутри у него горѣло...“ Съ ужасомъ вспоминала она секунду, когда разъ она догадалась поднести ложку молока къ запекшимся губамъ (у него уже не было силы брать грудь), и, какъ это ни странно, какъ это ни необъяснимо, но малютка разглядѣлъ ее, судорожно чуть приподнялъ головку и жадно выпилъ все... Казалось, за недѣлю мукъ развились его мозгъ, его сознаніе; казалось, онъ переросъ себя... Ольга вскакивала, хватаясь за волосы, и металась по комнатѣ съ глухими кри-

ками... Да... Своей небрежностью, эгоизмомъ и невѣжествомъ больше всего они прибавили ему новыхъ страданій. Его похоронили, какъ нищаго, безъ цвѣтовъ, съ коленкоромъ на ножкахъ... О, если бы теперь, она засыпала бы его цвѣтами... Она сняла бы съ него портретъ... Она заложила бы послѣднюю одежду... И вотъ уже нѣтъ его... Онъ лежитъ тамъ одинъ, далеко... Его суровое личико гложутъ черви... Ему холодно...

Съ воплемъ она билась головой объ стѣны и рвала на себѣ волосы... И его нѣтъ уже, нѣтъ!.. Вотъ его рубашка, его пеленки, его волосы, люлька, которую она не позволила вынести, его одѣяльце... Все тутъ, все цѣло... а его нѣтъ!.. И на что ей жизнь, на что ей весь міръ, когда нѣтъ въ немъ ея сокровища, ея несчастнаго малютки!..

Она не спала ночами, вскакивала и бѣжала въ столовую, гдѣ ей чудились его плачъ, его смертельный крикъ, его приподнятая желтая ручка. „О, подлая!.. Я его боялась тогда... Я и мертваго не умѣла любить..." Теперь она звала его къ себѣ въ тишинѣ спавшаго дома, звала съ страстными рыданіями, звала хоть призракъ его... Въ ней проснулась мать! И никогда, она знала, до самой смерти ей не утѣшиться въ потерѣ и не заглушить крика своей совѣсти...

Ольга таяла, какъ свѣча. Но она не жаловалась, и никто поэтому не замѣчалъ ея болѣзни. Только когда отъ сильной боли въ спинѣ станъ Ольги сгорбился, Чарницкому это бросилось въ глаза, и онъ сказалъ ей разъ сердито: — Какъ ты опустилась! Отчего не носишь корсета? Ты скоро старухой сдѣлаешься...

Другой разъ онъ сказалъ:—Что ты валяешься! Какое безобразіе!.. Если больна, лѣчись...—Его все это раздражало нестерпимо.

Озлобленная, негодующая, она вставала и пряталась куданибудь, чтобы выплакать свою жгучую обиду. Ему дѣлалось стыдно своей рѣзкости, и онъ шелъ просить прощенія.

— Ты разлюбилъ меня, я тебѣ въ тягость,—говорила она.— Намъ лучше разстаться...

— Куда дѣлась твоя энергія, Оля?—часто удивлялся онъ.— Я нытикъ отъ природы, но ты всегда умѣла ободрять меня... Теперь мы перемѣнились ролями. Ну, встряхнись, займись чѣмъ-нибудь! И утѣшься... Вѣдь, у насъ еще будутъ дѣти.

— Нѣтъ, Алеша! Я не хочу быть больше матерью. Я не стóю... Я не умѣла ею быть... И потомъ мнѣ все противно.

Жизнь меня страшитъ. Что-то умерло въ моей душѣ... Я хотѣла бы сама умереть...

И они жили такъ, изо дня въ день, почти чужими, почти не разговаривая, въ какомъ-то безпросвѣтномъ уныніи.

Клара простудилась и слегла. Только черезъ двѣ недѣли заѣхала она съ мужемъ и ахнула, увидавъ Ольгу.

— Да ты совсѣмъ больна!.. Чего твой Алеша глядитъ? Можно ли такъ истощиться?

Увидавъ ея грудь, ея налившіяся даже на шеѣ жилы, она поняла въ чемъ дѣло и испуганно помчалась за докторомъ. Тотъ оглядѣлъ Ольгу и объявилъ, что у нея грудница, настолько запущенная, что безъ операціи не обойдешься. Навѣрное будутъ гнойники. Чарницкій поблѣднѣлъ. Онъ и раньше слышалъ, что это мучительная и долгая болѣзнь. Уходя, докторъ тоже просилъ „беречь" Ольгу Юрьевну. Всякое волненіе и повышеніе температуры усилятъ опасность. Организмъ хрупокъ и истощенъ. Если еще мѣсяцъ продлится лихорадка, и не прекратятся ночные поты, чахотка неизбѣжна.

Недоумѣніе было въ лицахъ Чарницкаго и окружающихъ. Ольга не жаловалась, все время была на ногахъ... Кто могъ предположить, что она такъ серьезно больна?

Потомъ настали печальные дни, сплошные тоска и ужасъ. Цѣлую недѣлю Ольга, лежа въ постели, мучилась невыносимо, почти безъ сна. Она не плакала, не жаловалась, не кричала при Чарницкомъ, оставаясь вѣрна себѣ, боясь его огорчать. Но онъ угадывалъ ея мученія и, глубоко каясь въ своей небрежности, не отходилъ отъ нея, самъ дѣлалъ припарки, самъ бинтовалъ ей грудь, читалъ ей вслухъ. Ее приходилось переворачивать, такъ она была слаба, у нея болѣли всѣ жилы, всѣ нервы. На десятый день безъ крика она не могла уже шевельнуться.

— Нужна операція и немедленно,—сказалъ докторъ.

Чарницкій вошелъ въ спальню, взялъ лицо Ольги въ обѣ руки и сталъ покрывать его такими нѣжными поцѣлуями, такъ грустно глядѣлъ ей въ глаза, что сердце у нея упало. Она догадалась.—Не хочу... Не хочу... Дайте мнѣ умереть!—молила она, уже не имѣя силъ для страданій.

Она теперь уже кричала въ голосъ, обезумѣвъ отъ ужаса. Послѣ операціи съ нею сдѣлался истерическій припадокъ. Чтобы вызвать у нея искусственный сонъ, ей дали хлоралъ-гидратъ въ такой дозѣ, которая уложила бы любого быка, по словамъ доктора. Чарницкій ходилъ осунувшись, какъ потерянный.

До самой Святой тянулся этотъ кошмаръ. Докторъ, молодой, красивый грекъ, бѣгалъ два раза на день, сидѣлъ часа по два, деньги отказался брать наотрѣзъ.—„Мнѣ неловко",—сказалъ Чарницкій Кларѣ. Но та расхохоталась ему въ лицо.—„Вотъ выдумали! Развѣ вы не видите, что онъ по уши влюбленъ въ Ольгу? И самъ радъ сидѣть у васъ всѣ дни?.."

— Въ Ольгу?!

— Ну, да... Онъ все твердитъ, что въ ней есть что-то, чего онъ не видалъ въ другихъ женщинахъ.

Ольга вылежала полтора мѣсяца. На Святой ей позволили встать, перейти комнату и лечь на кушетку. Отъ нея осталась одна тѣнь, или „одни глаза", какъ выражался Рудаковъ. Доктора больше всего пугало въ ней ея нравственное состояніе, которое онъ считалъ опаснымъ.—„Надо отвлечь ея мысли отъ умершаго ребенка,—говорилъ онъ,—а то кончится плохо".

— Чѣмъ же?—допрашивалъ Чарницкій.

— Душевной болѣзнью...

Это подтверждалось мрачнымъ, апатичнымъ взоромъ Ольги, ея молчаливостью, полнымъ равнодушіемъ къ окружающему и упорнымъ отвращеніемъ къ людямъ. Она соглашалась видѣть только доктора и Клару. Больше всѣхъ она любила теперь Настасью, съ которой не уставала говорить о Валѣ.

— О чемъ ты думаешь, Ольга?—со страхомъ спрашивалъ Чарницкій, подмѣтивъ, что Ольга часами лежитъ на кушеткѣ, безцѣльно глядя въ стѣну неподвижнымъ взоромъ...

— Я думаю о Валѣ,—неизмѣнно отвѣчала она.

Онъ хватался за голову и убѣгалъ, сознавая себя безсильнымъ помочь и безсильнымъ видѣть это горе.

Но отъ жизни уйти было некуда. Она преслѣдовала его всюду. На развлеченія—клубъ, театръ, билліардъ, карты—денегъ уже не было. Оставалась улица, куда онъ убѣгалъ. А нужда уже стояла у дверей. Заложено было все, что только можно было заложить, даже розовое и бархатное платья Ольги, ея вещи, мѣха. Сундукъ опустѣлъ. Марковы, узнавъ о бѣдственномъ положеніи Чарницкаго и болѣзни Ольги, просили взять у нихъ взаймы пятьдесятъ рублей, и Чарницкій, подавленный всѣми этими ужасами, боясь за Ольгу, не смѣлъ отказаться. Зерцовы дали тоже пятьдесятъ. Мать, узнавъ о смерти внука и болѣзни Ольги, прислала письмо, залитое слезами, образокъ и двѣнадцать рублей денегъ. Изъ канцеляріи, между тѣмъ, пришелъ запросъ, куда Чарницкій намѣренъ ѣхать въ команди-

ровку? Его назначили, отказываться теперь, значило лишиться мѣста. Но онъ и не колебался. Передъ поѣздкой межевые получали на руки все жалованье впередъ за семь мѣсяцевъ, суточныя да прогонныя, вообще сумму около шестисотъ рублей. Это давало возможность расплатиться съ долгами. Но онъ все ужасался, какъ подготовить Ольгу къ этому отъѣзду? Взять ее съ собой куда-нибудь въ избу, на жизнь безъ комфорта, съ пищей въ сухомятку, съ лишеніями, гдѣ-нибудь въ глуши, безъ докторской помощи было немыслимо. Ей надо было нанять дачу. Потомъ отъ Вари пришло письмо. У Марины Алексѣевны ноги отымались отъ ревматизма, Сонѣ тоже было хуже. Велѣно ѣхать обѣимъ въ Старую Руссу, а денегъ нѣтъ. Всѣ плачутъ... Чарницкій ходилъ подавленный, унылый; Ольга ничего не знала, погруженная въ свою меланхолію. Случай рѣшилъ все.

Чарницкій не платилъ уже два мѣсяца за квартиру и задолжалъ въ лавку, гдѣ брали на книжку. Лавка была тутъ же, въ нижнемъ этажѣ громаднаго корпуса. Вышло тяжелое, унизительное объясненіе.

— На-дняхъ заплачу,— смущенно, но рѣшительно объявилъ Чарницкій, весь красный, стараясь скорѣе выйти изъ лавки, куда его вызвалъ управляющій.

— А именно когда же?—настаивалъ управляющій, расфранченный и любезный господинъ съ огромнымъ изумрудомъ на мизинцѣ.

— Я не могу назначить часа,—раздраженно возразилъ Чарницкій, берясь за ручку двери.

— А то, видите ли, жилецъ набивается хорошій. Обѣщаетъ пятью рублями больше дать... Если бы черезъ недѣльку вы очистили квартиру...

Губы Чарницкаго задрожали. Молча онъ вышелъ изъ лавки.

— Должокъ за вами, сударь... Будьте любезны,—говорилъ на дворѣ догнавшій его лавочникъ. — Въ среду пришлю счетецъ. Деньжонки нужны очень...

У воротъ стояли двое дворниковъ, раскуривая цыгарки. Чарницкому послышалось, что одинъ изъ нихъ бросилъ презрительное замѣчаніе: „Все гольтепа живетъ..." на что другой весело заржалъ. Можетъ, говорили и не о немъ? Но у него духъ захватило. Онъ остановился, весь поблѣвъ, съ бурно застучавшимъ сердцемъ, потомъ кинулся бѣжать.—Нѣтъ... Это немыслимо! Надо кончить... Надо кончить!—вслухъ, съ ненавистью говорилъ онъ, подымаясь по лѣстницѣ... Къ кому ненависть?

Что кончить?.. Онъ и самъ не формулировалъ. Но на днѣ сердца лежало готовое рѣшеніе начать новую жизнь.

Дома съ нимъ тотчасъ сдѣлался припадокъ сердцебіенія. Это была словно единственная уцѣлѣвшая струна въ разбитой душѣ Ольги. Она вышла изъ своего оцѣпенѣнія, и когда Чарницкій рѣзко заговорилъ о необходимости командировки и разлуки, она приняла это извѣстіе необыкновенно спокойно. Онъ удивился, потому что приготовился къ отчаянной сценѣ и слезамъ, и былъ несказанно радъ этому спокойствію.

На Ѳоминой, дней черезъ пять, былъ рѣшенъ отъѣздъ Чарницкаго. Онъ расплатился съ долгами, далъ Кларѣ денегъ для найма дачи и на лѣченіе Ольги, послалъ матери сто рублей, одѣлся... Денегъ оставалось только, чтобы доѣхать до Екатеринославля, куда его назначили. Но Рудаковъ утѣшалъ его, говоря, что тамъ жить будутъ у богатыхъ помѣщиковъ, кататься, какъ сыръ въ маслѣ, отбою не будетъ отъ частныхъ работъ и отъ богатыхъ невѣстъ. Онъ радовался, что ѣдетъ туда же.—„Экій оселъ! — говорилъ Чарницкій.—Развѣ можно такъ дразнить Ольгу? Мало она намучилась?“—Самъ онъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Словно крылья выросли у него за спиной отъ сознанія обезпеченности и, главное, свободы. Отдохнуть, встряхнуться отъ этого кошмара, забыть... все позабыть... О, какое счастье!.. Глаза его теперь сверкали, улыбка не сходила съ лица. Онъ хорошо понималъ, что ее надо подавить, что она—оскорбленіе для Ольги, но она сіяла у него изъ глазъ, въ каждой черточкѣ лица, звучала въ голосѣ, зазвенѣвшимъ прежними молодыми нотками, сказывалась въ движеніяхъ, получившихъ прежнюю эластичность. И Ольга видѣла эту улыбку и жалкія усилія ее скрыть...

Она вдругъ вышла изъ своей апатіи и стала пристально приглядываться къ своему любовнику. Чарницкій опять сдѣлался такимъ внимательнымъ и нѣжнымъ... Она припоминала. Онъ былъ всегда такимъ, когда ей грозило несчастіе или страданіе: передъ родами, во время грудницы, передъ операціей и вотъ теперь... Почему? Она не находила въ себѣ даже силы отвѣчать на эти ласки: такъ ей было жутко...

И вдругъ она поняла... Онъ хочетъ ее бросить...

И она смотрѣла на него, не отрываясь, слѣдила за нимъ мрачнымъ, вопрошающимъ взоромъ. Чарницкій чувствовалъ его на себѣ и падалъ духомъ, и сердце его замирало. Онъ самъ не зналъ, въ чемъ онъ былъ неправъ передъ нею? Развѣ въ

томъ только, что онъ радъ былъ вздохнуть отъ лишеній и мертвящаго однообразія ихъ жизни? Заглядывая далеко, въ самую таинственную глубь души, гдѣ гнѣздятся зародыши нашихъ страстей и желаній, которымъ современемъ суждено оформиться и перейти въ дѣйствія, онъ не видѣлъ тамъ даже тѣни намѣренія бросить Ольгу.

Почти наканунѣ отъѣзда она вдругъ словно проснулась. Она плакала безутѣшно. Онъ цѣловалъ ее, чуть не плача вмѣстѣ съ нею, онъ зачаровывалъ ее ласками, усыплялъ ея подозрѣнія клятвами и нѣжностью, онъ говорилъ о томъ времени, когда онъ вернется, и они заживутъ, обновленные... Какая это будетъ встрѣча! Какъ страстно онъ обниметъ ее!..

На слѣдующій день, въ четыре часа пополудни, они стояли вдвоемъ на дебаркадерѣ, среди оживленно снующей толпы, залитые жаркими лучами весенняго солнца. Онъ, все еще блѣдный, съ желтоватымъ оттѣнкомъ кожи, но съ прежнимъ блескомъ въ глазахъ, нарядный, стройный и бодрый... Она—сгорбленная послѣ операціи, съ забинтованной грудью, въ старомодномъ пальто, постарѣвшая на десять лѣтъ, разбитая послѣ безсонной ночи, казавшаяся еще желтѣе, еще болѣе увядшей подъ безпощадными лучами солнца, съ безнадежной тоскою во взглядѣ запавшихъ глазъ... Еще бы! Онъ начиналъ новую жизнь. А для нея все уже было кончено...

И Чарницкій ясно видѣлъ, что она уже не та, что ея жизнь пошла быстро подъ гору, во всѣхъ смыслахъ. Ему было больно, что не онъ одинъ это видитъ, ему было безгранично жаль ее. Онъ не выпускалъ ея руки и тихо гладилъ ее, съ виноватымъ выраженіемъ глазъ. Они не говорили. Глядя другъ другу въ зрачки съ нѣмымъ страданіемъ, они оба мысленно переживали тотъ волшебный вечеръ, когда она пришла къ нему въ нумеръ, на Срѣтенкѣ, пришла прекрасная, сильная, смѣлая, торжествующая, какъ царица, и принесла съ собой яркое счастіе... Гдѣ это? Неужели было еще недавно? Неужели это вообще не сонъ?..

Подбѣгалъ зачѣмъ-то Молотковъ, ѣхавшій въ ту же губернію. Проходили мимо и другіе межевые, которыхъ провожали жены, матери, сестры. Всѣ глядѣли на нихъ, перешептывались съ обиднымъ сожалѣніемъ къ Ольгѣ. Они ничего не замѣчали, поглощенные своимъ горемъ. Но они оба уже были внутренно чужіе другъ другу... Оттого имъ было нечего сказать.

Третій звонокъ... Забывая о товарищахъ, о любопытной

толпѣ, о пересудахъ, Чарницкій стиснулъ Ольгу въ своихъ объятіяхъ и покрылъ поцѣлуями ея больное лицо.

— Радость моя, дорогая моя голубка, прощай! Помни меня, не разлюби... Пиши... каждый день пиши!

Дверцы вагоновъ глухо стучали, запираясь. „Пожалуйте, господа, пожалуйте!..“ торопилъ кондукторъ. Поѣздъ дрогнулъ и тихо тронулся. Чарницкій пропустилъ всѣ вагоны, вскочилъ на послѣднюю площадку и сѣлъ, свѣсивъ ноги. Онъ поминутно кланялся, беззвучно шевеля губами, не сводя глазъ съ Ольги и маша фуражкой надъ кудрявой головой.

Ольга шла быстро, насколько ей позволяли силы, но скоро отстала и остановилась. Поѣздъ ускорялъ ходъ. Чарницкій вскочилъ на ноги и, перегнувшись черезъ барьеръ, махалъ фуражкой. Но черты дорогого лица уже слились въ одно пятно, очертанія его фигуры стушевались. Пронеслось облачко дыма... Нѣтъ!.. Вонъ онъ опять!.. Махнулъ бѣлый платокъ... Она вдругъ побѣжала по платформѣ, какъ безумная, чуть не падая, спотыкаясь, забывъ, что не догнать ей паровоза... „Прощай!..“ раздирающе крикнула она. Какъ вопль повисъ на мгновеніе этотъ крикъ въ влажномъ воздухѣ... Слышалъ онъ его? Наврядъ ли?.. Но платокъ взмахнулъ еще разъ... какъ сигналъ, какъ обѣщаніе...

На минуту слезы, брызнувшія изъ глазъ, заволокли все туманомъ... Она смахнула ихъ, но онѣ текли снова и снова, неудержимыя, горячія... На горизонтѣ поѣздъ исчезалъ, сливаясь въ одну длинную, смутную линію... Только клочья бѣлаго дыма висѣли въ синемъ воздухѣ, медленно тая...

Она дошла до конца платформы и остановилась... „Куда теперь? Не все ли равно?“

Дома все еще было полно его присутствіемъ... Окурки его папиросъ, которые она тщательно собрала, смятая имъ постель, слѣдъ головы на вдавленной подушкѣ, его волосы на гребнѣ... Она упала лицомъ въ эту подушку, на которой спалъ Чарницкій въ послѣднюю ночь...

На другой день она сбѣжала изъ дома, измученная воспоминаніями, которыми дышали эти стѣны... Туда! Въ толпу! На улицу, гдѣ мчится мимо нея чужая и равнодушная жизнь! Лишь бы не быть одной!..

Она бродила до вечера, присаживаясь на бульварахъ, безучастно глядя кругомъ. Съ трудомъ двигая дрожавшими отъ усталости ногами, она шла по прямой линіи, безцѣльно и мед-

ленно, рискуя быть раздавленной на площадяхъ, не замѣчая звонковъ конки и окрика извозчиковъ, толкаемая прохожими, затерянная въ этомъ бурливомъ потокѣ чужой жизни. Если встрѣчный случайно заглядывалъ въ это лицо, онъ останавливался и смотрѣлъ вслѣдъ, захваченный сложнымъ чувствомъ любопытства, жалости и страха.

На третій день къ вечеру пришло письмо.

„Сердце мое рвется къ тебѣ, голубка моя,—писалъ Чарницкій съ дороги. — Чего бы я ни далъ, чтобъ обнять тебя попрежнему! Восемь мѣсяцевъ покажутся мнѣ вѣчностью. Когда я доживу до встрѣчи съ тобой!.. О, какая тоска, если бы ты знала! Вѣрь мнѣ, я не измѣню тебѣ и вернусь прежнимъ. Мнѣ всѣ женщины противны“...

Она впервые заплакала тихими, радостными слезами, которыя облегчили ее.

XIII.

Пріѣхала Клара и перевезла Ольгу на дачу. Но и тутъ ей не было лучше. На цѣлый день она уходила въ лѣсъ и думала безъ конца. Вся ея несложная жизнь была теперь въ писаніи писемъ и ожиданіи его отвѣтовъ. Она заучивала ихъ наизусть, она читала между строками, стараясь угадать его тайныя чувства... Часто она ѣздила въ городъ на кладбище, на могилу Вали, и возвращалась на дачу къ ночи... Если бы былъ живъ ребенокъ, Чарницкій никогда не вычеркнулъ бы ее изъ своей жизни, это была бы крѣпкая связь... А что теперь? Какая гарантія? Кто устоитъ передъ разлукой, разстояніемъ, временемъ, требованіями темперамента? Наконецъ, онъ такъ страдалъ въ прошломъ... Онъ такъ боится нужды. Да, ея любовь дала ему только горе... А впереди?.. Надломленная физически и нравственно, неспособная по-старому къ упорному труду, разлучившая его съ семьей, ревнивая и увядающая, что можетъ она дать ему еще, кромѣ тоски?.. Да, да... увядающая... Ей почти тридцать лѣтъ... Ему можетъ встрѣтиться юное существо, полное силъ и любви къ жизни, и вѣры въ себя. Передъ такой дѣвушкой Ольга покажется жалкимъ инвалидомъ, нищей духомъ. Вѣдь, она утратила уже всѣ надежды, всѣ интересы и только судорожно, какъ утопающій, цѣпляется за чувство къ Чарницкому. Будетъ ли это преступленіе, если онъ увлечется, полюбитъ молодое существо? Нѣтъ... Но и счастія не будетъ. У него не хватитъ духа разорвать съ женщиной,

ставшей на его дорогѣ. Онъ будетъ страдать молча и проклинать... проклинать...

Она въ ужасѣ гнала эти мрачныя мысли, но онѣ возвращались... Сперва робко, тайно, крадучись, какъ воры... Потомъ чаще и смѣлѣе... Съ разсвѣтомъ ли, съ ночными ли тѣнями, но онѣ были тутъ. Теперь, по прошествіи мѣсяца, онѣ, эти мысли, входили свободно и садились у ея изголовья, какъ старые знакомые, и глядѣли въ ея заплаканные глаза. И она уже не имѣла силъ отвернуться и прогнать ихъ... Она ихъ ненавидѣла, боялась, но знала, что никуда уже ей отъ нихъ не уйти

Измѣнчивость ея настроенія отражалась въ ея письмахъ. Она ревновала такъ, словно считала свои подозрѣнія за совершившійся фактъ, осыпала Чарницкаго оскорбленіями и упреками, писала, что разрываетъ съ нимъ, что никакого „дѣлежа“ не признаетъ. Потомъ черезъ день у нея являлся припадокъ великодушія. Она умоляла простить ей все зло и горе, которыя она ему принесла, просила забыть ее и начать новую жизнь съ другой и найти съ ней то счастіе, которое она не сумѣла ему дать... И, когда она писала это, заливаясь слезами, она была вполнѣ искренна.

Тѣмъ не менѣе, она мучила этими письмами и себя, и его. Дошло до того, что Чарницкій, огорчавшійся сначала за нее, теперь уже оскорблялся и раздражался. Онъ понималъ, что ей тяжело, и не переставалъ быть нѣжнымъ въ письмахъ, но сердился за недовѣріе... „Чего ей еще нужно?.. Вѣдь, онъ не броситъ ее никогда!..“ Раньше онъ ликовалъ, получая ея письма. Теперь, стоило ему только увидать ея почеркъ, какъ вся жизнерадость покидала его.

Онъ жилъ въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ. Семья была огромная, все молодежь. Чарницкаго всѣ носили на рукахъ, особенно барышни. Среди чудесной южной природы жизнь шла, какъ безконечный праздникъ. Пикники къ богатымъ сосѣдямъ, гдѣ были хорошенькія дочери-невѣсты, охота, катанье въ лодкахъ, винтъ каждый вечеръ, флёртъ... Красавцу-землемѣру не давали работать. „Э, успѣется!..“ говорили молодые люди, которые не меньше дамъ обрадовались свѣжему столичному человѣку... И вотъ въ эту красивую гармонію природы и людскихъ отношеній рѣзкими диссонирующими нотами врывались воспоминанія прошлаго, письма Ольги, ея скорбный образъ. Всякій разъ жизнь омрачалась, словно на солнце набѣгали тучи. Чарницкій, получая письма Ольги, чувствовалъ

почти физическую боль въ сердцѣ, какъ отъ укола... Сначала онъ раскаявался въ томъ, что позволилъ другимъ впечатлѣніямъ оттѣснить хотя временно образъ Ольги; въ томъ, что беззавѣтно отдавался веселію минуты. Потомъ эти укоры совѣсти и тоска эта стали его тяготить, и онъ самъ шелъ навстрѣчу обществу, чтобы найти забвеніе въ охотѣ, въ рискованной игрѣ въ винтъ, въ выпивкѣ. Женщинъ онъ все-таки избѣгалъ, и, чтобы оградить себя отъ поползновеній на романъ со стороны мѣстныхъ красавицъ, онъ объявилъ всѣмъ, что письма получаетъ отъ невѣсты. Это многихъ охладило, и онъ этому былъ искренно радъ.

Такъ прошло шесть недѣль. Онъ писалъ Ольгѣ почти каждую почту, потомъ смолкъ вдругъ, безъ причины... Ольга взволнованно перечитывала его послѣднія письма, гдѣ онъ жаловался на головную и зубную боль, жаловался, что хандритъ, писалъ, что рвется къ ней безумно, вспоминая ея жгучія ласки, которыя только она одна можетъ дать...

Да... Онъ болѣзненно мечталъ о ней,—и утромъ, сидя на курганѣ, среди безконечной, волнующейся степи, очаровавшей его своей величавой красотою, гдѣ вѣтеръ обвѣвалъ его лицо; и въ темныя южныя ночи, подъ фосфорическимъ блескомъ огромныхъ, яркихъ звѣздъ, въ старыхъ аллеяхъ сада, среди томительнаго, одуряющаго аромата бѣлой акаціи... Онъ видѣлъ Ольгу передъ собой, но не больную, несчастную, увядшую, а такую, какъ она пришла къ нему въ первый разъ, сіяющую, трепетную, прекрасную, полную непобѣдимаго къ нему влеченія... Голова его кружилась. Онъ сходилъ съ ума. Онъ рвался къ ней, мечталъ ее выписать и поселить въ городѣ... Этого никто и не узнаетъ...

Ахъ, какъ просто и прозаично кончилось это безумное настроеніе!.. Слишкомъ много было соблазна и въ этихъ ночахъ, и въ жгучихъ глазкахъ смуглыхъ дивчатъ, и въ примѣрѣ молодыхъ помѣщиковъ, которые не переставали подшучивать надъ рыцарской вѣрностью Чарницкаго. Связь была дѣломъ одной минуты, но онъ уже безъ отвращенія не могъ видѣть этого красиваго смуглаго лица... Потомъ явились оправданія. „Въ сущности, все это вздоръ! Это даже не измѣна... Всѣ поступаютъ такъ же. Конечно, всѣ они—животныя...“ Желаніе выписать Ольгу онъ называлъ теперь безуміемъ. Тащить больную, изнуренную женщину въ такую даль (О, теперь онъ хорошо помнилъ, что она больна!), чтобъ поселить ее въ чу-

жомъ городкѣ одну, гдѣ ихъ отношенія живо сдѣлаются источникомъ сплетенъ... Здѣсь все знаютъ другъ о другѣ... Чуть ли не читаютъ въ мысляхъ! Нѣтъ, онъ слишкомъ любитъ ее, чтобъ компрометтировать ее изъ-за своего эгоизма... Теперь ему даже казалось, что полгода—вовсе не такъ ужъ долго...

Она получила письмо только черезъ двѣ недѣли. Онъ ничего не писалъ ни о хандрѣ, ни о нездоровьѣ, особой нѣжности тоже не выражалъ. Онъ описывалъ хозяевъ, образъ жизни, о женщинахъ отзывался съ пренебреженіемъ. „Всѣ блѣдны и ничтожны передъ тобой, Оля"... Тонъ письма былъ ласковъ, но какъ-то натянутъ, не было прежней непосредственной страсти...

Она чутьемъ влюбленной женщины угадала правду. Съ безумнымъ воплемъ побѣжала она въ лѣсъ, въ комнатѣ ей воздуха не хватило... Тамъ она упала на мшистую, влажную землю и зарыдала... Она рвала на себѣ волосы, платье, стучалась головой о̂-земь, проклинала и задыхалась отъ бѣшенства. Изъ груди вырывались дикіе вопли... Безумная, жалкая женщина!.. Зачѣмъ она сама подготовила свою гибель? Зачѣмъ не обвѣнчалась съ нимъ, когда онъ этого просилъ? Теперь она была бы тамъ, рядомъ, и не допустила бы этой измѣны... Умереть... Умереть... Ей остается только это!

Она поднялась съ дрожью во всемъ тѣлѣ, съ воспаленнымъ, безумнымъ взглядомъ. Шатаясь, почти падая, она инстинктивно пошла домой. Въ карманѣ лежало письмо, которое она злобно комкала. Умереть... Отомстить... Пусть кается всю жизнь! Въ окнахъ былъ свѣтъ. Кто тамъ могъ быть?.. Клара?.. Она переступила порогъ и ахнула. Передъ нею сидѣлъ Рудаковъ.

— Наконецъ-то!.. Хотѣлъ уходить. Два часа сижу тутъ. Казимірычъ прислалъ поклонъ и вотъ письмецо... Канцелярія меня вызвала...

Она схватила конвертъ, безсвязно извинилась и побѣжала въ спальню. Глотая строки, она пробѣжала письмо... Прежній Чарницкій былъ передъ нею. Сколько страсти, нѣжности и ласки было въ этой записочкѣ! Какъ завидовалъ онъ счастливцу Рудакову! Зачѣмъ, зачѣмъ не его вызвали въ Москву?!. Она поцѣловала письмо и вышла къ гостю съ заплаканнымъ, но счастливымъ лицомъ. Какъ рада была она повѣрить!.. Повѣрить значитъ жить. Усомниться—все равно, что умереть... Что же останется ей тогда въ этой пустынѣ, называемой міромъ? Она протянула Рудакову обѣ руки, какъ хорошему вѣ-

стнику, какъ свидѣтелю ея прошлаго счастія. Сѣли пить чай. Рудаковъ долженъ былъ разсказать все, все, всѣ подробности...

— Счастливецъ этотъ Казимірычъ, право!.. Чисто въ сорочкѣ родился. Всю-то ему жизнь везетъ. Мы, вѣдь, въ разныхъ уѣздахъ, я на деревнѣ, въ избѣ живу. Какъ-то къ нему заглянулъ, чисто въ рай попалъ. Носятся тамъ съ нимъ... Всѣхъ очаровалъ. Весь Екатеринославль отъ него безъ ума. Въ карты везетъ и въ любви везетъ...

— Въ любви?!

Рудаковъ засмѣялся.

— А вы берегите его, Ольга Юрьевна!.. Это такой сердцеѣдъ отчаянный!

И, не замѣчая, по своей „вахлацкой" безпечности, блѣдности и волненія Ольги, онъ началъ передавать слухи. Влюбилась въ него тамъ одна аристократка. Небогата, но партія, кажется, завидная. Связи у нея большія, жениху сейчасъ мѣсто хорошее дадутъ. И дѣвушка такая серьезная, славная... И еще другая невѣста есть. Богачка, дочь помѣщика. Хорошенькая вертушечка, лѣтъ семнадцати. Влюблена въ него до неприличія. За ней даютъ пятьдесятъ тысячъ при жизни отца и послѣ его смерти часть имѣнія. Всего тысячъ до ста... „Но ужъ и рыцарь же онъ, Ольга Юрьевна! Совсѣмъ Тоггенбургъ... И не глядитъ ни на кого..."

На прощаніе онъ спросилъ:—Что-жъ письмецо Чарницкому будетъ?

— Нѣтъ... не будетъ... Передайте ему поклонъ...

Всю ночь она не спала... Ну, вотъ и случилось все, какъ она предчувствовала! Что же теперь?..

Два дня она металась, не находя себѣ мѣста, разъ десять принималась писать и рвала бумагу... „Не то! Не то!.. Не надо мести!.. Не надо злобы! Надо побороть себя..." Въ эту рѣшительную минуту воспрянуло все благородство ея души. Наконецъ, письмо ея было готово. Она писала откровенно, гордо, безъ злобы и горечи. Онъ свободенъ выбирать. Съ первой минуты ихъ связи она предчувствовала, что настанетъ этотъ мигъ, и не хотѣла стоять на его дорогѣ... Пусть онъ оцѣнитъ теперь ея рѣшимость не связывать его бракомъ! Она не хочетъ ни жалости, ни милости его... Онъ свободенъ... Сердце ея разрывалось, когда она писала это полное достоинства и сдержанности письмо. Но въ ней не умирала надежда, что онъ ее еще любитъ...

Съ первой почтой пришелъ отвѣтъ.

„Безумная женщина!.. Гдѣ твоя любовь? Гдѣ уваженіе ко мнѣ? Въ чемъ твое довѣріе?.. Развѣ я прошу свободы? И какое право имѣешь ты теперь распоряжаться собой безъ меня? Развѣ мы теперь не одно? Развѣ ты не моя? Ты забыла, что у насъ былъ ребенокъ, связавшій насъ тѣсно? Что изъ того, что онъ умеръ? Въ моей душѣ онъ живетъ"... Онъ проклиналъ языкъ этого глупаго Рудакова. Онъ даже въ мысляхъ не допускалъ разлуки съ нею, а она спокойно возвращаетъ ему свободу и толкуетъ, что міръ великъ... Что значитъ эта фраза? Такъ легко разрывать могутъ только женщины, которыя рады новому роману, которымъ прискучила старая связь. Очевидно, она сама хочетъ измѣнить ему? Мудрено ли, что такую красавицу окружаютъ соблазны?.. „Помни,—въ порывѣ слѣпой ревности кончалъ онъ,—такіе люди, какъ я, не прощаютъ измѣны! Такія встрѣчи, какъ наша, не проходятъ даромъ. Я никому тебя не уступлю!.." Онъ требовалъ немедленнаго отвѣта.

Вся трепеща отъ радости, она набросала всего нѣсколько строкъ: „Милый, прости меня! Вѣрю и люблю тебя безумно. На-дняхъ пишу"...

Говорятъ, труденъ только первый шагъ. Чарницкій испыталъ на себѣ всю истину этихъ словъ. Онъ не имѣлъ силы отказаться отъ поѣздки въ городъ съ своимъ пріятелемъ, сыномъ помѣщика, и тамъ они безъ просыпа кутили цѣлую недѣлю. Очнувшись, онъ испытывалъ такое отвращеніе къ себѣ и къ жизни, такую тяжесть, что началъ тутъ же искать оправданія. Ольга сама виновата. Зачѣмъ она не обвѣнчалась съ нимъ? Если бы она любила его больше своихъ „принциповъ", ему не пришлось бы стыдиться самого себя... Но онъ не любилъ задумываться надъ тяжелыми впечатлѣніями и постарался ихъ забыть. Изъ города же онъ написалъ Ольгѣ, увѣдомляя ее о переѣздѣ его въ другой уѣздъ. Ему было стыдно послѣ этой оргіи увѣрять ее въ своей любви, и тонъ его письма былъ сдержанъ. Удивляло и тревожило его также ея упорное молчаніе.

Вернувшись въ деревню, онъ и тамъ не нашелъ письма и оскорбился. Неужели ей уже наскучило писать? Онъ описывалъ ей свой образъ жизни. Здѣсь много скучнѣе. Работы больше, людей меньше. Онъ оживаетъ только за винтомъ. Когда же они встрѣтятся?! Осталось только пять мѣсяцевъ...

Кстати: у него явился другъ. Вдовушка, сосѣдка этого имѣнія, гдѣ онъ живетъ. Такая добренькая, милая женщина! Они постоянно говорятъ объ Ольгѣ, и она заставляетъ его писать

Ольгѣ чаще. (Вотъ кому я обязана этимъ счастіемъ! — съ горечью подумала Ольга, прочитавъ это письмо.) Вотъ и теперь она ѣдетъ въ городъ и отвезетъ сама на почту его письмо. Онъ ей благодаренъ. Такъ пріятно имѣть человѣка, которому можно открыть душу!

Ни тѣни подозрѣнія не шевельнулось въ душѣ Ольги на этотъ разъ. Вдова... Она вообразила почему-то, что это пожилая, добрая женщина, и она тоже была ей благодарна за ея доброту къ Алешѣ.

Чарницкій забылъ только приписать, что вдовушкѣ этой двадцать три года, что она бездѣтна, богата и красива, что она влюблена въ него безъ памяти, о чемъ онъ давно догадался. Самъ онъ не умѣлъ бы объяснить, зачѣмъ понадобилось ему ознакомить Ольгу съ фактомъ существованія этой вдовушки? Но ему казалось, что лучше упомянуть о ней „кстати". Онъ какъ бы оправдывался этимъ отъ смутныхъ для него самого мечтаній и интереса къ этой женщинѣ, таившихся на самомъ днѣ его сердца.

А между тѣмъ, опасность существовала. Дарья Васильевна Байдарова была полная, очень пріятная блондинка, румяная, здоровая и застѣнчивая, съ маленькими ножками и пухлыми ручками. Она была добра, чувствительна, очень романтична и недалека. Весь городъ былъ у ея ногъ, но Чарницкій появился въ самый опасный моментъ, когда за годъ траура всѣ поклонники ей приглядѣлись, и она начала скучать. Въ Чарницкаго она влюбилась съ перваго взгляда. Узнавъ, что онъ—женихъ, она долго плакала, даже осунулась и поблѣднѣла. Она рѣшила затаить въ душѣ нераздѣленное чувство. Не лучше ли имъ быть друзьями?.. И бѣдная вдовушка постаралась пріобрѣсти его довѣріе, восторгалась портретами Ольги, терпѣливо выслушивала дифирамбы ея добродѣтелямъ, уму и талантамъ. Къ концу второго мѣсяца, когда ей почти до мелочей было извѣстно то объ его романѣ, чего Чарницкій не разсказалъ бы даже родной матери, тема ихъ бесѣдъ измѣнилась. Она начала говорить о своемъ одиночествѣ, о старомъ мужѣ, котораго не любила, о тоскливомъ будущемъ. И онъ слушалъ охотно и жалѣлъ ее. Во имя Ольги, во имя дружбы они сходились на цѣлые вечера отвести душу. На пикникахъ, вечеринкахъ они не разставались... Въ городѣ ихъ имена соединяли съ наглой улыбкой... „Дружба... Невѣста... Ха! Ха!.. Кто этому повѣритъ? Вотъ нашли дураковъ!"

Старая исторія, которая вѣчно останется новой. Чарницкій самъ не замѣтилъ, какъ Дашенька стала ему необходимой. Кончая работы, онъ ѣхалъ вечеромъ прямо къ ней, въ имѣніе. Когда Чарницкому дѣлали намеки, онъ отшучивался. Задумываться было неловко, да и жаль было нарушать очарованіе. Сознательной игры здѣсь не было. Онъ былъ для этого слишкомъ честенъ; наконецъ, ей лучше всѣхъ извѣстны его чувства къ Ольгѣ. Чего же бояться? Теперь онъ уже не скрывалъ отъ себя, что и она ему нравится, сильно... сильнѣе, чѣмъ слѣдовало бы... „Она совсѣмъ, совсѣмъ въ моемъ вкусѣ..." Раза два онъ поймалъ себя на мечтахъ о любви Дашеньки,— добренькой, кроткой, не ревнивой и... богатой. Да, это тоже было обаятельно. Если бы онъ встрѣтился съ нею года четыре назадъ!.. Поймавъ себя на этихъ мечтахъ, онъ вспыхнулъ отъ жалости къ Ольгѣ и отъ стыда. Но мечты возвращались... Ахъ, Боже мой! Да развѣ это ужъ такое большое преступленіе— помечтать?

Въ одинъ изъ пикниковъ, разгоряченный виномъ, темной, чудной ночью и волненіемъ Дашеньки, онъ забылся такъ сильно, что, возвращаясь съ ней вдвоемъ въ шарабанѣ, обнялъ ее и поцѣловалъ въ открывшіяся отъ испуга губки. Она слабо ахнула и даже глаза закрыла отъ наслажденія, неспособная протестовать, покорная, готовая на все... Чарницкій всю ночь прометался безъ сна. Этотъ поцѣлуй взволновалъ всю его кровь, но вспышки этой простить себѣ онъ не хотѣлъ. Забытое было лицо Ольги плыло въ темнотѣ передъ его глазами съ прежней ясностью, и онъ читалъ въ немъ презрительный укоръ.

Онъ избѣгалъ Дашеньку, но на третій день она сама пріѣхала къ дядѣ, въ имѣніи котораго работалъ Чарницкій. Она не могла ждать и сама шла навстрѣчу объясненію, каково бы оно ни было. Случай игралъ ей въ руку: помѣщикъ съ утра уѣхалъ въ уѣздный городъ. Чарницкій лежалъ съ головной болью. Ему пришлось встать и принять гостью. Въ комнатахъ было душно, они вышли въ садъ. Мѣняясь въ лицѣ, избѣгая глядѣть другъ на друга, избѣгая говорить о случившемся, они перебросились нѣсколькими фразами, умышленно незначущими, сказанными съ дѣланной беззаботностью и фальшивымъ смѣхомъ... Наконецъ смолкли, разомъ уставъ и, какъ бы по тайному соглашенію, сѣли въ бесѣдкѣ. Кругомъ не было ни души. Только черная южная ночь глядѣла на нихъ несмѣтными, фосфорически сверкавшими очами.

Дашенька вдругъ вскинула надъ головой полныя ручки и безнадежно зарыдала.

— Дарья Васильевна... О чемъ? — Его голосъ дрожалъ, когда онъ это спрашивалъ; его руки тряслись, когда, не помня себя, съ горячкой въ крови онъ пробовалъ открыть ея лицо.

Вдругъ она обвила его шею и всей грудью прижалась къ нему.

— Алексѣй Казимірычъ... голубчикъ мой... Убейте вы меня лучше, подлую... убейте! Только жить я безъ васъ не могу! Что мнѣ дѣлать? Вся я ваша тутъ... Приголубьте, прогоните... ваша воля... Я голову теряю...

И онъ ее тоже терялъ. Онъ отдавался ея безумнымъ поцѣлуямъ и самъ цѣловалъ ее съ какой-то злобой... Между поцѣлуями и всхлипываніями, истерически смѣясь, она говорила, что лучше его нѣтъ человѣка на свѣтѣ, что она полюбила его съ первой минуты и на всю жизнь. Они не пара, конечно, не стóитъ она его! Пусть онъ ее не боится!.. Она не разлучница. Куда ей передъ Ольгой Юрьевной? Ей бы только крошки подобрать отъ ея стола... Ничего ей отъ него, въ сущности, и не надо! Пусть только приласкаетъ ее вотъ такъ, иногда... Пусть позволитъ себя любить...

Имя Ольги словно холодной водой окатило Чарницкаго. Онъ очнулся и грубо оттолкнулъ Дашеньку... Они оба съ ума сошли! Имъ нельзя видѣться... И ей грѣшно его искушать!..

Но она не имѣла самолюбія. Говорятъ, это признакъ истинной любви. И она опять шла къ нему, звала къ себѣ, устраивала свиданія разными уловками, выманивала ласки... Онъ цѣловалъ ее... Можно ли отказать бѣдняжкѣ въ такой бездѣлицѣ? Конечно, это пустякъ. Его не убудетъ отъ этого... Жаль оттолкнуть такую добренькую, такую прелестную, роскошную женщину. И за что? За ея любовь... Нѣтъ, онъ не можетъ быть такимъ жестокимъ, грубымъ!.. Иногда, вырываясь изъ ея объятій, съ послѣднимъ усиліемъ расшатанной воли, онъ въ ужасѣ спрашивалъ себя, къ чему все это поведетъ? Чѣмъ кончится?

И кончилось это самымъ естественнымъ образомъ. Дашенька отчаянно боролась за свое счастье. Послѣ одного изъ пикниковъ, когда онъ выпилъ лишнее, и море, какъ всегда въ это время, было ему по колѣни, онъ проводилъ Дашеньку до ея имѣнія и остался у нея до утра.

Разсвѣтало, когда онъ вышелъ изъ ея дома, шатаясь, какъ больной, съ тоской въ душѣ и отвращеніемъ ко всему на свѣтѣ.

Бѣлый силуэтъ Дашеньки виднѣлся наверху, у окна, но Чарницкій не обернулся ни разу. Онъ былъ золъ на нее, на Ольгу, на себя... Но на себя всѣхъ менѣе... Велико ли его преступленіе? Тутъ и монахъ голову потеряетъ. Ну, выпилъ лишнее, воли не хватило. Больше этого не будетъ!.. Онъ былъ не изъ тѣхъ натуръ, которыя способны долго оплакивать ошибку и терзаться раскаяніемъ. Онъ только считался съ совершившимся фактомъ и глядѣлъ впередъ. Каковы будутъ результаты этой ночи? Видѣться они не должны. Сейчасъ только онъ рѣзко высказалъ это Дашенькѣ. Она не спорила, ни о чемъ не просила, она только ловила его руки, цѣловала ихъ и заливалась слезами. Ни сдѣлокъ, ни договоровъ, ни самолюбія... Она была согласна на унизительную роль временной любовницы и въ этомъ видѣла огромное счастье... Сердце его дрогнуло, когда онъ вспомнилъ эту сцену. Онъ оглянулся. Въ окнѣ ея уже не было... „Навѣрное, плачетъ..."

Онъ шелъ черезъ степь, съ растущей въ душѣ тоской... Да, вотъ это—любовь! Небось Ольга на это неспособна! Ей всего себя подавай—и навсегда! На иныхъ условіяхъ не помирится... Если бы она узнала! (Чарницкій вздрогнулъ.) Да, она не простила бы... никогда... Да и трудно простить! Это, вѣдь, не простая интрижка съ хохлушкой, не дѣло случая и минуты... Нѣтъ! Порвать сейчасъ же!.. Въ недѣлю онъ кончитъ дѣла и переѣдетъ въ другой уѣздъ.

Когда онъ подошелъ къ имѣнію, гдѣ жилъ, его рѣшеніе было уже безповоротно. Онъ взялся за кольцо калитки, отдѣлявшей паркъ отъ степи, и съ тоской оглянулся назадъ, на темнозеленое пятно, которымъ заросшая балка имѣнія Байдаровой выдѣлялась среди свѣтлой степи. Сердце его сжалось. Теперь, когда все уже было рѣшено, онъ далъ волю непосредственному чувству. „Прощай, Дашенька!.. Прощай, добренькая, веселая, любящая женщина!.. Видно, не судьба..."

Горячая благодарность вспыхнула въ его душѣ. Вѣдь, это было счастье. Это была любовь, безкорыстная и великая. Ну, могъ ли онъ ее оттолкнуть? Могъ ли отказать въ мигѣ счастья этой бѣдняжкѣ, онъ, который отдалъ себя на всю жизнь другой женщинѣ? Полно!.. Ему не за что краснѣть! Кто устоялъ бы на его мѣстѣ? Вѣдь, и ему не легко. Вѣдь, онъ такъ долго боролся со страстью... Да, да... съ настоящей, не насилованной, безумной страстью къ Дашенькѣ. И все-таки она захватила его, эта стихійная сила, потому что она—правда...

Весь захваченный, ошеломленный этой внезапно налетѣвшей мыслью, съ сильно бьющимся сердцемъ, онъ какъ бы замеръ, глядя вдаль... Передъ нимъ встало лицо Ольги, измученное, больное... Несчастная женщина! Какъ мало счастія дала ей его любовь и какъ много горя! О, какъ много!.. Не встрѣться онъ ей, жизнь ея сложилась бы иначе. Онъ оторвалъ ее отъ любимаго дѣла, отъ друзей, онъ увлекъ ее за собою въ проклятое болото безъисходной нужды. Она потеряла красоту, здоровье, душевную ясность, потеряла ребенка и всѣ надежды на лучшее будущее. Одинъ онъ остался ей во всемъ мірѣ...

Слезы горячія, неожиданныя хлынули изъ его глазъ. Онъ быстро вытеръ ихъ и испуганно оглянулся... Никого... Люди спали. Просыпалась одна природа, этотъ тайный врагъ его, этотъ тайный сообщникъ... И онъ не могъ удержать слезъ... Уронивъ на руки кудрявую голову, прислонясь къ рѣшеткѣ парка, онъ плакалъ, какъ ребенокъ...

Кого оплакивалъ онъ въ это чудное августовское утро, среди обступившей его, лепечущей зелени, ласкаемой прохладнымъ вѣтеркомъ? Погибшую ли страсть къ Ольгѣ? Расцвѣтающую ли любовь къ Дашенькѣ? Онъ самъ не могъ сказать... Вспомнилось прощаніе на вокзалѣ... его клятвы въ вѣрности... весь этотъ страшный годъ лишеній и болѣзни Ольги... Вспомнилось желтое личико мертваго ребенка съ суровымъ укоромъ; эта ручка, поднятая съ отчаяннымъ протестомъ противъ жестокости жизни... Долетѣлъ откуда-то нежданно звенящій крикъ агоніи. Вспомнилась мать съ распухшими отъ работы руками, съ сведенной отъ ревматизма ногой, тоскующія въ глуши сестры, ихъ безцѣльно, безрадостно уходящая юность... Миша и его будущее межеваго чиновника, безпросвѣтное и жалкое... Вспомнилась Дашенька съ ея милой улыбкой и рядомъ мрачное, безнадежное лицо Ольги, одинокой и несчастной Ольги... Казалось, судьба держала передъ нимъ вѣсы... Все падало на одну чашку: лишенія и горести прошлаго, любовь Дашеньки, несбывшіяся мечты сестеръ, будущее Миши... Но на другую чашку Ольга положила свою исхудалую руку, и перевѣсъ былъ на ея сторонѣ... Пусть съ нею горе въ прошломъ! Пусть горе впереди!.. Но бросить ее онъ не въ силахъ...

Онъ встряхнулъ кудрями и поднялъ голову. Послѣднія тѣни ночи уползли въ балки. Колеблясь и разрываясь клочьями, быстро таялъ туманъ въ свѣжемъ благоухающемъ воздухѣ. На розовомъ горизонтѣ брызнули стрѣлы радужныхъ лучей. Изъ

за моря молочнаго тумана, изъ-подъ земли, казалось, побѣдно выплывало золотое солнце.

Конецъ борьбѣ! Конецъ сомнѣніямъ!.. Какъ туманъ и тѣни ночи исчезли въ золотомъ блескѣ идущаго дня, такъ исчезли и его колебанія... Туда, къ Ольгѣ, въ далекую Москву! Что бы ни ждало ихъ тамъ!.. Иначе не можетъ быть. Всѣ фибры его *я* полны страстью къ Дашенькѣ, но сердце его отдано Ольгѣ, которая вѣритъ, которая ждетъ его. И онъ вернется... О, ему тоже не легко! Если Ольга приносила ему жертвы, то теперь, за этотъ часъ пережитаго имъ страданія—они квиты!..

„Даша!.. Прощай!"—крикнулъ онъ тоскливо, но съ рѣшимостью, протягивая руки къ темнозеленой балкѣ... О, Боже! Никогда не могъ бы онъ повѣрить, что можно одновременно любить такъ сильно двухъ женщинъ...

Онъ въ три дня кончилъ всѣ работы и, ни съ кѣмъ не простившись, кромѣ удивленныхъ хозяевъ, не увѣдомивъ даже Дашеньку, выѣхалъ въ слѣдующій уѣздъ, гдѣ ему было назначено межеваніе. Это было похоже на бѣгство, это было позорно. Пусть! Онъ боится за себя... Еще три съ чѣмъ-то мѣсяца, и онъ будетъ въ Москвѣ съ Ольгой, и все будетъ предано забвенію...

Изъ города онъ написалъ Ольгѣ, увѣдомлялъ о перемѣнѣ адреса. Всякій разъ, когда онъ вспоминалъ Дашеньку и свою жертву, чувство отчужденности и враждебности къ Ольгѣ зарождалось въ его сердцѣ. И тѣмъ сильнѣе, чѣмъ виноватѣе онъ себя считалъ передъ обѣими. Только вспомнивъ сейчасъ, что вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ отъ Ольги нѣтъ писемъ, онъ почувствовалъ тревогу. Послѣднія вѣсти были отъ вернувшагося Рудакова. Онъ нашелъ ее блѣдной, похудѣвшей. Больна, что ли?.. Хотѣла писать... Положимъ, и онъ не писалъ цѣлый мѣсяцъ, пославъ ей послѣднее, безумное письмо. Онъ оправдывался тѣмъ, что ждалъ ея отвѣта. Просыпались старая тоска, жалость. Потомъ вспыхнула ревность, и старое чувство заговорило властно въ его сердцѣ. Онъ подождалъ три дня и послалъ телеграмму. Опять отвѣта не было. Онъ написалъ Зерцову, умоляя навести справки объ Ольгѣ. Теперь совѣсть мучила его нещадно: можетъ, она была больна? Пока онъ наслаждался съ Дашенькой, она страдала, умерла?.. Онъ хватался за голову и метался по городу, не находя себѣ мѣста.

Но и Дашенька не дремала. Отъ нея пришла коротенькая, безсвязная записочка черезъ городское межевое отдѣленіе. Вся бумага покоробилась отъ слезъ. Она называла Чарницкаго „Але-

ксѣемъ Казиміровичемъ", писала на *вы*, какъ чужому, съ почтеніемъ и страхомъ. Онъ не могъ не усмѣхнуться. „Зачѣмъ онъ ее бросилъ? Уѣхалъ, нѐ простившись? Развѣ она его къ чему-нибудь обязываетъ? Какъ низко же онъ думаетъ о ней! Конечно, она не стòитъ ни его, ни Ольги Юрьевны. Но никогда она не была подлой женщиной и разлучницей не будетъ. Наконецъ, если она ему опротивѣла, пусть хоть издали дастъ поглядѣть на себя! А то ей жизнь не въ жизнь..." Она увѣдомляла, что будетъ въ городѣ, если онъ назначитъ ей свиданіе.

О, какъ искушала она его, эта глупенькая Дашенька! Онъ написалъ ей грубо и рѣзко, сорвавъ на ней сердце за всѣ мученія своей совѣсти; упоминалъ о болѣзни Ольги, о нависшемъ надъ нимъ несчастіи. Онъ никогда не проститъ ей, если съ Ольгой случится что-нибудь, или если когда-нибудь до нея дойдутъ сплетни... Видѣться они не должны никогда больше, и чтобы о любви между ними не было рѣчи!.. Онъ зналъ, что убьетъ Дашеньку этимъ жестокимъ письмомъ, но иначе поступить онъ не могъ. Чѣмъ скорѣй она забудетъ его, тѣмъ лучше!

Дашенька смолкла. Сердце Чарницкаго разрывалось отъ жалости, но онъ выдерживалъ характеръ.

Отъ Зерцова и Ольги не было извѣстій, зато пришло письмо изъ Липецка, отъ сестры Сони. Она давно уже была знакома съ Рудаковымъ, послѣ войны ѣздившимъ въ гости къ Чарницкимъ, и вела съ нимъ переписку. Отъ него она знала о романѣ брата съ красивой хохлушкой-помѣщицей, о которомъ уже говорилъ весь городъ, объ ея богатствѣ, добротѣ, прекрасномъ характерѣ. Она поздравила брата съ успѣхомъ. Отчего-жъ бы ему не жениться на ней? Вѣдь, Ольга Юрьевна, все равно, не выйдетъ за него. Пусть идетъ теперь на свои курсы!.. „Алеша, Алеша! Неужели сбудутся всѣ наши мечты? Мамаша вздохнетъ хоть подъ старость. Я вырвусь изъ этого болота... изъ этой проклятой бѣдности..."

Чарницкій захолодѣлъ весь. Такъ вотъ что!.. Онъ начиналъ догадываться о причинѣ молчанія Ольги. Этотъ проклятый языкъ Рудакова могъ и ей сболтнуть что-нибудь. Онъ даже кулаки стиснулъ отъ безсильной злобы на сестру. Онъ-то тутъ бьется изъ силъ, чтобъ не сдѣлать послѣдней подлости, беретъ себя въ руки поминутно, а семья сама толкаетъ его навстрѣчу мерзостямъ... „Оля... Оля! Если бы ты со мной была, ничего бы не случилось!.." Ему казалось теперь, что она въ отчаяніи наложила на себя руки, а Зерцовъ боится отвѣ-

тить правду. Онъ рѣшилъ отправить еще телеграмму, и, если на нее не будетъ отвѣта, ѣхать въ Москву хоть самовольно, безъ отпуска, коли его не дадутъ. Пусть выгоняютъ со службы! Пусть берутъ подъ судъ! Все равно! Нѣтъ ничего хуже этой неизвѣстности!.. Дашеньку теперь онъ прямо ненавидѣлъ.

XIV.

Послѣ отъѣзда Рудакова Ольга постепенно начала какъ-то цѣпенѣть нравственно. Она не могла забыть его словъ. Это былъ какой-то маразмъ. Прежде она хоть мало, но что-нибудь читала, вышивала рубашку Чарницкому, теперь она уже ничего не могла дѣлать.

— Что же ты латынь совсѣмъ забросила?—спросила разъ Клара. Ольга отвѣтила со страшной улыбкой, рѣзнувшей Клару по сердцу, какъ ножомъ:—Поздно... Я уже ни къ чему неспособна!

Она даже писать письма не могла. Отвращеніе къ людямъ и къ жизни охватывало ее все съ бо̀льшей силой. Она уѣзжала на кладбище и сидѣла тамъ среди мертвецовъ, живой мертвецъ сама, безучастная ко всему въ мірѣ... Либо въ какой-то безпросвѣтной тоскѣ она уходила съ утра въ лѣсъ и тамъ бродила до полнаго изнеможенія, все болѣе хирѣя физически и нравственно.

— Она съ ума сходитъ,—говорила Клара мужу,—по-моему, она ненормальна...

Иногда ночью Ольга открывала глаза, и ей казалось, что вокругъ нея глухо и безшумно подымается высокая стѣна, отдѣляющая ее отъ людей, отъ міра со всѣми его интересами и скорбями, что она схоронена заживо... Такъ лучше!.. Жизнь страшила ее, смерть манила... Только видъ почтальона заставлялъ нервно вздрагивать ея сердце. Но и онъ не шелъ что-то давно...

Идя какъ-то разъ изъ лѣса, она наткнулась на Арбекова. Она отшатнулась и хотѣла уйти.

— Что я вамъ сдѣлалъ? Почему вы бѣжите отъ меня?— послалъ онъ ей вдогонку дрожавшимъ голосомъ. Онъ даже не сразу узналъ ее. Это была тѣнь прежней Ольги. „Несчастная!..“ Онъ подумалъ, что она покинута Чарницкимъ, и вся кровь его закипѣла отъ обиды за нее.

Она дала себя догнать, но не глядѣла на него. Онъ былъ

далекъ, хотя и рядомъ... за той каменной стѣной, которая незамѣтно выросла между нею и людьми. И, что бы онъ ни сказалъ, она знала, ничто не дойдетъ къ ней, къ ея сердцу чрезъ эту заколдованную черту.

Онъ изъ осторожности не признался, что разыскивалъ ее.

— Ну, что новаго?—равнодушно спросила она.

Онъ шагалъ рядомъ, блѣдный отъ волненія. Новаго много. Весь ихъ кружокъ разсѣялся: кто въ ссылкѣ, кто въ тюрьмѣ, кто на родину висланъ. Уцѣлѣли Ѳедоровъ да онъ самъ *пока*, подчеркнулъ онъ, вызывающе подымая голову. Онъ самъ кончилъ курсъ и на-дняхъ уѣзжаетъ на заводъ. Тамъ много дѣла предстоитъ. Помнитъ ли она, какъ смѣялась, когда-то надъ его любовью *говорить*? Теперь настала пора дѣйствовать. Вотъ онъ и докажетъ и ей, и другимъ, что не былъ жалкимъ фразеромъ... Никогда, никогда онъ не женится, не примирится, не станетъ ренегатомъ, не уйдетъ „въ станъ ликующихъ...“

Она шла, опустивъ голову, удивляясь тому, что въ сердцѣ ея дрожитъ что-то, похожее на прежній интересъ къ людямъ, почти негодуя на себя, что она слушаетъ и словно волнуется... А онъ продолжалъ говорить. Райская потеряла казенное мѣсто. Она просидѣла въ одиночкѣ, но ее скоро выпустили. Теперь она на седьмомъ небѣ. Мученицей себя считаетъ, къ ней не подступишься... Служитъ въ типографіи одной...—А послѣднюю новость вы, конечно, знаете? Курсы закрылись.

— Курсы? Медицинскіе?

— Ну, да... Господи! Да какъ же это вы? Ничего, значитъ, не читаете? На этой недѣлѣ было въ газетахъ. Волненіе ужасное... Позволили докончить только тѣмъ, кто теперь учится. Новаго пріема уже не будетъ... Шутка сказать! Сколькія съ родными разорвали, готовясь ѣхать въ Питеръ! Учились, голодали и общипывали себя, чтобы на дорогу и ученіе скопить. Мечтали... И вдругъ обухомъ по головѣ... Зачѣмъ? Почему? Никто не знаетъ!.. Признано учрежденіе ненужнымъ, и баста!.. Ну, что-жъ тутъ удивительнаго, что лучшія наши женщины за границу толпами побѣгутъ?

Она шла рядомъ блѣдная, тяжело дыша.

Онъ вдругъ оглянулся и добавилъ шопотомъ:—Семеновъ ѣдетъ сюда. Вы знаете, Ольга Юрьевна? Мнѣ поручили васъ разыскать, навести справки. Но это все равно... Я самъ хотѣлъ васъ видѣть и проститься... Не знаешь, что̀ будетъ завтра? Можетъ быть, мы видимся въ послѣдній разъ... Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, мой дорогой другъ...

Онъ хотѣлъ спросить ее, какъ раньше, счастлива ли она? Но на этотъ разъ языкъ не повернулся.

Ольга усмѣхнулась съ желчью и злобой надъ нимъ ли, надъ собой ли,—онъ не умѣлъ рѣшить. „Смѣшной фантазеръ! Зачѣмъ *имъ* разыскивать ее въ этой норѣ? Кому она нужна?"
—А гдѣ Ганецкая?—сорвалось у нея неудержимо.

И онъ взволнованно разсказывалъ, какъ Ганецкая, по первому слову Семенова, бѣжала за границу, разорвавъ со всей родней, какъ возвращалась, рискуя ежеминутно, по порученiямъ Семенова; какъ была арестована и вторично бѣжала, вмѣстѣ съ Хортичемъ.

Ольга остановилась и взялась рукой за грудь. Ей было физически больно, словно кто ударилъ ее въ сердце.

— Когда это было?—хрипло спросила она.

— Неужели вы не знаете? Это было весной, въ мартѣ... полтора года тому назадъ... Она была у васъ... Помните? Потомъ я былъ у васъ, почти наканунѣ ея перваго побѣга... О, этотъ ужасный вечеръ, когда я сидѣлъ у васъ! И вы бросали мнѣ въ лицо ваши обвиненія въ тщеславіи или безуміи *имъ*, которые гибли... Какъ могъ я васъ слушать! Какъ могъ это допустить! Я думалъ потомъ, что никогда не прощу вамъ этихъ словъ...

— Молчите!.. Ради Бога молчите!—крикнула Ольга.

Онъ взялъ ея руку съ глубокой нѣжностью.—Я люблю васъ по прежнему, Ольга Юрьевна... Вы—единственная женщина, которую я любилъ. Вы были мечтой моей... Я давно простилъ вамъ все. Но я думалъ, что вы счастливы, и что вамъ никто не нуженъ...

Они медленно двинулись дальше. Онъ продѣлъ ея руку подъ свой локоть и прижалъ къ груди. Она не отымала. Сердце его бурно стучало. Онъ не совладалъ съ собой и началъ жадными поцѣлуями покрывать эту исхудавшую руку, какъ три года назадъ, въ незабвенный вечеръ ихъ перваго знакомства... Она, казалось, ничего не замѣчала. Страсть эта не доходила до ея сознанія. Она шла, опустивъ голову, стиснувъ губы, зонтикомъ сбивая колокольчики на пути... Вихрь поднялся въ ея душѣ, и каменныя стѣны заколебались. Вдругъ, словно молнія, сверкнуло воспоминаніе. Она дрогнула и остановилась, безсознательно освободивъ свою руку.

— А Колпикова? Гдѣ она?

Онъ даже руками всплеснулъ.

— Вы не знаете?.. Да, вѣдь, она умерла... Да, вотъ уже съ полгода. Тамъ, у якутовъ, гдѣ она жила, оспа косила людей. А, вѣдь, вы ее знаете? Она вся жила для другихъ... И фельдшерица была чудесная. Писала она намъ какъ-то, что ночью даже отдыха не было. Недѣли двѣ совсѣмъ не ложилась, стоя засыпала... Ну, конечно, долго ли при такой усталости заразиться? Умерла... И болѣла-то всего недѣлю. У насъ собирали тутъ на памятникъ ей. Райская ѣздила ставить его... Отпуска ей не давали изъ больницы одной, куда она поступила послѣ ареста... Она плюнула и уѣхала. Мѣсто чрезъ это потеряла... Жалко Колпикову! Мы ее всѣ, признаться, проглядѣли... Сильный человѣкъ была, цѣльный...

Они стояли передъ дачей Ольги. Она вдругъ обернулась къ нему, вся съ головы до ногъ трепеща неудержимой дрожью.

— Прощайте, Арбековъ! Прощайте, голубчикъ! Оставьте меня одну, ради Бога!.. Идите своей дорогой! Желаю вамъ счастія!.. Не ищите меня больше... никогда!

Она отвернулась, чтобъ не видѣть его жалкихъ глазъ. Ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Она осталась одна...

Передъ нею, какъ живое, встало лицо Колпиковой въ ихъ послѣднее свиданіе, это кроткое, блѣдное личико, съ короткими кудрями, ея хиленькая фигурка, этотъ безсмѣнный теплый платокъ на плечахъ... Она вдругъ зарыдала истерично, судорожно... Боже мой! Боже!.. Что было съ нею? Какъ жила она все это время? Гдѣ была въ эти дни ужаса, въ эти годы скорби? Какъ могла она дойти до такого оцѣпенѣнія? Она умирала душой всѣ эти два года, погружаясь въ мелочи, а кругомъ работали, боролись, гибли, падали подъ тяжестью непосильной задачи, страдали за другихъ, жили общей, *вѣчной* жизнью и, умирая, вдохновляли другихъ, завѣщая имъ свои идеалы, передавая великое знамя...

Нѣсколько дней послѣ этого свиданія, она жила, какъ во снѣ, никуда не выходя изъ дома. Нѣсколько разъ въ день Клара забѣгала подъ разными предлогами въ ея комнатку-особнячокъ и все суетилась около, словно сообщить что-то хотѣла... Ольга ничего не замѣчала... Курсы закрыты. Не думала она, что этотъ ударъ вызоветъ такую жгучую боль... Видно, слишкомъ сжилась она съ этой грёзой ея юности. Слишкомъ вѣрила въ эту *пристань*, когда Чарницкій уйдетъ, и наступитъ одиночество. Почва уходила изъ-подъ ногъ. Злоба росла... За что эта жестокость? Гдѣ смыслъ? Вспоминалась

Литвинова... Въ дни несчастья, крушенія и бурь надо имѣть свою пристань. Она говорила о личномъ счастьѣ... Ну, что-жъ? У другихъ и *этого* нѣтъ!

Потомъ боль отъ удара притупилась. Она переживала въ памяти всѣ эти три года, проведенные ею вдали отъ бурь, пролетавшихъ надъ обществомъ... Нѣтъ! Она чувствовала, что дальше такъ жить нельзя! Нельзя уходить отъ людей и жизни. Нельзя гибнуть заживо въ своемъ горѣ или счастьѣ! Она встрѣтитъ Чарницкаго съ обновленной душой, полной бодрости! Ну что-жъ? Пусть курсы закрылись! Развѣ міръ клиномъ сошелся? Міръ широкъ для полезной, легальной дѣятельности!.. Ей остались любовь, счастье, *то*, чего ни Колпикова, ни Ганецкая, ни Семеновъ, ни Арбековъ не знали никогда... Да! Надо жить!.. Надо брать отъ судьбы съ благодарностью ея дары и ласки... Копить радости и воспоминанія про черные дни старости и одиночества. Они уже недалеко!.. Да! Надо умѣть быть счастливой...

Она накинула платокъ и пошла опять къ лѣсу... По дорогѣ она встрѣтила почтальона, и сердце ея бурно забилось, какъ въ прежніе дни. Она только сейчасъ ярко вспомнила, что страшно давно не писала... И давно не имѣла извѣстій...

— Есть письмо?—спросила она.

— Никакъ нѣтъ-съ, — почтительно отвѣтилъ почтальонъ, прикладывая руку къ козырьку.

Какъ странно!.. Она шла тихо, медленно, опустивъ голову... Первые осенніе листья желтѣли подъ ногами, но погода была еще прекрасна. Августовское небо сверкало янтарными и перламутровыми тонами. Пламенѣющіе лучи уходящаго солнца, которое спряталось за тучкой, обливали рыжимъ заревомъ стволы березъ, которыя казались кровавыми, и соснъ, ставшихъ огненными. Вся зеленая еще листва вверху горѣла золотомъ и пурпуромъ, и издали казалось, что это лѣсъ въ октябрѣ. Свѣжесть вечера уже тянула съ поля. Но птицы еще заливались въ лѣсу. Все спѣшило жить и насладиться до заката. Какъ хорошо!.. Сюда, въ этотъ зеленый, любимый лѣсъ она понесетъ свою воскресшую, обновленную душу...

У самой опушки ее нагнала Клара. Она задыхалась отъ ходьбы. Въ рукѣ ея было письмо...

— Мнѣ?—трепетно крикнула Ольга.

Та покачала головой. Лицо ея было печально. Сердце вдругъ захолонуло у Ольги.—Что это за письмо?

— Это... видишь ли... Ради Бога, только не пугайся!

— Онъ умеръ?—дико закричала Ольга.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Богъ съ тобой! Живъ... Видишь? Это письмо Молоткова къ женѣ изъ Екатеринославля. Два дня я не рѣшалась тебѣ показывать. Мужъ говорилъ, не надо! А Молоткова требуетъ показать... возмущена за тебя...

— За ме... ня?

— Ну, да! Нельзя же оставаться въ такомъ невѣдѣніи, когда тутъ судьба рѣшается!.. Ты сама знаешь, какъ тебѣ поступать? Ты здѣсь главное лицо...

Ольга машинально взяла изъ ея рукъ письмо.

— А вотъ это... — Клара достала изъ кармана смятый листокъ.—Это пишетъ Софья Казиміровна, сестра Чарницкаго... Рудакову... Онъ проситъ меня передать тебѣ. Самъ не рѣшился. А отказать не смѣетъ... Сейчасъ только получила... Ольга, милая!—Она вдругъ схватила ея руки.—Не огорчайся! Мало ли что бываетъ! Они всѣ таковы. Чуть изъ глазъ вонъ, изъ сердца вонъ. Но онъ тебя любитъ. Онъ—порядочный человѣкъ... Напиши ему, что до тебя дошли слухи, и что ты требуешь...

— Слухи?.. Какіе слухи?

— Прочти письмо... Не бойся! Все перемелется, мука будетъ. Приструни его, что ты сама его бросишь... Тогда онъ спохватится. Онъ не захочетъ тебя терять... Все это увлеченіе, а на письмо сестры не обращай вниманія... Конечно... Они тамъ гнутъ свою линію... Ну, да мало ли что! У тебя больше правъ... У васъ ребенокъ былъ...

Ольга вдругъ поняла. Она пошатнулась. Клара кинулась къ ней, но это было одно мгновеніе... Она махнула рукой и, спотыкаясь, неровными шагами вошла въ лѣсъ... Клара глядѣла ей вслѣдъ. Да, въ такія минуты надо быть одной...

А Ольга шла дальше и дальше по знакомой тропинкѣ. Вся жизнь померкла въ ея глазахъ, въ ея помолодѣвшемъ было лицѣ... Ей страшно было развернуть смятую въ рукѣ бумажку... Наконецъ, она остановилась у старой сосны.

„Голубчикъ, — писала Софья Казиміровна Рудакову. — Вы должны ей это все сказать. Молчаніе ваше—грѣхъ передо мной, вашимъ другомъ, и передъ всей нашей семьей. Напишите ей, что отъ ея великодушія зависитъ счастье Алеши. Въ ея рукахъ вся наша судьба. Алеша самъ не скажетъ, конечно, онъ не рѣшится разорвать съ Ольгой Юрьевной; но захочетъ ли

сама она такой жертвы? Она всегда была горда и великодушна... Наконецъ, онъ и такъ настрадался, потерялъ здоровье и веселость. Неужели она опять захочетъ повергать его въ нужду? Вы сами писали, какъ они бѣдствовали эту зиму. Алеша не вынесетъ такой жизни. Никто изъ Чарницкихъ не созданъ героями, и борьба намъ не по плечу. Алеша разлюбитъ ее, измученный бѣдностью. Да, наконецъ, онъ изстрадается за семью... Имѣетъ ли она право отнимать его у семьи? Онъ долженъ кормить мать, сестеръ, но никогда не выбьется на дорогу, если она не вернетъ ему свободу. И всѣ мы будемъ несчастны. А Дарья Васильевна богата... Неужели же Ольга Юрьевна будетъ такъ жестока, что не вернетъ ему свободу? На что ей любовь? Такая мѣщанская доля не для нея. Она, вѣдь, сама не хотѣла выходить замужъ. У нея дѣло впереди. И она сама когда-то говорила, что не пожертвуетъ этимъ дѣломъ никому..."

Она развернула, почти разорвала, вынимая изъ конверта, письмо Молоткова къ женѣ.

„Завертѣлся нашъ Казимірычъ, совсѣмъ голову потерялъ. О связи его съ Байдаровой весь городъ говоритъ... Чѣмъ это кончится, Господь знаетъ! Только неловко, нехорошо это передъ Ольгой Юрьевной выходитъ... Хотѣлъ говорить съ нимъ, къ нему не подступишься. Оно, конечно, настрадался и онъ за этотъ годъ. А Байдарова богата, лучшая партія въ городѣ. Ты бы какъ-нибудь осторожно вывѣдала у Клары Ивановны, пишетъ ли онъ вообще Ольгѣ Юрьевнѣ? Догадывается ли та? Вотъ положеніе-то хуже губернаторскаго! И молчать совѣстно... И сказать страшно. Обоихъ жаль... Ради Бога, только не дѣйствуй, очертя голову! Какъ бы хуже не вышло..."

Письмо упало въ траву, и она осталась недвижна, прислонясь головой къ стволу сосны и глядя передъ собою въ чащу лѣса...

Красные стволы сосенъ опять побурѣли, и березы дѣвственно бѣлѣли среди елей и орѣшника. Багряные тоны исчезли отовсюду, и только горѣли верхушки сосенъ. Потомъ исчезли и эти огни... Все потемнѣло кругомъ. Птицы смолкли. Оранжевая полоса протянулась на горизонтѣ, тамъ, гдѣ закатилось солнце. А на востокѣ небо уже синѣло...

Вотъ онъ — закатъ... Впереди ночь и мракъ. Завтра надъ этимъ лѣсомъ, надъ полемъ взойдетъ опять вѣчное солнце, и вновь забьется пульсъ міровой жизни. Въ ея душѣ уже ни-

когда не забрежжитъ разсвѣтъ... Холодныя, безпросвѣтныя потемки... Сдвинулись стѣны и душатъ... и больно давятъ голову...

Она взялась руками за виски и, стоя у дерева, тихо покачивала головой механическимъ движеніемъ, какъ человѣкъ, поглощенный весь притупляющей сознаніе, мучительной болью...

Наконецъ, она очнулась... „Куда теперь?..“ Она сдѣлала два шага. Ноги не слушались. Она скользнула тутъ же, наземь, и осталась на травѣ, гдѣ бѣлѣло письмо.

Ночь спускалась надъ лѣсомъ. Онъ стоялъ, какъ зачарованный, не шелохнувъ листочкомъ... Но въ глубинѣ незримо билась жизнь, и изъ чащи неслись какіе-то отрывистые, неясные, загадочные звуки. Изъ-за елей выглянули рожки молодого мѣсяца. Тонкія серебряныя нити потянулись сквозь прямые стволы сосенъ въ траву, и одинъ изъ нихъ упалъ на скорчившуюся тамъ фигуру и отразился въ безумныхъ, остановившихся зрачкахъ.

Мѣсяцъ обошелъ полнеба, когда Ольга поднялась и пошла шагъ за шагомъ, держась рукой за деревья... Письмо бѣлѣло въ травѣ, влажное отъ росы.

Умереть... Умереть... Вотъ все, что ей осталось...

Въ комнатѣ она зажгла свѣчи, достала бумагу, двигаясь, какъ лунатикъ. Прежде чѣмъ понять, что̀ надо дѣлать дальше, она простояла нѣсколько минутъ, сдавливая виски, куда била кровь. Потомъ сѣла у стола, подперла голову рукою и опять забылась.

Часы летѣли... Клара приходила нѣсколько разъ. Ольга сидѣла въ жуткомъ оцѣпенѣніи, не плача, съ сухими, безумными глазами.

„Пишетъ ему. Ну, слава Богу! Все выяснится...“ подумала Клара, потомъ ушла спать, успокоенная.

Въ открытое окно лилась ночная сырость и колебала пламя свѣчей. Часы на стѣнѣ захрипѣли и стали бить разъ... два...

Она очнулась. Свѣтало... Уходила ея послѣдняя ночь...

Она взяла перо.

„Алеша... Прощай... Будь счастливъ... Я не кляну тебя... Много горя дала я тебѣ. Я—мертвый человѣкъ... Прощай, дитя мое ненаглядное... И позабудь скорѣе... Не ищи меня нигдѣ. Меня уже нѣтъ. Такъ надо, такъ лучше. Гдѣ ты теперь?.. Увидать бы въ послѣдній разъ...“

Вопль вырвался изъ ея груди. Плечи затрепетали, голова

упала на столъ. Но слезъ все-таки не было... Грудь давилъ камень.

Мѣсяцъ поблѣднѣлъ и скрылся. Пламя свѣчей стало желтымъ. Твердой рукою она надписала адресъ и запечатала письмо. Потомъ облокотилась на столъ, взяла голову въ руки и глядѣла, безъ конца глядѣла на чернѣвшія на бѣломъ фонѣ строки, которыя были ея смертнымъ приговоромъ. Ея сердце разбилось. „Пусть!.. Зато онъ будетъ счастливъ...“

Она не помнила, сколько просидѣла такъ внѣ времени, внѣ сознанія окружающаго. Потомъ до слуха ея донеслись какіе-то звуки, какъ будто визгъ двери, какъ будто чьи-то шаги... Глаза рѣзалъ тусклый огонь свѣчей. Она потушила ихъ, опять забылась...

Вдругъ она подняла голову. Она почувствовала чье-то присутствіе, тамъ, за спиной. Кто-то вошелъ...

Она повернулась на стулѣ безъ страха, безъ любопытства... Да... Кто-то сидѣлъ тамъ, на диванѣ, притаившись, забившись въ уголъ, и слѣдилъ за нею. Теперь она это чувствовала... Въ смутномъ полумракѣ-полусвѣтѣ комнаты она не могла разглядѣть лица... „Что ему нужно здѣсь?.. Кто это?..“

Секунду одну они молча глядѣли другъ на друга. Ольгѣ показалось, что это длилось долго, страшно долго... Сердце ея вдругъ стукнуло глухо и больно... опять... опять... такъ рѣдко, но сильно... Она медленно поднялась.

— Ольга Юрьевна... Это я,—раздался ясный шопотъ.— Семеновъ...

Что-то словно толкнуло ее въ грудь. Она упала на стулъ. Но это былъ только мигъ слабости. Когда онъ подошелъ, взялъ ея руки въ свои, и, притянувъ ее къ себѣ, заглянулъ въ ея лицо, оно опять уже было мертвымъ. Въ немъ не зажглось ни участія, ни любопытства, ни ужаса. Оно не отразило ничего... Она казалась старухой въ скупомъ свѣтѣ грядущаго дня. Погасшій взоръ ея чудныхъ глазъ глядѣлъ въ его лицо съ мертвеннымъ равнодушіемъ...

— Я давно сижу тутъ. Вы не слыхали, какъ я вошелъ... И мнѣ все ясно... Помните нашу встрѣчу два года назадъ? Тотъ вечеръ? Я говорилъ вамъ, что мой часъ пробьетъ... Я пришелъ за вами. Пора...

Она вдругъ стала тихо качать головою.—Поздно... поздно...

Отъ звука этого голоса онъ содрогнулся.

— Прежде всего,—глухо заговорилъ онъ,—отдайте мнѣ это

письмо... Я самъ отправлю его... Въ моихъ интересахъ, чтобы оно дошло по назначенію... Я угадываю все, что тамъ написано...

Онъ протягивалъ руку властнымъ жестомъ. Судорога пробѣжала по ея каменному лицу, онъ это видѣлъ. Она колебалась съ мгновеніе, потомъ протянула письмо и отвернулась, прижмуривъ вѣки.

Торжествующая радость сверкнула въ глазахъ Семенова. Порывисто онъ взялъ Ольгу въ свои сильныя объятія и, какъ ребенка, повелъ ее за собой, къ дивану.

— Теперь слушайте,—глухо, задыхаясь, сказалъ онъ.

Голова ея пассивно легла на его плечо, и онъ заговорилъ.

Онъ убѣждалъ, умолялъ, внушалъ, приказывалъ, гипнотизируя ея разбитую волю, постепенно проникая въ ея сознаніе, въ ея оцѣпенѣвшую душу. Его чудный голосъ оратора то звучалъ, какъ повелѣніе, то дрожалъ отъ мольбы, падалъ до шопота и возвышался вновь, разгораясь, какъ пламя. Онъ говорилъ со всѣмъ обаяніемъ краснорѣчія, съ несокрушимой мощью убѣжденія, со страстью фанатика. Онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы въ его устахъ эта страшная сила слова, двигающая толпами, оказалась безплодной теперь... Ему надо было видѣть дѣйствіе этихъ рѣчей. Онъ отодвинулся, положилъ руки на ея плечи, придвинулъ близко къ ней свое поблѣднѣвшее лицо, съ вздувшейся на лбу синей жилкой, съ трепетными ноздрями. Его всегда стальные холодные глаза теперь горѣли, впиваясь въ ея зрачки... Это была не только убѣжденная, горячая рѣчь миссіонера, это была отчаянная борьба за заблудшую душу, погрязшую въ тинѣ жизни. Надо было вырвать это сердце изъ когтей черной тоски и влить въ него свѣжую струю... Казалось, оно было раскрыто передъ нимъ—это бѣдное, больное сердце, огрубѣвшее подъ коростой себялюбія... И руки его, казалось, жадно ощупывали нервъ, искали живого мѣста, которое отозвалось бы на прикосновеніе, дрогнуло бы подъ его пальцами... Талантливо и ярко набрасывалъ онъ передъ нею картины современности... Онъ вспоминалъ недавніе примѣры, называлъ великія, незабвенныя имена, онъ говорилъ о растущемъ, какъ морской прибой, движеніи, охватившемъ міръ, стихійномъ и могучемъ, которое ничто не задержитъ, которое оцѣнитъ только исторія, о задачахъ будущаго вѣка, о созидательной работѣ теперь... Онъ говорилъ о великой роли женщины въ этомъ движеніи, въ этомъ безустанномъ стремленіи къ счастью человѣчества... Вотъ зданіе, которое не рухнетъ, и

счастливы тѣ, что таскали, какъ чернорабочіе, камни для его фундамента. Есть восточное повѣріе, что крѣпки стѣны только того города, при закладкѣ котораго погибла живая душа, схоронены фанатики, отдавшіе жизнь для общаго блага... О, если такъ, то вѣчны стѣны этого города!.. Много изъ нихъ легло, много еще ляжетъ впереди добровольно. Сколькіе погибнутъ съ радостью для торжества идеи! Она, Ольга, искала смерти... Вотъ путь къ ней, тернистый, но полный славы... Исторія не забываетъ ничего... Всѣ они—только капли въ морѣ, безсильныя и ничтожныя врозь, собравшіяся отовсюду, изъ тихихъ рѣкъ, изъ мелкихъ ручейковъ... Но море стремится въ океанъ, сливая эти капли въ непобѣдимую силу. Шире и шире льется этотъ могучій потокъ, смывая на пути своемъ всю грязь, всю ложь, весь мусоръ, насѣвшій вѣками, подмывая сгнившія зданія... И гдѣ та сила, которая остановила бы его?

Она слушала, она глядѣла, затаивъ дыханіе... Брешь за брешью пробивали эти пламенныя рѣчи въ каменныхъ стѣнахъ, замкнувшихъ ея душу. Казалось, глухой гулъ, когда-то знакомый и понятный ей гулъ воплей, стоновъ, проклятій и побѣдныхъ кликовъ растетъ кругомъ ея темницы... Ближе, ближе, какъ морской прибой, о которомъ онъ говорилъ. Заколебались стѣны... Все свѣтлѣе кругомъ... все выше грозныя волны... Онѣ подточили подгнившіе устои зданія, построеннаго ею на пескѣ... И вдругъ стѣны рухнули... И міръ Божій снова открылся передъ нею съ его величіемъ и скорбью... И хлынулъ въ ея душу потокъ мірового горя, захватилъ все, закрутилъ въ бѣшеномъ напорѣ, смялъ и понесъ съ собой... И потонули въ немъ ея собственныя, ничтожныя страданья!

Они оба встали разомъ, мертвенно-блѣдные, разбитые оба, онъ — своей побѣдой, она — пораженіемъ... дрожа всѣмъ тѣломъ отъ охватившаго ихъ экстаза... Она подала ему обѣ руки.

— Теперь я ваша, Семеновъ,—сказала она твердо.—Берите мою жизнь и дѣлайте съ ней, что хотите!

Торжествомъ вспыхнули его глаза. Онъ не сказалъ ни слова, его душило волненіе. Онъ молча положилъ ей руки на плечи и, склонившись, въ первый разъ поцѣловалъ эти гордыя губы.

Она не отшатнулась, не дрогнула, но только закрыла глаза съ жестомъ, полнымъ самоотреченія. Она знала, на что обрекаетъ ее Семеновъ этимъ торжественнымъ поцѣлуемъ, скрѣ-

вшимъ ихъ союзъ. Это былъ поцѣлуй духовника, откры-
ющій вѣчность . . . .

. . . .

Чарницкій, получивъ короткое письмо Ольги, послѣ дол-
хъ дней тоски и мученій, какъ безумный, бросилъ всѣ дѣла
помчался въ Москву. Но было поздно... Ольга исчезла изъ
о жизни безслѣдно, и самые тщательные поиски родныхъ,
узей и полиціи не привели ни къ чему.

Онъ былъ несчастливъ. Онъ былъ увѣренъ, что она ли-
ила себя жизни, и если бы не заботы и любовь матери и
офьи Казиміровны, увезшей его домой на два мѣсяца, онъ
отерялъ бы разсудокъ, либо спился...

Но... ничего нѣтъ вѣчнаго. Время идетъ, залѣчивая всѣ раны,
лаживая всѣ ошибки, все предавая забвенію... И память объ
льгѣ поблѣднѣла, когда черезъ два года Чарницкій сдѣлался
ужемъ Дашеньки . . . .

. . . .

Но ему еще разъ было суждено услыхать объ Ольгѣ... Это
ыло пять лѣтъ спустя по ихъ разлукѣ.

На горизонтѣ общественной жизни всплыло имя Девичъ...
аже въ глухой, благодатный уголокъ Украйны, гдѣ жилъ
арницкій съ женой и всей семьей своею, проникли газеты,
ухо говорившія о сенсаціонномъ процессѣ, всколыхнувшемъ
оячее болото нашей жизни, вызвавшемъ страстную бурю
олковъ, проклятій и восторговъ... Результатами процесса была
ожизненная ссылка въ Якутскую область.

— Это она... она!—воскликнулъ Чарницкій, потрясенный...
нъ вспомнилъ ихъ мучительную любовь, ея разладъ душев-
ый, ея высокія неоцѣненныя имъ стремленія... Во весь ростъ
стала передъ нимъ эта крупная личность, искавшая простора,
ъ ея отмѣченнымъ судьбою лицомъ... И какъ блѣдно пока-
алось ему его собственное существованіе! Какъ жалко было
о счастье его, эта Дашенька!

„Неужели такая женщина могла любить меня когда-то? За
го? — съ горечью думалъ онъ. — Не было ли это только на-
жденіе?..“

„Да. Она осталась вѣрна себѣ. Она не могла кончить
наче!.. Но тамъ, въ мрачномъ казематѣ, въ далекой ссылкѣ,
ашла ли она то счастье, о которомъ грезила всю жизнь ея
ордая, мятежная душа?..“

КОНЕЦЪ.

Того же автора.

ЦѢНА.

I. **Сны жизни**. Сборникъ разсказовъ. *Четвертое изд.* . . . . 1 р. — к.
II. **Первыя ласточки**. Повѣсть. *Третье изд.* . . — „ 80 „
III. **Вавочка**. Романъ. *Третье изданіе* . . . . . 1 „ — „
V. **Освободилась**. Романъ. *Второе изд.* Д. Ефимова. . . . . 1 „ — „
V. **Преступленіе Марьи Ивановны**. Повѣсти и разсказы изъ жизни московской учащейся молодежи. *Второе изд.* Д. Ефимова . . . . 1 „ — „
VI. **Исторія одной жизни**. Повѣсть въ 2 част. *Второе изданіе*. . . . . 1 „ — „
VII. **По-новому. Вечеринка**. Повѣсти. . . . 1 „ — „
VIII. **Чья вина?** Повѣсть въ 2-хъ частяхъ . . . 1 „ — „
IX. **Злая роса**. Повѣсть конца XIX вѣка. . . . 1 „ — „
X. **Счастіе**. Сборникъ новыхъ разсказовъ. . . 1 „ — „
XI. **Мотыльки**. Разсказы и повѣсти. . . . . . 1 „ — „

Изданія А. Вербицкой.

Вып. I. **Полуживотное**. Романъ **Елены Белау**, подъ ред. и съ предисловіемъ А. Вербицкой. Пер. съ нѣм. Н. П. Дадоновой. *Второе изд* . — „ 80 „
Вып. II. **Изъ хорошей семьи**. Романъ **Габріэли Рейтеръ**. Съ пред. и подъ ред. издательницы. Пер. съ нѣмецк. Н. П. Дадоновой. 1 „ — „
Вып. III. **Женщина, которая осмѣлилась**. Романъ **Грантъ-Аллена**, съ его предисловіемъ. Подъ ред. А. Вербицкой. Пер. съ англійскаго Н. П. Дадоновой. *Второе изданіе* . — „ 60 „
Вып. IV. **Курсистки**. Повѣсть **Габріэли Реваль**, изъ жизни парижскихъ студентокъ. Подъ ред. и съ предисловіемъ А. Вербицкой. Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. (Les Sévriennes) . . — „ 80 „
Вып. V. **Потустороннія исканія**. Ром. **Джорджа Мура**. Съ предисловіемъ и подъ ред. А. Вербицкой. Пер. съ англ. Н. П. Дадоновой. 1 „ — „

